

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ИНЫЕ МИРЫ ИНЫЕ ВРЕМЕНА

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ИНЫЕ МИРЫ, ИНЫЕ ВРЕМЕНА

*Сборник
зарубежной фантастики*

перевод с английского

ЛЕНИНГРАД
«ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ»
1990

ББК 84.4 Вл
И748

Перевод с английского

Составитель В. Кан

Иные миры, иные времена: сборник зарубежной фантастики: Пер. с англ./Сост. В. Кан.—Л.: «Всесоюзный молодежный книжный центр» филиал «Васильевский остров», 1990.—368 с.

ISBN 5—7012—0006—X

Картины миров, в чем-то сходных с привычным, нашим миром, а в чем-то отличающихся от него, фантазии на тему параллельной истории, рассказы о необычных способностях человека, которые могут возникнуть в процессе его эволюции,— все это есть в сборнике. Богатая выдумка, авторское мастерство и гуманистическая направленность произведений наверняка привлекут к сборнику симпатии самого широкого круга читателей.

И 4703000000—009
022(01)—90

Без объявл.

ББК 84.4 Вл

ИНЫЕ МИРЫ, ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Составитель В. Л. КАН

Редактор *Т. В. Голубева*
Художник *А. Ф. Кабанин*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректоры *М. П. Стерлигов, Е. М. Якимчук*

ИБ № 9

Сдано в набор 25.01.90. Подписано в печать 02.04.90. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 19,32. Тираж 200 000. Заказ 104. Цена 5 руб.

«ВСЕСОЮЗНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ КНИЖНЫЙ ЦЕНТР»

филиал «Васильевский остров»
191028, Ленинград, Манежный пер. 2

Отпечатано в типографии № 6 ордена Трудового Красного Знамени издательства «Машиностроение» при Государственном комитете СССР по печати. 193144, Ленинград, ул. Моисеенко, 10, с матриц, изготовленных в Ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Все произведения сборника опубликованы на языке оригинала до 27 мая 1973 года.

ISBN 5—7012—0006—X

Составление, вступительная статья
В. Кана, 1990

ИНАКОПИШУЩИЕ

Викентий Викентьевич Вересаев в мемуарах вспоминает: в детстве он считал, что предисловия авторы пишут для собственного удовольствия. Вероятно, в еще большей мере он отнес бы это к составителям сборников чужих произведений. Но это все-таки не совсем так. У предисловий есть и другие задачи. Одна из них — ввести предполагаемого читателя в круг идей предлагаемых произведений.

Те, кто собираются приобрести или по крайней мере прочитать данный сборник, могут быть разделены на несколько групп. Одни, увидев подзаголовок «фантастика», не глядя дальше, хватают его... и иногда получают явную халтуру. Спешим успокоить. В данном случае это точно не так. Мы старались подбирать достаточно качественные произведения, да и имена многих авторов говорят сами за себя (особенно для тех, кто знаком с этим литературным жанром).

Другая группа, при виде того же подзаголовка, тоже не глядя — отбрасывает книгу в сторону, как вредное насекомое, — иногда с возгласом: «Научная фантастика — кому это нужно?!» Если спросить такого «ценителя» — а что же, собственно, такое — фантастика? — он ответит: ну, там, космос, роботы, управление погодой. Но какая же «фантастика» космос, если вокруг Земли вращаются космические станции, если люди уже ходили по Луне, и если экспедиция на Марс задерживается, видимо, лишь из-за политических и финансовых (колоссальных, но все же, наверное, преодолимых) трудностей. А роботы? Роботы производятся уже десятками тысяч. Они еще примитивны, но быстро совершенствуются, и вопрос об искусственном разуме становится все более и более актуальным — и близким. Что касается управления погодой, то и тут от первых опытов идут все дальше и дальше, и этот вопрос включается в научно-техническую проблематику. Так что, похоже, вторая, «экстремальная» группа тоже смотрит «не совсем туда».

Спектр же читательских мнений лежит, естественно, между двумя крайностями.

В этом предисловии мне хочется обратиться прежде всего к тем, кто ближе ко второй группе (первую группу убеждать не надо!) и напомнить им, что мы живем во время, когда отходим, наконец, от того, чтобы осуждать, не выслушав, и стараемся быть терпимее к чужому мнению.

Итак, что такое научная фантастика? Объем написанного по этому вопросу можно (с некоторым, конечно, преувеличением)

сравнить с объемом самой научной фантастики. Не берясь решить задачу в нескольких строчках, выскажу лишь некоторые соображения.

Начну с самого термина. Он был предложен в нашей стране давно (еще до революции), по-видимому, известным популяризатором науки Я. И. Перельманом, но во всеобщее употребление вошел после вторичного перевода («кальки») с английского термина «science fiction», введенного в 1926 году известным американским автором, редактором и издателем научно-фантастической литературы Х. Гернсбаком. Кальку эту следует признать не вполне удачной, поскольку по-английски «fiction» вовсе не фантастика, а вообще художественная литература — «вымысел». Так что более точным переводом было бы «научно-художественная литература». Под этим термином Гернсбак понимал художественную (в отличие от «popular fiction» — т. е. не основанной на вымысле) литературу, использующую элементы научного предвидения. При этом предвидение для Гернсбака было в первую очередь техническим предвидением, и потому он в основном публиковал то, что теперь называется научно-технической фантастикой (в широком смысле, включая, например, биологию). Однако в дальнейшем область наук, «охваченных» фантастикой, значительно расширилась. В нее попали также социальные науки, психология, искусствоведение. В итоге научной фантастикой стали считаться также утопии (и антиутопии), независимо от их «технического оснащения», многочисленные произведения о телепатах (и вообще экстрасенсах) и многое другое. И в наше время научная фантастика чрезвычайно разнообразна и многочисленна (например, по разным данным, к ней относится — по числу названий — от 10 до 20 % всех литературных произведений, издаваемых в последние годы в США, причем уже несколько лет научно-фантастические произведения время от времени попадают в списки бестселлеров, чего прежде не случалось).

Они прежде всего пишут о человеке и его проблемах. Даже когда «героем» является семиногий пришелец с пятью с половиной глазами, все равно рассматривается какая-то сторона проблем, стоящих перед человеком (и всем человечеством) сегодня, стоявших в прошлом, и могущих появиться (а могущих и не появиться) — это в определенной степени зависит от нас) в будущем.

Рассмотрим некоторые из произведений данного сборника — например, «Тени» Ли Бреккет. Рассказ о необходимости понять что-то необычное, не отвергать его с ходу. Рассказ о взаимопонимании. А в рассказе Г. Диксона та же идея проведена через юмористическую ситуацию с приятным «хэппи-эндом».

Рассказ Э. Табба заключает очень глубокую и гуманную мысль о том, что человек часто не делает для себя то, что он делает для другого. В этом рассказе прекрасно демонстрируются преимуще-

щества фантастического антуража, позволяющего подчеркнуть идею автора.

Гуманистическая направленность рассказа Р. Бредбери (как и всего творчества этого автора) не вызывает, разумеется, никакого сомнения, но заметим, что если в реалистическом произведении слова влюбленного юноши, говорящего подруге: «Я подарю тебе Луну» — звучат обычно несколько искусственно, то писатель-фантаст может «подарить» вселенную, и это совершенно естественно укладывается в ткань произведения.

Рассказ пока мало известного у нас, но очень популярного за рубежом Роджера Желязны тоже говорит о будущем. Но какое это страшное будущее! Причем эффект достигается не нагнетанием ужасов, а деталями. И бездуховность цивилизации, для которой даже бой быков оказался слишком «человечным» и заменен «боем машин», проясняется постепенно.

В наши дни все больше входят в моду «сверхспособности», «суперталанты», различные телепатии, телекинезы и тому подобное. Скорее всего, ничего этого нет в реальности. Но в научной фантастике есть место для всего. А что если... И вот У. Мур, Р. Силверберг показывают нам различные варианты таких талантов — их пользу и возможный вред, как для окружающих, так и для самих обладателей этих талантов. Здесь и доброта — и интриги, и нетерпимость, — вся гамма человеческих (и якобы нечеловеческих, но в итоге — тоже вполне человеческих) чувств и взаимоотношений. И в центре — опять человек.

Вопросы о взаимоотношении необходимости и случайности в истории сейчас снова привлекают все большее и большее внимание — в частности, в связи с событиями в нашей стране. В уходящий в прошлое период доктринерства и начетничества царил принцип: «Все было так, потому что иначе быть не могло». Сейчас проблема воздействия человека на историю стала «во весь рост». Научная фантастика давно занимается этой проблемой. Фантаст может проводить «эксперименты над историей», даже над самой структурой Вселенной.

Не желая (для тех, кто, несмотря на мнение Вересаева, решил прочесть предисловие) испортить впечатление, укажу лишь, что предложенные в разделе «Иная история» произведения представляют только малую выборку из широкого спектра научно-фантастических произведений этого типа.

И, наконец, о последнем разделе. Как заметил один писатель, литература должна не только поучать, но и развлекать. Поэтому имеют право на существование и такие рассказы, цель которых, в первую очередь, развлекательная. Но — «сказка ложь...» — говорил Пушкин; и намеки во многих из этих шуток достаточно ясны, особенно в последней.

Подведем итоги. Преимущество писателя-фантаста заключается в том, что арсенал средств, имеющихся в его распоряжении, много шире, чем у писателя-реалиста. Поэтому не случайно многие реалисты прибегали к использованию фантастических приемов для лучшего доведения до читателя своих идей (например, Олдос Хаксли, Франц Верфель, Редьярд Киплинг, Анатоль Франс; у нас — Е. Замятин, Д. Гранин, А. Платонов). Думается, такое взаимообогащение будет шириться, ибо, еще раз хочу подчеркнуть — научная фантастика есть литература о человеческих делах и человеческих проблемах. Обращаясь еще раз к тем, кто отбрасывает научно-фантастическую литературу «как чепуху и мусор», очень прошу не делать этого по жутко устарелому (но, увы, сильно въевшемуся) методу: «Я, конечно, не читал, но...», и учесть, что «инакопишущие» пишут о нас.

В. Кан

ИНЫЕ МИРЫ

ТЕНИ

Бесчисленное множество лет в мире маленькой голубой звезды не появлялось ни малейшего признака, звука или ощущения человека. И вот теперь, без всякого предупреждения, в воздухе вдруг снова возникло нечто знакомое — колебания, тонкая пульсация, которые могли означать только один вид жизни. Тени почувствовали его. Тени, которые ждали так долго. Они зашевелились среди разрушенных стен. Они выпрямились и встряхнулись, и между ними пробежал беззвучный шепот, жаждущий шепот, неистовый и нетерпеливый: «Человек! Человек! Вернулся Человек!»

Корабль Галактической Службы лежал на обширной равнине, окаймленной с одной стороны низкими горами, а с другой — волнистым поясом лесов. По равнине протекала речка, по берегам ее росла густая трава. Ничто не нарушало покоя, и ни малейшие следы не напоминали, что когда-то здесь было иначе.

Бдыхая теплый воздух, Хаббард зарыл ноги в почву — темную и плодородную. Он широко улыбался.

— Что-то тут есть, — сказал он. — Приятный мир. Ей-богу, приятный.

Хаббард был молод. Антрополог по специальности, он впервые очутился в космосе. Для него звезды еще светили ярко. Барриэр смотрел на него с завистью, смешанной с печалью. Барриэр молчал. Взгляд его блуждал по долине и лесу, изучал небо — подозрительный тяжелый взгляд. По возрасту Барриэр годился Хаббарду в отцы — и ощущал каждый свой год. Он чувствовал себя придавленным и покалеченным этими годами.

— Конечно, краски совершенно другие, — продолжал Хаббард, — но это ничего. Пожить бы тут немного, под этим голубым солнцем — глядишь, и люди начнут считать, что это естественно.

— Какие еще люди? — проворчал Барриэр.

— Ну, будут же люди, которые здесь поселятся! — Хаббард внезапно засмеялся. — Что это с вами? Нако-

нец-то мы нашли такой прекрасный мир, а вы мрачный, будто это скопление мертвых скал.

— Сдается мне, — медленно возразил Барриэр, — что я повидал слишком много скоплений мертвых скал и слишком много прекрасных миров, чтобы...

Он осекся. В разговорах нет смысла. Болтать даже неуместно. Если ему больше не нравится его дело, можно отправиться на Землю и остаться там, а звезды предоставить молодым, которые не потеряли еще веру в них. Горы и лес, и равнины были спокойны в это яркое голубое утро. Ни одно крыло не разрезало воздух, ни одна лапа не шуршала в перепутанных травах, не слышалось голосов среди невиданных деревьев. Но Барриэр беспокойно суетился на месте, как старая гончая, которая чувствует опасность в предлагаемой игре. Это была работа Барриэра, его наука, старейшая наука человечества — рискнуть отправиться в чужие миры, ощутить неизведанное, увидеть невиданное и выжить. Он стоял во главе Земного Исследовательского отряда и был экспертом по исследованиям и разведке. Он был им всю жизнь. Слишком долго.

— Хотелось бы мне, чтобы Кендалл уже вернулся, — сказал Хаббард. — Не терпится начать.

— Что вы надеетесь найти?

— Откуда я знаю? В этом-то и прелесть. Но должна же быть какая-нибудь жизнь в мире, подобном этому!

— Человеческая жизнь?

— Почему бы и нет?

Барриэр что-то буркнул — и ничего не ответил.

Они подождали. Остальные разбрелись по равнине и речному берегу, чтобы взять пробы почвы, скал, воды и образцы растений. Все были вооружены и держались поближе к кораблю. После измерения солнечной радиации, состава атмосферы, температуры, гравитации и еще миллиона с лишним всяких показателей, определяющих пригодность или непригодность нового мира для землян, технические приборы классифицировали планету как земной тип А, и в соответствии с правилами разведки корабль опустился, чтобы определить условия на поверхности. Предварительные данные свидетельствовали о том, что условия благоприятны.

Барриэр суетился и вслушивался в тишину.

Чуть позже в небе появилось пятно. Приближаясь, оно тонко жужжало — и превратилось в небесный геликоптер, который сел возле корабля, точно комар

рядом с акулой. Оттуда вышли Кендалл, его разведчик и оператор.

Барриэр устремился к ним:

— Что вы нашли?

— Все то же самое, — ответил Кендалл. — Ничего особенного. Кроме... — он заколебался.

— Кроме чего?

— Вон там, за лесом. Мне кажется — это похоже на городские развалины.

— Вот как! — воскликнул Хаббард. — Видите?

Кендалл пожал плечами:

— Ребята считают — это просто скопление скал, заросших лесом. Не знаю. Сейчас будут снимки, так что решайте сами.

Люди, работавшие на равнине и на речном берегу, торопливо вернулись. Все они были молоды, как Хаббард. Пожилыми были только капитан, начальник технической части, двое ученых да Барриэр. Возбужденно загудели голоса, все говорили одновременно. Не так-то много посадок совершал земной корабль, и со времени последней прошло немало.

Исследователи напоминали подростков, освободившихся из школьного заключения, возбужденных и гордых тем, что обнаружили.

Барриэр прошел вместе со всеми в главный салон корабля. Автоматически проявленный фильм зарядили в проектор. Погасили свет. Маленький экран ожил. Все смотрели с неослабевающим интересом. Перед зрителями разворачивалась красочная панорама. Было похоже и непохоже на Землю. При ближайшем рассмотрении лесные деревья оказались вовсе не деревьями, а чудовищно громадными цветами с толстыми, будто древесные стволы, стеблями, украшенными великолепными невиданными соцветиями. Барриэр разглядел нечто вроде бабочки или парящего в воздухе лепестка, а больше никакого движения.

— Обнаружены какие-нибудь признаки фауны? — спросил он.

— Нет, — покачал головой капитан.

Хаббард нетерпеливо возразил:

— Может, их вертолет спугнул!

— Перепуганные существа бегут, — сказал Барриэр. — А тут никто не бежит.

Хаббард тихонько выругался, а Барриэр улыбнулся. Хаббарду необходимо открыть тут жизнь — и точка.

У него еще не было возможности использовать свои антропологические знания, а полет подходит к концу. Он прямо-таки настаивал, что здесь должны быть животные — ведь без них, вероятно, не было бы и людей.

— Вот, — сказал Кендалл и поднял руку.

Фильм остановили на кадре с изображением зарослей цветов-деревьев и вьющихся растений — заросли были реже обычного леса. Местами среди беспорядочной растительности торчали груды и гряды камней.

— Вот о чем я говорил, — Кендалл снова поднял руку. Изображение вращалось, потому что вертолет делал круги над лесом. — Я уж поближе подобрался, и то не мог разглядеть, что это такое.

Вмешались еще двое. Эйкен, межпланетный археолог, с сомнением допустил, что это может быть городом. Каффи, геолог, утверждал, что с таким же успехом это может быть естественным скалообразованием.

— Это безусловно напоминает город, — сказал Хаббард, дрожа от возбуждения. — Взгляните сюда. Посмотрите, какие правильные линии, совсем как улицы, а дома по обе стороны обрушились.

— А вы как думаете, Барриэр? — спросил капитан.

— Не могу судить по фильму, сэр. Надо бы мне осмотреть эти камешки.

— Что ж, — сказал Верлен, — осмотр может решить вопрос. Начните с этой местности... Вы согласны, Кристофек?

Кристофек, заведующий техническим оборудованием, волнуясь кивнул.

— Если окажется, что это развалины, Барриэр уж постарается выяснить, кто их населял и что с этими жителями случилось.

— Хорошо, — Барриэр встал. — Двинемся.

С ним шли семеро из его группы — все, как Хаббард, молодые специалисты, привычные к тяжелым физическим нагрузкам и умеющие обращаться с огнестрельным оружием. Были там Эйкен и Каффи, и еще Моррис, которому поручили портативный передатчик. Барриэр посоветовался с Кендаллом, что взять с собой, и все начали собираться. Через четверть часа они уже шагали по равнине.

Барриэр переживал приступ ностальгии — острый, как физическая боль. Он тосковал по тем дням, когда

был зелен и нетерпелив, когда ему, как и остальным, хотелось скорей покинуть корабль, который он ненавидел, и отправиться к горизонтам новых миров, когда он был полон трепещущих фантазий и надежд. Сначала иссякла надежда, потом — фантазия.

Разглядывая яркий пейзаж, прекрасный, несмотря на неземные краски, Барриэр поймал себя на том, что больше всего на свете хотел бы оказаться в знакомом баре в Лос-Анджелесе, быть беззаботным и не размышлять о значимых признаках или о чуждых формах листьев и совершенно забыть мрачное сознание личной вины, которое с годами росло в нем.

Энтомолог Шмидт болтал с зоологом Гордоном, специалистом по редким червям и насекомым. Хаббард и Эйкен говорили о Городе. Они уже называли его так. Высокие травы со свистом хлестали по ботинкам. Дул легкий ветерок, солнце приятно согревало. Но, кроме восьми человек, никто не наслаждался этой благодатью. Барриэру не нравилась тишина. Она была так неестественна в опьяняющей радостной обстановке. Глаза его бегали, серые глаза на лице с потрепанной кожей, глаза, окруженные сетью морщин, образовавшихся от постоянного прищуривания на свет многочисленных чужих солнц. Долгое время глаза эти не видели ничего. А потом они стали все сильнее сужаться и приглядываться к сектору слева.

Барриэр поднял руку и колонна остановилась.

— Там, — сказал он. — Видите эти тени?

Все стали всматриваться.

— Это тени от облаков, — рассмеялся Хаббард.

— Никаких облаков нет, — отрезал Барриэр.

— Значит, это ветер колышет траву, — Хаббард исподлобья поглядел на Барриэра. — Какая разница, от чего они? Это же только тени.

Барриэр тяжело произнес, обращаясь ко всем:

— Будьте любезны, вспомните, что вы не на Земле. В незнакомом мире все, даже тени, даже листья травы могут быть живыми и нести гибель.

Земляне пристально смотрели на него — умные, непонимающие, пытающиеся не показать, что считают его смешным с такой ерундой. Барриэр знал, что они ощущают себя закаленными ветеранами звездных миров, обладая огромным опытом трех-четырех посадок на планеты — такие, где встречались только не слишком опасные формы жизни. На миг он заставил молодых

понять то, что сам хорошо знал: существует масса скрытых враждебных сил, ненавидящих человека.

Барриэр снова повел их. Все уже забыли о тенях, но он помнил. Казалось, их множество — но можно ли сосчитать тени? Крохотными пятнышками тьмы они порхали невдалеке, теряясь в качающихся травах, трудно различимые против яркого солнца. Они будто бежали следом за людьми. Они были похожи на обычные тени, и Барриэр не подумал бы о них ничего плохого, — но он привык, что тень должно что-то отбрасывать, а здесь не было даже крошечного облака или птичьего крыла.

Земляне шагали по прекрасной, пустынной, молчаливой равнине. А потом Барриэр дал команду остановиться, — они подошли к ручью, впадающему в реку.

Кэффи немедленно снял срез с пологого берега и начал изучать слои каменного угля, песка и глины. Гордон последовал его примеру, бегая взад-вперед по воде у самого берега. Он пришел в сильное волнение, обнаружив отвратительное крохотное существо, похожее на пурпурную креветку. Другое существо, возможно, змея или угорь, скользнуло между мокрыми камнями. Хаббард чуть не плясал:

— Я же говорил, что здесь есть жизнь!

— Я этого вовсе не отрицал, — мягко заметил Барриэр.

Он смотрел вверх по течению. Тени сгрудились, перескакивая через русло. Они не подходили близко, но наблюдали. Барриэр не мог рассмотреть их как следует, замечая лишь бесформенные комочки мрака. Но каждым нервом, каждой порой покалывающей кожи он чувствовал, что они наблюдают. Мало приятного в том, что за тобой следят тени.

Внезапно Кэффи, как терьер, начал рыть мягкую землю в середине берега. Вскоре он поднял в руке предмет, напоминающий почерневшую сломанную палку с узловатым концом. Он вручил предмет Гордону, тот пронзительно вскрикнул и громко позвал Барриэра.

— Это кость, — определил Барриэр. — Я бы сказал, нога крупного оленя или мелкой лошади, так? Они похожи.

Хаббард был совершенно вне себя.

— Позвоночные! Это же доказательство, что эволюция здесь шла практически по тому же пути, что на

Земле! — Он огляделся, словно ожидал увидеть, как где-то среди скал материализуется человек.

— Сколько лет этой кости? — спросил Барриэр Гордона.

Гордон покачал головой:

— Она очень долго пролежала в земле. Что вы скажете, Кэффи?

Кэффи скосил глаза на берег:

— Судя по глубине берега до поверхностного слоя, я сказал бы: пять-шесть столетий, а может, и больше. Это, конечно, только догадка. Точная датировка требует знания многих факторов.

— Другими словами, — сказал Барриэр, — очень давно лежит.

Он хмуро посмотрел на древнюю кость, потом на пустынный ландшафт. Моррис передал на корабль сообщение о находке. Двинулись дальше.

Тени не отставали.

Теперь группу отделяло от корабля несколько миль плоской, поросшей травой местности. Корабль лежал, тускло поблескивая в голубом свете, точно Левиафан на отдыхе. Одинокие купы деревьев, небольшие гроздья гигантских цветов и таких же высоких папоротников поднимались вокруг людей, постепенно заслоняя и равнину, и небо, — и вот группа вступила в темный голубой полумрак, наполненный яркими спектрами цветов. Сначала шли медленно, остерегаясь опасных растений, — но их, похоже, не было. Ботаник Хансен на каждом шагу издавал изумленные возгласы. Шмидт восторгался гигантскими бабочками и бесчисленными насекомыми — они ползали, летали, тихонько жужжали вокруг. Гордон и Хаббард внимательно приглядывались ко всему, но ничего интересного для себя не могли обнаружить. Барриэр шел впереди — бесшумно, как индеец. Взгляд его был тревожен, нервы на пределе.

В лесу было очень славно. Над головами кивали цветы разной окраски. Барриэр подумал, что это похоже на сад на дне морском. Прогалины наполняла голубизна, точно там протекала тихая вода. По земле начали стелиться клочки тумана. Одно время Барриэру показалось, что тени отстали. Потом он снова увидел, как они скользнули между грубыми белыми стволами-стеблями цветов. Тени изменили форму. Окружили людей кольцом. Придвинулись ближе. Гораздо ближе.

Барриэр приказал всем сгруппироваться. Он показал на тени, теперь люди не могли отмахнуться от них.

— Дайте-ка мне поговорить с кораблем, — сказал Барриэр, и Моррис включил передатчик. Несколько раз повторил позывные, потом покачал головой.

— Очень жаль, — нервно сказал он, — связи нет. Помехи, и довольно сильные.

Барриэр взглянул на тени. Не в них ли причина? Почему бы нет, они ведь не были плотной материей. Электронные заряды теней вполне могли задержать слабую волну.

Барриэр подумал, не повернуть ли назад. Они находились на равном расстоянии от корабля и цели маршрута. Но если тени замышляют недоброе, их не останавливать. До корабля далеко. Кроме того, у Барриэра приказ, и если эти тени — местная форма жизни, их необходимо исследовать. Пока тени не предпринимают попыток агрессивных действий. Да и могут ли тени повредить людям, враждебны ли они? А если и так — как с ними бороться?

Туман сгушался. Наверно, они приближаются к болотистой местности, хотя ничего подобного он не заметил на пленке Кендалла. В голубых прогалинах висели тонкие кольца и клочья тумана. Капли воды блестели, как алмазы, в солнечном свете. Туман был не из тех, что несут лихорадку. Барриэр забыл о нем, снова сосредоточив внимание на тенях. За последние несколько минут они еще плотнее сомкнули кольцо и оказались в нескольких футах от людей. Они скользили и скользили вокруг, абсолютно молча, в нервной пляске. Теперь за ними наблюдали уже все. В голосе Хаббарда, задавшего вопрос, звучал страх:

— Что это такое? Что им нужно?

— Это только тени, — раздраженно ответил Барриэр. — Какая разница, что им нужно? — Затем приказал остальным: — Держаться всем вместе. Если будет плохо, вернемся. Но что бы ни случилось, не разбегайтесь. Иначе никто вам не поможет.

Двинулись дальше, пристально глядя вокруг и наступая друг другу на пятки. Тени покачивались и плясали. Совершенно неожиданно вскрикнул Шмидт, вскинул пистолет, — и несколько раз выпалил в сгустки темноты; но они не отступали.

— Она коснулась меня! — Его трясло. — Она коснулась меня!

Он бросился бежать — но не тут-то было, в кольце теней было не разбежаться. Барриэр поймал его за руку.

— Заткнитесь! — закричал он. — Заткнитесь!

Шмидт застыл, весь дрожа.

— Она холодная. Холодная, как смерти!

— Вы же не умерли, правда?

— Нет.

— И не ранены?

— Я... нет.

— Так заткнитесь! — Барриэр посмотрел на Шмидта, на остальных. — Пусть только еще один из вас запаникует. Я его пристукну!

Он и сам испугался. Страшно испугался. Но сказал:

— Пока что они нам ничего не сделали. Наверно, они ничего и не могут. Так подождем, сдаться мы всегда успеем.

Молодые люди глотнули воздуха и изо всех сил постарались забыть о тенях. Шмидт так и трясся на ходу. Барриэру хотелось бы услышать в лесу какие-нибудь звуки. Писк, рычание, рев — хоть что-то, выдающее присутствие теплокровных существ. Но — ничего подобного. Даже следы их собственных ног сразу становились мертвыми в мягкой почве.

Спустился сверкающий туман. Чужое солнце заволокло дымкой, тени подкрадывались и льнули к людям. Пот струился по щекам землян, выступал пятнами на одежде. Хаббард облизнул губы и спросил:

— Далеко еще идти?

— Милую-другую.

Барриэру хотелось, чтобы туман рассеялся. Он чувствовал себя так, будто его захлопнули в ловушку, и он задыхается. Его тревожила трясина. Сводил с ума голубой свет. Он вспомнил честное желтое сияние родного солнца и изумился: какое безумие посылает людей на край галактики в поисках иных солнц?

Вдруг он споткнулся и поглядел вниз. Сначала Барриэру показалось, что это круглый камень, наполовину скрытый в куче опавших лепестков. Потом он понял, что ошибся. Барриэр наклонился, поднял этот предмет и протянул Хаббарду.

— Вы искали человека, — сказал он.

Хаббард похлопал себя по бокам. Он уставился на предмет в руке Барриэра, остальные смотрели через его

плечо, а череп скалился на них обнаженной линией зубов. Хаббард протянул руку и взял его.

— Очень стар, — определил он. — Ровесник той кости, — он указал на трофей Гордона.

— Когда-то здесь были и животные, — испуганно произнес Шмидт. — Теперь не осталось никого. Они погибли, и я уверен, что их убили. — Он уставился на тени.

— Превосходные рассуждения для специалиста! — Барриэр выругался. — А я-то думал, что вас учили не делать скороспелых выводов!

Хаббард пробормотал:

— Барриэр прав. — Он взглянул на череп и едва не задрожал. — Пойдемте же, я хочу видеть эти развалины!

Пошли дальше, держась ближе друг к другу, соприкасаясь плечами. Туман делался все гуще и тяжелее. Люди обливались потом, игнорируя тени, в отчаянии игнорируя тени.

Внезапно тени прыгнули.

Кто-то из людей коротко вскрикнул. Наступила тишина, затем послышались ужасные звуки, точно кто-то задышался. Череп выпал из рук Хаббарда и покатился, усмехаясь мудрым оскалом. Барриэр раскачивался на месте, в негодовании вцепившись руками в собственные бока.

Он видел остальных. Смутно различал их сквозь дымку тенистого мрака, дымка эта висела в его глазах, а не перед телами людей. Кое-кто попытался бежать, — тени настигли их. Двое споткнулись и лежали ничком. Очертания их стали нечеткими, как бы размытыми. В глазах лежащих было безумие. Как и в глазах Барриэра.

Все произошло мгновенно и бесшумно; внезапно возник жуткий холод, появилось отвратительное ощущение чего-то постороннего, вторгшегося в мозг и тело, подхватившего их изнутри...

Это находилось у него внутри. Тень жила в нем. Ее ледяная субстанция проникла в его теплую и живую плоть, ее чуждый непроницаемый интеллект плотно сцепился с его сознанием, и она трясла его, вела его, и он скоро умрет...

— Они погибли, и люди, и животные, и я знаю, кто их убил, — Шмидт исчез, погружаясь в туман, унося в своем теле жуткое существо. И тени, целая толпа их, беспорядочно носились вокруг, — но из людей не все

оставались на месте, некоторые отправились вслед за Шмидтом.

Барриэр забыл о приказе, о своей гордости, о должности. Слепой черный ужас одолел его, и он побежал. Он пытался убежать от существа, сидящего внутри, потряхивать его — но не мог. То существо стало его частью. Барриэру от него не избавиться, пока он не умрет.

Он мчался сквозь молчаливый лес, через окутанные туманом кивающие цветы, и не было ничего и никого, кроме Барриэра и кошмара, живущего в его теле, и темноты окружающего воздуха. Несколько раз Барриэр падал, но что-то поднимало его и снова устремляло вперед. Он потерял из виду остальных, он о них почти забыл. В какой-то момент он услышал крик и понял, что кто-то умирает, но ему было все равно. Его сознание растворилось в тени.

Наконец Барриэр смутно осознал, что туман рассеялся, а он, спотыкаясь, бредет по земле, которая некогда была расчищена, а теперь заросла, хотя и не так густо, как лес. Он спотыкался среди камней, ощупью карабкался на холмы, брел по открытому пространству — но вот что-то затрещало под ногами, как сухой хворост. Барриэр поглядел вниз и увидел, что это не хворост, а человеческие кости. Он всхлипнул и взгляделся в небольшую группу теней, колеблющихся у его ног.

— Вы что, очереди дожидаетесь? — заорал он на них. Вернее, пытался заорать, но у него вырвался только хриплый шепот. Его лицо, потемневшее, покрывшееся странными пятнами, исказилось бессмысленной гримасой ярости. Он нагнулся, подобрал с земли старые обнаженные кости и швырнул в тени, ругаясь и всхлипывая, а потом снова пустился бежать — через открытое пространство, потрескивающее под ногами... Но вскоре перед Барриэром вырос холм. Барриэр споткнулся о валун, ударился о каменный выступ между ползучими растениями и упал. Тело его конвульсивно вздрогнуло — и затихло...

Он глядел на луну. Луна была красная и маленькая, но очень близкая. На ней виднелись горы и впадины. В рельефе Барриэру виделись картины: лицо, съежившийся кролик. Горели звезды. Он не знал их. Немного спустя вошла другая луна — побольше, бледно-зеле-

ная. Он попытался рассмотреть картинки на ее поверхности.

Кто-то застонал рядом.

Слабое любопытство заставило Барриэра повернуть голову. Он увидел человека — тот лежал скорчившись, прижав колени к груди, руки сомкнулись у него над головой. Барриэру показалось, что человек знаком ему. Он тщательно изучал видимую часть лица. Конечно, он его знает, это же юный Хаббард, который искал людей...

Барриэр вскочил. Он покрылся холодным потом, тело его задрожало, выпрямляясь при лунном свете. Он прислушался к себе, ища внутри знакомую боль, моля о том, чтобы ее не найти. Она исчезла. Тень ушла из него. Барриэр ухватился за Хаббарда и увидел, что неестественная бледность сошла с его лица. Он потряс Хаббарда и прикрикнул на него, потом заметил других людей, валявшихся на земле — два, три, четыре человека. Он перебегал от одного к другому, и они смотрели на него пустыми испуганными глазами. Среди них не было ни Шмидта, ни Морриса.

Шестеро. Шестеро живых из восьми. И тени ушли из их тел.

Одно короткое мгновение он надеялся. Потом поглядел через поле, туда, где лежали кости, и уловил скопление темных движущихся пятен, скачущих среди острых ребер и россыпи берцовых костей. Стало почти смешно — а он-то лелеял надежду! Он вернулся к Хаббарду.

— Как вы сюда попали? — спрашивал он, хлопая того по щекам.

— Не знаю... Просто... я бежал, — Хаббард вздрогнул. — О господи! Барриэр! Эта штука во мне, прямо как дым сквозь кусты, душит и такая холодная...

Барриэр отвесил ему новый шлепок.

— Где Шмидт и Моррис?

— Не знаю.

Барриэр пошел поднимать остальных. Никто не знал, как здесь очутился. Никто не знал, что произошло со Шмидтом и Моррисом, но Эйкен сказал:

— Я видел Шмидта. Я пробежал мимо него: он лежал на земле. То есть мне показалось, что это Шмидт. При нем был ящичек для коллекций. Шмидт был мертв. О да, никаких сомнений не может быть, он умер.

Эйкен внезапно отвернулся и напрягся изо всех сил, сдерживая рвоту.

Барриэр медленно произнес:

— Значит, двоих они убили, а остальных завели сюда. Думаю, они захотят закончить работу. Вот оно как. У нас нет сообщения с кораблем, а Кендалл до утра не пошлет за нами. И если мы будем еще живы к тому времени, и если Кендаллу случится нас найти — как вы думаете, что будет тогда? — Он поглядел в сторону теней.

Никто не отвечал.

— Интересно, — сказал Барриэр после паузы, — может, их отгонит костер?

Все усталились на него. Потом кинулись собирать сухие стебли, траву — все, что горит. Разожгли костры — вокруг долинки, в которую их загнали. Затаив дыхание, ждали с надеждой.

Тени подкрались к пламени. Потом, словно обрадовавшись, начали порхать вокруг костра, резво перепрыгивая через пламя и проходя сквозь него; казалось, они играют в пятнашки среди столбов дыма.

Хаббард заплакал.

Из леса выползал туман. Маленькая красная луна мерцала, а большая бледно-зеленая светила ровным призрачным светом. Горели низкие костры, и тени плясали вокруг них.

— Можно подумать, они такие славные, да? — зло сказал Барриэр. — Вроде бы резвятся.

Пламя умирало, оставляя кучки золы. Тени, скользя, то приближались к людям, то вновь уходили к остаткам костров. Кэффи прошептал:

— По-моему, они за нами гоняются.

Увядший цветок все еще торчал у него в петлице.

Тени нервно кидались к людям, потом назад, к пылающим красным углям. Расплывчатые лапы тумана тянулись к людям, клубясь среди развалин, заслоняя оставшуюся луну. Темнело, и тени двигались все быстрее и увереннее.

Эйкен выдергивал корни ползучих растений, опутавших пригорок. Вдруг он закричал:

— Здесь дверь! Может, нам удастся спрятаться?

— Это от теней-то? — засмеялся Барриэр.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Хаббард. — Все лучше, чем просто сидеть на месте.

Хаббард стал пробираться вслед за Эйкеном, уже скрывшимся за дверью, и остальные тоже полезли по

склону. Внезапно Барриэр расхохотался. Они уставились на него, глаза их округлились. Барриэр выкрикнул сквозь смех:

— Нет, вы все еще не поняли? Все еще воображаете, будто можете удрать и спрятаться, и защититься, и в конце концов победить, ведь вы люди, а человек всегда побеждает? Еще не научились, нет?

— Чему не научились? — спросил Хаббард не своим голосом.

Барриэр приглядывался к теням:

— Какой прок с вами говорить? У меня полжизни ушло, пришлось облететь множество миров, чтобы узнать правду. Почему бы мне не оставить ее при себе и не дать вам умереть счастливыми?

Вдруг Хаббард прыгнул на него. Он был похож на испуганного и обозленного ребенка. Барриэр схватил его за запястье.

— Вы, великий трус, — взвизгнул Хаббард. — Считается, будто вы нами руководите, считается, будто вы должны научить нас, что делать, а вы? Сдайтесь! — Он выругался. — Великий исследователь, храбрый руководитель — к дьяволу! Вы просто старикашка, который в штаны наложил! Возвращайтесь на Землю, пусть вас заменит тот, кто может бороться!

Барриэр отстранил его — твердо, но без гнева.

— Хорошо, — сказал он. — Я вам объясню. Была тихая планета Земля. О, она пыталась топнуть ногой — ледниковый период, вулканы, чума, наводнения, засухи, голод, — но мы держали ее в руках. Однако другие миры упорнее. Рано или поздно они найдут способ... Мы незваные гости во Вселенной. Мы любопытствуем, нарушаем порядок, охотимся за звездами, устраиваем неразбериху — и сами же вопим при этом от боли. Я твердо знаю только одно — нас ненавидят. Повсюду, где я побывал, где только есть человек, от него хотят избавиться...

Он глянул вверх, на чужие звезды. Они потускнели, полускрытые наплывающим туманом.

— Нас ненавидят, — тихо сказал он. — Враги у нас повсюду, друзей нет нигде. — Он вздохнул. — Вы правы, Хаббард. Я старикашка, который наложил в штаны. Бегите же и прячьтесь, а я пожелаю вам удачи. Не люблю нор.

Теперь тени упорно тянулись к нему. Одна до него дотронулась, и прикосновение было холодным, как

кости, лежавшие под открытым небом. Внезапно Барриэр повернулся и бросился бежать.

Он застал их врасплох, маленькие темные пятнышки, появившиеся так близко от него. Проскользнул мимо них, наступил на хрупкие кости. И тогда тени устремились за ним, разворачиваясь веером, три-четыре из них помчались, стремясь догнать его.

Он бежал чуть впереди. Он слышал, что Хаббард громко зовет его, но слов было не разобрать. Все силы он вложил в то, чтобы промчаться между нагромождениями развалин, в объятия тумана, который полз по земле.

Тени приближались, но прыгнули не они, а туман.

Туман накатился и схватил Барриэра. Он проник в самую плоть, и Барриэр понял, что блестящие капельки вовсе не были туманом. Они были крохотными ячейками, собранными в огромные облака. И в ту же секунду Барриэр понял еще две вещи: в лесу туман не трогал ни его, ни других, и еще — туман вполз за ними в разрушенный город против ветра. Крохотные ячейки жизни, сверкающие драгоценными камнями. И они ненавидят человека непостижимой генетической ненавистью.

Барриэр оцепенел, испытав приступ непонятного страха, который приводил его в дрожь и вызывал слезы. Тело его забилося в конвульсиях, но ни один звук не вырывался наружу, перед глазами вспыхивали искры. Он снова попытался обратиться в бегство, но не мог, а где-то далеко, в другом мире, все еще кричал Хаббард.

Тени приблизились. Обрывочная мысль, спотыкаясь, пребралась в пустоту его сознания: «Они работают вместе, проклятие, и все они ненавидят человека.» Потом его охватил жуткий страх, он сознавал, как нечто чужое ползет сквозь него, и это была смерть...

Туман отступил. Ужас перестал рвать Барриэра на куски. Прохладная тьма окутала Барриэра, успокаивая нервы. Это похоже было на шок от ледяной волны, и внезапно Барриэр снова обрел возможность видеть и думать, даже сквозь туманную дымку, заслонившую зрение и сознание.

Тени закружились вокруг него, и там, куда они прыгали, отступал туман, который больше не был туманом: угрюмо и неохотно, но все же он начал сворачиваться спиралью. А то, что Барриэр считал тенью, проникшей внутрь него, заставило его повернуть и снова пойти

к развалинам — на этот раз не так стремительно, потому что он был ранен. Но тень каким-то образом отдавала Барриэру свою силу. Другие тени шли арьергардом, увертываясь и отмахиваясь от тумана, натываясь на его щупальца, тянущиеся к людям. Облако, мерцавшее тут, то там, поглотилось собственной тенью — и исчезло.

На лице Барриэра, затененном легкой дымкой, появилась радость. Он уселся у ног Хаббарда, и тень покинула его, и все стало, как прежде: люди, тени, все еще светящиеся угли и мерцающий поодаль туман. Хаббард произнес несколько бессмысленных ругательств, чтобы скрыть смущение:

— Вы что, с ума сошли, Барриэр? Вообразили, что сможете их от нас отвлечь?

Эйкен сказал:

— Он хотел уйти, чтобы передать кораблю сигнал бедствия. Может быть, тогда бы нас спасли... — Он склонился над Барриэром: — Барриэр! Слушайте, Барриэр!

Барриэр не обращал на них внимания. Он наблюдал за тенями, которые скакали между туманом и людьми. Несколько теней, как и раньше, метались от людей к догоравшим кострам и обратно.

— Они хотят, чтобы мы подкинули еще хворосту, — неторопливо сказал он. — Костры помогают им отгонять туман. — Он резко повернулся к остальным: — Они же спасли меня, вы видели? Кинулись за мной — несколько даже погибли, а одна меня защитила. — Он слегка содрогнулся. — Мы ошиблись. В лесу они пытались нам помочь. Они следовали за нами, как...

Слово затрепетало у него на кончике языка, и он осознал его, вспоминая детство и маленького пятнистого терьера, который любил его, и как-то сжевал его ботинки, а однажды загородил Барриэра своим телом от ужасного шипящего существа. Это была всего-навсего змея, но поступок имел такой же смысл.

— Сдается мне, — сказал Барриэр, — эти тени были вроде собак и защищали людей, которые тут жили. Они иные, чем наши собаки, но их тоже обучили выслеживать и отгонять врагов. Несомненно, Шмидта и Морриса убил туман. Мы рассредоточились, и тени не смогли прикрыть всех.

Люди устали на тени. Не сразу им поверилось в очевидное, — но постепенно страх таял, лица смягчались. Потом Хаббард спросил:

— А что вы скажете об этом? — и показал на кости.

Барриэр покачал головой:

— Их могло погубить все, что угодно, но только не тени.

В его голосе звучала странная нотка. Он о чем-то сосредоточенно думал, расчлняя предмет своих мыслей и пристально изучая отдельные части, а затем снова собрал их вместе, в другом порядке. Наконец он слегка улыбнулся и пошел навстречу тням. Протянул к ним руки, заговорил, — и они собрались вокруг него, игриво подпрыгивая.

— Ну и тосковали они, должно быть, от одиночества все это время, охраняя кости своих хозяев! — сказал Барриэр.

Тут заговорил Эйкен:

— Вон там внизу, в той галерее, — она ничуть не пострадала, потому что выстроена из твердого камня, — на стене вырезаны какие-то знаки. Я еще не разглядел их как следует, но похоже, жители города когда-то собрались здесь, чтобы умереть всем вместе. Вполне возможно, они оставили сведения об этом где-то в других местах.

— Давайте посмотрим, — предложил Хаббард.

Они пошли к входному проему, обнаруженному Эйкеном, — все, кроме Барриэра, который играл с тенями-собаками и улыбался. Барриэр почти не проявил интереса к новостям. Но Эйкен и Хаббард сияли от радости.

— Там пиктограммы, — сообщил Эйкен, — такие простые и ясные, что любой ребенок их прочтет. Эти люди, наверно, надеялись, что кто-то рано или поздно сюда явится. Во всяком случае, они рассказывают, что с ними произошло, — вернее, что должно было произойти. Планета вошла в край газового облака, оно несло смерть всем, кто дышит легкими. Вот почему все животные погибли. Выжили только существа, лишённые легких. Кроме того, Барриэр...

— Да?

— Они сообщают об этих собаках. Очень четко их нарисовали, за работой, — чтобы каждый мог понять.

Барриэр кивнул. Он посмотрел на темные пятна, копошащиеся у его ног.

Все это время они ждали. Что же, могут подождать еще немного,

Затем он выпрямился, продолжая улыбаться странной кривой улыбкой.

— Кажется, я высказался слишком рано, — сказал он. — Может быть, у нас хватит достоинств, и этот — или еще какой-нибудь маленький мирок — даст нам еще один шанс. Во всяком случае, приятно сознавать, что есть на свете место, где живут наши друзья.

Подбросили хворосту в костер, и тени заплясали. Барриэр наблюдал за ними. Он как будто даже помолодел — как человек, в котором снова проснулась надежда.

КНИГА

Свой первый корабль Боклер должен был вести на Сигнус. В неторопливую полуденную жару Боклер явился по вызову Командира и теперь стоял на потертом ковре, в щенячьем восторге переминаясь с ноги на ногу. Ему было двадцать пять лет, и он уже два месяца как окончил Академию.

Командир велел Боклеру сесть и долго рассматривал его, изучая. Командир был уже стар. Старый, вспыльчивый, усталый человек. И крайне раздражительный. Он достиг той степени старости, когда раздражает любой разговор с молодым человеком: ведь они такие самоуверенные, эти молодые, а сами ничего не знают, и ничего тут невозможно поделать.

— Так вот, — произнес Командир. — Я кое-что должен вам сообщить. Вам понятно, куда вы направляетесь?

— Нет, сэр, — бодро ответил Боклер.

— Так вот, я вам сообщу, — повторил Командир. — Вы отправляетесь к Дыре Сигнуса. Надеюсь, вы о ней слышали? Отлично. Тогда вы знаете, что Дыра представляет собой огромное пылевое облако, диаметром примерно в десять световых лет. Мы никогда не проникали в Дыру — по ряду причин. Для небольшой скорости это облако слишком густое, да и слишком велико, а корабли Картографического Подразделения привыкли двигаться не спеша. Кроме того, до последнего времени мы не думали, что в Дыре есть что-то стоящее. Так что прежде в Дыру не заходили. Ваш корабль будет первым.

— Да, сэр, — сказал Боклер, и глаза у него загорелись.

— Несколько дней назад, — продолжил Командир, — один наш любитель навел на Дыру объектив — просто наблюдал. И отметил некое свечение. От Дыры идет слабый свет — вероятно, солнце, звезда внутри облака, такая далекая, что ее почти не видно. Бог ее знает, как давно она там, мы знаем, что свечения на Дыре раньше не регистрировалось. Очевидно, звезда приближается к краю облака. Понятно?

— Да, сэр, — ответил Боклер.

— Ваша задача — исследовать это солнце, выяснить, имеются ли у него планеты и есть ли там жизнь. Не очень-то похоже, чтобы там могли быть люди, — но если они все-таки есть, то ваша задача — расшифровать местный язык и вернуться, а уж после туда отправятся психологи, чтобы определить воздействие беззвездного неба на людей... — Командир подался вперед и впервые поглядел в глаза Боклеру. — Итак, работа важная. В нашем распоряжении не было других лингвистов, мы перебрали множество кандидатур, пока нашли вас. У вас пока нет репутации, но зато корабль — ваш, отныне и навсегда. Вам это понятно?

Молодой человек кивнул, улыбаясь от уха до уха.

— Еще кое-что, — добавил Командир и замолчал.

Он смотрел на Боклера — на новенькую хрустящую форму серого цвета, по-детски гладкие щеки, и в одно мгновение с горечью представил себе Дыру Сигнуса, которую он, старик, никогда не увидит. Затем приказал мысленно: отставить жалость к самому себе. Впереди была важная часть разговора.

— Послушайте, — начал он резко, и Боклер удивленно моргнул. — Вы сменяете одного из старейших наших работников, одного из наших лучших людей. Его имя Билли Вьятт. Он... он долго с нами работал. — Командир снова замолчал, его пальцы перебирали корабельный журнал на столе. — В Академии вам много всего говорили, и все это очень важно. Но я хочу, чтобы вы поняли еще кое-что. Работа в Картографическом Подразделении довольно утомительна. Подолгу задерживаются немногие, но даже те, кто работает от души, в конце концов ломаются. Вы должны это знать. Так вот, я хочу, чтобы вы были деликатны с Билли Вьяттом, — он продержался дольше других. Теперь он уволен, да, потому что сломался. У него истощена нервная система, работать хорошо он не может. — Командир медленно поднялся и шагнул вперед, глядя Боклеру прямо в глаза. — Будете сменять Вьятта — обращайтесь с ним уважительно. Он псыбывал дальше и повидал больше, чем любой, кого вы когда-либо встретите. Поймите меня правильно, я не говорю о жалости, потому что — вы слышите, мальчик? — рано или поздно это случится и с вами. Почему? Да просто потому, что этот проклятый космос слишком огромен. — Командир беспомощно развел руками. — Слишком огромен. В долгом полете все теряет смысл. И вы начинаете думать, что занимаетесь

ерундой. Вот тогда мы вызовем вас и определим куда-нибудь в контору, иначе вы погубите людей и потеряете корабль. Ничего нельзя поделать, когда космос становится слишком большим. Вот что случилось с Вьяттом. Вот что произойдет с вами. Понятно?

Молодой человек неувверенно кивнул.

— А вот, — Командир повысил голос, — задание на сегодня. Принимайте корабль. Вьятт пойдет с вами — только в этот рейс, «объезжать» вас, как молодого пони. Прислушайтесь к нему. В команде будет еще один, по имени Купер. Я вам советую: не упустите возможности поучиться. Держите уши раскрытыми, а рот закрытым, кроме тех случаев, когда у вас будут возникать вопросы. Вот и все.

Боклер отдал честь и повернулся, намереваясь уйти.

— Увидите Вьятта, — добавил Командир, — скажите ему, что я не могу присутствовать при взлете. Слишком занят. Масса бумаг на подпись. Больше этих распроклятых бумаг, чем у шефа чирьев.

Молодой человек медлил.

— Помогите вам бог, — сказал Командир.

Вьятт заметил письмо, когда молодой человек был еще далеко. Вьятт замер, и ему показалось, что перед глазами на мгновение возник туман. Затем он увидел новенький зеленый ящик с приборами на спине этого парня и выражение его лица, пока тот поднимался по трапу, и у Вьятта перехватило дыхание. С минуту он стоял неподвижно. «Мне? — подумал Вьятт. — Неужели мне?»

Боклер поднялся по ступенькам и сбросил ящик. Не очень-то приятно так начинать карьеру. Вьятт кивнул ему, но ничего не сказал. Он принял письмо, вскрыл и прочел. Вьятт был небольшого роста, полный, темно-волосый и очень энергичный. На его лице не отразилось никаких чувств, пока он читал.

— Что ж, — произнес он, сложив письмо, — спасибо.

Наступила долгая пауза. Наконец Вьятт спросил:

— А Командир сюда не собирается?

— Нет, сэр. Сказал, что занят. Просил передать всем наилучшие пожелания.

— Вот и славно, — сказал Вьятт.

После этого оба умолкли. Вьятт провел новичка в его

каюту и пожелал удачи. Затем вернулся к себе и сел подумать.

Прослужив двадцать восемь лет в Картографическом Подразделении, он потерял способность удивляться. Он сразу все понял, но нужно было какое-то время, чтобы осознать. «Ну-ну», — говорил он себе, но ничего не ощущал при этом. Рассеянно смахнув сигареты на пол, он подумал — почему? В письме не говорилось о причине. Возможно, он не прошел физические испытания. Или подкачала психика. Любой из этих причин достаточно. Ему сорок семь, а дело не из легких, но ведь он чувствует себя сильным и ловким и ничего не боится. Ему казалось, что он продержится еще долго, но, очевидно, он ошибался.

Если так, думал он, куда теперь?

Он сосредоточился на этой мысли не без интереса. Ничего конкретного заранее он не присмотрел. В свое время он легко и естественно включился в дело, зная, чего хочет: путешествовать, слушать и смотреть. Когда он был молод, его привлекало приключение само по себе. Теперь — нечто иное. Он не мог бы выразить это словами, но ощущал, что именно ему нужно. Нужно смотреть, наблюдать и... понять.

Итак, все. Неважно, в чем конкретно причина, главное, что с Вьяттом кончено. Важно, что он возвращается домой — то есть, собственно, никуда...

Наступил вечер, но Вьятт еще сидел в своей каюте. Наверное, у него нашлись силы разобраться — и он решил, что ничего не изменить. Если в космосе есть еще что-то, чего он пока не открыл, то похоже, ему это не нужно.

Он встал и направился в кабину управления. Его ждал Купер. Купер — высокий, сухопарый и бородатый — имел сильный темперамент, большое сердце и малую способность к поглощению алкоголя. Купер сидел в кабине совершенно один, когда вошел Вьятт. Если не считать ярко-изумрудных сигнальных огоньков на пульте управления, кабина была погружена во тьму. Купер лежал в пилотском кресле, откинувшись назад, его ноги упирались в пульт. Одна нога была разута, и Купер тихонько нажимал на кнопки огромным босым пальцем. Первое, что заметил Вьятт, когда вошел, была эта нога в зловеще мерцающем зеленом свете щитка.

Вьятт улыбнулся. По игре куперовской ноги и ее пальцев, по положению Купера в кресле и по безволью

свисавшей руке было ясно, что Куп напился. В порту он обычно бывал пьян. Этот симпатичный худой мужчина мало заботился о том, как выглядит, а хорошие манеры у него и вовсе отсутствовали, что было свойственно многим членам Картографического Подразделения.

— Что скажешь, Билли? — буркнул Куп из глубины кресла.

Вьятт сел:

— Ты где был?

— В порту. Повсюду в этом чертовом порту пил. Жарища!

— Что-нибудь принес с собой?

Куп безвольно махнул рукой в неопределенном направлении:

— Поищи.

Бутылки грудой валялись возле двери. Вьятт взял одну и снова сел. Кабина была теплой, зеленой и тихой. Купер и Вьятт провели вместе достаточно времени, чтобы молча сидеть рядом, и теперь они размышляли, глядя на зеленые блики. Вьятт сделал первый глоток и закрыл глаза. Купер не шевелился. Когда Вьятт уже решил, что приятель заснул, тот сказал вдруг:

— Слышал я о перемещении.

Вьятт посмотрел на друга.

— Узнал сегодня, — сказал Куп, — от этого чертова Командира.

Вьятт снова закрыл глаза.

— Куда ты теперь? — спросил Куп.

Вьятт вздрогнул.

— Поищу.

— Есть какие-то планы?

Вьятт покачал головой. Куп смачно выругался.

— Никакого покоя, — пробурчал он. — Сволочи проклятые. — Внезапно он выпрямился в кресле, протягивая к лицу Вьятта тонкий, как спичка, палец. — Слушай, Билли, — сказал он торжественно, — ты отличный малый. Ты это знаешь? Дьявольски отличный малый.

Вьятт отхлебнул еще и кивнул, улыбаясь.

— Говорил ты это, — сказал он.

— Я ходил в космос с хорошими парнями — отличными, отличными ребятами, — настойчиво продолжал Купер, выразительно покачивая трясущимся пальцем, — но ты лучше их всех.

— Продолжай. А то я не в настроении, — усмехнулся Вьятт.

Куп, довольный, снова погрузился в кресло.

— Просто хочу, чтоб ты знал. Ты отличный парень.

— Ладно, — сказал Вьятт.

— Значит, тебя вышвырнули. Меня оставили. Тебя вышвырнули. Мозгов у них нет.

Вьятт откинулся назад, давая жидкости растечься, отступая в мир спокойствия. Приятно было ощущать вокруг себя корабль, темный и пульсирующий. «Как чрево, — подумал он. — Точно в чреве».

— Послушай, — громко сказал Куп. — Пожалуй, уйдука я с этого корабля. Какого дьявола мне на нем оставаться?

Вьятт поднял глаза, вздохнул. Если уж Куп пил, он никогда не бывал чуть под мухой. Он заходил далеко и мог скатиться очень низко. Вьятт видел теперь, что Куп глубоко уязвлен, что перемены означают для него очень много, больше, чем ожидал Вьятт. Вьятт был вождем команды, но ему редко приходило в голову, что он так нужен Купу. Никогда он над этим по-настоящему не задумывался. Но теперь было ясно, что, останься Купер один, он может пасть окончательно. Если только этот новичок стоит немного и не научится делу быстро, похоже, Куп скоро погибнет. Теперь отстранение от должности казалось еще более нелепым, но ради Купа Вьятт поспешно возразил:

— Брось, парень. Ты и на свалку отправишься вместе с этим кораблем. Ты даже на него смахиваешь: у тебя такой же лоснящийся красный нос.

Куп угрюмо молчал, и Вьятт добавил мягко:

— Куп, спокойно. В полночь отбываем. Хочешь, чтобы я вел корабль?

— Да нет, — Куп резко повернулся, тряхнул головой. — Пошел к черту. Подыхай, — он откинулся на спинку; на изможденное лицо ложился зеленый отсвет со щитка. Следующие слова Купера прозвучали печально и тронули Вьятта: — Ну тебя к черту, Билли, — устало произнес Куп, — это не смешно.

Вьятт оставил его одного. Незачем спорить. Куп пьян, мозг его недосыгаем.

В полночь корабль встал на дыбы, раскачался и прыгнул в небо. Вьятт наблюдал, как уходят ночные огни и пышно расцветают звезды. В несколько секунд последние облака проплыли мимо, и корабль оказался в открытой долгой ночи, и миллион миллионов голубых, красных и серебряных точек вспыхнули могучим светом,

который и означал для Вьятта жизнь. Вьятт долго стоял, как всегда, ожидая чуда: он хотел, чтобы необъятная красота космоса стала понятной. Но этого не произошло.

Размышляя, Вьятт наблюдал за Вселенной, а она холодно смотрела на человека глазами звезд.

Наконец, совершенно разбитый, Вьятт пошел спать.

Первые дни пролетели для Боклера быстро. Онзнакомился с кораблем, обследуя укромные закутки, наблюдая, ощупывая и влюбляясь. Корабль для Боклера был точно женщина, первый полет стал медовым месяцем. Ну что ж, такое случалось нередко, Боклер не был первым.

Вьятт и Купер частенько оставляли Боклера одного. Они не ходили за ним по пятам, не следили, что он делает. Он видел их всего несколько раз — и не мог не почувствовать их удивления и негодования. При этом Вьятт бывал всегда вежлив, а Купер — нет. Ни один из них не находил нужным что-то посоветовать Боклеру, а он был достаточно умен, чтобы обходиться своими силами. Большую часть жизни Боклер провел среди книг, пыли и мертвых древних языков. По натуре он был замкнут и легко переносил одиночество.

Но вот однажды утром Вьятт отыскал Боклера в машинном отделении и вытащил растерянного парня наверх, в штурманскую рубку. И под массивным хрустальным сводом обзорного купола Боклер увидел картину, которую помнил до конца своих дней.

Корабль подходил к Дыре Сигнуса. Это была неправдоподобно огромная стена, почти плоская, уходящая вниз, в черное многоступенчатое молчание, падающая в бесконечность, на миллионы миллионов миль...

Если бы Боклер не видел звезд, еще светящихся по обе стороны гигантской плоскости, он мог бы подумать, что стена совсем близко, что до нее можно дотронуться рукой... Перед стеной вилась легкая дымка, а сама плоскость словно бы стояла на складках безмолвной черноты космоса.

Немного погодя Вьятт молча показал вниз. Боклер взглянул — и увидел его, крохотное желтое пятнышко, к которому они двигались. Оно было таким маленьким на фоне массивной тучи, что Боклер легко потерял его из виду. Каждый раз, когда он отводил глаза, пятнышко терялось, и приходилось отыскивать его снова.

— Оно слишком далеко в глубине, — наконец нарушил молчание Вьятт. — Мы движемся вдоль облака

кратчайшим путем. Потом замедлим ход и войдем туда. Денька два провозимся.

Боклер кивнул.

— Я решил, что вам захочется взглянуть, — добавил Вьятт.

— Спасибо, — Боклер благодарил искренне. Затем, не в силах сдержаться, он в изумлении покачал головой: — Господи!

— Зрелище величественное! — улыбнулся Вьятт.

Позже, много позже, Боклер начал припоминать, что говорил Командир о Вьятте и огромности космоса. Да, кое-что, например Дыра, непостижимо. В ней нет особого смысла — ну так что? Это настолько прекрасно, подумал Боклер, что смысла и не должно быть.

Корабль медленно приближался к звезде. Вокруг, если считать по земным меркам, был вакуум, — один атом вещества на кубическую милю пространства. Но для космического корабля плотность была велика. Идущий на субсветовой скорости корабль наткнулся бы на газ, как на стену. Поэтому они продвигались неторопливо, лавируя вокруг огромного желтого солнца. Планету они увидели почти сразу, и, направившись к ней, искали другие — но не нашли больше ни одной. Космос вокруг был абсолютно чуждым, и лишь единственная желтая звезда светилась в легкой дымке бесконечного облака, да мерцала зеленая точка планеты.

Вьятт и Купер провели обычные исследования планеты, не приближаясь к ней, — Боклер наблюдал за всем с серьезным восторгом. Радиосигналов не обнаружили, но зато в спектре планеты было приличное количество кислорода и водяных паров и сравнительно мало азота. Температура на поверхности допускала возможность жизни. Планета вполне могла быть обитаемой.

— Козыри наши! — бодро сказал Купер. — Этот кислород заряжает меня жизнью.

Вьятт промолчал. Он сидел в пилотском кресле, его огромные руки лежали на рычагах управления. Бережно направлял он корабль по длинной пологой спирали, думая о многих других случаях, о многих других посадках. Он вспоминал кислотный океан на Люпесе, гниlostную болезнь на Альтаире — все темные, непонятные, зловещие явления, к которым он приближался, не подозревая об этом. И только сейчас Вьятт понял, что это продолжалось очень долго, слишком долго.

Машинально улыбаясь, Купер возился с телескопом и не заметил внезапного оцепенения Вьятта. Это было так неожиданно. Суставы пальцев Вьятта постепенно белели, и он все крепче вцеплялся в пульт. Пот заливал ему лицо и затекал в глаза, Вьятт ощущал, онемев, что промок насквозь. И вот в какой-то миг пальцы его застыли, вцепившись в рычаги, и он не мог ими пошевелить. Случится же такая чертовщина с человеком в последнем рейсе, подумал он. Он сидел, разглядывая свои руки. Наконец, собрав всю свою волю, Вьятт сумел оторвать пальцы от рычагов.

— Куп, — позвал он. — Перехвати.

Куп взглянул и увидел, что лицо Вьятта побледнело и блестит от пота, вытянутые руки казались деревянными.

— Конечно, — сказал Купер после паузы, показавшейся Вьятту невероятно долгой, — конечно.

Вьятт отстранился, и Куп скользнул в кресло.

— Вовремя мне дали отставку, — Вьятт все глядел на свои затекшие неподвижные пальцы. Он поднял глаза — и увидел широко распахнутый взор Боклера, и тут же отвернулся от нескромной жалости этого взора. Купер, тяжело дыша, склонился над пультом.

— Ну, что ж, — вздохнул Вьятт.

Он чуть не плакал. Медленно вышел он из пилотской кабины, держа перед собой руки, точно засохшие существа, давно уже мертвые.

Корабль, переведенный на автоматическое управление, кружил в ночи, а команда спала — или делала вид, что спит. Наутро все были преувеличенно бодры и проявляли ко всему усиленный интерес.

Да, на этой планете были люди, и жили они в деревнях. Городов обнаружить не удалось.

Купер посадил корабль.

Здесь все было невероятно. Долго никто из землян не мог преодолеть ощущение нереальности.

С самого начала все было странно.

Местные жители видели, как корабль кружится над их головами, но не разбежались, наоборот — собрались в небольшие группы и наблюдали. Когда корабль приземлился, люди окружили его, кое-кто равнодушно потрогал стальные борта. Это были самые настоящие люди, внешне ничем не отличающиеся от землян. Впро-

чем, это как раз было нормально — в сходных условиях обычно рождаются схожие расы, — но Боклеру почудилось нечто суровое в этих мужчинах и женщинах, нечто почти величественное... Великолепно сложенные, смуглые, они были красивы — особенно женщины. На них были простые, почти примитивные одежды из разноцветных тканей, но сами эти люди примитивными отнюдь не казались. Они держались спокойно, с достоинством, не кричали и не шумели, даже не проявляли особого любопытства. Лишь дети выглядели взволнованными. И ни у кого земляне не заметили оружия.

Боклер стоял у экрана и наблюдал. К нему присоединился Купер, который глядел безо всякого интереса, пока не увидел женщин. Внимание Купера привлекла черноглазая девушка с мягкими, округлыми формами тела. Купер широко улыбнулся и повернул ручку увеличения. На экране осталась одна эта девушка. Купер оценивающе разглядывал ее и сообщал свои соображения Боклеру, когда вошел Вьятт.

— Погляди-ка на эту, Билли! — Куп прямо рычал от восторга. — Друг, мы прибыли куда надо!

Вьятт сдержанно улыбнулся и быстро сменил настройку, чтобы охватить толпу, окружающую корабль.

— Никаких неприятностей?

— Да нет же, — уверил его Куп. — И воздух хорош. Разрежен, правда, но кислорода достаточно. Кто выходит первым?

— Я, — вполне резонно предложил Вьятт. Он ведь не нужен на корабле.

Никто не возражал. Куп улыбнулся, когда Вьятт вооружался. Потом предупредил, чтобы он не трогал ту миловидную черноглазую девушку.

Вьятт вышел. Воздух был чист и прохладен. Легкий ветерок задевал листья деревьев, и Вьятт временами слышал отдаленные колокольчики птичьих голосов. Ведь это последний раз он идет прогуляться по неизвестному миру. Вьятт постоял немного у люка, прежде чем двинуться вперед.

Кольцо людей не шевельнулось при его приближении. Рука Вьятта поднялась в том жесте, на который Картографическое Подразделение привыкло полагаться, считая его универсальным знаком мирных намерений. Вьятт остановился против высокого монументального старика, закутанного в зеленую ткань.

— Привет, — громко сказал Вьятт и торжественно поклонился.

Затаив дыхание, Боклер с корабля наблюдал, держа пистолет на прицеле, как Вьятт выполняет обряд приветствия. Никто из высоких мужчин не пошевелился, кроме того старика, который сложил руки и смотрел с нескрываемым изумлением. Когда обряд был закончен, Вьятт снова поклонился. Старик расплылся в широкой улыбке, глянул на стоящих вокруг людей, затем неожиданно поклонился Вьятту. Люди один за другим улыбались и кланялись. Вьятт повернулся и помахал оставшимся на корабле, и Боклер убрал пистолет. Начало было хорошее.

Утром Вьятт вышел один побродить на солнышке среди деревьев и обнаружил девушку, которую видел с корабля. Она сидела в одиночестве у ручья, болтая ногами в чистой прохладной воде. Вьятт сел рядом с ней. Она взглянула на него без удивления глубокими, похожими на кусочки породистого дерева глазами. Потом низко поклонилась. Вьятт улыбнулся и ответил на поклон. Не церемонясь, он снял ботинки и погрузил ноги в воду. Вода была нестерпимо холодной, и он присвистнул. Девушка улыбнулась и начала тихо, без слов, напевать. Мелодия была приятной и несложной, Вьятт довольно быстро уловил ее и начал вторить. Девушка засмеялась, и Вьятт засмеялся вместе с ней, вдруг почувствовав себя совсем молодым.

«Я Билли», — захотелось ему сказать, и он снова засмеялся. Гораздо уютнее было сидеть молча. Даже великолепное тело девушки не возбуждало во Вьятте ничего, кроме спокойного восхищения.

Девушка подобрала ботинок Вьятта и критически разглядывала его, что-то лопоча. Прекрасные глаза расширились, когда пальцы девушки прикоснулись к пряжке. Вьятт показал, как пряжка застегивается, и девушка в восторге захлопала в ладоши. Вьятт достал из кармана разные мелочи, и они исследовала их одну за другой. Ее озадачила только фотография на удостоверении. Девушка взяла документ, разглядывала фото, потом — Вьятта, качала головой. Вьятту показалось, что девушка приняла снимок за неудачное произведение искусства. Он усмехнулся.

День прошел быстро, солнце начало заходить. Они еще немного попели друг другу песни, которых ни тот, ни другая не поняли, но оба наслаждались звуками. Лишь позже Вьятту пришло в голову, как мало любопытства они проявили. Они совсем не говорили. Ей не был интересен ни его язык, ни его имя, и, странно, Вьятт весь день ощущал, что в словах нет никакой необходимости. Двое людей, не проявившие никакого любопытства и ничего друг от друга не требующие, провели вместе редкостный день. Они сказали друг другу единственное слово — «до свидания».

Вьятт, растерянный, тяжелой походкой вернулся на корабль.

Первую неделю Боклер использовал каждый час бодрствования, чтобы изучить язык планеты. С самого начала он почувствовал необычность и своеобразие этих людей. В чем-то их поведение было непонятным, хотя сами они на первый взгляд ничем не отличались от землян. Но... они никогда не проявляли ни страха, ни удивления. Только дети интересовались кораблем, вертелись вокруг, разглядывали. Остальные вернулись к делам, и когда Боклер, изучая язык, приставал к ним с вопросами, весьма немногие хотели тратить время на разговоры. Но они всегда были вежливы, и Боклер, проявив завидное упорство, начал преуспевать. На второй день, когда Вьятт вернулся после встречи с девушкой, Боклер доложил ему о некотором прогрессе.

— Прекрасный язык, — сказал Боклер, едва Вьятт успел войти. — Удивительно развит. Чем-то похож на нашу латынь — конструкции того же типа, но мягче, и более флективный. Я пытался читать их книгу.

Вьятт задумчиво сел и зажег сигарету.

— Книгу? — удивился он.

— Да. Книг у них много, но у каждого есть именно эта — они держат ее на почетном месте в доме. Мне надоело их спрашивать, что это такое — наверное, Библия или что-то в этом роде, — но они так и не потрудились мне рассказать.

Вьятт вздрогнул, мысленно уносясь прочь.

— Я их просто не понимаю, — задумчиво сказал Боклер, довольный, что у него есть слушатель. — Не могу постичь. Они разумны, сообразительны — но у них нет

ни капли любопытства ни к чему, даже друг к другу. Господи, да ведь они даже не сплетничают!

Вьятт с довольным видом глубоко затынулся.

— Не кажется ли вам, что это каким-то образом связано с невозможностью видеть звезды? Вероятно, из-за этого замедлилось развитие физики и математики...

Боклер покачал головой:

— Нет, объяснение не в этом. Тут что-то не то. Вы заметили, какая неровная здесь земля, вся в колдобинах, сколько видит глаз, как после войны изрыта? Но эти люди клянутся, что никогда не воевали — в пределах человеческой памяти, а история у них не записывается, так что раскопать это невозможно. — Вьятт ничего не ответил, и Боклер продолжал: — Не вижу связи с отсутствием звезд. Но... Я не понимаю этих людей. Им на все наплевать. Когда приземлился наш корабль, помните?.. Им все равно...

Вьятт улыбнулся. В другое время, в любое другое время в прошлом его бы крайне интересовали эти факты, но только не сейчас. Он ощущал себя далеким от всего, и ему, как этим людям, было плевать. Проблема раздражала Боклера, который был зеленым юнцом и доискивался до причин. Она раздражала и Купера.

— Черт, — проворчал Куп, вваливаясь в каюту. — Вот ты где, Билли. Я жутко устал. Все тут обошел, тебя искал. Где тебя носило? — Он кинулся в кресло, задумчиво взъерошил свои черные волосы длинными тонкими пальцами. — Перекинемся в картишки?

— Не сейчас, Куп, — Вьятт откинулся назад, отдыхая.

Куп заворчал:

— Нечем заняться, как есть нечем. — Он встретился глазами с Боклером. — Продвигаешься, сынок? Скоро ли мы из этих мест отчаливаем? Время тут тянется вроде воскресного вечера.

Боклер всегда был готов поговорить о своей проблеме. Он снова изложил ее — теперь Куперу, и Вьятт очень устал слушать. Континент только один, сказал Боклер, и только одна нация, и все говорят на одном языке. Не удалось обнаружить ни правительства, ни полиции, ни закона. Насколько он убедился, не было даже института брака. Это и обществом назвать нельзя, но, черт побери, оно существует — и Боклер не может найти

никаких следов насилия, убийства, принуждения. Люди здесь, повторил он, просто на все плюют.

— Ей-богу, — проревел Куп, — я считаю, что тут все чокнутые.

— Но счастливые, — внезапно вмешался Вьятт. — Видно, что счастливые.

— Конечно, счастливые, — хихикнул Куп. — Они же дурачки. Во взгляде у них что-то такое... У тех счастливых парней, которых я знавал, у них у всех винтиков...

Прервавший его слова звук послышался еще несколько секунд назад, но поначалу был слишком тихим — однако быстро окреп и вдруг заполнил все. Легкий стремительный шум внезапно превратился в неистовый гром. Люди одновременно вскочили, охваченные страхом, но гигантской силы взрыв швырнул их на пол.

Земля содрогалась, корабль качался и оседал. В течение одной-единственной долгой секунды в воздухе возрастал чудовищный грохот агонизирующего мира, он заполнял кабину, он наполнил людей и все вокруг, сводя все к одному невероятному, сокрушительному, мучительному, разрушительному удару.

За первым ударом раздался другой, подальше, затем следующий — еще два взрыва огромной силы, и грохот продолжался, наверно, секунд пять. Это был величайший грохот, какой когда-либо приходилось слышать людям, и мир под ними продолжал трепетать, раненый и дрожащий, в течение нескольких минут.

Первым выскочил из корабля Вьятт, трясая головой на бегу, чтобы вновь обрести способность слышать. На западе, над купами зеленых и желтых деревьев, поднималось и кипело облако дыма в несколько миль длиной — оно плыло на большой высоте. Глядя на него и пытаясь устоять на месте на сотрясающейся почве, Вьятт сумел осмотреться и сообразить, в чем дело.

Метеориты.

Вьятт сталкивался с метеоритами задолго до этого, в системе Альдебарана. Теперь он почуял тот же запах гари и разрушения и почувствовал резкий порыв ветра. И в ту же минуту Вьятт подумал о девушке и, хотя она ничего не значила для него, потому что для него ничего не значил ни один из местных, — Вьятт из всех сил побежал в сторону черного облака. Позади он слышал топот Боклера и Купера.

Вьятт ворвался в дым, кружа по лесу и вдоль ручья, где он провел день с девушкой. Ненадолго он сбился

с дороги, спотыкаясь о камни и поваленные деревья. Но постепенно дым рассеялся и Вьятту стали попадаться люди. Теперь он пожалел, что не умеет говорить на их языке. Все они покорно брели прочь от места, где раньше была их деревня, и никто не оглядывался. Вьятт наткнулся на мертвецов, но некогда было останавливаться, некогда размышлять. Наступали сумерки, солнце садилось. Вьятт поблагодарил бога, что взял с собой сигнальную ракету.

Была уже глубокая ночь, когда Вьятт отыскал место падения первого метеорита.

Он нашел девушку, ошеломленную и истекающую кровью, в ущелье между двумя скалами. Опустился на колени и взял ее на руки. Нежно, благоговейно, сквозь ночь и пожар, мимо поваленных деревьев и мимо мертвецов он нес ее на корабль.

Все стало до ужаса ясно Боклеру. Он поговорил с людьми и понял. Метеориты падали с начала времен — так говорили люди. Может быть, причиной было огромное пылевое облако, через которое двигалась эта планета, а возможно, когда-то существовала вторая планета, позже разорванная в клочья гравитационными силами... Поскольку атмосфера здесь была разреженной, то и реальной защиты не было, так что метеориты падали год за годом, точно камни из божьей пращи. Падали с начала времен. Так говорили люди, эти ничем не интересующиеся люди. И тут Боклер нашел ключ. Несмотря на испуг и потрясение, Боклер во всем хотел докопаться до причин. И докопался.

Тем временем Вьятт выхаживал девушку. Она оказалась не слишком сильно ранена и быстро поправлялась, но ее семья и почти вся деревня погибли, и ей незачем было уходить с корабля. Постепенно Вьятт постигал местный язык. Имя девушки было бы сложно произнести по-английски, и Вьятт назвал ее Донна — в какой-то степени это походило на ее настоящее имя. Как и все ее соотечественники, Донна мало интересовалась и метеоритами, и мертвецами. Она обладала классическими чертами лица, безукоризненными зубами, лицо ее сияло и улыбалось. Вьятт никогда не любил прежде, и теперь не знал, влюбился ли, да это его и не волновало. Просто Вьятт понимал, что девушка нужна ему, с ней он чувствовал себя спокойно, отдыхал. Говоря с Донной, глядя

на нее — он постигал красоту и постепенно обретал мир в душе.

Когда девушка поправилась, Боклер перевел Книгу уже до середины — Книгу, похожую на Библию, которой, видимо, дорожили все местные жители. По мере того, как продвигалась работа, с Боклером происходила поразительная перемена. Много времени он проводил в одиночестве под открытым небом, глядя на дымку, сквозь которую скоро засветятся звезды. Он пытался объяснить Вьятту свои переживания, но тому было не до них.

— Но, Билли, — пылко говорил Боклер. — Понимаете, через что прошли эти люди? Видите, как они живут?

Вьятт кивнул, но глаза его были устремлены на девушку, он любовался ею: в этот момент она сидела и слушала записи старинной музыки.

— Они живут в постоянном ожидании, — пояснил Боклер, — и понятия не имеют о метеоритах. И не подозревают, что во вселенной есть еще что-то, кроме их планеты и солнца. Они считают, что это и есть все сущее. Они ничего не понимают, но, когда метеориты обрушиваются на них, могут сделать только один вывод.

Вьятт отвернулся от девушки, улыбаясь с отсутствующим видом; ничто не могло его тронуть. Уж он-то повидал порядок и красоту, невероятное совершенство Вселенной; он так глубоко их постиг, что, как и Боклер, не мог не верить в цель, в великий конечный смысл. Когда отец Вьятта умер от укуса насекомого на Обероне, Вьятт понял, что это не случайно, и доискивался до причины. Когда его лучший товарищ упал в кислотный океан Альцесты, а второй умер от гнилостной болезни, Вьятт видел тут цель, цель злых бесполезных миров. Смысл вещей и явлений становился все яснее, и сейчас, в конце, Вьятт приблизился к истине, которая заключалась в том, что, вероятно, ничто не имеет никакого значения. Особенно сейчас. Так много всего произошло, что Вьятт утратил способность искать смысл событий. Он был уже немолод, хотелось отдохнуть, и на груди у этой девушки он находил смысл всего и вся, что было ему нужно.

Но Боклеру казалось, что здесь, на этой планете, совершается великое зло, и чем больше он об этом думал, тем более растерянным и сердитым становился. Он сидел в одиночестве и разглядывал ужасную рану на поверхности планеты, и пришел к тому, что проклял природу вещей — так много лет назад поступил и Вьятт.

И тогда Боклер стал продолжать перевод Книги. Он дошел до последнего абзаца, все еще проклиная мир, снова и снова перечитывая перевод. И когда пришло новое сияющее утро, Боклер сообщил Вьятту:

— Был у них тут какой-то тип, — очень хороший писатель. Он написал Книгу, которой местные пользуются как Библией. В чем-то она похожа на нашу Библию, но чаще — противоположна ей. Он проповедует, что человек ничему не должен поклоняться. Хотите, прочту последний отрывок?

Вьятт был в дурном настроении, но пришлось слушать из жалости к Боклеру, которому предстоит еще пройти такой длинный путь. Все мысли Вьятта сосредоточились на Донне, которая пошла прогуляться по лесу и проститься со своим миром. Скоро он приведет ее обратно на корабль. Может быть, она немного поплачет, но пойдет. Она всегда шла с ним, когда он за ней приходил.

— Я перевел, как сумел, — сказал Боклер, — но вы поймете. Этот тип здорово писал. Он был Шекспиром и Вольтером этого мира, да и всеми остальными писателями. Он мог заставить чувствовать. Я не сделал бы хорошего перевода, даже если бы всю жизнь работал, но, пожалуйста, послушайте и постарайтесь понять. Я пытался писать в духе Экклезиаста, потому что это нечто подобное.

— Ладно, — сказал Вьятт.

Боклер после долгой паузы начал читать. Голос его звучал тепло и мощно, и вскоре Вьятт, замороженный, почувствовал, как уходят печаль и усталость. Он кивал и улыбался.

Вот какой отрывок выбрал для него Боклер из Книги:

«Поднимись с улыбкой и иди за мной. Поднимись в броне тела твоего — и то, что случится, сделает тебя бесстрашным. Иди среди желтых холмов, потому что они принадлежат тебе. Иди по траве, и пусть ноги твои вязнут в мягкой почве, и в конце, когда все продаст тебя, почва тебя успокоит, почва примет тебя, и ты обретешь мир и покой в темной постели.

В броне своей, слушай мой голос. В броне своей, слушай. Что бы ни делал ты, — твой друг, и твой брат, и твоя женщина предадут тебя. Что бы ты ни посадил, семена и всходы принесут тебе зло. Куда бы ни пошел ты, небо упадет на тебя. Хоть народы пойдут к тебе с дружбой, проклят ты. Знай, что не нужен ты Богу.

Знай, что ты есть сама жизнь, что боль будет вечно проникать в тебя, даже если годы твои будут бесконечны и ночи бессонны отныне и навеки. И, зная это, в броне твоей ты поднимешься.

Да будет сияние в сердце твоём, да выкуется сталь в груди твоей. И что теперь может повредить тебе, раз ты в гранитном панцире? Ты всего только умрешь. Так не ищи же искупления, ни прощения за грехи свои, узнай же, что не грешил ты никогда.

Так пусть же Боги проникнут в тебя.»

Чтение закончилось. Вьятт сидел молча. Боклер испытующе посмотрел на него. Вьятт кивнул:

— Понятно, — сказал он.

— Они ни о чем не просят, — сказал Боклер. — Ни о бессмертии, ни о спасении, ни о счастье. Они принимают то, что есть, и ничему не удивляются.

Вьятт улыбнулся, поднимаясь. Он долго глядел на Боклера, пытаясь придумать, что сказать, но сказать было нечего. Если бы молодой человек мог поверить в это прямо здесь и сейчас, он бы сократил себе долгий-долгий мучительный путь. Но Вьятт не мог ему ничего объяснить — пока не мог. Он протянул руку и ласково хлопнул Боклера по плечу, потом ушел с корабля и двинулся к желтым холмам, где ждали его девушка и любовь.

«Что они сделают, — спрашивал Боклер, — когда взойдут звезды? Когда появятся другие пространства, куда можно отправиться, начнут ли эти люди искать, как мы?»

Начнут. С грустью он понял, что начнут. Потому что в человеке есть струна, за которую умеют задевать звезды, и он устремится вверх и уйдет во внешний мир, в бесконечность, — и будет уходить, пока где-то есть хоть один человек и хоть одно необитаемое место, где он еще не побывал. А раз так — что значит смысл? Так уж мы устроены — и так будем жить.

Боклер глянул вверх, в небо.

Сквозь туман, слабо, как далекий глаз бога, пронизывающий серебристую дымку, просвечивала одна-единственная звезда.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

— Взгляни, Арчи, — сказал Джим Тимберлэйк, напряженно всматриваясь в щелку между двумя толстыми бревнами сарая. — Опять к нам исцелитель пожаловал.

Арчи Свенсон поднял голову. Он был худ и темноволос, вечно чем-то озабочен, и сейчас выглядел мрачнее тучи.

— Мне не нравится выражение его лица, — зловеще произнес он.

Они торопливо принялись за настройку механических переводчиков, — ларингофонов и наушников, — наблюдая за широкоплечим охранником с зеленой кожей, который открыл дверь и отступил на шаг, пропуская шамана — крепкого старичка, располневшего от сытой жизни. На поясе у него висел большой кинжал, из косички на голове торчало несколько мелких обглоданных костей, а в руке болтался надутый мочевого пузыря какого-то животного. Он был до неприличия неопрятен, с обвисшим толстым животом, и оставлял крайне неприятное впечатление.

— Привет, демоны! — весело заявил он, и механические переводчики тут же заработали, превращая хрюканье и щелканье в обычную человеческую речь.

— Кретин! — загорелое лицо Тимберлэйка, казалось, покраснело еще больше. — Я устал повторять, что мы не демоны, а самые обычные люди, такие же, как вы. У нас общие предки. Просто ваш народ приспособился к условиям жизни на этой планете, о которой все давно забыли. К тому же...

— Дорогой мой, — перебил его шаман, изящно помахая мочевым пузырем. — Верю, верю, верю. Ни секунды не сомневаюсь. Но представьте, какой переполох подымется, если я с вами соглашусь. В конце концов, Рим не в один день строился.

— Значит, вы признаете, что знаете о Риме! — вскричал Тимберлэйк.

— Одна из наших самых любимых легенд, — промурлыкал шаман. — А теперь перейдем к делу...

В отчаянии Тимберлэйк расправил плечи, жалея только, что в дополнение к стальным мускулам не вы-

шел ростом, как Свенсон, и до отказа повернул ручку громкости.

— Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ НАС НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИЛИ!

— Ах, ах, ах! — восхищенно произнес шаман. — Кто из вас останется, обязательно должен показать, как пользоваться этой штуковиной!

— То есть как — «кто останется»? — испуганным, дрожащим голосом спросил Свенсон.

— Видите ли, наш совет старейшин наконец-то принял окончательное решение...

— С вашей помощью, — проворчал Тимберлэйк.

— Не стану скрывать, что к моему скромному голосу прислушались... По крайней мере мы приняли во внимание, что когда вы, два демона, прилетели на вашем дьявольском звездолете, то объяснили свое появление необходимостью спасти еще каких-то демонов. Должен признаться, перед нами стояла нелегкая задача: отпустить вас, чтобы уберечься от сглазу, или сварить на медленном огне в кипящем масле, чтобы другим демонам неповадно было.

У Свенсона отвалилась нижняя челюсть.

— Однако, невзирая на трудности, совет принял мудрое решение, достойное легендарного Соломона: одного из вас мы отпустим на волю, а другого — сварим, как только наступит полнолуние. Ждать недолго.

На этот раз челюсть отвалилась не у Свенсона, который замер на месте, как громом пораженный, а у Тимберлэйка.

— Кто... кто из нас? — с трудом выговорил он.

Шаман грациозным движением руки описал по воздуху круг мочевым пузырем и указал на Свенсона.

— Иггль, — сказал он.

У Свенсона подкосились ноги.

— Биггль, — продолжал шаман, качнув пузырем в сторону Тимберлэйка, торопливо пытающегося настроить механического переводчика. Слова, видимо, состояли из ничего не означающих слогов, потому что смысл их так и остался непонятен.

— Тиггль, рог, — пропел шаман, неторопливо помахивая пузырем. — Джаби, уги, сиггль, блог. И тогда... выходишь... ты! — Мочевой пузырь замер перед побелевшим, как смерть, Свенсоном. — Поздравляю, — сказал шаман, обращаясь к Тимберлэйку. — Вы — избранник судьбы и сможете выполнить возложенную на вас

миссию. Два демона, которых вы ищете, находятся недалеко отсюда. Полдня пути. Идите прямо по долине и сверните направо от Красной Скалы.

По знаку шамана двое стражников вошли в дверь сарая и, взяв Тимберлэйка под руки, потащили к выходу.

— Подождите! — закричал он, вспомнив об оружии в кабине управления. — Мне надо кое-что забрать из звездолета...

— Ах! Увы... но нет, — с сожалением ответил шаман. — Мы, конечно, провинциалы, но не до такой же степени. Здравый смысл у нас есть. Тебе придется рассчитывать только на себя, демон. Эй, стража, дайте-ка ему хорошенько по голове, а потом отнесите до границы.

Примерно через полчаса, сидя на небольшом живописном холме, с которого открывался вид на огороженную частоколом деревню, откуда его только что вышвырнули, Тимберлэйк осторожно потрогал разламывающуюся от боли голову. Он тщательно проверил вмонтированный в шлем радиопередатчик, но, видимо, дубинка не причинила ему особого вреда. Все с той же тщательностью он настроил его на нужную волну.

— Свенсон? Арчи? — сказал он, прижимая ларингофон к горлу. — Арчи, ты меня слышишь?

— Слышу, — раздался в ответ утробный голос, исходящий, казалось, из глубин души, пораженной отчаянием.

— Развеселись, старина, — начал было Тимберлэйк, и в ту же секунду сдернул наушники, держа их на расстоянии вытянутой руки, пока голос постепенно не затих. — Арчи, — произнес он с упреком, — я понимаю, что ты волнуешься, и поэтому ни в чем тебя не виню, но...

— Волнуюсь! — завизжали наушники. — Они хотят меня съесть!

— Съесть?

— Когда приготовят в масле. Тимберлэйк, дрянь ты этакая, все из-за тебя. Если бы...

— Нет, нет! — вскричал Тимберлэйк. — Поверь, Арчи, я здесь ни при чем. Это у них считалка такая, знаешь, вроде: энике, бэнике...

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Когда мы приземлились, я хотел взять с собой оружие. Но нет, ты уверил меня, что, судя по шкале, они прекрасно знают историю человечества и его достижения...

— Но так оно и есть. Они все знают, и ни во что не верят.

— ...более того, именно ты настоял, чтобы мы изменили курс. Надо было не совать нос в чужие дела, а лететь прямо на Драхму VII и оформлять заявку, и тогда вообще ничего бы не произошло. Но тебе приспичило ответить на сигнал бедствия. Сигнал бедствия! Могу поспорить, это была западня. Тоже мне SOS: «Помогите! Помогите! Пожалейте двух обреченных мамочек. Спасите наших деток!»

— Арчи, — с укором в голосе произнес Тимберлэйк. — Неужели тебе чисто по-человечески не жаль людей, попавших в беду?

— Очень мило! — завопили наушники. — Кто это говорит? Меня собираются сварить в масле, а он, свободный как птичка, намерен подобрать двух деток, улететь на их корабле домой, получить шикарное вознаграждение и жить припеваючи до глубокой старости... и еще заявляет мне о жалости к людям, попавшим в беду! Нет, каково...

Печально вздохнув, Тимберлэйк плавно перевел ручку настройки приемника, обрывая голос своего друга и партнера, и установил ее на SOS, сигнал которого звучал, не умолкая. Стрелка прибора подпрыгнула на шкале и замерла, указывая на долину. Очевидно, старый шаман не соврал. Что он говорил? Ах да, примерно полдня пути.

Тимберлэйк пошел вперед.

Идти было совсем нетрудно. Траву в долине щипали стада домашних животных, похожих на антилоп, и открытое зеленеющее пространство очень напоминало обычную лужайку перед его домом на земле. Но дойдя до Красной Скалы, он задумался. Как это «повернуть направо от скалы»? Ведь можно повернуть, не доходя до нее, а можно и перейти? Тимберлэйк остановился в нерешительности.

Однако, поднявшись на пологий склон, он увидел зеленокожего туземца, опирающегося на копье и задумчиво глядящего в противоположном направлении. Тимберлэйк замер на месте, готовый в любую секунду дать стрелача, но так как пастух не шевелился, решил осторожно приблизиться, в надежде, что шаман предупредил своих соплеменников о демоне, отпущенном на свободу.

— Э-э-э... здравствуйте, — сказал он туземцу.

— Иггль, защити! — воскликнул тот, приходя в себя, подпрыгнув на месте и попятившись. — Я замечтался и не заметил, как ты подкрался ко мне, демон. Только учти, ничего у тебя не выйдет. У меня в кошельке лежит косточка левого мизинца моего дедушки.

— Я не сделаю вам ничего плохого, — раздраженно ответил Тимберлэйк. — Мне необходимо найти двух молодых демонов, которые живут неподалеку.

— Молодых? — с сомнением в голосе произнес туземец. — Один из них действительно мал, а второй — ростом с избу совета. А ты уверен, что больше ничего от меня не потребуешь, демон? Если я покажу, где они живут?

— Уверен, — пробурчал Тимберлэйк.

— Н-да... ну ладно. Поверни направо и иди вдоль ручья. Увидишь небольшую долину, поросшую лесом. Ошибиться невозможно. А сейчас — извини. Пойду пасти своих зразов, а то нечем будет поужинать. Прощай.

Глядя в его удаляющуюся спину, Тимберлэйк почувствовал непреодолимое желание хорошенько стукнуть себя по голове. Ему на ум пришли тысячи причин, по которым следовало задержать пастуха. Как заложника, например. Или отобрать копье... впрочем, в любом случае было поздно. Тимберлэйк повернулся и начал медленно взбираться по пологому склону скалы.

За время пути он перебрал в голове самые разнообразные планы спасения. Полнолуние... когда оно наступит? Жаль, он не посмотрел на небо вчера или позавчера, сразу, как приземлились, но кто знал, что их схватят? И в ту, и в другую ночь на небе была луна, но какой формы? Оглушенный мозг отказался подсказать ответ с прежней услужливостью.

Ну и пусть. Даже если до полнолуния осталось всего несколько дней, горевать не приходится. Сигнал SOS, звучащий не переставая, указывал на наличие какого-то космического корабля, не слишком сильно поврежденного. А в любом корабле должно быть оружие. Например, огнемёт. Вполне можно успеть вернуться, перепугать до смерти всю деревню и спасти Свенсона. Он подумал, что не худо было бы сообщить эту новость своему партнеру, но Тимберлэйк по-настоящему обиделся, когда Свенсон намекнул, что он бросает друга в беде. Уж кто-кто, а старина Арчи должен знать, что он на такое не

способен. Вот и пусть поволнуется, раз так. Только полезно. В другой раз будет умнее.

Слегка задыхаясь — склон становился все круче — Тимберлэйк вошел в небольшой лес, и полумрак напомнил ему о том, что он начал свое путешествие в полдень, и день постепенно клонился к вечеру. Берега ручья становились все каменистее, почва была устлана сосновыми иглами, упавшими с деревьев. Через некоторое время он подошел к небольшой скале, с которой ручей низвергался водопадом.

С большим трудом вскарабкавшись наверх, он наконец-то очутился в маленькой, скорее даже миниатюрной, лесистой долине с пологими склонами. В ее центре ручей разливался в озеро, на берегу которого стоял крохотный, но очень аккуратный каменный домик, а рядом была навалена гора стволов молодых деревьев, образующих нечто вроде огромного навеса, весьма шаткого на вид. Чуть в стороне виднелся космический корабль неизвестной конструкции.

При приземлении он ударился о скалу и теперь представлял собой грудку металлолома.

Тимберлэйк икнул и сел — по счастью, прямо на лежавший позади булыжник. В том, что звездолет был поврежден, он не сомневался; серьезные неполадки — предвидел, но никому не нужные обломки... воображение просто не могло нарисовать ему подобной картины. И как вообще уцелели дети, о которых шла речь в сообщении, при подобной катастрофе?

Не в силах унять нервной дрожи во всем теле, он с трудом поднялся на ноги и поспешно направился через долину к маленькому каменному домику. Тщательность его постройки восхищала и радовала глаз: камни были сцементированы чем-то похожим на красно-серую глину, в оконных проемах, хоть и не застекленных, висели занавески, дверь поражала искусной ручной обработкой, а из небольшой квадратной трубы вился дымок.

Несколько неуверенно Тимберлэйк постучал в дверь.

— Войдите! — сообщил переводчик вслед за высоким тонким голосом, донесшимся изнутри. Тимберлэйк открыл дверь и вошел, наклонив голову.

Он очутился в большой квадратной комнате, меблированной с математической точностью и спартанской скромностью. Небольшая коробка, застланная матрасом

из сена, стояла у одной из стен. Прочие стены от пола до потолка были заставлены полками, ящиками и шкафчиками, сделанными вручную. Исключение составлял лишь стол — несколько помятый, с погнутыми металлическими ножками, за которым сидело существо в метр ростом, с большой головой, серой кожей и глазами долгопята. На столе стояла крохотная коробочка, по всей видимости чернильница, и лежали отточенное птичье перо и пачка больших белых листьев, испещренных какими-то знаками.

— Хотя я всего лишь девятимесячный пид, — пискнуло существо, — мне не трудно определить в тебе представителя человеческого вида. Ты захочешь узнать мое имя. Меня зовут Агг. Возможно, ты пожелаешь сообщить мне свое.

— Э-э-э... Джим Тимберлэйк, — сказал Тимберлэйк. — Как дела?

— Мои дела идут с максимальной продуктивностью, на которую способен только пид, — пискнул Агг. — Хотя, как видишь, мне всего девять месяцев от роду. Чем могу быть полезен, Джим?

— Видите ли, — ответил Тимберлэйк, чувствуя, что попал в дурацкое положение, — мы с партнером прилетели на сигнал SOS...

— Исключительно счастливый случай, — пискнул пид. Он почесал свой длинный нос, и Тимберлэйк обратил внимание, что на конце нос заострен не хуже копыя. — Вот только вещи соберу и буду готов.

— Видите ли, — повторил Тимберлэйк, — дело в том, что мы не можем улететь прямо сейчас... — и он рассказал о несчастьях, обрушившихся им со Свенсоном на голову.

— А-а, — протянул пид. — В таком случае я не буду складывать вещи, так как в этом нет смысла. Спасибо. Прощай.

— Эй, минутку! — вскричал Тимберлэйк, глядя, как пид вновь взялся за перо. — Не все еще потеряно. Нам надо только выручить Свенсона и отбить у туземцев наш звездолет.

— Как? — спросил пид.

— Э-э-э... я думал, после аварии у вас уцелело какое-нибудь оружие...

— Оружие? Наш космический корабль был полностью уничтожен, за исключением противоперегрузочного отсека со всем содержимым: нашими яйцами и биб-

лиотекой, технические тексты которой я отобрал в свое личное пользование для большей сохранности. — Пид указал на одну из полок, которая сверху донизу была забита катушками с микрофильмами. — Наши мамочки принесли себя в жертву, сгорев вместо топлива — лишь бы мы благополучно приземлились. Когда я вылутился из яйца, рефлекторная память, заложенная в зародыше, точно подсказала мне, как поступить. Я настроил вспомогательную сигнальную систему на SOS и занялся самообразованием. Прошло девять месяцев, а мне удалось познать лишь общую теорию строения галактики. Доброй ночи.

— Но, мой друг...

— Ничем не могу помочь. Доброй ночи.

— Послушайте! — вскричал Тимберлэйк. — Мы прилетели сюда специально, чтобы спасти вас. Неужели у вас совсем нет совести?

— Конечно, нет. Совесть — продукт эмоций. А следовательно, она — *ipso facto* — начисто лишена логики, — сказал пид. — А мы, пида, славимся своим умением логично мыслить. Доброй ночи.

Разозлившись до такой степени, что не нашел возражений, Тимберлэйк выскочил из домика.

Вечернее предзакатное солнце заливало долину. Примерно в тридцати ярдах высился навес из стволов деревьев. Даже не дав себе труда задуматься, кому именно мог принадлежать такой огромный дом, Тимберлэйк яростно зашагал вперед.

Чем ближе он подходил, тем сильнее становился шум, доносившийся изнутри. Он все нарастал и нарастал, и наконец превратился в рев, который переводчик немедленно определил как «Боже мой».

— Эй, есть тут кто-нибудь? — спросил Тимберлэйк и вошел под навес.

В ту же секунду он увидел перед собой существо непомерных размеров, напоминающее дракона, с маленькой шишковатой головой, как у кенгуру, и глазами, полностью закрытыми видеопроектором. Оно сидело в дальнем углу на огромном хвосте, покрытом бронированной чешуей и закрученном вокруг туловища, а рядом валялись микропленки и пустые катушки. Заметив Тимберлэйка, дракон сдвинул проектор на лоб и посмотрел на него.

— К... кт-то.. кто вы? — Прижав свои относительно маленькие передние лапы к груди, он, казалось, стал

меньше ростом и вжался в стену, подальше от Тимберлэйка.

— Меня зовут Джим, — проворчал Тимберлэйк. — Мы с партнером прилетели спасти вас. Мы...

— Спасти! — вскричал дракон, впадая в экстаз и широко разводя лапы в стороны. — О радость! О восторг! Как долго горевал в пустыне этой я, и ждал, что наконец спасут меня! — Он запнулся. — Простите, как, вы сказали, ваше имя? Меня зовут Илу.

— Джим Тимберлэйк. Я — человек, — сказал Тимберлэйк, ожесточенно ковыряя пальцем в ухе, оглохшем от громовых раскатов драконьего голоса.

— О, доблестный человек! Ты, наконец, пришел... но поздно, слишком поздно... — И дракон затрясся от едва сдерживаемых рыданий.

— Слишком поздно?

— Да. Мамошка моя... — Илу захлебнулся слезами и умолк, не в силах вымолвить ни слова. Он плакал так жалостно, что Тимберлэйк, которому не чуждо было сострадание, не выдержал и, подойдя вплотную, ласково погладил его по голове. Дракон ткнул носом, величиной с бочку, ему в грудь и засопел.

— Ну что ты, что ты, — неуверенно забормотал Тимберлэйк.

— Простите, о, простите меня. Я ничего не могу с собой поделать. Я очень чувствительный. Совсем как моя мамочка.

— А кем была твоя мама? — спросил Тимберлэйк, чтобы отвлечь дракона от грустных мыслей.

— Что? — спросил Илу, удивленно поднимая голову. — Конечно, иллобаром, как и я. О, как она была прекрасна! Какие чудные белые клыки, какие сверкающие когти, какой великолепный могучий хвост! А сердце нежное, как цветочек. Когда падал лепесток, вместе с ним катилась из глаз ее крупная слеза.

— Ты так хорошо ее помнишь? — спросил Тимберлэйк, про себя отметив, что Илу, видимо, старше пиды, который вылупился из яйца только после приземления.

— Ну что вы, конечно, нет! Я создал ее любимым образ в своей памяти по романтическим книгам, которые она для полной безопасности поместила в жидкость противоперегрузочной камеры вместе с моим... — иллобар закрыл голову лапой и смущенным голосом произнес, — ...яйцом. Та, которая любила подобные романы, не могла быть иной, чем рисует мое воображение. Разве не ее лю-

блящая рука положила в противоперегрузочную камеру механического педагога, который наставил кроху на путь истинный, как только он вырвался из скорлупы на волю? Да, — сказал иллобар, сверкая глазами. — Одно лишь слово может выразить все, что она для меня сделала. МАМА! — Он гордо расправил плечи и высморкался в один из небольших белых листьев, которые служили пиду для письма. — Но хватит. К чему вспоминать мое, столь плачевное, прошлое? Вы явились, чтобы спасти меня. В путь!

— Видишь ли, нам не удастся так просто улететь, — сказал Тимберлэйк. — Сначала надо... — и он поведал иллобару о Свенсоне и зеленокожих туземцах.

— Возможно ль? Пленник? Обреченный? — взревел дракон, подскакивая на хвосте и сверкая глазами. — Где видано! О, нет! Вперед! На помощи!

Он угрожающе вытянул лапу, и Тимберлэйк, не помня себя от радости, что наконец-то нашел верного союзника, выскочил из-под навеса. Вдохнув свежий воздух полной грудью, он бросил взгляд на предзакатное солнце и тут с удивлением обнаружил, что иллобар за ним не последовал.

Тимберлэйк вернулся. Илу, избегая смотреть ему в глаза, подышал на когти и начал полировать их о костяную пластину на груди, смущенно напевая себе под нос.

— Что случилось? — осведомился Тимберлэйк.

— Э-э-э... понимаете, — пробормотал иллобар, — я вдруг подумал, что у них есть копья... и... всякие острые штуковины. А я не могу вынести мысли, что мне причинят боль.

Тимберлэйк застонал и в отчаянии опустил на первое попавшееся бревно.

— О, прошу вас, не расстраивайтесь! — вскричал иллобар. — Мне не пережить, когда кто-нибудь печалится. Тимберлэйк заскрежетал зубами.

— Не надо так. Пожалуйста, развеселитесь. Послушайте, — сказал иллобар. — Позвольте мне зачитать вам прекрасные строки, произнесенные Сгмной в «Пксрионе» Готера, когда она слышит, что дело ее безнадежно. — Он торопливо вставил в видеопросктор новую пленку и принялся говорить душераздирающим голосом: — «...судьба, предсказанная звездами, сбылась. О, чадолюбивая страдалница! Если бы Гирутх был снагом, полностью снагом, и никем, кроме снага, она была бы не

в силах отказать ему в подписании договора. Но так как он презренный брыксл, она унесет память о нем в могилу...» Вот видите, — сказал иллобар, сдвигая проектор на лоб и наливая какую-то жидкость из сосуда, напоминающего своими размерами бочонок, в нечто, похожее на вазу для цветов. — Могу я предложить вам капельку моего домашнего вина?

Тимберлэйк принял подношение безжизненной рукой. Он осторожно принялся. Жидкость слегка пахла спиртом и была бесцветной, тягучей и маслянистой на вид. «Какого черта», — подумал он, и опрокинул содержимое вазы себе в горло.

Жидкий огонь разгорелся внутри, не давая ему вздохнуть.

Ему показалось, что кто-то из всех сил стукнул его по шее.

...И больше он ничего не помнил.

Тимберлэйк застонал и открыл глаза. Утреннее солнце проникало в щели между стволами навеса. Злые гномы упорно стучали по наковальням в его голове, а во рту ночевал верблюд, чувствовавший себя в родной стихии.

— Что это я выпил? — прохрипел он. Ответа не последовало. Кроме него, под навесом никого не было. Тимберлэйк с трудом встал и, покачиваясь, добрал до озера, расположенного ярдах в тридцати от навеса. Встав на колени, он сунул голову в холодную воду. Манна небесная.

Примерно через полчаса, хорошенько прочистившись как изнутри, так и снаружи, он завязал лоб мокрым платком и вдруг вспомнил о Свенсоне.

«Только этого мне не хватало», — подумал Тимберлэйк, когда первое потрясение улеглось. Ведь он хотел поговорить со своим партнером, как только тот немного успокоится, а вышло, что несчастный обреченный всю ночь провел в страданиях и непереносимых муках. Угрызения совести, презрение к самому себе, которые испытывает любой человек после хорошего похмелья, терзали Тимберлэйка, разрывая его душу на части. Перед его внутренним взором вставал Свенсон: одинокий, беспомощный, ожидающий ужасной смерти и лишенный возможности обмолвиться словом со своим единственным другом.

Виновато включив радиопередатчик, он прижал микрофон к горлу.

— Арчи! — робко позвал он. — Арчи! Ты меня слышишь? Ответь, Арчи! С тобой все в порядке? Арчи!

Несколько странный, но довольно ритмичный звук донесся из наушников, не радуя слуха.

— Арчи! — воскликнул потрясенный Тимберлэйк. — Боже мой, Арчи, ты плачешь! Не смей! Слышишь, не надо!

— А кто плачет? — осведомился Свенсон невнятным тоном. — Я смеюсь. Смейся, и Вселенная засмеется вместе с тобой. Плачь, и ты будешь плакать в одиночестве. Ха! Меня сегодня в масле сварят, в масле сварят, в масле сварят. Меня сегодня в масле сварят, в полноду-у-нье...

— Арчи! — вскричал Тимберлэйк, пораженный до такой степени, что начисто забыл о своем плачевном состоянии. — Что с тобой случилось? Что они с тобой сделали?

— Ничего, — раздался в ответ возмущенный голос. — Ровным счетом ничего. Они превосходно ко мне отнеслись. Просто превосходно! Вся тюрьма теперь в моем личном распоряжении, и столько джубикса, сколько душе угодно...

— Чего-чего?

— Джубикса. Джубик-са.

— Что это такое?

— Понятнеему, — сказал Свенсон. — Прекрасно успокаивает нервную систему. Джим, ты не поверишь, как спокойно я себя чувствую. Так спокойно, так спокойно...

— Кретин! — завопил Тимберлэйк. — Разве ты не понимаешь, что тебя одурманили? Не смей больше жевать джубикс. Это — наркотик.

— Чепуха. Ты всегда был подозрителен. Сукин подозрительный сын. Но я тебя прощаю. И люблю всем сердцем своим. Добрый старый Джимми мой, добрый старенький шаман, добрый старенький джубикс... — голос постепенно затихал, переходя в легкий храп.

— Арчи! Арчи! Проснись... — Внезапно до затуманенного похмельем мозга Тимберлэйка дошло, о чем говорил Свенсон. — Арчи! Ты сказал, что они собираются сварить тебя *сегодня*?!

— Хрр-р... а? Конечно. Большой праздник. Меня сварить, корабль взорвать...

— Взорвать звездолет! — завизжал Тимберлэйк. — Арчи, что ты мелешь?

— Должен же я был хоть как-то отблагодарить их, — примирительным и слегка заискивающим тоном объяснил Свенсон. — Все равно нам не придется на нем летать, — помолчав, он взволнованно добавил. — Ведь ты не сердись на меня, Джимми, правда?

Ледяной трясущейся рукой Тимберлэйк выключил передатчик. Лоб его покрылся испариной. В голове молоты продолжали стучать по наковальням. Мысли перепутались.

В создавшемся положении его не могли спасти никакие полумеры. Если только он хотел остаться в живых, спасти Свенсона и улететь с планеты, необходимо было успеть до торжественной церемонии, которая должна состояться в деревне сегодня вечером. Ну и ну! Ни помощи, ни оружия, да еще двое глупых маленьких детей на его шею...

В макиавеллиевых глубинах затуманенного похмельем сознания зародилась идея, с каждой секундой казавшаяся ему все более привлекательной.

«Ну конечно, — подумал Тимберлэйк. — Ведь в конце концов, и пид, и иллобар — всего лишь маленькие дети.» Его сбил с толку не по годам развитый мозг пиды и огромные размеры иллобара. Но взрослые разумные существа любого вида а) не хвалятся своими познаниями и б) не плачут по своей мамочке.

«Ха!» — подумал Тимберлэйк. Без оружия спасти Свенсона невозможно, а оружие находится в кабине управления звездолета. А звездолет будут охранять, невзирая ни на какие церемонии. И в одиночку ему никогда не справиться с двумя часовыми, которые обычно стоят на страже и вооружены копьями.

С другой стороны...

Почему бы не выманить часовых подальше от звездолета? Скажем, если они услышат неподалеку шум драки? А еще точнее, если драку затеют пид с иллобаром? Тогда он, Тимберлэйк, незаметно овладеет оружием и станет хозяином положения. Что же касается двух инопланетян — иллобар, конечно, сильнее пиды, но Тимберлэйк готов был поспорить с кем угодно, что пид — далеко не трус. Непохоже, чтобы они могли покалечить друг друга.

Тимберлэйк с трудом поднялся на ноги. Иллобара нигде не было видно, но из каминной трубы привычно

вился дымок. Тимберлэйк направился к маленькому домику, на ходу обдумывая, как повести разговор.

Подойдя к двери, он постучал.

— Войдите,— пискнул пид.

Он вошел.

— Только что мне удалось разработать собственную теорию расширяющейся вселенной,— с гордостью заявил пид.— Присаживайся, Джим, и послушай. Ты будешь поражен.

— Минутку,— сказал Тимберлэйк.— Я, собственно, хотел задать один вопрос о вашем друге.

— Каком друге?

— Иллобаре.

— Дружба нелогична,— объявил пид. Он вытащил из-под стола нечто напоминающее точильный камень и принялся водить по нему взад-вперед своим острым носом.— Это существо начисто лишено умения логически мыслить.

— Тогда вы не обидитесь, если я позволю себе заметить, что совсем в нем разочарован,— вкрадчиво заметил Тимберлэйк.— У него даже не хватило ума сообразить, насколько безупречен план захвата звездолета и нашего последующего отлета с этой планеты.

— Естественно, нет... что ты сказал? — переспросил пид.— Какой безупречный план отлета?

— Ну-ну,— укоризненно произнес Тимберлэйк.— Не надо так шутить. Признайтесь, что вы меня просто разыгрываете. Как будто я не знаю, что вы давно все обдумали и пришли к такому же выводу.

— Э-э-э... гм-м... Да,— ответил пид, неуверенно поводя носом.— Я считаю... да, конечно.

— Ну естественно. Я ни секунды не сомневался, что пид сразу разберется, что к чему. Итак, выходим немедленно?

— Конечно,— пропищал пид, спрыгивая со стула.— Немедленно... нет, сперва мне надо собрать вещи.

— Боюсь, на звездолете не хватит места. Естественно, вы сумеете восполнить потерю, как только мы вернемся в цивилизованное общество.

— Ну естественно,— сказал пид. И, распахнув дверь настежь, решительно зашагал вперед.

Они прошли почти всю долину, когда иллобар появился среди деревьев на дальнем склоне скалы и,

завидев их, помчался навстречу галопом, сотрясая землю, со скоростью сорока или пятидесяти миль в час. При ярком утреннем солнце его огромные размеры внушали суеверный ужас.

— Куда это вы собрались? — осведомился он, обращаясь к Тимберлэйку.

— Мы хотим выручить моего друга, спасти звездолет и улететь с планеты.

— Ой! — сказал иллобар, нервно сжимая и разжимая пальцы передних лап. — А разве это не опасно?

— Что с того? — небрежно спросил Тимберлэйк.

— Э-э-э... наверное, я останусь. Прощайте, — сказал иллобар.

— Прощай, — сухо ответил Тимберлэйк. — Пойдемте, Агг, — добавил он, поворачиваясь к пиду.

— Иллобары, — заметил пид, продолжая идти вперед как ни в чем не бывало, — существа абсолютно бесполезные. Не знаю, право, как моя мать рискнула полететь с одним из них на звездолете.

Илу стоял и смотрел им вслед. Дойдя до водопада, они спустились с небольшой скалы, но не успели пройти и нескольких шагов, как сзади послышался топот, и иллобар подскочил к ним легкой рысью.

— Здравствуйте! — радостно заявил он.

— Здравствуй, — ответил Тимберлэйк. — Мне показалось, что ты решил остаться?

— Да? Совершенно верно, — быстро согласился иллобар. — Просто я хочу пройти с вами немного за компанию: ведь если не считать этого пиды, вы путешествуете в полном одиночестве.

— Иллобары, — доверительно шепнул пид Тимберлэйку, — почему-то убеждены, что другим с ними интересно.

— Пиды, — сообщил иллобар Тимберлэйку в другое ухо, — самоуверенные эгоисты.

— Да, конечно, — многозначительно произнес Тимберлэйк, и дальше они отправились уже втроем.

Иллобар мог проделать весь путь до деревни за час, причем не прилагая особых усилий. Тимберлэйку, чтобы пройти такое же расстояние, требовалось четыре часа быстрой ходьбы. Пиду, если принять во внимание его короткие ноги, надо было затратить на подобное путешествие целый день. А так как они не могли двигаться быстрее самого медленного из них, приходилось приравливать к пиду, что никак не могло сказаться по-

ложительным образом на нервах Тимберлэйка,— тем более, что пид настаивал на обсуждении красоты решений разнообразных математических проблем, а иллобар, не желая оставаться в долгу, цитировал наизусть длинные эпические поэмы. Но всему на свете приходит конец, и перед самым заходом солнца они очутились на небольшом холме, примерно в миле от деревни, за которой гордо возвышался космический корабль.

— Значит, так, друзья, — сказал Тимберлэйк. — Мы сейчас обойдем деревню и приблизимся к звездолету сзади.

— Прямая линия, — возразил пид, — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— Глупости, — не согласился с ним иллобар. — Нет ничего краше круга. Хорошего, большого круга, — подумав, нервно добавил он.

Тимберлэйк положил конец спору, свернув налево. Они двинулись следом. Пока они пересекали долину, тени заметно удлинились, и когда три искателя приключений обошли деревню, солнечные лучи высвечивали лишь верхушку звездолета. Тимберлэйк торопливо попытался, но как раз в это время солнце зашло окончательно, и сразу наступила почти полная темнота.

Тимберлэйк вполголоса выругался. Если слишком осторожничать, можно опоздать. Он решительно зашагал вперед, и минут через двадцать почувствовал, как иллобар дергает его за рукав. Тимберлэйк сделал пиду знак остановиться.

— Что это? — дрожащим голосом произнес иллобар. — Во-он там?

С большим трудом Тимберлэйк различил в темноте лапу иллобара, вытянутую над его головой. Посмотрев в указанном направлении, он увидел какую-то темную массу, все сильнее разгоравшуюся красным светом, как раз за частоколом, огораживающим деревню.

— Шш-ш, — сказал он и прислушался. Повернув до отказа ручку громкости механического переводчика, он услышал в наушниках еле слышный шепот.

— ... приходит он вечером домой, а жена опять тушит мясо сраза. Вот он и говорит: «Я, кажется, предпочитаю тебя, что не люблю тушеного мяса», а она отвечает...

— В чем причина столь долгой задержки? — требовательным тоном произнес пид. — Я нахожу ее нелогичной и бессмысленной.

— Шш-ш, — повторил Тимберлэйк. Он узнал все, что хотел. Огонь костра в деревне разгорелся по-настоящему, и при его свете виден был не только звездолет, но и две туманные фигуры часовых, опирающихся на копыя перед открытым настержь входным люком. Пора было осуществлять свой план.

— Я обойду их сзади, а потом обезврежу, — сообщил он пиду с иллобаром и тут же пошел вперед, не давая им времени опомниться от изумления. Через несколько шагов, когда темнота окончательно его скрыла, Тимберлэйк повернулся и прохрипел громким шепотом: — И какие бы глупости он ни говорил, не надо на него сердиться или спорить.

Быстро отступив в сторону, но оставаясь в пределах слышимости, Тимберлэйк бросился ничком на мягкую траву и стал ждать дальнейшего развития событий. В течение нескольких секунд стояла гробовая тишина, а затем иллобар произнес тихим, дрожащим голосом.

— И не подумаю!

— Как это «не подумаю»? Человек предупредил меня.

— Никогда! — еле сдерживаясь, но все еще тихо, ответил иллобар. — Он явно обратился ко мне. Как ты можешь сердиться? У тебя вообще нет чувств, о которых стоит говорить вслух.

— Но из нас двоих — ты единственный, кто глуп.

— Ах вот как! — выдохнул иллобар. — Это неправда!

— Нет, правда. Все иллобары глупы.

— Немедленно забери свои слова обратно. — Голос иллобара повысился на несколько октав, и в нем стали проскальзывать угрожающие нотки. — Ты порочишь мою любимую мамочку, пискун несчастный, придаток компьютера!

— Это ложь! — изо всех сил пискнул пид. — Ни один пид никогда в жизни не пользовался компьютерами, ты...

К радости Тимберлэйка, голоса звучали все громче и громче. Перестав вслушиваться, он осторожно пополз по направлению к звездолету. Примерно на полпути он увидел двух часовых, покинувших свой пост и спешащих на место происшествия. Тимберлэйк встал, отряхнулся и быстро побежал к открытому люку. Оружие лежало нетронутым в кабине управления и, выбрав огнемёт, он неторопливо отправился к деревне.

Судя по крикам, реву, писку и стонам — позади него дрались по меньшей мере с дюжину котов и кошек. В глубине души Тимберлэйк почувствовал угрызения совести. Он никак не ожидал, что план его увенчается столь бурным успехом.

Он подошел к деревне с самой дальней стороны. Небольшие ворота охранял лишь один нерасторопный часового, который, к тому же, как и все прочие, напряженно прислушивался к состязанию пида с иллобаром. Тимберлэйк оглушил его ударом приклада по голове и стал пробираться по темным закоулкам в поисках Свенсона.

Когда их взяли в плен, он постарался как можно точнее запомнить расположение домов в деревне, и сейчас без труда нашел сарай, в который их заперли. Свенсон сидел на земле перед входом, не связанный и никем не охраняемый, и надрывно, со слезами в голосе, пел нечто вроде «Да, мы дети отважных варягов». Он находился в весьма плачевном состоянии.

— Арчи! — прошипел Тимберлэйк, тряся его за плечо. — Пойдем отсюда. Скорее!

— Пойдем отсюда? — как эхо повторил Свенсон, поднимая голову. — Зачем, Джимми? И вообще, за кого ты меня принимаешь? Сбежать и огорчить столь превосходных людей, которые с самого утра греют для меня масло в котле? Глупости. Гляди... — он протянул Тимберлэйку палочку, напоминающую корень лакрицы. — Пожуй немного. И ты поймешь, что я прав.

Тимберлэйк отпрянул от подношения, как от гремучей змеи.

— Арчи, — отчаянно проговорил он. — Опомнись. Нам необходимо добраться до звездолета и улететь отсюда!

Свенсон беспомощно хихикнул. Тимберлэйк лихорадочно стал перебирать в голове самые разнообразные планы, чтобы обмануть своего партнера и друга и попытаться сдвинуть его с насиженного места.

Внезапно его озарила мысль.

— Послушай, Арчи, — сказал он. — Конечно же, мы никуда не улетим. Давай лучше спрячемся где-нибудь за деревней. А когда они разволнуются и кинутся нас искать, мы выскочим и скажем...

— Отдай мне ружье, — недоверчиво произнес Свенсон.

— Как только выйдем за ворота,

— Нет. Сейчас.

— Но, Арчи, ты...

— Сию минуту, или я никуда не пойду!

Тимберлэйк печально протянул ему огнемёт. Свенсон осторожно взял его в руки и тут же забросил на крышу соседнего дома.

— Сюрприз! Сюрприз! — закричал он. — Хватайте его скорее! Сюрприз!

В ту же секунду послышался топот многочисленных ног, и Тимберлэйк оказался погребённым под грудой тяжёлых тел. Его крепко обхватили за плечи, не давая шевельнуться, подняли на ноги и поставили лицом к лицу перед старым шаманом.

— Как мило, что вы решили не покидать друга в беде, — вкрадчиво произнес исцелитель.

Тимберлэйк потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, они со Свенсоном стояли перед ярким костром, на котором в большом котле весело пузырилось кипящее масло. Вдохнув несколько странный запах, Тимберлэйк побледнел, как полотно.

— Вы не имеете права! — закричал он.

— Почему? — осведомился стоявший рядом шаман.

— Потому что... потому что, если вы нас хоть пальцем тронете, сюда прилетят сотни звездолетов и сотни демонов. Они... они сожгут деревню дотла... э-э-э... будут вас лечить... э-э-э... восстановят прежнюю культуру...

— Будьте мужчиной, — перебил его шаман. — В конце концов, все демоны так говорят, прежде чем их сварят в масле. Пустые угрозы нас не пугают.

— Это не пустые угрозы! — Голос Тимберлэйка сорвался. — Немедленно дайте нам свободу, или я всех прокляну. Импиши, бимпиши...

— Мой дорогой демон, — укоризненно произнес шаман. — Пожалуйста, не устраивайте сцен. Поверьте, мы переживаем не меньше вашего. Лучше пожуйте немного...

Тимберлэйк мгновенно ударил по руке, державшей палочку джубикса.

— Помогите мне, высшие силы! — Внезапно он обратил внимание, что больше не слышит шума драки пидаса с иллобаром. — Илу, на помощь! — завопил он изо всех

сил. — Агг, на помощи! Помогите! Помогите! Помогите!

— Демон, прекрати немедленно! — крикнул шаман.

Частокол позади него внезапно вздыбился и раскололся на куски.

— Здесь, кажется, кто-то звал на помощь? — осведомился иллобар, появляясь в проделанном отверстии.

— Изыди, Сатана! — уверенно вскричал шаман и метнул копье, отскочившее от нагрудной костяной пластины иллобара, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Пфуй! — не менее уверенно заявил иллобар. — Не хочешь ли ты напугать меня? — Он сделал шаг вперед, и Тимберлэйк обомлел от изумления, увидев, что пид из всех сил цепляется за толстую шсю дракона, засунув свой острый тонкий нос ему в затылок.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — пискнул пид и покраснел. — Прошу прощения, что так невежливо вел себя с вами раньше.

— Негодяй! — сурово произнес иллобар, обращаясь к шаману. — Когда же, наконец, тыпустишь этих замечательных людей на свободу? Или мне присесть на ваши избушки по очереди — вот так! — И он уселся на один из домов, мгновенно сравнив его с землей.

— Н-не надо, — быстро ответил шаман. — Делай, что хочешь, демон. Только уходи отсюда. — Его зеленая кожа побледнела до такой степени, что ее можно было принять за белую.

— Я требую, чтобы меня сварили в масле! — упрямо заявил Свенсон.

— Не обращай внимания, — торопливо сказал Тимберлэйк иллобару. — Возьми его на руки, если можно... да, спасибо. Большое спасибо. — Свенсон, болтаясь на согнутой передней лапе, как мокрая тряпка, отчаянно разрыдался. — Думаю, будет лучше, если ты и меня понесешь, — сказал Тимберлэйк. И чем скорее...

Он почувствовал, как его подняли вверх, услышал свист ветра в ушах, и не успел опомниться, как очутился перед открытым люком звездолета.

Тимберлэйк подождал, пока иллобар протиснется внутрь, и мгновенно кинулся в кабину управления. Через восемнадцать секунд люк закрылся, на панели загорелась красная сигнальная лампочка, и звездолет стартовал. Далекий космос принял его в свои спокойные мирные объятия,

Услышав позади себя какой-то звук, Тимберлэйк включил автопилот и повернулся. Иллобар с трудом пролезал в дверь. Пид все еще цеплялся за него мертвой хваткой.

— Я уложил вашего друга в постель. Пусть проспит, — сообщил иллобар. — Верно?

— Конечно. — Тимберлэйк поднялся с места и посмотрел на них.

— Значит, так, — сказал он. — Если ты приляжешь, я попробую отыскать лом и...

— Лом? — недоуменно спросил иллобар.

— Э-э-э... чтобы разъединить вас, — слегка смутившись, ответил Тимберлэйк. — Вы, кажется, сцепились...

— Ой! — пискнул пид. — Ну что вы! Все в порядке. Просто мы принадлежим друг другу.

— Что такое? — растерянно спросил Тимберлэйк.

— Ну да, — вставил иллобар. — Рано или поздно нам все равно пришлось бы участвовать в ритуальном сражении, чтобы стать одним целым. Маленькие пиды и иллобары испытывают взаимную ненависть, которая в зрелом возрасте является залогом полного понимания, уважения и любви.

— Но, Илу... — заикаясь пробормотал Тимберлэйк.

— Нет, нет, вы не понимаете, — ответил иллобар. — Я ведь не Илу, так же как он — не Агг. Мы — две половины одного полноценного существа: Аггилу или пидиллобар.

— Симбиоз, понимаете? — пропищал пид. — Полное слияние ума и чувств в отдельно взятом индивидууме.

— Э-э-э... — протянул Тимберлэйк.

— Да, — сказал Агиллу, пидиллобар. Он прочнее уселся на мощных задних лапах, почесал соединяющий его с самим собой длинный острый нос и продолжал говорить высоким пискливым голосом:

— Если бы не любовь моей мамочек, мы никогда не дожили бы до этого часа. Но моя мамочки знали, что делали. Они предвидели, что я встречу на своем пути такого, как вы. Понимаете, моя мамочки...

ДРАГОЦЕННОСТИ МАРСИАНСКОЙ КОРОНЫ

Сообщение пришло, когда корабль находился еще в полумиллионе километров. ZX28749, он же «Джейн Брекней», прибывал точно по расписанию, и оснований к спешке не было. Но группа управления все же готовилась заранее. Прием телеуправляемого корабля — деликатная операция.

Ямагута, Штейнман и Романович сидели в башне ГСА, а Холлидей был наготове на случай аварии. Если бы вдруг не сработали управляющие цепи (чего, впрочем, ни разу пока не случалось), то тысячетонный атомный корабль, упав в космопорту, мог уничтожить все живое на Фобосе. Именно на этот случай Холлидей и сидел у приборов безопасности.

Тонкие пальцы Ямагуты танцевали на рукоятках радиолокатора.

— Я его поймал! — воскликнул Ямагута.

Штейнман прочел дистанцию, Романович — ускорение на доплероскопе. Цифры практически совпадали с расчетными.

— Ни к чему беспокоится, — сказал Ямагута, взяв сигарету. — Он еще не вошел в зону управления.

Ямагута обвел глазами зал, посмотрел в окно. Из башни открывался вид на порт — не слишком-то привлекательный вид, поскольку основная часть служб, мастерских и жилых помещений скрывалась под землей, освобождая место для взлетно-посадочной площадки. Ее размеры были ограничены из-за большой кривизны поверхности крохотного спутника. Площадка всегда была обращена к Марсу, и башня стояла на самом ее краю, — но Ямагуте казалось, что огромная планета подвешена к противоположному полушарию спутника, — красный диск в сиянии разреженной атмосферы, с проступающими на нем зеленовато-коричневыми пятнами. Хотя Фобос и окружала пустота, но звезд видно не было: Солнце и прожектора давали слишком много света.

В дверь постучали. Холлидей отправился открывать, почти плывя в воздухе — так невелика была здесь сила тяжести.

— Никто не имеет права входить во время приема корабля! — сердито сказал Холлидей. Но, к сожалению, голос этого статного блондина с приятным открытым лицом звучал слишком мягко для столь решительных слов.

В зал вошел крепыш с серьезным круглым лицом. Это был инспектор Грегг, одетый в китель и пижамные брюки. Обычно спокойный, сегодня он выглядел возбужденным; к тому же при инспекторе был револьвер, что отнюдь не входило в привычки Грегга.

Ямагута снова посмотрел в окно и увидел четверых служащих охраны космопорта, одетых в мундиры межпланетной службы. Все были вооружены.

— Что случилось?

— Надеюсь, что ничего. — Грегг заставил себя улыбнуться. — Но на этот раз «Джейн» несет несколько необычный груз.

— Что именно? — Глаза Романовича блеснули на широком мясистом лице. — Почему нас не предупредили?

— Вас и не собирались предупреждать. На борту находятся драгоценности марсианской короны.

Грегг извлек из кармана сигарету.

Холлидей и Штейнман покачали головами и переглянулись. Ямагута присвистнул.

— На корабле-роботе?! — спросил он.

— Именно. Корабль-робот — единственное транспортное средство, куда не могут забраться грабители. На Землю драгоценности отправляли на рейсовом корабле, — и что в результате? Три попытки грабежа. А пока они были выставлены в Британском музее, сколько раз их пытались украсть? Не счесть! Охранника убили... Так что сейчас мои люди намерены забрать драгоценности прежде, чем кто-либо сможет подойти к кораблю, — и эскортировать их до Сабен.

— Сколько они стоят? — спросил Романович.

— О! Полмиллиарда наших долларов, — ответил Грегг. — Но преступник, пожалуй, заставил бы марсиан заплатить за их возвращение... нет, конечно, это Земле пришлось бы платить, мы ведь отвечаем за их сохранность. — Грегг нервно затанулся. — Драгоценности доставили на борт «Джейн» к моменту старта, тайно. Меня известили обо всем на этой неделе, специальным курьером, — он прибыл регулярным рейсом. Ни один грабитель не может знать, что драгоценности на борту,

а как только мы доставим их на Марс, в Сабею — ну, там они в безопасности.

— Кто-то все же знает, — сказал задумчиво Ямагута. — Я говорю о той группе, которая занималась погрузкой, там, на Земле.

Грегг улыбнулся.

— Да-да, разумеется. Кое-кто из них с тех пор уехал с Земли, как сказал мне курьер, но это нормально, странники Космоса редко засиживаются на одном месте.

Взгляд Грегга остановился на Холлидес, потом на Штейнмане — оба они работали на станции «Земля» и появились на Марсе всего несколько месяцев назад. Рейсовые корабли следовали по гиперболическим орбитам, и путь от Земли до Марса продолжался около двух недель. Корабли-роботы шли по более экономичным орбитам типа Гомана А, и это занимало 258 дней. Человек, знающий, какой именно корабль несет драгоценности, мог бы покинуть Землю и прибыть на Марс гораздо раньше груза, и преспокойно устроиться на службу — на Фобосе всегда не хватало людей.

— Не смотрите на меня так, — сказал Штейнман со смехом. — Конечно, я и Шюк знали об этом. Но правил секретности мы не нарушили, так? Мы держали язык за зубами.

— Ну, если бы вы болтали, я бы знал, — заявил Грегг. — Слухи здесь летают со скоростью света. Не обижайтесь, но я обязан проследить, чтобы никто из вас не покидал башню до тех пор, пока драгоценности не погрузят на наш корабль.

— Тем хуже для вас, инспектор. Придется оплатить нам сверхурочные.

— Ну, если бы я хотел разбогатеть, уж я сумел бы это сделать. Все-таки я изыскатель! — воскликнул Холлидей.

— Кстати, когда ты прекратишь таскаться со счетчиком Гейгера, когда у тебя будет хоть какое-то свободное время? — вмешался Ямагута. — Что ты ищешь? Фобос состоит из гранита и железа, больше здесь ничего нет.

— У меня свои идеи по этому вопросу, — пробурчал Холлидей.

— Черт побери, в этом проклятом месте не до идей, — заявил Романович. — Я и сам попытался бы спереть эти камушки, ну, просто чтобы развлечься... —

Он оборвал фразу, ощутив на себе тяжелый взгляд Грегга.

— Ладно, — воскликнул Ямагута, — отойдите немного, инспектор. Не мешайте работать, это в ваших же интересах.

«Джейн» приближалась. Ее скорость почти сравнялась со скоростью Фобоса. Почти, но не совсем — всегда оставались небольшие возмущающие воздействия, которые коррелировались управляемыми ракетными двигателями.

«Джейн» была уже в какой-нибудь тысяче миль от Фобоса. Корабль представлял собой шар диаметром в сто пятьдесят метров — кроха по сравнению со спутником. Но ведь и Фобос — всего лишь точка в космическом пространстве.

Радиокоманда включила гироскопы — чтобы медленно повернуть корабль, направив его приемную антенну точно на пункт приземления. Шум ракетных двигателей превратился в тихий шепот. Корабль находился почти над космодромом, идя по касательной к поверхности планеты. Ямагута резко отпустил рукоятки, и двигатели взревели; корабль прочертил в небе пунцовую линию.

Ямагута вновь остановил двигатели, сверился с расчетами.

— О'кей, можно приземляться.

Скорость «Джейн» сравнялась с орбитальной скоростью Фобоса, и корабль начал падать. Ямагута развернул «Джейн», направив дюзы вниз, — после чего успокоился, отер лоб и встал; его место занял Романович. Такая работа была слишком изматывающей, один человек не в силах был бы довести ее до конца. Романович подвел тяжелую сферу к «люльке», а Штейнман закончил операцию, опустив «Джейн» в посадочное устройство, как яйцо в рюмку. Он выключил моторы, и воцарилась тишина.

— Уф! Шюк, нет ли чего-нибудь выпить? — Ямагута поднял слегка дрожащую руку, глядя на нее с невозможным видом.

Холлидей улыбнулся и отправился за бутылкой. Она пошла по кругу. Грегг пить не стал. Он смотрел в окно, наблюдая, как техник проверяет радиоактивность почвы. Результат оказался благоприятным, и полицейские с револьверами в руках направились к громадному ко-

раблю. Один из них вскарабкался по трапу, открыл люк и забрался внутрь.

Казалось, до его возвращения прошла вечность. Затем он поспешно выскочил. Грегг выругался и нажал кнопку радиопередатчика.

— Ибарра! Что там случилось?

Из радиошлема донеслось:

— Синьор, синьор инспектор... драгоценностей нет!...

Человек не способен воспроизвести звуки Верхнего Шланнаха — он может изобразить лишь нечто отдаленно похожее; и потому древний марсианский город, расположенный в тропической зоне, у пересечения «каналов» Физона и Евфрата, люди Земли называли Сабеей.

На Земле никогда не бывало ничего подобного Сабее. Это — город, состоящий из башен, расширяющихся кверху; город, обитаемый более двадцати тысяч лет. А если бы люди имели нечто похожее — то уж не упустили бы случая завлечь туристов, чтобы те взглянули на чудо. Но марсиане предпочитали более благородные методы обогащения, хотя и прославились как скупердяи почище шотландцев. И потому, несмотря на процветание межпланетной торговли и на то, что Фобос был свободным портом, — люди редко навещали Сабеею.

Торопливо шагая по улицам, окаймленным каменными грибами, Грегг чувствовал повышенное внимание прохожих. Инспектор утешал себя тем, что в форме земного летчика его никто не узнает.

Но всегда серьезные марсиане сегодня отнюдь не рассматривали инспектора. Они отворачивались. А это было гораздо хуже.

На тихой улице Работников Пищевой Промышленности, застроенной только жилыми домами, можно встретить ремесленников и философов, — но никогда не бывает здесь ни танцев влюбленных, ни процессий алебардщиков... Самое шумное, что может произойти тут — это четырехдневная дискуссия об относительности класса нуль, или совершенно случайный обмен выстрелами. Дело в том, что на этой улице живет знаменитейший частный сыщик планеты.

Бывая на Марсе — с его глубоким холодным небом, маленьким солнцем, с воздухом, бедным кислородом и заглушающим звуки — Грегг всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Но инспектор любил Сиалоха — и, когда

он наконец взбежал по лестнице, стукнул молотком в дверь квартиры второго этажа и вошел, — у него было ощущение, что он избавился от кошмара.

— А! Грегг! — Сыщик отложил струнный инструмент и неуклюже пошел навстречу гостю. — Вот приятный сюрприз! Входите, дорогой друг, входите же!

Сиалох гордился своим английским, но я бы не решился воспроизвести свистящее и дребезжащее произношение марсианина. Впрочем, Грегг давно уже привык к нему.

Инспектор осторожно вошел в узкую высокую комнату. На полу, среди ворохов бумаг и груд всякой мелочи и оружия, спали, свернувшись кольцами, фосфоресцирующие змеи, освещающие дом по ночам. Красный песок лежал на подоконниках готических окон. Сиалох обходился без прислуги.

В одном из углов комнаты находилась небольшая химическая лаборатория. Стены полностью закрывали книжные полки — здесь была литература по криминалистике трех планет, марсианские отчеты, микропленки с Земли, говорящие камни с Венеры. Барельефы, изображающие царствующего Матриарха, были изрешечены пулями.

Человек с Земли вряд ли смог бы усидеть на трехугольных марсианских стульях, но Сиалох, имея трехпланетную клиентуру, предусмотрительно позаботился о наличии кресел. Грегг, тяжело дыша в кислородной маске, опустился в дряхлое кресло двадцатого века.

— Полагаю, вы здесь по делу официально, но конфиденциально, — сказал Сиалох, вынимая изо рта основательно обкуренную трубку и откладывая ее в сторону. Грегг поздравил себя с тем, что ему не придется вдыхать голубые пары. (Марсиане с восторгом заимствовали табак, но, увы, им приходилось смешивать его с перманганатом калия...)

— Откуда вы знаете? — спросил инспектор.

— Элементарно, дорогой Грегг. У вас возбужденный вид, но лишь служебная неприятность может так подействовать на старого холостяка вашей расы. Кроме того, вы пришли сразу ко мне, а не обратились в Гомеостатическое Управление. Значит, дело серьезное.

Грегг принудил себя улыбнуться. Он до сих пор не понимал марсианской мимики. Что могло бы соответствовать усмешке или движению бровей на лице, абсо-

лютно непохожем на человеческое? И что этот аист-переросток...

Нет. Сравнивать существа с различных планет — просто бессмысленно. Можно лишь описывать разницу между ними — в пределах возможностей языка. Сиалох был существом двухметрового роста, напоминающим аиста. Извилистую шею венчала громадная голова с красным клювом и желтыми, глубоко посаженными глазами. Оперением Сиалох напоминал пингвина, однако при этом имел великолепный голубой хвост; а на месте крыльев у него были красноватые худые руки с четырехпальными ладонями.

Грегг вернулся к действительности. Боже мой! Город, серый и спокойный, лежит за окнами, солнце спускается за Эрейскую пустыню... смутно слышен шум экипажа, приводимого в движение колесом, похожим на «беличий топчан» английских тюрем... а он сидит здесь, готовясь рассказать историю, способную взорвать Солнечную систему!

Руки Грегга, одетые из-за холода в перчатки, судорожно сжались.

— Да, это совершенно конфиденциальное дело. Если вы сумеете его распутать, вы заработаете целое состояние.

Огонек, вспыхнувший в глазах Сиалоха, заставил инспектора пожалеть о сказанном, но деваться было некуда, и он продолжил:

— Один вопрос, кстати. Как вы относитесь к нам, людям с другой планеты?

— У меня нет предрассудков. Только мозг имеет значение, покрыто ли его вместилище перьями, волосами или костяными пластинками.

— Понимаю. Но часть марсиан враждебно относится к нам. Мы нарушаем древние традиции... К сожалению, это неизбежно, если мы хотим торговать с вами.

— К'те. Эта торговля в целом полезна. Ваше топливо, машины, табак — в обмен на наш канц и наш снулл. Кроме того, мы закоснели. Наконец, межпланетные полеты открыли новые горизонты в криминалистике. Да-да, я террофил.

— Так вы нам поможете? И будете молчать? Видите ли, эта история может привести к тому, что ваша Всепланетная Федерация выставит нас с Фобоса.

Три века закрылись, превратив лицо с длинным клювом в маску.

— Я не могу пока ничего обещать, Грегг.

— Ладно... тем хуже. Я рискну. — Инспектор сделал глубокий вдох. — Вы наверняка знаете историю с драгоценностями короны?

— Они были отправлены на Землю, чтобы их там выставить, а также для научной работы.

— После многолетних переговоров. На всем Марсе нет более ценной реликвии... Вы были древней цивилизацией уже тогда, когда мы охотились на мамонтов... Так вот, их украли.

Сиалох открыл глаза и молча кивнул.

— Их поместили на корабль-робот на станции «Земля», а когда корабль прибыл на Фобос — их не было!

Сиалох зажег трубку с помощью сложной системы из кремния и железа (спички на Марсе не загораются). Закончив операцию, он предположил:

— Может быть, судно ограблено по дороге?

— Нет, это невозможно. Все корабли в Солнечной системе под контролем, известно с точностью до часа, где находится тот или иной корабль. Кроме того, вообразите, что вы вздумали найти и догнать точку в бесконечности, — вы не сможете даже взять достаточно горючего для такой погони... К тому же об отправке драгоценностей знали только полиция ООН и персонал станции «Земля» — да и то с момента старта корабля, а уж тогда и вовсе не было времени для перехвата.

— Очень интересно. — Сиалох затянулся дымом.

— Если поднимется шум, — сказал Грегг жалобным тоном, — вы же представляете последствия. Я думаю, пока еще у нас есть несколько друзей в вашем парламенте...

— В палате Деятелей, да... несколько. Но не в палате Философов, а только она принимает окончательные решения.

— Но этот инцидент может привести к перерыву отношений между Землей и Марсом... а может, и к вечному разрыву! Черт возьми, Сиалох, вы просто обязаны найти эти камни!

— Гм. Извините, это потребует размышления.

Марсианин взял музыкальный инструмент и извлек несколько аккордов. Грегг вздохнул, но принудил себя к спокойствию. Инспектор знал характер шланнахцев: в течение часа придется слушать минорное мяуканье.

Закат бледного солнца уже сменился ночью — на Марсе она наступает с обескураживающей быстротой, —

а змеи начали испускать голубой свет, когда Сиалох отставил свою полулиру.

— Я думаю, что должен поехать на Фобос, — заявил он. — В этой истории слишком много неизвестных, а гипотезы, которые строятся до того, как объединены все элементы дела, ничего не стоят. — Костлявая рука хлопнула Грегга по плечу. — Поехали, старина. Я вам весьма признателен. Жизнь стала удивительно монотонной. Но теперь, как говаривал мой знаменитый земной коллега, ставки сделаны... и какие ставки!

После пребывания в атмосфере, естественной для человека, марсианам приходится посидеть часок в декомпрессионной камере, несмотря на то, что они надевают на клювы фильтры, оберегающие от избытка кислорода и влаги. И потому Сиалох ворчал — ворчал по поводу жары и сырости. Сыщик разгуливал по космопорту с фильтром на носу и в шляпе «тирстокр». Окружавшие Сиалоха люди были по-особому сдержанны (все, кроме Грегга) — ведь они хранили секрет, способный нарушить покой целой планеты.

Наконец Сиалох, натянув скафандр, вышел к «Джейн Брекней». Ее уже переместили к краю поля, освобождая место для вновь прибывающих кораблей, и «Джейн» сверкала в лучах грубого солнца космоса. Грегг и Ямагута опередили сыщика и встретили его у корабля.

— Вы его добросовестно обшарили, — заметил Сиалох. — Вы прямо-таки ободрали с него кожу.

Сфероид напоминал яйцо, обработанное вафельницей. Была видна решетка из балок и поперечин на тонкой скорлупке из алюминия. Только сопла, люки и антенны прорезали эту шахматную доску, глубина ячеек которой была около тридцати сантиметров, а диаметр на «экваторе» доходил до метра.

Ямагута удивленно рассмеялся.

— Нет, что вы. Полиция, конечно, проверила каждый сантиметр, но внешний вид обычный. Это же грузовой корабль, он никогда не садится на планеты с атмосферой. Так что обтекаемый фюзеляж ни к чему. А поскольку на борту не бывает людей, то нет проблем и с герметичностью. Продукты, которые могут испортиться, лежат в специальных отсеках, с самозатягивающимися стенками, вот и все.

— Понятно. Где находились драгоценности?

— Считалось, что они в стенном шкафу рядом с гироскопом, — сказал Грегг. — В ящике размером $10 \times 10 \times 30$ сантиметров, запертом на ключ.

Инспектор встряхнул головой, как бы пытаясь осознать, как столь маленький ящикек мог содержать такую большую угрозу.

— Гм. А они *были* помещены туда?

— Я запрашивал Землю, — ответил Грегг. — Мне сказали, что корабль был загружен, как обычно, на планетодроме спутника, затем поднят на пятьсот метров в ожидании старта. Он находился на орбите, в состоянии свободного полета, и был связан со спутником тонким канатом. Все как обычно. В последнюю минуту, без предупреждения, драгоценности доставили с Земли и поместили на борт корабля.

— Кто? Специальный полицейский чиновник, не так ли?

— Нет. Входить на корабль могут только техники, имеющие специальное разрешение — исключая случаи, когда дело идет о жизни и смерти. Один из обслуживающего персонала, некто Картер, получил распоряжение, куда поместить драгоценности. За ним наблюдала полиция, пока он поднимался по канату и входил в люк. — Грегг показал маленькую дверцу возле антенны. — Затем он вышел, закрыл люк и спустился вниз. Его немедленно обыскали — в порядке предосторожности — и удостоверились, что драгоценностей при нем нет. Впрочем, не было оснований его подозревать, это честный работник. Хотя надо заметить, что после этого он исчез... «Джейн» стартовала через несколько минут, за ней наблюдали до момента окончания работы двигателей, после чего она перешла на полет по инерции. Никто после того ее не видел, до... до ее прибытия сюда — без драгоценностей.

— И в точности по расчетной орбите, — добавил Ямагута. — Если бы кто-либо и сумел попасть на нее по пути, это сбило бы ее с курса, и мы бы обязательно заметили. «Джейн» получила бы добавочный импульс от другого корабля.

— Понятно. — За смотровым стеклом шлема клюв Сиалоха описал кривую, острие которой было направлено к небу. — Скажите, Грегг, драгоценности *были* в чсмонанчике, когда его привезли?

— То есть на станцию «Земля»? Без всякого сомнения. Драгоценности доставили четыре инспектора полиции ООН, их начальник уверяет, что они вне всякого подозрения. Когда о краже стало известно, они сами настояли на обыске в своих квартирах. Кроме того, они добровольно подверглись испытанию на детекторе лжи.

— А ваши агенты на Фобосе?

— То же самое, — мрачно сказал инспектор. — Я наложил эмбарго. Никто, кроме меня, не может покинуть колонию — с момента обнаружения кражи. Я осмотрел все помещения, туннели, каждый склад. — Грегг попытался почесать затылок. Сложная задача для того, кто одет в скафандр. — Я не могу слишком долго поддерживать эмбарго. Корабли прибывают, грузы скапливаются...

— Хнашла. Наше время, следовательно, ограничено. — Сиадох покачал головой. — Вам ясно, что здесь мы имеем увлекательный вариант древней проблемы запертой комнаты. Корабль-робот в полете — это замкнутое пространство в классическом смысле этой загадки.

Он погрузился в размышления.

Грегг рассматривал пустынный горизонт и мертвые камни. Забавно, какие шутки вытворяет зрение в безвоздушной среде. Вон там — человек переходит поле; в блеске солнца и прожекторов он кажется пунктиром из света и тени... Какого черта он там делает? Он что, зашнуровывает ботинки? Нет, нормально идет...

— Я бы хотел, конечно, подвергнуть исследованию на детекторе лжи всех обитателей Фобоса, — проворчал Грегг, — но закон не допускает этого без согласия подозреваемого, а согласились, конечно, только мои люди.

— Это правильно, дорогой друг, — заметил Сиадох, — каждый должен иметь право на свободу мыслей. Кроме того, этот метод слишком упростил бы все расследования.

— А мне плевать, упростятся они или нет, — взревел Грегг. — Все, чего я хочу — это вернуть чемоданчик с драгоценностями!

— Спокойней, дорогой друг! Нетерпение погубило немало полицейских с будущим, и я вспоминаю, что мой духовный предшественник на Земле уже делал подобный упрек одному из людей Скотланд-Ярда, который... гм... мог бы быть вашим духовным предком, Грегг. Нужно подойти к проблеме с другой стороны. Есть ли

на Фобосе люди, которые могли знать, что драгоценности находятся на борту этого корабля?

— Да. Двое. Но они не болтали, это точно.

— Кто они?

— Техники, Холлидей и Штейнман. Они были в штате станции «Земля», когда «Джейн» грузилась. Они ушли оттуда немного позже — примерно в одно время, — и прибыли сюда регулярным пассажирским рейсом. Они поступили на работу. Будьте уверены, их жилье прочесали насквозь!

— Наверное, — пробурчал Сиалох, — было бы неплохо проинтервьюировать этих двух господ?

Штейнман, маленький рыжий человечек, прикрывался бахвальством, как броней. Холлидею, похоже, просто все надоело. Это не было доказательством виновности: у всех с некоторых пор нервы, казалось, оголились.

Они расположились в полицейском управлении; Грегг сидел за столом, Сиалох прислонился к стене, куря и наблюдая за вновь прибывшими непроницаемыми желтыми глазами.

— Боже мой, сколько можно повторять одно и то же! — Штейнман сжал кулаки и бросил на марсианина испепеляющий взгляд. — Я не знаю, кто их взял! Каждый человек имеет право сменить место работы!

— Я прошу вас, — мягко сказал сыщик. — Ваша помощь может ускорить расследование. Знаете ли вы человека, доставившего чемоданчик на борт корабля?

— Разумеется. Джона Картера все знают. На космических станциях вообще все знают друг друга. — Штейнман стиснул зубы. — Именно по этой причине мы не хотим иметь дело с вашим детектором. Мы не хотим, чтобы ребята, которых мы видим по пятьдесят раз в день, знали, что мы о них думаем. От этого можно с ума сойти!

— Я никогда не выдвигал такого требования, — заметил Сиалох.

— Картер был моим другом, — заявил Холлидей.

— Вот, — процедил сквозь зубы Грегг. — И он тоже уехал, примерно тогда же, когда и вы. Он отправился на Землю, и больше его никто не видел. Начальник станции сообщил мне, что вы с Картером были очень близки. О чем вы обычно говорили?

Холлидей пожал плечами:

— Всегда одно и то же: любовь, выпивка, песни. Я не имел ничего этого с тех пор, как покинул Землю.

— Кто может сказать, что Картер украл чемоданчик? — спросил Штейнман. — Ему просто надоело болтаться в Пространстве, и он сменил профессию. Он не мог украсть бриллианты: его обыскали сразу же, не забываяте об этом.

— Не мог ли он их спрятать в таком месте, откуда их потом забрал бы его сообщник? — спросил Сиалох.

— Спрятать? Где? На космических кораблях нет тайников, — проговорил Штейнман скушающим тоном. — Он оставался на «Джейн» лишь несколько минут, — только и мог поставить чемоданчик в указанное ему место. — Глаза Штейнмана зло блеснули. — Посмотрите правде в глаза. Единственные люди, имевшие возможность стащить драгоценности, — это наши дорогие полицейские.

Инспектор покраснел и приподнялся с места:

— Я бы вас попросил!

— У нас есть лишь ваше заверение, что они невиновны, — проворчал Штейнман. — Почему ваше слово стоит дороже моего?

Сиалох сделал успокоительный жест.

— Пожалуйста, не ссорьтесь. Ссоры нелогичны. — Клюв марсианина открылся и задрезжал, что означало: Сиалох улыбается. — Я кого-нибудь из вас есть гипотеза? Я готов ее выслушать.

Воцарилась тишина. Холлидей пробормотал:

— У меня есть.

Сиалох закрыл глаза и спокойно затянулся дымом. Словам Холлидея, на взгляд сыщика, не хватало убежденности.

— Но только, если мое предположение верно, вам никогда не найти камешки.

Грегг нахмурился.

— Я шатался по всей Солнечной системе, — продолжал Холлидей. — В ней чувствуешь себя потерянным. Да. Нужно побывать там, в космосе, одному, чтобы понять, что такое одиночество. Я занимался изысканиями... как любитель... я искал уран. И я не верю, что мы знаем о Вселенной все. Или даже о том, что находится в пустоте между планетами.

— Вы говорите о кобблях? — спросил Грегг.

— Можете называть это суеверием, если хотите. Но стоит достаточно долго пробыть в Пространстве... да, тогда вы узнаете. Там есть живые существа, где-то там, в Пространстве — существа, состоящие из газа или излучений, как вам угодно. Существа, которые живут в Пространстве.

— А зачем такому кобблию драгоценности?

Холлидей развел руками.

— Откуда я знаю? Может быть, им надоели наши полеты через их мрачное царство. Украсть драгоценности марсианской короны — лучшее средство прервать сообщение с Марсом, не так ли?

Только ироническое урчание трубки Сиалоха нарушало наступившее молчание.

— Ладно... — Грегг теребил пресс-папье из метеорита. — У вас есть еще вопросы, мистер Сиалох?

— Только один. — Тройные веки поднялись, холодный взгляд уперся в Штейнмана. — У вас есть какое-нибудь увлечение?

— У меня? Шахматы. Но какое вам до этого дело? — Штейнман насупился.

— Ничего другого?

— Здесь нет других развлечений.

Сиалох бросил взгляд на инспектора, сидевшего склонив голову, и затем сказал мягко:

— Я понимаю. Спасибо. Может быть, мы с вами сыграем как-нибудь на днях? Я играю неплохо. Это все, господа.

Они вышли, витая в воздухе, как духи во сне, из-за слабого притяжения.

Грегг бросил на Сиалоха умоляющий взгляд:

— Ну что же, в конце концов?

— Ничего особенного... Да, пока я здесь, я хотел бы видеть техников за работой. При моей профессии нужно иметь представление обо всех профессиях.

Грегг тяжело вздохнул.

Романовичу поручили сопровождать гостя. На разгрузку был подан «Ким Брекни». Романович и Сиалох прокладывали путь через толпу людей в космических костюмах.

— Полиции придется снять эмбарго, и как можно скорее, — заметил Романович. — Иначе ей придется давать объяснения. Склады уже забиты.

— Это было бы лучше всего, — согласился Сиалох. — Да, скажите... здесь все стандартное? На всех станциях так?

— Вы имеете в виду скафандры и оборудование? Да, они везде одинаковы.

— Вы не позволите мне взглянуть на все это поближе?

«Боже, храни меня от инквизиторов», — подумал Романович и подозвал механика.

— Мистер Сиалох хотел бы, чтобы вы объяснили, как устроен и работает ваш скафандр, — сказал он саркастическим тоном.

— Пожалуйста. Это стандартный скафандр, подкрепленный в сочленениях. — Руки механика в тяжелых перчатках начали жестикулировать. — Спирали отопления питаются от этой батареи. В резервуаре запас воздуха на десять часов. Эти пряжки удерживают инструменты, иначе они плавали бы вокруг вас. Этот маленький баллон на поясе содержит краску, которая разбрызгивается вот этим жиклером.

— Зачем красят корабли? — спросил Сиалох. — В космосе ведь нет ничего, что могло бы привести к коррозии?

— Мы называем это краской, но это вообще-то состав гунк. Им можно заклеить дыру в фюзеляже — временно, пока не будет возможности установить новую плиту или как-то иначе исправить повреждение — например, отверстие, пробитое метеоритом.

Механик нажал на спуск, и тонкая струя, почти невидимая, вырвалась из отверстия. Жидкость затвердела, соприкасаясь с почвой.

— Но она еле видна, — заметил марсианин. — По крайней мере, я ее плохо различаю. Это из-за отсутствия воздуха?

— Да, верно, свет не рассеивается... но этот состав радиоактивен — не настолько, чтобы быть опасным, но достаточно, чтобы ремонтная бригада могла обнаружить с помощью счетчиков Гейгера нужное место.

— Ясно. А в течение какого времени его можно обнаружить?

— Гарантия дается на год.

Сиалох пошел дальше, и Романович с трудом поспевал за длинноногим марсианином.

— Вы думаете, Картер мог спрятать ящичек в баллоне с краской? — спросил он.

— Нет. Отверстие слишком мало. И Картер был тщательно обыскан. — Сиалох прервал сам себя и поклонился. — Вы были очень любезны и терпеливы, мистер Романович. Я больше не хочу вас утруждать, я сам найду инспектора.

— И что вы ему скажете?

— Что он может снять эмбарго, конечно. А затем я хочу успеть на ближайший корабль на Марс. Если я поспешу, то успею на концерт в Сабеоу. — Голос его стал мечтательным. — Сегодня впервые играют «Вариации на темы Мендельсона» Ханиеша, переработанные в тональностях Шланнаха. Несомненно, очень интересно.

Через три дня пришло письмо. Сиалох, извинившись перед сидевшим у него клиентом, прочитал его и сказал:

— Вам будет интересно знать, что знаменитые Диадемы находятся на пути домой.

Клиент, министр из Палаты Деятелей, моргнул.

— Извините, Сиалох, но какое это имеет отношение к вам?

— Шеф полиции бесперых — мой друг. Он подумал, что мне будет приятно знать о ходе событий.

— Храа. Вы недавно были на Фобосе.

— Маловажное дело. — Сыщик аккуратно сложил письмо, посыпал его солью и съел. Бумага для марсиан — большое лакомство, особенно бумага официальных документов.

— Итак, вы сказали, мистер?..

Парламентарий отвечал рассеянно. Он ни за что на свете не захотел бы выглядеть нескромным... но если бы он умел видеть насквозь, он не преминул бы заглянуть в желудок Сиалоха. И вот что он прочел бы:

«Дорогой Сиалох!

Вы были абсолютно правы. Проблема запертой компаты решена. Тот корабль, который доставит Вам письмо, везет и драгоценности. Очень жаль, что публике не придется узнать эту историю. Вам обязаны две планеты — и я благодарю Вас от имени обеих и прошу прислать счет, который будет оплачен, даже если Ассамблее придется вотировать специальный кредит, что, как я опасаюсь, и придется сделать.

Я признаю, что Ваше предложение снять эмбарго поначалу показалось мне весьма неразумным, но — оно

принесло плоды. Я хотел заставить моих людей пройти Фобос со счетчиками Гейгера, но Холлидей нашел чемоданчик раньше, что избавило нас от многих хлопот. Я задержал Холлидея в тот момент, когда он возвращался на станцию; ящичек был среди образцов урановых руд. Холлидей сознался. Вы оказались правы во всех деталях.

Помните, Вы привели цитату — слова человека с Земли, которого Вы весьма уважаете? «Когда вы исключили невозможное, то, что останется, каким бы невероятным оно ни казалось, будет правдой». Что-то в этом духе. Цитата прекрасно подошла к нашему случаю.

Как Вы и предполагали, чемоданчик был доставлен на корабль на станции «Земля» и оставлен там — других возможностей просто не было. Картер разработал свой план в одну минуту, в тот момент, когда ему приказали взять драгоценности, чтобы снести их на борт «Джейн». Картер действительно вошел на корабль, но когда вышел оттуда — чемоданчик был при нем. В неверном освещении никто не заметил, как он пристроил чемоданчик между четырьмя элементами внешней структуры, рядом с люком. Как Вы заметили, если драгоценности не внутри корабля, и если их не вынесли из корабля, они должны быть на корабле. Тяготение удерживало их на месте. Когда «Джейн» стартовала, инерция должна была толкнуть чемоданчик назад, но конструкция корабля, его форма складчатой раковины не дала ему сдвинуться далеко. Чемоданчик прижался к стенке элемента и оставался там — на всем пути от Земли до Марса! Притяжение корабля удержало его и в свободном полете, поскольку корабль и чемоданчик были на одной орбите.

Холлидей признался, что Картер посвятил его в тайну. Картер не мог сам отправиться на Фобос, не возбуждая подозрений, и оказался бы под наблюдением с момента обнаружения кражи. Он нуждался в сообщнике. Холлидей прибыл на Фобос и стал разыгрывать изыскателя, чтобы морочить всех, пока он будет охотиться за драгоценностями. Как мне разъяснили, когда корабль подходит ближе чем на тысячу километров к спутнику, его притяжение становится слабее, чем притяжение Фобоса. Любой человек из технического персонала знает, что корабли-роботы начинают тормозить лишь вблизи от места посадки, и тогда они находятся прямо над поверхностью, а сторона, на которой расположены антенна

и люк — та сторона, на которой Картер поместил ящик — поворачивается к космопорту.

Картер знал, что центробежная сила отбросит чемоданчик от корабля к Фобосу, но этой силы недостаточно, чтобы драгоценности ушли в пространство; а поскольку станция «Фобос» расположена на противоположной от Марса стороне спутника, то можно было не бояться и того, что чемоданчик упадет на Марс.

Так что драгоценности короны упали на Фобос, как Вы и предполагали. Картер обрызгал чемоданчик радиоактивной жидкостью перед тем, как запрягать, и Холлидей отыскал его с помощью счетчика Гейгера. Драгоценности нашлись всего в десяти километрах от станции.

Штейнман не дает мне покоя — хочет узнать, почему Вы его расспрашивали об увлечениях. Вы мне этого не говорили, но я понял: либо он, либо Холлидей были обязательно замешаны, потому что никто, кроме них, не знал о грузе. А сообщник должен иметь предлог для того, чтобы выходить на поиски ящичка. У шахматиста же нет повода к длительным прогулкам. Прав ли я? Во всяком случае, мне кажется, что я не чужд Вашим принципам расследования.

Кстати, Штейнман спрашивает, не хотите ли Вы сыграть с ним партию, когда будете свободны.

Холлидей знает, где прячется Картер, и мы уже сообщили об этом на Землю. К несчастью, мы не можем передать преступников в руки правосудия без того, чтобы дело получило огласку. Ну, неважно, их все равно внесут в черные списки.

Я заканчиваю, чтобы письмо ушло с ближайшим рейсом. Хотелось бы поскорее встретиться с Вами — только не по служебным делам.

Со всей возможной благодарностью

Грегг.»

Но министр не умел видеть насквозь. Он попытался угадать, что же случилось на Фобосе, — но, быстро поняв бесплодность этого занятия, перешел к собственной проблеме. Кто-то в Сабее собирался фарнакировать крафы, и беспокоящая закнуutra появилась среди Гюйков...

Сиалох нашел дело весьма интересным

КОЛОКОЛЬЧИКИ АХЕРОНА

У каждой планеты собственная атмосфера. Не та, которой мы дышим, но та, которую мы ощущаем. Рвущиеся ввысь, изрезанные волнами бурных морей горы Кальтурии; исполинские откосы, голые и бесплодные, отражают багровый свет зловещего солнца на небе столь низком и хмуром, что человек чувствует себя букашкой на ладони мироздания. Локраш, теплый и ласковый, покрытый лесами и пологими холмами; ароматный ветерок раскачивает цветы, красный и зеленый свет двойного солнца сливается и переливается бесконечным, переменчивым, мерцающим чудом. Снега, льды и непрекращающиеся электрические бури Рагнарока; а по ночам ослепительной красоты сияние заполняет небо лентами и полотнищами разноцветного огня. Поющие колокольчики Ахерона.

Мы заходили на эти планеты во время Большого путешествия, приземлялись на день-два, пассажиры глядели и восхищались, затем снова вверх, гравитационные двигатели гудели, поднимая нас в космос, кружение гиперпрыжка, бросающего нас от звезды к звезде, и снова посадка, и снова чудеса природы, поражающие и ошеломляющие. Могло бы и надоесть, но никогда не надоедало. Вселенная слишком велика, слишком много в ней миров, чтобы оставалось место для скуки. Поэтому экипаж ждал посадки не меньше, чем пассажиры, а потом нам так же не хотелось взлетать, а взлетов, мы с нетерпением ждали посадки на новой диковинной планете.

У каждого из нас были любимые миры. Я знал, что Капитану нравились живые кристаллы Альмури, за главным инженером надо было приглядывать, когда мы высаживались на Хоумлайне, где в удивительных морях плавали не менее удивительные рыбы, а для меня ничто не могло сравниться с поющими колокольчиками Ахерона.

Хольман рассказывал о них, когда я вошел в каюткомпанию. У него вошло в привычку говорить о мирах, которые нам предстояло посетить, с научной точки зрения объяснять явления природы и, в некоторой степени, подготавливать пассажиров к чудесам, которые они

увидят, хотя это и не входило в его обязанности. Несчастных случаев было мало, болели редко, а гиперпрыжок занимал иногда несколько дней. Для доктора, как и для всех нас, время от звезды до звезды тянулось медленно.

Я тихо двигался по кают-компании, собирая пустые стаканы, вытряхивая пепельницы, прибирая разбросанные книги и журналы — превосходный стюард, как всегда. Хотя эта работа и была лакейской, меня она устраивала, жалованья хватало, иногда перепадали щедрые чаевые, служба не утомляла, она помогала скоротать время, и, пока мы заходили на Ахерон, я был доволен.

— Удивительный мир, — рассказывал Хольман. — По ряду причин животная жизнь так никогда и не возникла на Ахероне. Это — царство флоры. Там нет даже насекомых.

— Нет насекомых? — Кляйнман нахмурился. Этот маленький лысый человечек много читал, но знал мало. — А как же тогда происходит опыление?

— Растения двуполые, — объяснил доктор. — Они самоопыляются. Семена же разносит ветер.

— Колокольчики, — сказал Кляйнман. — Что это такое?

— Знаменитые колокольчики. — Хольман замолчал и взглянул на слушателей. Они все были в кают-компании, все тридцать пассажиров, которых мы везли на этот раз. Пожилые люди в основном, потому что Большое путешествие стоит недешево. Парочка молодых влюбленных, проводивших свой медовый месяц, перешептывалась, держась за руки. Толстая матрона с бриллиантами на жирной шее следила за своим сыном, долговязый нелепый юнец не сводил щенячьих глаз с привлекательной пепельноволосой женщины. Я был знаком с ней — Лора Амхерст, молчаливая и сдержанная блондинка, она редко говорила, а улыбалась еще реже.

— Поющие колокольчики Ахерона, — продолжал Хольман, и я осторожно подошел ближе. — На самом деле никакие это не колокольчики. Просто каприз эволюции. Преобладающая растительная форма представляет собой кустарник, достигающий высоты в два человеческих роста. Он плодоносит круглый год, и обычно покрыт стручками разной степени зрелости. Стручки сферической формы, около дюйма в диаметре, и в каждом полдюжины семян.

— А я-то думал! — потрепанный фат разочарованно надул губы движением, которое было в моде, когда я

родился. — Я воображал, что это настоящие колокольчики.

— Стручки, — недовольно фыркнул Кляйнман. — Только и всего?

— Только и всего. — Хольман бросил быстрый взгляд на меня. — Просто каприз природы. — Он улыбнулся пассажирам. — Но есть в них все же нечто особенное. Видите ли, в почве Ахерона содержится очень много кремния. Так много, что ни одно земное растение здесь бы не выжило.

— Ничего удивительного, — Казалось, Кляйнман нарочно действовал всем на нервы. — Во многих мирах земная растительность не смогла бы развиваться.

— Вы правы. — Хольман вновь замолчал, и я знал, что он пытается скрыть раздражение. Настоящим проклятием были для него невежды, воображавшие, что они знают все на свете. — Дело в том, — спокойно продолжал он, — что из-за высокого содержания кремния в стручках они представляют собой хрупкие стеклянные шары. Семена внутри не закреплены, и при порывах ветра они ударяются об оболочку.

— Правда, они похожи на плоды физалиса? — внезапно спросила Лора Амхерст.

— Да, — сказал Хольман и вновь взглянул на меня. — Очень похожи на плоды физалиса. В Поющих колокольчиках в помине нет ничего сверхъестественного.

Затем последовал шквал вопросов и ответов, Кляйнман старался выказать свою начитанность и преуменьшить знания доктора. Хольман терпеливо отвечал. В конце концов, он был членом команды, и ему не хотелось показывать всем, каким дураком был Кляйнман. Только Лора Амхерст хранила молчание; прекрасные пепельные волосы подчеркивали ее бледность. Позднее, когда пассажиры ушли отдыхать, и на корабле все затихло, Хольман вызвал меня.

— Садись, Джон. — Он указал на стул в тесной амбулатории. — Как тебе наши пассажиры?

— Как всегда.

— Кажется, невысокого ты о них мнения. — Он не ждал ответа и не получил его. — А что ты думаешь о блондинке?

— О Лоре Амхерст?

— Да, о ней. — Он уставился на шкафчик с инструментами. — Она вдова, и овдовела недавно. Не нравится мне все это.

Я знал, что он имеет в виду, но ничего не сказал. Есть темы, которые можно обсуждать сколько угодно, а есть такие, что раз поговорил — и баста. Я не мог говорить об Ахероне. Я сделал вид, что смотрю на часы, и Хольман понял намек.

— Итак, ты не хочешь говорить об этом, — сказал он упавшим голосом. — Что ж, я сделал все, что мог, останется только надеяться на лучшее. Но она вдова, и я уже пригляделся к ней. — Он потрянул головой. — Черт бы побрал эти слухи. Почему люди не могут поверить тому, что есть на самом деле?

— Может быть, она и поверит. — Я встал и пошел к дверям. — Ты все очень убедительно объяснил.

— Но ведь недостаточно убедительно, а, Джон? — Он посмотрел на меня исподлобья. — Так я и думал. — Он вздохнул. — Ладно, подождем до завтра. Спокойной ночи, Джон.

— Спокойной ночи, доктор. — Когда я уходил, он не сводил глаз со шкафчика.

Смутные очертания Ахерона возникли перед нами на следующее утро, и мы завтракали под пронзительное гудение гравитационного двигателя. Завтрак уже закончился, когда мы вошли в атмосферу, посуда еще до посадки была убрана, и пассажиры ждали, когда откроются воздушные шлюзы. Хольман, как обычно, проводил инструктаж вместо капитана.

— Ничто не может причинить вам вреда на этой планете. Но есть одна серьезная опасность. Каждый раз мы приземляемся в одном и том же месте, среди кустов протоптаны тропинки, вы не должны сходить с них ни на шаг.

— Почему? — Кляйнман, как всегда, был невыносим. — Если нам ничего не угрожает, то что же в этом опасного?

— Вы можете заблудиться, — терпеливо объяснил Хольман. — Кусты высокие, и заблудиться очень легко. Не сходите с тропинок и вам это не грозит. — Он улыбнулся. — Честное слово, вы ничего не потеряете, если последуете моему совету.

Дело было не только в этом, но он, видно, решил не тратить слов попусту. По обыкновению, пассажиры выслушали инструктаж беспечно и равнодушно, явно собираясь поступать, как им заблагорассудится. Под наблюдением Хольмана они прошли через шлюз, сопровождавшие их члены экипажа следовали в некотором отдалении. Он, должно быть, заметил выражение моего лица, потому что подошел ко мне и серьезно посмотрел на меня.

— Может, не пойдешь на этот раз?

— Не могу.

— Смог бы, если бы захотел, — рявкнул он, затем уже мягче добавил: — Зачем тебе это, Джон? Что тебе это даст?

— Извини, — я не хотел спорить с ним. — Мне нужно идти работать.

Работа не заняла у меня много времени, об этом я позаботился заранее. Как всегда на Ахероне, я работал торопливо, мысли мои были далеко. Когда я закончил, Хольман был занят: трое, в том числе и Кляйнман, вернулись на корабль с изрезанными в кровь руками. Мне было слышно, что говорил доктор, перевязывая раны.

— Я ведь предупреждал вас, — говорил он. — Кремний — это стекло, а стекло вещь твердая, но хрупкая. Что случилось?

— Я хотел сорвать несколько стручков, — сказал Кляйнман, — попытался отломать ветку. — Он выругался, возможно, от боли. — С тем же успехом я мог бы схватить пригоршню ножей.

Я направился к воздушному шлюзу и не услышал, что ответил Хольман.

Член экипажа, стоявший у шлюза, узнал меня и вновь повернулся лицом к зарослям, окружавшим корабль. Слабый ветерок едва ощущался, но даже через поляну был слышен звон колокольчиков.

Я побежал в сторону долины, и звук усилился.

Это было в стороне от тропы, но я знал дорогу. Я осторожно пробирался между высокими кустами и остановился только, когда добрался до знакомого мне места. Передо мной был крутой обрыв, а далеко внизу долина, сплошь покрытая кустарником, склонившимся под тяжестью блестящих стручков. Я ждал, затаив дыхание. Наконец ветер усилился, и началось.

Звон колокольчиков невозможно описать словами. Многие пытались сделать это, но не смогли, а я не поэт.

Нужно услышать эту музыку и понять; а услышав один раз, невозможно забыть. В долине были тысячи кустов, усыпанных стручками, она звучала, как огромный резонатор. Звук поднимался вверх волной, множество нот, все, какие только возможны, вместе и по одной, сливались, переплетались в бесконечном разнообразии мелодий. В этой музыке были все звуки, все, какие только могли быть.

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и я открыл глаза. На меня смотрел Хольман.

— Джон!

— Оставь меня в покое. — Я сбросил его руку. — Зачем ты вмешиваешься?

— Уже поздно, — сказал он. — Я начал беспокоиться. — Он взглянул вниз, на долину, и я понял, что он имел в виду. — Пойдем на корабль.

— Нет. — Я шагнул в сторону. — Оставь меня в покое.

— Не дури, — сказал он хриплым от злости голосом. — Сколько раз я должен повторять тебе, что это — иллюзия?

— Какое это имеет значение. — Я посмотрел на долину. — Я верю в это. Он живет где-то там, внизу. Я слышу его голос.

— Иллюзия, — повторил Хольман. — Мечта.

— Так считаешь ты, но это все, что у меня есть. — Я взглянул на него. — Не беспокойся, я верю тебе.

— И надолго хватит твоей веры? — Он выругался, грубо и зло. — Черт возьми, Джон, прекрати травить себя. Твой сын уже пять лет как мертв, твоя бывшая жена снова вышла замуж. Давно пора вернуться к работе и перестать растрачивать себя понапрасну.

— Да. — Я шагнул в сторону корабля. — Работа. Меня будут искать.

— Да не об этой работе речь, о твоей настоящей работе. Нужно делать то, чему ты учился, а не нянчиться с кучкой туристов. — Он обнял меня за плечи и заглянул в глаза. — Когда-нибудь ты попытаешься забыть, что это иллюзия. Когда-нибудь ты решишь, что это реальность. Может, мне нужно рассказать тебе, что тогда произойдет?

— Нет. — Я посмотрел вниз. — Не нужно.

— Пора образумиться, Джон, — сказал он устало. — Ты должен вернуться к своей научной работе. Какую пользу ты приносишь здесь?

Довод был не нов, я слышал его много раз, но как я мог это сделать? Ведь я потерял бы возможность бывать на Ахероне, в долине поющих колокольчиков, я не услышал бы больше голос, который так терпеливо ждал моего возвращения.

По расписанию на Ахероне была двухдневная стоянка, и на это были свои причины. Лучше всего колокольчики звучали на рассвете и на закате, когда утренний и вечерний ветер наполнял их трепетной жизнью. Проходили часы, и пассажиры переменялись. Они стали спокойнее, задумчивее, не вступали в споры. После первой высадки никто не пытался собирать сувениры. И не потому, что боялись порезаться о стеклянные ветки, с этим можно было как-нибудь справиться; скорее, они боялись, что планета лишится даже малой части того, что рождало такую чудесную музыку.

Наступила вторая ночь и прошла очень быстро. Рассвет залил горизонт сверкающими потоками золота и огня, и, как всегда, утренний ветер тронул колокольчики, и воздух наполнился неправдоподобно прекрасной музыкой. Все слушали. Экипаж и пассажиры застыли в лучах восходящего солнца, и красота Ахерона переполняла их души и сердца.

Потом, когда корабль готовился к отлету, пропала Лора Амхерст. Это известие принес мне Хольман, в его глазах стоял ужас.

— Вдова, — сказал он. — Колокольчики. Черт возьми, Джон, ты должен был быть внимательнее.

— Я не отвечаю за пассажиров после того, как они покинули корабль. Но мне кажется, я знаю, где она.

— В долине? — опередил он меня. — Ты уверен в этом?

— Нет, но один раз я видел, как она шла в том направлении. — Я бросился к двери. — Я приведу ее.

Я побежал прочь от корабля, продираясь сквозь кусты, не обращая внимания на ветви, в клочья раздиравшие мою одежду, не вслушиваясь в музыку, звучащую вокруг меня, музыку, возникавшую от моих движений. Я свернул с протоптанной тропинки и побежал в сторону долины. Надо было спешить, я мчался наперегонки с ветром, и когда я добежал, все мое тело было изранено, а одежда превратилась в лохмотья. Я оказался

прав. Лора Амхерст, с закрытыми глазами, вытянув вперед руки, шла к краю обрыва.

— Лора! — Я бросился за ней, схватил ее, ударил по лицу.

Она открыла глаза, рот искривился от боли. Я заговорил быстро и громко, стараясь заглушить доносящийся звон, перебарывая желание сосредоточиться и слушать.

— Этого нет на самом деле. Все это иллюзия. — Я крепко прижимал ее к себе, предупреждая внезапное движение. — Ваш муж?

— Вы знаете? — Она ловила мой взгляд. — Вы знаете. Правду говорили. Мертвые на самом деле живут здесь, я знаю, что они здесь живут.

— Нет. — Я искал слова, которые могли бы разубедить ее. Сколько раз я слышал их, сотни раз повторяли их Хольман и другие, но все же я с трудом находил их. — Это обман чувств. Приходишь сюда и слушаешь все звуки, которые когда-либо звучали, и из них выбираешь те, которые больше всего хочешь услышать. Лепет умершего ребенка, голос мужа, смех и слезы тех, кого уже нет. Человеческое сознание — странная вещь, Лора. Оно воспринимает звуки и наполняет их смыслом, и они уже не то, что есть на самом деле.

— Я говорила с ним, — сказала она. — И он отвечал мне. Я знаю, он здесь.

— Его здесь нет. — Она попыталась вырваться, и я еще крепче прижал ее к себе. Я знал: один неверный шаг, и мы оба упадем с обрыва. — Закрываешь глаза и начинаешь слушать, и слышишь голос, который хочешь услышать. Говоришь — и он отвечает, но все это время говоришь сам с собой. Говоришь и отвечаешь сам себе, а слова и интонацию подбираешь из звона колокольчиков. Это самообман, это еще менее реально, чем фотография или магнитофонная запись. Память подсказывает слова.

— Там мой муж, — настаивала она. — Он звал меня. Я должна идти к нему.

— Нельзя. — Меня прошиб пот при мысли о том, что случится, если она вырвется. — Послушайте, слышали ли вы его голос, или думали, что вы его слышите, но вы вошли с закрытыми глазами на звук. Но звук-то шел от кустов. — Я встряхнул ее. — Вы понимаете? От кустов!

Она не понимала.

— Кремний, — сказал я. — Листья, как бритвы. Долина вся ими покрыта, а здесь обрыв. Еще два шага, и вы бы сорвались вниз. — Я схватил ее за плечи и повернул лицом к обрыву. — Мы недаром не водим сюда туристов. Слишком многие вели себя так же, как вы, верили, как вы. — Я показал на то место среди бледно-зеленых зарослей, где что-то смутно белело. — Мы зовем это место Долиной поющих колокольчиков, а правильное было бы назвать его Долиной смерти.

Она долго смотрела на белеющие кости. Ветер стих, и лишь нежный звон доносился из долины, и когда она заговорила, ее голос прозвучал громко.

— Вы приходите сюда, — сказала она. — Почему?

— Ради своей мечты. — Я рассказал ей все. — Но теперь я понимаю, что напрасно потерял пять лет. Не повторяйте моей ошибки, не живите прошлым. Надо жить настоящим и будущим. Не стоит терзать себя воспоминаниями. Пусть мертвые покоятся с миром.

— А вы?

— И я последую своему собственному совету. — Еще раз я оглядел сверкающее пространство долины и, наконец, впервые увидел ее. Не то, что о ней рассказывали, не последний приют покинувших нас, не единственное место во Вселенной, куда мертвые приходят, чтобы знакомыми голосами говорить с теми, кто их любит и помнит. Я увидел то, что видел Хольман. Колокольчики — чудо природы, и не более. Каприз эволюции, в них нет ничего сверхъестественного, не больше, чем в любом другом растении.

Когда мы шли обратно к кораблю, Лора улыбалась. Я понял, почему, — раньше, чем мы вернулись на Землю.

Я забыл, что Хольман — психолог. Я недооценивал себя. Не учел того, что крупных ученых не так уж много. И правительство, очевидно, все еще нуждалось во мне. Но им был нужен здравомыслящий человек.

— Все было подстроено, — сказал мне Хольман в последнюю ночь полета. — Я не прошу прощения, врачу не нужно искать оправдания для своих методов лечения. Лора — не вдова. Она актриса божьей милостью. — Он внимательно посмотрел на меня. — Ты удивлен?

— Нет, — честно ответил я. — Я не удивлен. — Умный не поглупеет только потому, что у него в голове слегка помутилось. Я меня было время все обдумать, и некоторые детали прояснились. Намеки Хольмана, обстоятельства, при которых Лора пропала, и даже то, что

Хольман дал мне понять, куда она могла пойти. Конечно же, она слышала, что я приближаюсь, и рассчитала все до мелочей. Ей ничего не угрожало, но я-то этого не знал. Испугавшись за нее, я разрушил собственную иллюзию, взглянул на себя со стороны и все понял. Но я получил взамен неизмеримо больше.

Я улыбнулся Хольману и ушел. Он обескураженно смотрел мне вслед. Я мог объяснить ему... впрочем, все и так разъяснилось бы позже.

Меня ждала Лора.

ЗДЕСЬ БЫВАЮТ ПРИЛИВЫ

1

Названия у этой планеты не было. Она вращалась вокруг звезды, которая в 2830 году лежала за пределами изученного пространства, на расстоянии сорока световых лет от солнца. Звезда эта называлась Ж-3, была чуть краснее Солнца и чуть поменьше. Планета, которая вращается за восемьдесят миллионов миль от своей звезды, малость холодновата на гуманоидный вкус.

В 2830 году случилось пролетать мимо этой планеты некоему Льюису Гридли Ву. Чем больше расстояния, тем чаще срабатывает закон больших чисел, — и во Вселенной обязательно происходит все, что только может произойти. К примеру — надо же было Льюису встретиться с... Но мы до этого еще доберемся.

Льюису Ву уже стукнуло сто восемьдесят, и он вполне мог протянуть до тысячи, — если, конечно, ему не надоест жить, или он не расшибется в лепешку, прокалывая очередную пространственно-временную петлю.

— Впрочем, — иной раз говорил себе Льюис, — долго не протянешь, если придется бывать на званных вечерах с коктейлями, или участвовать в дурацких охотах с призами, когда скучные ленд-лорды толкуются в старинном парке, который раз в десять меньше, чем нужно для этой компании... Или если придется снова пережить любовь на одну ночь, — а то и наоборот, двадцатилетний брак... да если и просто двадцать минут дожидаться кабины нуль-транспортировки, чтобы она взорвалась именно в тот момент, когда подойдет моя очередь. А уж эти люди! Жить века можно только в том случае, если не придется день и ночь видеть людей...

Когда Льюиса начинали одолевать подобные мысли, он улетал. Теперь это случилось в четвертый раз за его жизнь. Льюис, будучи постоянно недоволен всем на свете, не был приятной компанией не только для друзей, но и для себя самого.

И вот, в небольшом комфортабельном корабле, он устремился к окраинам исследованного пространства. И не собирался возвращаться до тех пор, пока не начнет с ума сходить от тоски по человеческому лицу и звуку человеческого голоса.

Во время второго путешествия он вот так же стиснул зубы и решил не возвращаться, пока не начнет безумно тосковать по физиономии кзинти.

Он помнил, что это было очень долгое путешествие. А так как в этот, четвертый раз, он находился в космосе уже три с половиной месяца, но зубы его все еще стучали при одном воспоминании о голосах людей... Одним словом, про себя он решил: «Пожалуй, в этот раз я подожду, пока не одолеет тоска по физиономии кдатлино. Кдатлино — женщины, конечно.»

Немногие из друзей Льюиса догадывались, от скольких забот и хлопот спасали его эти поездки. В полетах Льюис отдыхал от всего, в том числе и от друзей, много читал и слушал музыку, наслаждаясь одиночеством.

Но вот корабль, вырвавшись из сверхпространства в области, свободные от силовых вихрей, приблизился к звезде Ж-3. Льюис, оставив работающим один лишь главный двигатель, включил радар дальнего обзора. Льюиса не интересовали обитаемые планеты. Он искал контейнеры Рабовладельцев.

Никогда еще Льюису не случалось находить контейнеров. Но тем упорнее он их искал.

Пока корабль шел через систему Ж-3, на экране, словно бледные призраки, проявлялись светло-серые круги планет. Сама звезда Ж-3 выглядела большим серым диском, постепенно темнеющим к центру, где чернота сгущалась до абсолюта.

Корабль благополучно обошел солнце и начал набирать скорость, когда на экране показалось черное пятнышко.

— Да уж, совершенных систем нет, — пробормотал Льюис, сбрасывая скорость. Здесь его никто не перебивал, и он много говорил сам с собой.

Корабль к этому времени вышел в открытый космос. Льюис довел скорость до предела, обошел вокруг системы Ж-3, затем, приблизившись к тому месту, где он заметил черное пятнышко, сбросил скорость, и наконец остановил корабль.

Льюис никогда не задумывался об этом, но подсознательно в нем сидело убеждение, что контейнера Рабовладельцев ему никогда не найти.

Но вот пятнышко снова показалось — черная точка на сером диске планеты.

Планета напоминала Землю. Она была почти того же размера и формы, переливалась почти такими же красками. Только Луны не было.

Льюис посмотрел на планету в телескоп — и даже присвистнул от восторга. Клочковатые белые облака на фоне голубого тумана, возле экватора крутится кольцо урагана. У полюсов большие ледяные шапки, но на экваторе, похоже, тепло. Воздух пригоден для дыхания и, судя от показаний приборов, не очень заражен бактериями. И на всей планете — ни одной живой души.

Никаких соседей. Никаких голосов. Никаких лиц.

— Какого черта! — хихикнул он. — Контейнер я себе раздобыл. Вот и проведу-ка я здесь остаток каникул. Ни мужчин. Ни женщин. Ни детей. — Он нахмурился и потер подбородок, порядком заросший щетиной. — Не слишком ли я поторопился? Может, надо сначала постучаться?

Льюис проверил радиодиапазоны — полнейшая тишина. Значит, действительно никого, потому что населенные планеты шумят не хуже звезд.

— Великолпно! О'кей, сначала я подберу этот барахляный контейнер!

Он не сомневался в том, что это именно контейнер. Только звезды и контейнеры обладают плотностью, дающей такой сильный импульс на экране.

Льюис проследил за тенью на выпуклой поверхности планеты. Очень похоже на луну. Правда, эта луна в поперечнике имела всего десять футов.

— Чего же ради, — размышлял он вслух, — стали бы Работоторговцы запускать его на орбиту? Попробуй разберись. Здесь была война, здесь сражались войска Фиангла. Как вообще он тут сохранился?

Чистый серебристый шарик был пока что довольно далеко, примерно в двух тысячах миль, — но в телескоп Льюис видел его прекрасно.

— Он здесь болтается биллиона полтора лет, — проормотал Льюис. — И ведь его могло унести отсюда что угодно. Пыль, метеорит, солнечный ветер, солдаты Тнактипа. Магнитная буря. Так. — Он запустил пальцы в основательно отросшие волосы. — И те же причины могли забросить его сюда — совсем недавно. Ка...

Небольшой конический корабль, бледно-зеленый, с темными надписями по корпусу, выплыл из-за серебряной сферы.

— Проклятие! — сказал Льюис. Он понятия не имел, где делают такие корабли. Не на Земле, это точно. — Ладно, могло быть и хуже. Если бы, например, появились люди.

Он включил коммуникационный лазер. Зеленый корабль затормозил, почти остановился. Из вежливости Льюис сделал то же самое.

— Это невероятно! — сказал он про себя. — Три года по глобальному времени я ищу такие контейнеры, наконец, нахожу одну штучку — и тут же за ней охотится кто-то другой!

Ярко-голубой луч вспыхнул на верхушке чужого корабля. Льюис слушал легкое дребезжание компьютера, пытающегося расшифровать сигналы незнакомца. Наконец-то, думал Льюис, встретились существа, которые пользуются лазером, а не телепатией, или не размахивают щупальцами и не меняют мгновенно цвет кожи!

На экране появилось лицо.

Это был не первый инопланетянин, которого приходилось видеть Льюису. У него была нормальная голова, в которой явно хватало места для мозгов. Рот треугольной формы, три хрящевые губы обнажают края желтых зазубренных костяных пластин; а вокруг рта, в глубоких впадинах, — три глаза.

Н-да, таких Льюис еще не встречал.

— Мальчуган, какой же ты уродец! — Льюис едва удержался от того, чтобы не произнести реплику вслух. А если бы в этот момент заработал переводчик инопланетянина?!

Компьютер Льюиса перевел первые слова незнакомца:

— Вон отсюда. Этот предмет принадлежит мне.

— Потрясающе, — ответил Льюис. — Вы что, Работорговец?

Существо на экране ни в малейшей степени не напоминало Работорговца. Кроме того, Работорговцы вымерли много веков назад.

— Это слово не переводится, — сказал незнакомец. — Я раньше вас подошел к контейнеру. Я буду драться за него.

Льюис поскреб двухнедельную колючую щетину на подбородке. Интересно, чем бы он мог ответить на нападение? Главный реактор совершенно не годится в ка-

честве оружия, конструкторы побеспокоились об этом. Коммуникативные лазеры? Ну, это просто испытание на выносливость, которое Льюис непременно проиграет, поскольку масса чужого корабля гораздо больше, чем корабля Льюиса, — и соответственно поглотит больше тепла. У Льюиса не было даже личного оружия, а вот у чужака оно, похоже, имелось.

Но контейнер был крупный.

Война Тнактипов против Работорговцев полтора биллиона лет назад уничтожила все разумные виды в галактике. Еще до того, как Работорговцы начали применять сверхоружие, здесь происходили бесчисленные битвы меньшего масштаба. Работорговцы зачастую складывали разные ценные предметы в контейнеры и припрятывали до тех времен, когда содержимое может пригодиться.

Внутри запаянного контейнера не текло время. На инструментах и оружии не обнаруживалось следов ржавчины. Мясо неведомых животных полтора биллиона лет не теряло свежести. Однажды в таком контейнере нашли живое существо, которое оказалось Работорговцем. Этот последний представитель древнего вида, выбравшись из контейнера, прожил довольно долго.

Контейнеры Работорговцев не имели цены. Было известно, что тнактипы, по крайней мере, знали секрет прямого превращения материи. Возможно, их врагам он тоже был известен. Когда-нибудь в одном из контейнеров Работорговцев найдут преобразователь, — и тогда энергия распада выйдет из употребления, как в свое время двигатели внутреннего сгорания.

А этот контейнер, шарик десяти футов в диаметре, должно быть, крупнее всех, какие когда-либо находили.

— Я тоже буду драться, — сказал Льюис. — Но давайте сначала разберемся. Может быть, наши расы уже встречались? Или встретятся? И кому бы ни достался сейчас контейнер, — стоит ли ради него рисковать будущими отношениями?

На лице инопланетянина не отразилось ни мысли, ни эмоции.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Разыграть контейнер. Вы знаете какую-нибудь игру — из тех, где результат зависит от случая?

— Разумеется. Сам процесс жизни есть игра случая. Упустить случай — безумие.

— Вот именно. Хм-м-м... — Льюис разглядывал голову инопланетянина; казалось, она вся состояла из треугольников. Льюис увидел, как голова резко повернулась кругом — дерг! — и лицо оказалось сзади. И в ту же секунду рванулось на прежнее место. От такого зрелища Льюису стало не по себе.

— Вы что-то сказали? — спросил чужак.

— Нет. А вы не свернете шею?

— Ваш вопрос представляет интерес. Позднее мы сможем устроить дискуссию по анатомии. У меня предложение.

— Прекрасно.

— Мы опустимся на эту планету. Сойдемся посередине между нашими кораблями. Я уступаю вам — совершайте высадку первым. Вы можете взять с собой переводчика?

Компьютер можно было соединить с передатчиком на скафандре.

— Смогу.

— Встретимся между кораблями и сыграем в какую-нибудь простую игру, в которую никто из нас раньше не играл, и результат которой зависит исключительно от воли случая. Согласны?

— В общем, да. Какая будет игра?

Внезапно изображение дрогнуло, исказилось, по диагонали экрана пробежали полосы... Помехи? Но тут же все пришло в норму.

— Есть математическая игра, — сказал незнакомец. — Математика везде одинакова.

— Верно, — сказал Льюис, хотя ему и приходилось слышать о существовании необычных математик.

— В игре применяется скр-р-р... — Чужак произнес слово, которое оказалось не по зубам компьютеру.

Инопланетянин поднял руку, три пальца которой украшали острые когти. В когтях он держал маленький предмет, похожий на линзу. Когтистые пальцы повернули предмет так, чтобы Льюис мог рассмотреть рисунки на обеих сторонах.

— Вот скр-р-р... Вы и я должны подбрасывать его вверх, по шесть раз каждый. Я выбираю себе один символ, вы — другой. Если мой символ выпадет большее число раз, чем ваш, — контейнер мой. Шансы равны.

Изображение вновь покрылось рябью, расплылось — и снова прояснилось.

— Согласен, — сказал Льюис. Его несколько разочаровала примитивность игры.

— Мы оба сядем подальше от контейнера. Вы следуете на посадку?

— Конечно, — сказал Льюис.

Изображение исчезло.

3

Льюис Ву еще раз поскреб щетину на подбородке. Встречаться с посланцем иной цивилизации в таком виде! В гуманоидных мирах Льюис Ву одевался безукоризненно, но в космосе он плевал на все условности, здесь он был свободен.

Да и откуда же этому треугольному знать, что Льюису следовало бы побриться? Так что не стоит об этом размышлять.

Подумать нужно о другом.

Когда-то у Льюиса было много друзей — с такими же привычками, как у него, такие же бродяги... Двое из них пропали без вести лет тридцать — сорок назад. Льюис успел забыть даже их имена. Помнил только, что оба они охотились за контейнерами Рабовладельцев — в этих же краях... и не вернулись.

Может быть, они повстречались с чужими кораблями?

Правда, могло быть и по-другому. Полгода одиночества на корабле — недурной способ разобраться в себе. И если вы начинаете понимать, что не слишком-то любите себя и людей, — то можно ведь и не возвращаться в человеческий мир.

Но здесь — инопланетяне. И вооруженные. Один из них теперь находится вблизи, на пятьдесят миль опередив корабль Льюиса, а на полпути между ними болтается контейнер.

Все-таки жребий безопаснее, чем борьба. Льюис Ву ждал следующего хода чужака. И тот сделал этот ход, обрушившись на планету. Похоже он падал с ускорением не меньше двадцати g. Опомнившись, Льюис тоже рывком бросил вниз свой корабль, — благо ускорение не пугало бродягу в антигравитационной кабине. Может быть, инопланетянин хотел таким образом проверить маневренность земного корабля? Но зачем?

Льюис, следуя за чужаком, оказался довольно близко к серебристому шару. А что, если сейчас развернуться, подтянуть к борту контейнер и удрать?

Вряд ли удастся. Ведь на повороте придется сбросить скорость, а это — потеря времени... да и двадцать г были почти пределом для корабля Льюиса, — а вот чужаку, похоже, такие скорости нипочем.

Но вообще-то бегство — идея неплохая. Где гарантия, что чужак сыграет честно? А если жульничает?

Нужно сделать все, чтобы свести риск к минимуму. Датчики в скафандре Льюиса контролировали все функции организма, — и Льюис настроил компьютер так, чтобы корабль взорвался, если остановится сердце пилота. Затем, подумав немного, наладил на скафандре кнопку, чтобы корабль можно было взорвать и вручную.

За чужим кораблем тянулся по воздуху ярко-оранжевый след. Корабль шел в свободном падении, затем внезапно затормозил в какой-нибудь миле над океаном.

— Ишь, пыль в глаза пускает! — проворчал Льюис и приготовился скопировать маневр.

Конический корабль то двигался с выключенным двигателем, то резко увеличивал скорость, проделывая все маневры чисто и аккуратно. Льюис шел следом. Наконец инопланетянин легко, точно перышко, опустился на один из разбросанных в океане островов, выбрав его, похоже, просто наугад. Льюису показалось, что его вот-вот начнет обстреливать какое-то невообразимое оружие с зеленого корабля, и разорвет его на куски, пока он занят посадкой. Но наконец Льюис вполне благополучно сел в нескольких сотнях ярдов от чужака.

— Если со мной что-нибудь случится, оба наши корабля будут уничтожены взрывом, — просигнализировал он.

— Наши виды мыслят одинаково. Я выхожу из корабля.

Льюис внимательно наблюдал, как открылся широкий круглый люк в носовой части чужого корабля, как выбрался наружу инопланетянин, как легко он движется по песку. Потом надел шлем и вышел в шлюз.

Верное ли решение он принял?

Жребий безопаснее войны. И веселее.

— Но как было бы скверно отправиться домой без этого контейнера, — подумал Льюис вслух. За два столетия жизни с ним не происходило ничего значительного. Льюис никогда не совершал открытий, не побеждал на выборах, не свергал правительств. И контейнер был невероятным шансом добиться успеха.

Льюис вышел из корабля. В ста футах от него волны, шипя, ложились на чистый белый песок, — громадные зеленые волны, на которых было бы славно скользить. Берег выглядел как идеальное место для пикников.

Потом, возможно, Льюис и прокатится на волнах, скользя к берегу прямо на животе, — когда будет более тщательно изучен состав воздуха, и если в воде не окажется хищников.

Ботинки Льюиса проваливались в песок, когда он шел навстречу инопланетянину.

Росту в чужаке было футов пять, не больше, но он казался выше из-за того, что состоял почти из одних ног. Больше трех футов ног, костлявых, покрытых сморщенной кожей, а над ними торс, похожий на пивной бочонок, и — никакой шеи! Просто невероятно, чтобы настолько отсутствующая шея была такой гибкой! Но желтая кожа спускалась толстыми складками с головы чужака, прикрывая анатомические детали.

Скафандр инопланетянина был прозрачным и представлял собой нечто похожее на воздушный шар, который сужался к плечам, у запястий, возле бедер и в коленях. На запястьях и на лодыжках виднелись сопла корректирующих двигателей. В петлицах на груди крепились какие-то инструменты. Под скафандром висела сумка. С трепетом Льюис разглядывал все эти предметы, ведь любой из них мог оказаться смертоносным оружием.

— Я ожидал, что вы окажетесь выше, — сказал инопланетянин.

— Экран лазера не так уж много говорит, да? Монетка при вас?

— Вы имеете в виду скр-р-р? — Чужак предъявил этот предмет. — Разве у нас не будет предварительных переговоров? Мое имя скр-р...

— Мой аппарат не может этого произнести. Меня зовут Льюис. А что, ваши соотечественники уже встречали людей?

— Да, двоих. Но я не специалист в этой области знаний.

— Я тоже, так что предоставим ритуалы вежливости знатокам. А мы лучше сыграем.

— Выберите себе символ, — сказал инопланетянин и вручил Льюису монету.

Льюис внимательно рассмотрел ее. Это была линза из металла, подобного платине, с острыми краями. На

одной из сторон красовалось изображение руки с тремя когтями, на другой — отштампован рисунок планеты с тяжелыми контурами ледяных шапок. Впрочем, это могли быть и континенты.

Льюис держал монетку, как бы выбирая, — но на деле просто тянул время, лихорадочно соображая. Похоже, конечно, что устройства на скафандре чужака предназначены для корректировки в невесомости... но вдруг это что-то совсем иное? И что произойдет, если Льюис выиграет? Возможно, выигрыш — это всего лишь шанс быть убитым?

Но если остановится сердце Льюиса, то и чужак погибнет.

— Я выбираю планету. Ну, сначала определим, чья очередь первая?

Чужак подкинул монету, она отлетела немного в сторону, к кораблю Льюиса. Льюис проводил монету взглядом, потом сделал два шага, чтобы поднять ее. Когда он выпрямился, инопланетянин стоял рядом.

— Рука, — сказал чужак. — Моя очередь.

Он проиграл первый ход. Монету подбросил Льюис. Пока она, сверкая, летела, Льюис заметил, что зеленый корабль исчез.

— Что такое? — спросил он.

Инопланетянин, взявшись за какой-то предмет, висющий у него на груди, сказал:

— Это оружие. Не пытайтесь добраться до своего корабля.

Льюис положил руку на кнопку взрывателя.

— Мой корабль поднялся, когда вы повернули голову, следя за скр-р-р... А теперь мой корабль ушел за пределы любого взрыва, какой вы в состоянии устроить. Вам нет никакой необходимости умирать, если вы только не попытаетесь пробраться к своему кораблю.

— Ошибаетесь. Я могу оставить ваш корабль без пилота. — Льюис по-прежнему держал руку на кнопке. Все-таки лучше, чем допустить, чтобы инопланетянин обжулил тебя в игре...

— А пилот у меня на борту вместе со штурманом и скр-р-р... Я только офицер связи. Почему вы решили, что я один?

Льюис вздохнул, и руки его бессильно повисли.

— Потому что я дурак, — с горечью сказал он. — Потому что вы все время употребляли местоимение единственного числа — или мой компьютер так переводил. Потому что я думал, что вы играете на риск.

— Я рисковал, ведь мы могли увидеть, как снимается мой корабль. Но я надеялся, что вы увлечетесь монетой и что вы видите только одной стороной головы. Риск был больше, чем наполовину. Была еще такая вероятность, что вы заманиваете меня на посадку, чтобы уничтожить. — Компьютер Льюиса так же переводил в первом лице единственного числа. — Один корабль у меня уже взорвали, когда я шел в этом же направлении.

— Я тут ни при чем. Мы тоже теряем корабли. — Льюиса осенила одна мысль, и он сказал: — А ну, покажите, что у вас в руках оружие!

Инопланетянин повиновался. Луча не было видно, но слева от Льюиса взлетел внезапно песок, сильно грохнуло, затем последовала вспышка вроде молнии. Да, в руках инопланетянина был предмет, который отлично мог пробивать дырки.

— Вот оно как, — Льюис наклонился и подобрал монету. — Доиграем, раз уж мы все равно здесь?

— С какой целью?

— Чтобы знать, кто выиграл бы. Разве у вас не принято играть на интерес?

— С какой целью? Мы играем на жизнь и смерть.

— Ну, тогда... пусть бы Финагл побрал все ваше племя, — взвыл Льюис и бросился на песок. У него украли единственный шанс прославиться. Случаются ведь приливы, возносящие человеческие судьбы. Но вот наступает отлив, уносящий прочь статуи, изображающие Льюиса Ву, и исторические книги, где в заголовке стоит имя Льюиса Ву, — все это только мусор, прибившийся к берегу.

— Ваша точка зрения непонятна. Играют только тогда, когда это необходимо.

— Чушь собачья.

— Мой переводчик не перевел вашу реплику.

— Вам хоть известно, что такое контейнер?

— Мне известны существа, которые его сделали. Они далеко забирались.

— Мы еще никогда не находили такого крупного контейнера. Возможно, это какой-нибудь склеп.

— Нам известно, что эти существа употребляли единственно возможное оружие, чтобы покончить с войной и со всеми ее участниками.

Взгляды их встретились. Вероятно, оба подумали об одном и том же:

«Какое же произойдет бедствие, если кто-нибудь другой, а не мои соотечественники, захватит это универсальное оружие?»

Но это была мысль человека, гуманоида. Льюис понимал, что любой Кзин сказал бы:

«Теперь я могу завоевать вселенную, она в моих руках!»

— О, Финагл, нет мне удачи! — простонал Льюис сквозь зубы. — И зачем вам надо было появиться здесь вслед со мной?

— Это не произошло случайно. Ваше судно было обнаружено моей аппаратурой, как только вы подобрались к здешней системе. Чтобы добраться вовремя в район контейнера, необходимо было развить скорость, которая повредила мой корабль и убила одного из членов моей команды. Я заработал право на этот контейнер.

— Жульническим способом, черт вас возьми! — Льюис выпрямился.

Внезапно что-то непонятное потрянуло его сознание и вестибулярный аппарат.

4

Одно g.

Плотность атмосферы планеты зависит от силы тяжести и от луны. Большая луна притянула бы почти всю атмосферу за биллион лет эволюции этого мира. А безлунная планета размером с Землю и с такой же массой имела бы невероятно плотную атмосферу, непригодную для дыхания, — хуже, чем у Венеры.

Но у этой планеты нет луны. Правда...

Чужак удивленно воскликнул:

— Скр-р-р... Куда девалась вода?

Льюис взглянул на океан. Океан отступил, ускользнул, лишь небольшие лужицы сверкали на обнажившемся дне. Но Льюис почти не удивился этому.

— Куда же девалась вода? Я не понял.

— Зато я понял.

— Так куда же она девалась? Без луны не может быть приливов и отливов. Да и в любом случае, отлив не может произойти так быстро. Объясните мне.

— Для этого придется вам заглянуть в телескоп на моем корабле.

— У вас на корабле может быть оружие.

— Поймите, — сказал Льюис, — ваш корабль может погибнуть. Нужно срочно послать сообщение команде.

Чужак поколебался, затем уступил:

— Ладно, если бы мы имели оружие, вы бы раньше им воспользовались. Теперь вам уже не остановить мой корабль. Хорошо, пойдете. Помните, что я вооружен.

Пока Льюис настраивал телескоп, чужак стоял рядом, и его треугольный рот беспокойно шевелился, обнажая зазубренные пластины. Но вот на фоне звезд на экране появился конический зеленый корабль. Нижнюю часть экрана закрывало пятно плотной атмосферы.

— Видите? Предполагаемый контейнер почти у самого края горизонта. Он быстро движется.

— Этот факт очевиден даже для низкого интеллекта.

— Да. Судя по отливу, планета должна иметь спутник, не так ли?

— Но его нет — если этот спутник не невидимка.

— Не невидимка. Просто он слишком мал, чтобы его заметить. Но тогда он должен обладать очень большой массой.

Инопланетянин не ответил.

— Почему мы решили, что этот шарик должен быть контейнером Работоторговцев? Конечно, он очень похож... блестящий, соответствующей формы. Но планета не смогла бы притянуть такую кроху... разве что шарик жидкий или, наоборот, имеет невероятную массу. Вы меня понимаете?

— Нет.

— Я не знаю, как работает ваша аппаратура. Мой радар — на сверхвысокочастотных волнах. Тело, сквозь которое не может пройти такая волна, и есть контейнер, — или нечто поплотнее, чем обычная звездная материя. А этот шарик как раз и обладает такой плотностью, что из-за него происходят приливы и отливы.

Перед конусом чужого корабля на экране показалась крошечная серебряная бусинка. Казалось, она движется прямо вдоль зеленого борта. Льюис потянулся было

рукой к подбородку, поскрести щетину, — но шлем помешал ему.

— Думаю, что понял вас, — сказал инопланетянин. — Но как это могло случиться?

— А это и есть загадка. Ну?

— Вызовите мой корабль. Они же могут погибнуть. Их надо спасти!

— Я должен был увериться, что вы не станете мешать.

Льюис Ву принялся за работу. Вскоре вспыхнул огонек — компьютер лазером нашел чужой корабль.

Льюис сказал без всяких предисловий:

— Вы должны немедленно уйти от сферического тела. Это никакой не контейнер. Это нейтронный шарик. Возможно, он отделился от звезды.

Ответа не последовало. Инопланетянин молча стоял позади Льюиса, время от времени взмахивая руками.

Зеленый конус быстро развернулся — боком к телескопу.

— Хорошо. Они запускают двигатель, — сказал про себя Льюис. — Может быть, сумеют пройти мимо этой штуки по касательной. — Он повысил голос: — Выжмите предельную скорость! Вы должны выбраться!

Казалось, корабль и серебряная сфера притягиваются друг к другу. Льюис понадеялся, что это всего лишь иллюзия, просто оба предмета находятся на одной линии...

— Масса кажется небольшой, — сказал Льюис, теперь уж без особой надобности. — Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Компьютер, какова масса нейтронной сферы диаметром в десять футов? Около двух на десять в минус шестой массы планеты... Если вы подойдете слишком близко... Нет!..

Ему показалось, что корабль и сфера сближаются. Вот дьявол, подумал Льюис. Ведь если бы они туда не полетели, там оказался бы я.

Он продолжал говорить — чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Мой компьютер говорит, на поверхности сила тяжести — десять миллионов g. Это будет конец. Вы меня слышите?

— Они уже слишком близко, — сказал инопланетянин. — Поздно.

Все произошло, пока он говорил. Столкновение выглядело не страшнее, чем удар пушечного заряда в сте-

ну крепости. Крошечная серебряная бусинка прилипла к зеленому конусу. И тут же экран заполнила желтая вспышка, в которой исчез чужой корабль. Крошечная серебряная бусинка...

— Я скорблю, — сказал инопланетянин.

— Теперь я понял, — сказал Льюис. — Я все думал — что это за помехи на экране? А это нейтронный шарик отклонял лучи.

— Кто расставил нам эту ловушку? — воскликнул инопланетянин. — Неужели у нас такие могучие враги, что они могут играючи обращаться с такими массами?

Интересно, подумал Льюис, у него что, приступ паранойи?

— Чистая случайность, — сказал он. — Осколок нейтронной звезды.

Чужак долго молчал. Экран потемнел, на месте катастрофы осталась лишь пустота, в которой светилась серебристая точка. Инопланетянин сказал:

— Давление у меня в скафандре... Я долго не протяну.

— Ничего. До Маргрейва я вас довезу за две недели. Сейчас соорудим для вас камеру с подходящей средой, это всего часа два займет. На Маргрейв я сообщу, нас встретят...

Три глаза уставились на Льюиса.

— Вы можете посылать сообщения быстрее света?

— Конечно.

— Вы обладаете такими знаниями, что с вами стоит иметь дело. Я с вами лечу.

— Премного благодарен!

Льюис уже нажимал на кнопки, налаживая связь.

Маргрейв. Снова цивилизация. Люди. Лица. Голоса. Ух! — корабль тряхнуло, и атмосфера осталась позади.

— Что ж, — сказал себе Льюис. — Вернуться я всегда успею.

— Вы хотите сюда вернуться?

— Думаю, что да. — решил Льюис.

— Надеюсь, вы тогда вооружитесь.

— Вы что, параноик?

— Люди недостаточно подозрительны, — сказал инопланетянин. — Удивляюсь, как вы только выжили. Будем рассматривать нейтронный предмет как защитное средство. Его масса поглотит все, что войдет в сферу

притяжения. Как только корабль приблизится к этому миру, команда обнаружит шар. Его примут за искусственно изготовленный контейнер. Какое еще предположение можно сделать? Они подойдут ближе, чтобы как следует разглядеть...

— Верно, но планета необитаема, защищать тут некого.

— Возможно...

Планета внизу уменьшалась. Льюис Ву выводил корабль в открытый космос.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

ПОДАРОК

Завтра Новый год; уже по дороге на космодром отец и мать волновались. Для их сына это будет первый полет в космос, первый раз в жизни он сядет в ракету, и им хотелось, чтобы все прошло самым лучшим образом. Поэтому, когда им не разрешили пронести в корабль приготовленный для сына подарок, вес которого оказался всего на несколько унций больше допустимого, и маленькую елочку с очаровательными белыми свечами, которую тоже пришлось оставить на таможне, они почувствовали, что их лишили и праздника, и любви к сыну.

Мальчик ждал их у выхода на посадку. Догоняя его после безрезультатных препирательств с чиновниками Межпланетной службы, мать и отец перешептывались.

— Что будем делать?

— Даже не знаю. Теперь ничего и не поделаешь.

— Глупые инструкции!

— А ему так хотелось елочку!

Резко прозвучала сирена, и плотная людская толпа устремилась к ракете, улетающей на Марс. Отец и мать поднялись на борт самыми последними, их маленький бледный сын шел между ними молча.

— Что-нибудь придумаю, — сказал отец.

— О чем ты? — не понял мальчик.

Ракета стартовала, их швырнуло стремительно в черное пространство.

Ракета летела, оставляя за собой огненный хвост, оставляя позади Землю, на которой шел последний день декабря 2052 года, направляясь к месту, где совсем не было времени, не было месяца, не было года, не было минут. Они проспали остаток первого полетного «дня». Около полуночи, если считать по земным часам, мальчик проснулся и сказал:

— Я хочу посмотреть в иллюминатор.

На корабле был всего один иллюминатор, наверху, палубой выше, «окно» внушительных размеров с невероятно толстым стеклом.

— Еще рано, — откликнулся отец. — Сходим наверх чуть позже.

— Я хочу посмотреть, где мы и куда летим.

— Давай подождем. Потом поймешь, почему, — сказал отец.

Он уже давно лежал с открытыми глазами, ворочаясь с боку на бок, думая о брошенном подарке, о том, как быть с праздником, и о том, как жаль, что елка с белыми свечами оставалась на Земле. Наконец, всего лишь за пять минут до того, как проснулся сын, он встал, чувствуя, что придумал план. Осуществить его — и путешествие станет по-настоящему радостным и интересным.

— Сынок, ровно через полчаса наступит Новый год, — сказал он.

Мать тихо ойкнула, напуганная тем, что он напомнил о празднике. Было бы лучше, если б мальчик как-нибудь забыл об этом, так ей хотелось.

Лицо мальчика вспыхнуло от волнения и губы задрожали.

— Я знаю, знаю. Вы мне подарите что-то, да? У меня будет елка? Вы обещали...

— Да, конечно, и подарок, и елка, и даже больше, — сказал отец.

У матери дрогнул голос.

— Но...

— Честное слово, — повторил отец. — Даю честное слово. Все, что обещали, и даже больше, намного больше. Ждите меня здесь. Я скоро вернусь.

Его не было минут двадцать. Он вернулся, улыбаясь.

— Осталось недолго.

— Можно, я буду держать твои часы? — попросил мальчик, и ему вручили наручные часы — он держал их, они тикали у него в пальцах, отсчитывая последние минуты дня и года, которые уносились в огне и безмолвии, в неощутимом движении.

— Все, наступил! Новый год! Где мой подарок?

— Идем, — отец положил руку на плечо сына и повел его из каюты, по коридору, вверх по трапу; мать следовала за ними.

— Ничего не понимаю, — повторила она несколько раз.

— Скоро поймешь. Вот мы и на месте, — сказал отец.

Они остановились перед закрытой дверью большой каюты. Отец постучал телеграфным кодом: три раза и потом еще два... Дверь открылась, а свет в каюте потух, в темноте перешептывались голоса.

— Входи, сынок, — сказал отец.

— Там темно.

— Возьми меня за руку. Пойдем, мама.

Они перешагнули через порог, дверь закрылась, в каюте стояла полная темнота. А прямо перед ними неясно вырисовывался огромный стеклянный «глаз», иллюминатор, окно четырех футов в высоту и шести футов в ширину, через него можно было выглянуть в космос.

Мальчик затаил дыхание. У него за спиной отец и мать тоже притихли изумленно, и в этот момент несколько голосов запели в темноте.

— С Новым годом, сынок, — сказал отец.

Голоса в темноте пели рождественский гимн, древний, незабываемый; мальчик двинулся осторожно вперед, пока не прижался лицом к холодному стеклу иллюминатора. Он долго стоял у окна и смотрел в открытый космос, просто смотрел в бездонную ночь, где пылали свечи, десять миллиардов, миллиард миллиардов белых, прекрасных, пылающих свечей.

АУТО-ДА-ФЕ

Помню, как сейчас: жаркое солнце на Плаза де Ауто, крики торговцев прохладительными напитками, ярусы, наполненные людьми — напротив меня, на освещенной стороне арены; солнечные очки — как впадины на лицах.

Помню, как сейчас, краски — алые, голубые, желтые; и запахи; среди них — неизменный острый запах бензиновых паров.

Помню, как сейчас, тот день — день с солнцем, стоящим в созвездии Овна, сверкающим в расцвете года. Вспоминаю семенящую походку качальщиков — они шли, откинув назад головы, взмахивая руками, ослепительные зубы сверкали между смеющимися губами; расшитые лоскуты, похожие на цветастые хвосты, торчали из задних карманов их комбинезонов. И трубы — я вспоминаю рев труб из репродукторов, нарастающий и смолкающий, нарастающий и смолкающий — и, наконец, одну ослепительную ноту, потрясшую слух и сердце безграничной мощью, великим пафосом.

Затем — молчание.

Я вижу это сегодня точно так же, как тогда... Он вышел на арену, и взвившийся над трибунами крик потряс голубое небо над белыми мраморными колоннами.

— Виват! Машидор! Виват! Машидор!

Я вспоминаю его лицо — темное, печальное и мудрое.

Его нос и подбородок были длинными, его смех был подобен вою ветра; его движения походили на музыку терамина и барабана. Комбинезон — шелковый, голубой — прошит золотой ниткой и украшен черной тесьмой. Жакет покрыт бусинами, а на груди, плечах и спине сверкали блестящие пластины.

Его губы скривились в усмешке человека, познавшего славу и владеющего мощью, которая приносит эту славу.

Он посмотрел вокруг, не защищая глаз от солнца.

Он был выше солнца. Он — Маноло Стиллете Дос Мюэртос, сильнейший машидор, какого когда-либо видел мир — в черных сапогах, с поршнями в икрах, с пальцами микрометрической точности, с ореолом

черных локонов вокруг головы и ангелом смерти в правой руке. Машидор в центре испещренного пятнами смазки круга истины.

Он взмахнул рукой — и крик усилился.

— Маноло! Маноло! Дос Мюэртос! Дос Мюэртос!

Он выбрал этот день, чтобы вернуться после двух лет отсутствия на арене — день его смерти и ухода, юбилейная дата. Этот день — потому что в его венах струились бензин и спирт, а его сердце было хорошо отлаженным насосом, звенящим от желания и смелости. Он дважды умирал на арене, и дважды врачи воскрешали его. После второй смерти он ушел на покой, и кое-кто говорил, что ушел он оттого, что узнал страх. Но этого не могло быть.

Он снова взмахнул рукой, и вновь его имя волной прокатилось вокруг.

Трубы прозвучали еще раз: три протяжных ноты. И — тишина. Качальщик в красном и желтом подал накидку и забрал жакет.

Подкладка из оловянной фольги блеснула на солнце, когда Дос Мюэртос взмахнул накидкой.

Затем прозвучали последние звуки сигнала. Большая дверь покатила вверх и вбок — в стену.

Маноло перебросил накидку через руку и повернулся лицом к воротам.

Над ними горел красный свет, а из темноты раздавался урчание двигателя.

Свет сменился на желтый, потом — на зеленый; послышался звук осторожно включаемой передачи.

Автомобиль медленно выехал на арену, задержался, пополз вперед, снова остановился.

Это был темно-красный «Понтиак» со снятым капотом, с двигателем, похожим на гнездо змей, возбужденных, свившихся позади кругового мерцания невидимого вентилятора. Крылья антенны вращались, пока не зафиксировали Маноло с его накидкой.

Для разминки Маноло выбрал тяжелую машину, неторопливую, неповоротливую.

Барабаны машинного мозга, прежде не имевшие дела с человеком, крутились. Затем на них снизошло подобие сознания, и машина двинулась вперед.

Маноло взмахнул накидкой и пнул крыло автомобиля, когда тот с ревом пронесся мимо. Дверь большого гаража закрылась.

Доехав до противоположной стороны арены, машина остановилась. В толпе раздались возгласы отвращения, громкое шипение.

«Понтиак» не двинулся с места.

Тогда два качальщика с ведрами появились из-за ограды и стали кидать грязь на ветровое стекло.

«Понтиак» взревел и бросился за ближайшим качальщиком, но ударился в ограждение. Внезапно он развернулся, обнаружил Дос Мюэртоса — и пошел в атаку.

Балетная фигура «вероника» превратила Дос Мюэртоса в статую с серебряной юбкой вокруг бедер. Толпа почти рыдала от восторга.

«Понтиак» развернулся и снова атаковал; я был поражен искусством Маноло — показалось, что его пуговицы оцарапали вишневую краску на дверце машины.

Автомобиль остановился, покрутил колесами и описал круг по арене. Толпа ревела, когда автомобиль проехал мимо машидора и развернулся.

Маноло повернулся к «Понтиаку» спиной и помакал толпе.

Вновь крики, вновь летит над трибунами имя машидора.

Маноло кивнул кому-то за оградой.

Появился качальщик и подал на бархатной подушке хромированный универсальный гаечный ключ.

Маноло пошел к «Понтиаку». Машина стояла, дрожа, и Дос Мюэртос снял крышку радиатора. Струя кипятка забила в воздух; толпа завопила. Маноло стукнул по радиатору и по обоим крыльям. А потом повернулся к машине спиной и замер.

Лишь услышав, как включилась передача, он развернулся, и машина проехала совсем близко от него, но машидор успел дважды ударить гаечным ключом по багажнику.

«Понтиак» достиг противоположного края арены и остановился. Маноло махнул рукой качальщику. Тот вновь появился с подушкой — принес отвертку с длинной рукояткой и короткую накидку; длинную накидку и гаечный ключ Маноло отдал.

На Плаза де Аутос опустилась тишина.

«Понтиак», будто почуяв что-то, снова развернулся и дважды прогудел. Затем он пошел в атаку. Песок арены покрылся темными пятнами — протекал радиатор.

Дым выхлопа тянулся за машиной, как призрак. «Понтиак» несся на Маноло с бешеной скоростью.

Дос Мьюэртос держал накидку перед собой, а лезвие отвертки лежало на его левом предплечье.

Когда казалось уже, что сейчас машидор будет раздавлен, он выбросил руку вперед так быстро, что глаз едва мог это заметить, и отступил в сторону, когда двигатель начал «кашлять».

Но «Понтиак» не сбросил скорость; он резко развернулся, не притормаживая, опрокинулся, скользнул к ограде и загорелся. Двигатель захрипел и заглох.

Площадь дрожала от приветственных криков. Дос Мьюэртосу присудили обе передние фары и выхлопную трубу. Держа их высоко над собой, он медленно прошел по периметру арены. Зазвучали трубы. Какая-то женщина бросила машидору пластмассовый цветок. Маноло послал качальщика — отнести ей выхлопную трубу и пригласить ее отобедать с машидором. Приветствия стали громче — Маноло был известен как великий покоритель женщин. В дни моей юности это не было столь необычно, как теперь.

Следующим номером был голубой «Шевроле», и Маноло играл с ним, как ребенок с котенком, раздражив его, заставив напасть и остановив навсегда. Машидор получил обе передние фары. К этому времени небо заволокло тучами, слышались раскаты грома.

Третьим был черный «Ягуар», требующий высочайшего искусства. И прежде чем Маноло справился с ним, на песке появился не только бензин, но и кровь, потому что боковое зеркало выступало дальше, чем можно было предположить, и на груди Маноло возникла красная полоса. Но Маноло вырвал систему зажигания машины с такой грацией и искусством, что толпа от восторга выплеснулась на арену, и пришлось призвать стражу, которая с помощью дубинок сумела вернуть всех на места.

Разве после этого кто-то мог сказать, что Дос Мьюэртос когда-либо знал страх?

Поднялся ветерок; я выпил стакан прохладительного в ожидании последнего номера.

Автомобиль двинулся вперед еще при желтом свете. Это был «Форд» горчичного цвета с откидным верхом. Когда он проезжал мимо Маноло в первый раз, он прогудел и включил дворники на ветровом стекле. Разда-

лись приветственные крики: зрители поняли, что у этого автомобиля есть смелость.

Вдруг «Форд» резко остановился, дал задний ход и устремился на Маноло со скоростью миль сорок в час. Маноло, однако, увернулся, пожертвовав на этот раз грацией в пользу целесообразности, и машина резко затормозила, переключила передачу и вновь ринулась вперед.

Маноло взмахнул накидкой — и она тут же была вырвана из его рук. Если бы машидор не упал назад, автомобиль сбил бы его.

Кто-то крикнул:

— Она разрегулирована!

Но Маноло поднялся, подобрал накидку и начал игру снова.

До сих пор вспоминают о пяти пассах, которые последовали затем. Никто еще не видывал такого флирта с бампером и решеткой! Никогда, никогда на Земле не было такой встречи между машидором и машиной! Автомобиль ревел, как десять столетий обтекаемой смерти, и дух Святого Детройта словно бы сидел на месте водителя, а Дос Мюэртос взмахивал оловянной накидкой и требовал гаечный ключ, умиряя машину. Автомобиль на ходу пытался охладить перегревшийся двигатель, опускал и поднимал окна, прочищал время от времени глушитель — с урчанием туалетного бачка; выпускал клубы черного дыма...

К этому времени уже пошел мягкий, ласковый дождь, а раскаты грома все приближались. Я выпил еще прохладительного.

Дос Мюэртос пока что ни разу не использовал свой универсальный гаечный ключ против двигателя, он лишь стучал им по кузову, — и вдруг машидор метнул ключ. Некоторые эксперты считают, что он метил в щиток зажигания, другие — что он пытался перебить насос для горячего.

Толпа зашикала.

Что-то липкое закапало из «Форда» на песок. Красная полоса на груди Маноло расширилась. Захлестал дождь.

Маноло не взглянул на толпу. Он не открывал глаз от машины. Держа поднятую руку ладонью вверх, он ждал.

Задышающийся качальщик сунул ему в руку отвертку и побежал обратно к ограде.

Маноло чуть отошел в сторону.

Автомобиль бросился на него, и машидор нанес удар. Раздался свист.

Он промахнулся.

Никто, однако, не сдался. «Форд» двигался по тесному кругу, в центре которого был Маноло. Из двигателя шел дым. Маноло потер руку, поднял брошенные отвертку и накидку. Зрители снова засвистели. Когда машина надвинулась на Маноло, из ее двигателя вырвались языки пламени.

Некоторые говорили, что Маноло снова нанес удар и снова промахнулся, потеряв равновесие. Другие говорили, что он лишь замахнулся, но испугался и отпрянул. Еще кто-то говорил, что, возможно, на мгновение он проникся роковой жалостью к смелому противнику, и это остановило его руку. Я же скажу, что дым был слишком густым, и нельзя сказать наверняка, что случилось.

Автомобиль повернул, Маноло упал вперед, и его понесло на двигателе, пылающем ярким огнем, как катафалк бога, — навстречу третьей смерти. Удар об ограду — и все объято пламенем.

Немало спорили по поводу последней корриды; а то, что осталось от выхлопной трубы и передних фар, похоронили вместе с тем, что осталось от машидора — под песками Плазы; и много слез было пролито женщинами, которых знал Маноло.

А я скажу, что Маноло не мог испугаться, и не мог поддаться жалости — потому что его сила была как поток ракет, его икры были поршнями, пальцы его имели точность микрометров, волосы его были черным ореолом, и ангел смерти управлял его правой рукой.

Такой человек — человек, знавший истину, — более могуч, чем любая машина. Такой человек выше всего, лишь власть и слава над ним.

Но теперь он мертв, этот человек, — мертв в третий и последний раз. Он мертв — как все те, кто умер перед бампером, под решеткой, под колесами. И это хорошо, что он не может встать снова, ибо я скажу — его последняя машина была его апофеозом, а все другое стало бы упадком.

Однажды я увидел травинку, выросшую между листами металла нашего мира, — в том месте, где листья разошлись; и я уничтожил ее, решив, что ей очень одиноко. Я часто сожалею об этом, потому что отобрал

у травинки славу одиночества. Я чувствую: так должна жить машина; так нужно рассматривать человека — сурово, затем с сожалением; и небеса должны плакать о нем глазами, которые печаль открыла на небе.

И всю дорогу домой я думал об этом, и подковы моей лошади стучали по полу города — пока я пробирался сквозь пелену дождя в сторону вечера той весной...

СЧАСТЛИВЕЦ

Утопия Мора была изолирована — отрезана от мрачного внешнего мира. Все утопии таковы...

Нельсон и девушка увидели друг друга одновременно. Он только что обогнул горную жилу, выступающую на поверхности скалы, и сейчас находился в десяти милях от Мавзолея Восточного Побережья. Между ним и девушкой, остановившейся напротив него, было футов двадцать; оба замерли, готовые защищаться, и внимательно следили друг за другом. Девушка была белокурая и очень худая, почти тощая, наверное, оттого, что жила под открытым небом. Ее нельзя было назвать красавицей; это была привлекательная молодая девушка, которой, возможно не исполнилось и двадцати. С правильными, мягкими чертами лица и растрепанными волосами. На ней была надета легкая рубашка и полинявшие коричневые шорты из грубого домотканного материала. Нельсон не ожидал здесь никого увидеть, она, судя по всему, тоже. Так они стояли и смотрели друг на друга довольно долго, сколько именно, Нельсон потом вспомнить не мог. И тут Нельсону пришла довольно нелепая идея что-нибудь предпринять.

— Я Хэл Нельсон, — сказал он.

Он уже давно ни с кем не разговаривал, и его голос странно прозвучал в этой глуши. Девушка сделала нервное движение, но к Нельсону не приблизилась. Она не спускала с него глаз, и он чувствовал, что она готова отреагировать на малейший шорох, который предупредил бы ее о ловушке.

Нельсон шагнул было к ней, но сразу же остановился, ругая себя за совершенную ошибку. Девушка быстро отошла назад, как зверек, который еще не знает, угрожают ему или нет.

— Я такой же, как ты. «Неспящий». Видишь, у меня вся одежда рваная.

Нельсон сказал правду, но девушка лишь нахмурилась. И все так же была настороже.

— Я убежал десять или двенадцать лет назад. Из Таннервильской коммуны. Я тогда был на старшем

курсе. Им не удалось упрятать меня в гроб. Я уже тебе сказал — я «неспящий», — он говорил спокойно и мсдленно и, как ему казалось, ласково. — Не бойся меня. Скажи, кто ты.

Тыльной стороной ладони девушка откинула с глаз прядь почти совсем выгоревших волос — и только этот жест мог свидетельствовать, что ее напряжение немного спало. Она была сильная и легкая, ростом гораздо ниже его. Вероятно, среди этой дикой природы она чувствовала себя так же уверенно, как и он. Их окружали густой кустарник, сосны и скалы. И если бы Нельсон ее напугал, а для этого было достаточно одного неосторожного движения, ей бы ничего не стоило убежать. Слишком много воды утекло, и Нельсон стал забывать тех, с кем он когда-то был вместе, и теперь ему так не хватало компании, особенно женской. Патруль, который схватил Сэмми, Джин и старину Гарднера, поймал и Эдну, и чуть было не поймал его самого. Девушка была одна, а это означало, что у нее тоже нет близких. Поэтому они нужны друг другу. И Нельсон старался ее не пугать.

Он сел на землю, прислонившись к скале, и стал искать в рюкзаке консервы.

— Ты голодная? — спросил он, взглянув на девушку.

На таком расстоянии было трудно разглядеть, но ему показалось, что глаза у нее карие. Карие и большие, как у жеребенка. Нельсон поднял банку, чтобы девушке было видно. Она повторила свой жест — откинула прядь выгоревших волос, но даже на расстоянии двадцати футов было заметно, что выражение ее лица слегка изменилось, и Нельсон заметил, что в ней появилось что-то новое.

— Ты, наверное, очень голодная? — повторил он.

Он хотел кинуть ей консервы, но вовремя догадался, что девушка убежит. Тогда, подумав, протянул их ей. Она перевела на них взгляд, и в этот момент Нельсон мог бы схватить ее — она бы не успела убежать. Но у него хватило ума сдержаться.

Нельсон продолжал наблюдать, как от противоречивых чувств меняются ее лицо и облик. Девушка шевельнулась, в ее движении сквозила нерешительность и растерянность. Все же она не подошла.

Но ведь и не убежала. Нельсон был уверен, что хоть в чем-то поколебал ее подозрительность. Он нащупал место, где открывается банка, и нажал на него большим

пальцем. Послышался свист, банка открылась, и в воздухе запахло подогреваемой с шипением пищей. Нельсон посмотрел на девушку и улыбнулся.

Может быть, он выдавал желаемое за действительное, но казалось, она теперь стояла на шаг или два ближе, чем когда он смотрел на нее последний раз — до того, как начал открывать банку. Точно определить он не мог. Понюхал консервы, чтобы девушка видела, как это вкусно, и сказал:

— Свинина с фасолью. — Он снова протянул ей банку. — Я украл ее на патрульном складе несколько недель назад. Правда, вкусно пахнет? Нравится, а?

Но девушка все еще боялась, что это ловушка патрульных, что он схватит ее и отправит назад в мавзолей. Нельзя было ее винить. Нельсон медленно встал и отошел футов на десять в сторону, но так, чтобы между ними было по-прежнему футов двадцать, и аккуратно поставил банку на землю. Потом вернулся и сел на прежнее место у скалы, предоставив девушке решать, что делать.

Ему не пришлось долго ждать. Не сводя с него глаз, она, как зверек, приблизилась к еде, медленно нагнулась, готовая отреагировать на любое резкое движение с его стороны, и взяла банку. Выпрямилась и отошла на несколько шагов.

Она ела руками, доставая из банки горячую пищу, и явно не боялась обжечься. Отправляла свинину в рот и тщательно облизывала пальцы. Ела быстро, как будто впервые за несколько недель. И все время смотрела на него.

Нельсон успокоился. Теперь, даже если бы она потеряла бдительность, он уже не бросился бы к ней, не сделал бы ничего такого, что могло ее напугать. Он подождал, пока она поест и, встретившись с ней взглядом, улыбнулся. В одной руке она держала пустую банку, а другой вытирала рот. Около полминуты девушка смотрела на него, и он медленно сказал:

— Тебе понравилось? Да?

Девушка молчала. Посмотрела сначала на него, потом на пустую банку. Нельсон догадывался, о чем она сейчас думает, и надеялся, что она ему поверит.

— Мы оба нужны друг другу, понимаешь?

В ответ она лишь неуверенно на него посмотрела.

— Одному здесь долго не протянуть. Рано или поздно одиночество тебя доканывает. Ты или сходишь с ума, или перестаешь быть осторожным, и тебя ловит патруль.

Девушка приоткрыла рот, быстро оглянулась, и снова посмотрела на Нельсона. Не отрывая от него взгляда, нагнулась и поставила банку на землю. Нашупывая ногами дорогу, с отведенной назад рукой, чтобы не наткнуться на дерево или скалу, она стала отступать к краю полянки. Подошла почти вплотную к деревьям, остановилась и снова пристально посмотрела на него. Сгустились тени, была уже почти ночь, а ночи в этом краю наступали быстро. Лица девушки не было видно. Вдруг она повернулась и скрылась за деревьями. Нельсон не пытался ни остановить, ни позвать ее. И то и другое не имело смысла и могло нарушить все его планы. Ничего подобного вовсе не требовалось.

Ночь он провел, укрывшись среди валунов, хорошо выспался и на следующее утро встал отдохнувшим.

Поблизости он нашел ручеек и умылся, чтобы стряхнуть остатки ночного сна. Утро было ясное, солнце припекало, дул прохладный легкий ветерок. Нельсон чувствовал себя прекрасно. Он был жив и готов встретить наступающий день. А прежде всего позавтракать.

Из рюкзака он достал еще одну банку со свининой и фасолью и открыл ее. Консервов, как он заметил, почти не осталось. Запасы подходили к концу. Завтракая, он не торопясь обдумывал, что предпринять.

Выход, конечно, оставался только один. Добывать пищу можно охотой, но это, в лучшем случае, занятие временное, ведь охотник вынужден находиться в какой-то ограниченной местности. Того же требует и сельское хозяйство, только в еще большей степени. Ферма занимает территорию гораздо меньшую, чем охотничий участок, и с нее уж тем более никуда не уйти. Кроме того, на ферме должны быть какие-то постройки — держать запасы на зиму. А все это значит, что тебя неизбежно — и наверняка очень быстро — найдет патруль. Нет, из всех вариантов приемлем только один, его подсказывал Нельсону многолетний опыт. Найти патрульный склад и украсть еду оттуда.

Весь вопрос, конечно, сводился к тому, где и когда это сделать. Один патрульный пост находился недалеко от того места, где сейчас остановился Нельсон, поэтому естественно было ограбить его. У Нельсона было

несколько лучевых пистолетов, точнее — три, а поскольку патруль может улавливать образующиеся при выстреле продукты сгорания на расстоянии мили, даже если стрелять не на полную мощность, безопаснее всего стрелять по самим патрульным. Честно говоря, ему даже нравились эти стычки. Патрульные, так же как и он, были «неспящими», они никогда не видели электронных снов, уготованных, за небольшим исключением, всем жителям земли. Они не спали, погруженные с семнадцати лет в ванны с питательным раствором, и не жили воображаемой жизнью, созданной по потребностям каждого «спящего». Из миллиардов землян таких «неспящих» было лишь несколько сотен. В основном, конечно, патрульные, но в том числе и бунтовщики.

Бунтовщиком был Нельсон, так же как и та девушка, которую он встретил вчера. Бунтовщиками были Эдна, Сэмми, Джин, Гарднер и, может быть, десяток других, кто встречался ему с тех пор, как он, еще совсем мальчишкой, почувствовав опасность, бежал из Коммуны.

Вот уже около двух с половиной веков почти все жители Земли воспитывались в коммуне, ничего не ведая о своих родителях. В коммунах людей растили, обрабатывали их сознание, соединяли в пары, а потом отправляли «спать». Скорее всего, родители Нельсона еще находились там, погруженные в забытие и давно позабывшие друг друга и своего сына — все это принадлежало грубой действительности, которой они не могли управлять. Во «сне» же человек создавал себе желаемый мир. Хоть и искусственный. Да, это была утопия, в высшей степени индивидуализированная и лишенная конфликтов — она их попросту исключала. Но все-таки искусственная. А раз вселенная настоящая, думал Нельсон, значит, ничто искусственное не сможет ей долго противостоять. Потому он и убежал из Коммуны, не дал поместить себя в питательный раствор, в котором «спящие» доживали свои бессмысленные жизни. Само существование Нельсона опровергало их псевдоутопию, и он должен был ее уничтожить. Они видели в ней индивидуальность. Он же бесхребетность.

Над его головой до самого горизонта простиралось голубое небо, уходящее к далеким голубоватым звездам. Нельсона охватила тоска, когда он, закинув голову и глядя в дневное небо, пытался разглядеть эти звезды. Ему следовало быть там, далеко-далеко, вместе с первопроходцами, преобразователями вселенной, с теми, кто

прокладывает новые пути людям развивающейся цивилизации, которым давно уже нет дела до «спящих» на родной Земле. Но нет, решил он. Находясь там, он не мог бы служить человечеству так же, как оставаясь здесь. Да, «спящие» отрешены от мира, но Нельсон помнил, что это все-таки люди. И он знал, что должен как-то победить их сон. Пока с теми, кто лежит в своих гробах и видит бесконечные сны, не случилось несчастья, пока на них не обрушилась грубая реальность.

А что, если космические путешественники вернутся? Что, если иная цивилизация возникнет в какой-нибудь системе, подобной солнечной, сумеет выйти в космос и отправит своих посланцев в неизведанные миры, например, в наш, и они обнаружат Землю и ее спящих в неведении жителей? Смогут ли сны спасти землян тогда?

Нельсон поежил под бременем возложенного на него долга и почувствовал, что проголодался. Он вытащил из рюкзака банку консервов и начал ее открывать, но тут вспомнил про девушку и вынул еще одну банку. Нажал на обе крышки и они отлетели — запахло подогреваемой едой.

Нельсон нагнулся вперед и, дотянувшись до плоского камня, поставил на него одну из банок, потом откинулся и стал руками есть свой завтрак. Полуобернувшись, краем глаза он заметил девушку футах в пятнадцати от него, она стояла в напряженном ожидании, готовая отскочить в сторону при малейшей опасности. Нельсон отвернулся и с увлечением принялся за еду.

— Приятно утром поесть, — сказал он немного спустя, демонстративно проглатывая большой кусок тушенки и слизывая с пальцев соус. В ее сторону он не смотрел.

— Меня зовут Глиннис, — вдруг услышал он.

Голос был неуверенный, с еле заметным оттенком враждебности, но все же он показался Нельсону нежным, мелодичным и звонким, только вряд ли он мог об этом судить, ведь ему так давно не приходилось слышать женского голоса.

— Глиннис, — медленно повторил он. — Хорошее имя. А меня Хэл Нельсон. Я вчера тебе говорил.

— Я помню. Это мне? — она, конечно, имела в виду консервы.

Хэл Нельсон повернулся и взглянул на нее. Девушка все еще стояла у дерева и пыталась казаться непринужденной, хоть это выходило довольно неловко.

— Тебе, — ответил он.

Она сделала шаг вперед, остановилась и посмотрела на него. Нельсон снова принялся за завтрак.

— Не надо бояться, Глиннис. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Было неприятно, что она не называет его по имени, а ему так этого хотелось.

— Я знаю, — ответила она и замолчала. — Я отвыкла от людей.

— Одной быть плохо — вокруг звери, еду достать трудно, и патруль ловит «неспящих». У тебя когда-нибудь были с ним стычки?

Девушка уже сидела рядом и ела. Она отвечала с перерывами, жадно заглатывая консервы.

— Я их видела один раз. Они меня не заметили. А то поймали бы и забрали с собой.

— А сама-то ты откуда? Как здесь очутилась?

Сначала ему показалось, что девушка не услышала его вопроса. Она была вся поглощена едой, по-видимому, окончательно убедившись, что он ей друг. Наконец ответила:

— Тут жила наша семья. Мои родители были фермерами. Я родилась здесь, но мы все время переезжали. А потом папа устал переезжать, и мы построили ферму. Там, в долине, — она показала куда-то на юг, — родители посеяли хлеб, посадили картошку, пытались держать скот. В основном коз. Но нас нашел патруль.

Нельсон кивнул. Ему стало горько — он понял, что произошло. Ее отец шел сколько мог, пока, наконец, жизнь не сломила его; он махнул на все рукой и сделал последний роковой привал. Скорее всего, он был уже почти готов сдаться, и держался только, чтобы не поссориться с семьей и не признать себя побежденным.

— Спаслась ты одна? — спросил Нельсон.

— Угу. Всех остальных увезли, — она говорила спокойно, заглядывая в банку: не осталось ли там еще консервов. — Я была в поле и вдруг увидела патруль. Я спряталась в высоких колосьях, а потом удрала в лес — и меня не нашли. — Она снова заглянула в банку и, удостоверившись, что там ничего нет, поставила ее.

— Ты знаешь, что они делают с теми, кого поймают? — спросил Нельсон.

— Да.

— Отец рассказывал? Что он тебе рассказывал?

— Он говорил, что их забирают в Мавзолей и кладут спать в гробы.

Глиннис взглянула на Нельсона. У нее было открытое лицо, да оно и не могло быть другим. Он понял, что она простодушная девушка, как ему и показалось вначале. Он задумался об этом и на некоторое время ушел в свои мысли.

Подул легкий ветерок, и воздух наполнился запахами леса. Нельсон любил терпкий запах сосны, пряный аромат ягод и кустов аронии, затхлый дух лесной чащи, где земля покрыта коричневым ковром опавших сосновых иголок. Бывало, он бродил по лесу, находил какой-нибудь куст или дерево и растирал в руках листья и ягоды только затем, чтобы вдохнуть их благоухание. Но в то утро он этого не сделал.

Нельсон встал и протянул руку, чтобы взять пустую жестянку Глиннис. Она отпрянула и вся напряглась, готовая отпрыгнуть и убежать. Он остановился, на мгновение замер и отошел назад.

— Я не хотел тебя пугать, — сказал он. — Но нам нельзя тут оставаться, потому что когда долго находишься на одном месте, могут поймать. И жестянки бросать нельзя — если найдут, будет легко напасть на наш след.

Глиннис смутилась, и Нельсон снова протянул руку с тем, чтобы отдернуть ее, если заметит, что девушка испугалась. Она прикусила нижнюю губу, глядя на него своими огромными глазами, но на ноги не вскочила. Нельсон чувствовал, что ей самой нужна поддержка. Неожиданно она сделала резкое движение правой рукой, и на какую-то долю секунды он испугался, что все-таки проиграл. Но Глиннис дотянулась до пустой жестянки, подняла ее и дала Нельсону. Он взял ее не сразу, но, беря, улыбнулся. На мгновение их руки встретились, Глиннис отдернула свою, и тотчас же ей стало за себя стыдно. Нельсон продолжал улыбаться, и она немного натянуто улыбнулась в ответ. Он положил жестянку вместе с другими в рюкзак и продел руки в лямки. Глиннис ему помогла.

В тот день они целый час шли молча. Глиннис была рядом, и Нельсон все время ощущал ее близость. Ему давно не было так хорошо. И когда, наконец, пришло время прервать молчание, первым заговорил он. Они как раз поднимались на небольшой холм, возвышавшийся среди дикой природы, лес на этом участке был

довольно редкий, и солнце грело Нельсону лицо. Он раздумывал целое утро и теперь спросил:

— Тебе приходилось делать налет на патрульный пункт?

— Нет, — с тревогой ответила она.

Поднявшись на холм, они стали спускаться с другой стороны.

— Когда там никого нет, это пара пустяков. А иногда чертовски трудно. Патрульные только и думают, как поймать «неспящих», и очень внимательно охраняют подступы к пункту. Значит, если нам не повезет, придется драться. А если на пункте, который мы будем брать, много патрульных...

— Что значит «который мы будем брать»?

— У нас мало еды. Остается или охотиться, или разводить скот, или красть.

— А, — сказала она, но в ее голосе звучала тревога.

— У нас нет выбора. Подождем до наступления темноты. Если на пункте слишком большая охрана, или по каким-то причинам им добавили на ночь людей, то нам придется туго. Нужно разыграть все как по нотам. Слушайся меня, и все будет в порядке.

Он сунул руку за спину в боковой карман рюкзака.

— Ты умеешь с ним обращаться? Держи.

И он бросил ей свой второй лучевой пистолет. Глинис чуть его не уронила. Неловко схватив, она осторожно держала пистолет обеими руками и смотрела то на него, то на Нельсона. Потом все так же осторожно, но более решительно взялась за рукоятку и, зажмурив глаза, опустила пистолет дулом вниз. Неожиданно выражение ее лица изменилось, она озабоченно посмотрела на Нельсона.

— Ты сказал, они узнают, если кто-нибудь из нас выстрелит.

— Не бойся, — успокоил он ее. — Пистолет на охранителе. Давай, покажу.

Нельсон взял пистолет и объяснил, как нужно с ним обращаться.

— Так вот, — закончил он, — когда подойдем к патрульному пункту, ты останешься за пределами системы сигнализации. Я пойду дальше, а ты будь начеку. Стреляй только в крайнем случае. Но если без этого не обойтись, долго не рассуждай. Твой выстрел я услышу. Моя задача — проскочить мимо сигнализаторов и найти, где

хранится продовольствие. Твой выстрел будет означать, что тебя обнаружила охрана, и надо удирать.

— Разве это не выдаст нас так же, как охота?

— Выдаст. Но зато мы раздобудем больше еды и, может, кое-что еще. Главное — заряды для лучевых пистолетов. А если повезет, уложим всех патрульных. И еще одно, Глиннис, — добавил он. — Ты уверена, что сможешь убить человека?

— А это трудно? — наивно спросила она.

На мгновение Нельсон растерялся.

— Нет, не трудно. Но, возможно, он тоже захочет тебя убить.

— Я охотилась вот с этим.

Она вынула охотничий нож, и лезвие сверкнуло на солнце. Нож был чистый и острый, но Нельсон заметил, что кое-где лезвие покрыто зазубринами.

— Ну, может, никого убивать и не придется, — немного быстрее, чем хотелось, сказал он. — Думаю, ты справишься, Глиннис, да и я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что ты меня ждешь.

Он будет чувствовать себя так же, как в те времена, когда брать патрульные пункты с ним вместе ходила Эдна.

К вечеру они подошли к намеченному патрульному пункту. Он находился в четверти мили от них и был хорошо виден с высокого, но пологого холма, по гребню которого росли деревья. Было еще довольно светло, но в небе уже начинали сгущаться сумерки. Последние два-три часа Нельсон снова и снова объяснял Глиннис ее действия. Ничего сложного в них не было, и Глиннис уже выучила все наизусть, но по просьбе Нельсона терпеливо повторяла свою задачу — то ли из уважения к его превосходству, то ли понимая, какое нервное напряжение он испытывает перед операцией. Наконец, он заставил ее повторить все сначала последний раз. Девушка говорила тихо, почти шепотом. Мир вокруг затихал в наступающих сумерках. Нельсон подождал, пока станет еще темнее, дотронулся до ее плеча, сжал его и начал спускаться к пункту.

Он прошел как можно дальше, прячась за кустарник, а потом пригибаясь к земле, хоть и знал, что в такой темноте в обычные оптические приборы его не разглядеть. В рюкзаке лежал поглотитель, нейтрализующий действие всех излучений и детекторов, мимо которых

ему предстояло пройти, и если за сигналами не ведется особенно пристального наблюдения, его вряд ли заметят на контрольном табло. Ведь невозможно изо дня в день так уж внимательно следить за табло. Особенно когда сигнализация срабатывает в основном на животных или упавшую ветку. Прежде всего надо было опасаться контактной сигнализации и ловушек. Ловкий вор и опытный взломщик, Нельсон очутился у забора, окружавшего патрульный пункт.

В кустах под забором он спрятал пустые банки — теперь не придется их закапывать, и не будет мешать лишний груз.

Вынув из рюкзака маленькую пластмассовую коробочку, Нельсон большим пальцем нажал на клавишу в центре. Бесшумно и плавно с концов коробочки выдвинулись два стержня и достигли фута в длину. На поверхности коробочки был сделан желобок, и Нельсон прицепил ее к нижнему ряду проволочных заграждений. Он опустил прибор, и коробочка начала раскачиваться сама по себе, антенна вибрировала так, что очертания стержней стерлись. Когда прибор пришел в равновесие, вибрация антенны прекратилась. Нельсон лег на спину, натянул перчатки. Взялся за проволоку и поднял ее, чтобы пролезть снизу. Оказавшись с той стороны, взял прибор за одну из антенн, снял его с заграждения и выключил. Оба стержня ушли внутрь. Прибор сделал еще Гарднер, он был мастер по части таких штук. И если его потерять, другого такого не будет. Нельсон старался не оставлять прибор там, где его могли бы найти, и не бросать даже в самом крайнем случае, спасая свою шею.

Теперь предстояло пройти открытое поле. Радиационные детекторы едва ли его обнаружат — в рюкзаке поглотитель. Но если задеть контактную сигнализацию, Нельсона заметят. Правда, контактная сигнализация в основном присыпана землей. А значит, нужно держаться поближе к кустам и не волноваться. Корни запутывают детекторные приборы, если они оказываются рядом. Он продвигался, выверяя каждый шаг, и наконец добрался до двери.

Теперь уже совсем стемнело. В безоблачном небе сияли звезды. Казалось, они стали еще ярче. Порывшись в рюкзаке, Нельсон нащупал другой прибор. Этот приборчик был меньше и компактнее того, с помощью которого он перебрался через забор. На дверной раме

Нельсон нашарил выключатель сигнализации. Установил рядом свой приборчик и включил его. Раздался короткий, тихий жужжащий звук — приборчик делал свое дело. Нельсон взволнованно огляделся — как бы кто не услышал. Щелкнул дверной замок, и Нельсон вздохнул с облегчением. Толкнул дверь и оказался в темноте.

Перед ним тянулся коридор, а по сторонам он разглядел двери. Из-за двух дверей пробивался свет — это означало, что там патрульные. Нельсон осторожно прошел мимо этих двух дверей, и приблизился к третьей, в конце коридора. Взявшись за ручку, он открыл ее, слишком поздно сообразив, что дверь, которую он ищет, должна быть заперта.

Между тем, дверь уже открылась. Он схватился за лежавший в кобуре лучевой пистолет и снял с предохранителя. В комнате было почти совсем темно, но он услышал, как кто-то ворочается на койке и тихо, невнятно бормочет во сне. Нельсон немного подождал, но человек не проснулся.

Тогда Нельсон закрыл дверь.

Попробовал открыть другую. На этот раз она была заперта. Но замок поддался легко, не прошло и минуты, как Нельсон вошел, прикрыв за собой дверь. Здесь-то и был склад. В комнате лежали груды коробок, в основном запечатанных. По этикеткам Нельсон находил те, в которых были еда и заряды. В одной распакованной коробке в углу он нашел новый рюкзак и сложил в него все то, что было и в его собственном. Или почти все, ведь он знал, что, к сожалению, никогда не сможет продублировать или заменить созданные Гарднером приборы. Он разыскал боеприпасы и набрал столько капсулей для лучевого пистолета, сколько мог унести. Подошел к двери, но прежде чем ее открыть, вынул из кобуры пистолет.

В коридоре было все так же темно. Нельсон шагнул вперед, настороженно прислушиваясь к малейшему звуку или движению, предупреждающему об опасности или говорящему о том, что его могут обнаружить. Нервное напряжение сменилось холодной трезвой решимостью. Он почти дошел до входной двери, как вдруг услышал шаги.

Реакция была произвольной и молниеносной. Он обернулся и направил пистолет на звук. Те двери, из-под

которых струился свет, были уже позади. Одна из них открылась. Появилась тень открывшего ее человека, а затем и сам человек. Патрульный сразу же заметил Нельсона и замер, остолбенев. Еще не успев толком понять, что выстрелил, Нельсон почувствовал отдачу пистолета, в ушах заломило от грохота, заполнившего узкий коридор, кое-где стены покрылись пузырями и прогнулись, кое-где обуглились и почернели, а в некоторых местах появились тоненькие струйки испарений. Патрульный сгорел мгновенно, так и не сообразив, в чем дело. Коридор заполнился дымом и тяжелым запахом. Нельсон выбежал на улицу. Патрульные пункты были огнеупорные, но там, где только что от выстрела Нельсона произошел взрыв, всю оставшуюся ночь нельзя будет пройти из-за высокой температуры.

Нельсон уменьшил мощность пистолета и выстрелил в пост у забора. В ту же секунду раздался взрыв, и в воздух взлетели осколки упругой пластмассы. Цепляющая проволока-ловушка хлестнула в нескольких сантиметрах от его лица, но он даже не успел испугаться. Вскоре он уже бежал вверх по холму, совершенно забыв о времени, и надеялся, что Глиннис выстрелит, если за ним будут гнаться патрульные.

В темноте он добежал до вершины холма, но фонарик включить побоялся. Вдруг споткнулся и свалился на что-то мягкое, похожее на животное или человека. С языка произвольно слетело негромкое проклятие, он перевернулся и лег на спину. В окружающем мраке прямо перед собой он увидел неровные очертания темной массы и понял, что это чье-то тело. Озираясь, он поднялся на ноги, но никак не мог сообразить, что все это значит. Потом наклонился над лежавшим, держа дуло лучевого пистолета в нескольких сантиметрах от него, но так, чтобы пистолет нельзя было схватить. Ясно разглядеть одежду лежавшего он не мог, но в том, что это форма патрульного, сомнений не было. Нельсон протянул руку послушать пульс и сразу же отдернул ее, наткнувшись на что-то липкое — он понял, что это кровь. Его передернуло. Но он заставил себя забыть то ощущение родства, которое часто испытывал к таким же, как и он, «неспящим» патрульным, и отошел, вглядываясь в окружающую тьму, так как догадался, что произошло.

Он выпрямился, обернулся и увидел Глиннис — без сомнения, это была ее темная фигура среди деревьев в нескольких футах от него.

— Ты крадешься как кошка, — сказал он. — Твоя работа?

— Угу, — она подошла и посмотрела на труп.

Нельсон был рад, что в темноте не видит ее лица.

— Их было двое. Они разделились. Я пошла за этим и подкралась к нему сзади. Перерезала горло. Потом вернулась и точно так же прикончила второго.

«Только и всего», — подумал Нельсон. И протянул Глиннис новый рюкзак.

— Держи.

Она молча его взяла и просунула руки в лямки.

— Да, — вспомнил он. — Хочу тебе кое-что показать.

И он вынул из рюкзака нож. Хороший нож с длинным стале-пластиковым лезвием, которое не будет покрываться зазубринами и ржавчиной. Нельсон протянул его девушке и в темноте представил ее улыбающееся лицо.

— Это не похоже на металл, — сказала она, вынув его из ножен.

— Нет. Это такой вид пластмассы, который прочнее почти всех металлов. Нравится?

Он чувствовал, что теряет время, и ругал себя. Но все это было уже неважно.

— Очень хороший нож, — ответила Глиннис.

— Я рад, что он тебе понравился, — сказал Нельсон и взял ее за локоть.

— Теперь пора идти. За нами будет погоня.

Они бежали почти всю ночь, лишь изредка переходя на шаг. Нельсон выбрал очень неровную, покрытую густой растительностью местность, по которой было трудно бежать. Они старались держаться скал или шли по дну ручейков и только за несколько часов до рассвета остановились поспать час-другой, потому что больше у них не было сил.

Проснувшись, Нельсон обнаружил, что солнце стоит несколько выше, чем он ожидал. Он встал и внимательно осмотрел утреннее небо, но никаких признаков воздушных патрульных роботов не заметил. К сожалению, убежать удалось не так уж далеко, правда, из-за неровной местности пришлось попетлять. Если применят систему поиска повышенной тщательности, поймать Нельсона будет нетрудно. И все же чем дальше он от патрульного пункта, тем меньше вероятность, что его обнаружит робот. Он быстро прикинул, сколько могут выслать роботов, а в том, что их вышлют, сомневаться

не приходилось. Раз убито двое патрульных, значит, искать убийц будут серьезно. Они с Глиннис не должны больше терять ни минуты.

Он коснулся ногой спящей девушки и разбудил ее. Она сразу же проснулась, схватила свой новый нож и негромко испуганно вскрикнула.

— Тише. — Он вынул из рюкзака две банки и протянул ей одну. — Мы проспали. Скорее ешь.

Она открыла банку и спросила:

— Мы будем идти весь день?

Он кивнул:

— Да.

— Я смогу.

— Знаю, что сможешь. Но нас уже ищут, к тому же очень тщательно. Если бы мы не встретились, тебя бы уже наверняка поймали после моего налета, хотя неизвестно, справился ли бы я без тебя.

Девушка улыбнулась.

— Ты когда-нибудь видела воздушных роботов? — спросил он.

— Нет.

— Будем надеяться, что не увидишь. Они применяют систему воздушного поиска, эти роботы снабжены специальным оборудованием для обнаружения человека. Если робот нас заметит, то пошлет сигналы патрульным. Единственная надежда — скрыться, пока мы не попали в зону действия поисковой системы. Главное — убежать как можно дальше, тогда у нас будет шанс спастись, потому что им придется располагать поисковые средства с небольшой плотностью. Нам придется долго бежать, но, в конце концов, они отступят. А до тех пор... — Нельсон не закончил. Но Глиннис поняла.

Бежали целый день, один раз остановились перекусить, а второй раз — когда поравнялись с речкой. Нельсон все больше восхищался Глиннис. Она с пониманием выполняла его распоряжения и все схватывала на лету. Она была сильная и выносливая, с повадками зверька.

Ушли далеко. Когда стало темнеть, Нельсон подсчитал, что им удалось оторваться от патрульного пункта почти на пятьдесят миль, хотя путь их шел по неровной местности. Нельсон надеялся, что этого будет достаточно. Силы его были на исходе, и хотя Глиннис пыталась скрыть усталость, ей это давалось все хуже.

Привал устроили на холме, спускавшемся к реке. Там они были защищены от ветра. В небе уже появилась луна, и вокруг разливался лунный свет. Вряд ли поиск продолжат ночью, решил Нельсон.

После ужина он прислонился к стволу дерева и стал смотреть на девушку. У нее были довольно правильные черты, хотя лицо нельзя было назвать классически красивым. Но и непривлекательным его не назовешь. Все дело в глазах, подумал он. Эти большие, темные, загадочные глаза выражали так много и так красноречиво. Однако Нельсону показалось, что скрывали они еще больше. Глиннис похудела, может быть, от физических нагрузок, а может быть, от недоедания. Но, несмотря на худобу, ее фигура была не тощая, а плотная. Глиннис — сильная, закаленная, — не казалась мускулистой. Ее закалила жизнь среди дикой природы. Эдна такой закаленной не была.

Смутившись, Нельсон вдруг заметил, что часто сравнивает Глиннис с Эдной. Это получалось помимо его воли.

— Что-нибудь случилось? — взволнованно спросила Глиннис и в свою очередь посмотрела на него.

— Нет, — ответил он. — Я просто... смотрел на тебя. Наступила тишина. Потом Нельсон сказал:

— Мы теперь долго будем вместе.

— Я знаю. Ведь нам никуда друг от друга не деться.

— Хорошо, что я тебя встретил. Когда-то мою жену поймал патруль.

— А я ничьей женой не была. Только с Фрэнком, но меня вряд ли можно назвать настоящей женой.

— А у твоих родителей кто-нибудь останавливался?

— Редко. Только Фрэнк был у нас несколько дней. Мне он понравился. Я собиралась с ним уйти.

— Почему же не ушла?

Она сорвала травинку и с сосредоточенным видом стала расщеплять ее на узкие полоски.

— Он неожиданно исчез, а меня не взял. Наверно, решил, что я просто глупая девчонка. Это было года два-три назад.

— А ты никогда не задумывалась о «спящих»?

— Иногда. Интересно, что им снится?

— У них хорошие сны. Они же созданы специально для них. Они счастливы в мире снов и благодарны за это. Да, именно благодарны. — Нельсон прислушался

к ночным шорохам. — Но они беспомощны. Случись что-нибудь, они будут спать и не смогут действовать. А если и проснутся, то окажутся в мире, в котором не знают, как жить.

— Если бы ты был «спящим», какой мир ты бы хотел увидеть во сне?

— Я не хочу быть «спящим».

— Знаю. Ну, а если бы? Ты бы хотел жить в замке?

Нельсон никогда об этом не думал.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Вряд ли. Я бы, наверное, путешествовал. Отправился бы к звездам. Там целая вселенная. Некоторые люди туда уже улетели и все еще где-то там. Скорее всего, они забыли про нас.

— Как ты думаешь, они вернуться?

— Я думаю, в один прекрасный день кто-нибудь вернется, приземлится и посмотрит, какая Земля теперь. Может, они захотят нас завоевать. А мы совершенно беспомощны, почти все спим и видим бессмысленные утопии.

— Я не хочу, чтобы меня поймали и усыпили, — сказала она, — но я бы хотела жить в замке.

Нельсон посмотрел на нее. «Она не знает, что такое коммуна, — подумал он, — а если бы знала, то по приказу родила бы ребенка и покорно в ногу со всеми отправилась в гроб. Но ей не обрабатывали сознание. И если ее усыпят, то только против воли». Однако он был вынужден признать, что у него самого были на этот счет сомнения.

Он пододвинулся к ней поближе.

— Может, мы еще поживем в замке. Или полетим в космос на какую-нибудь планету, где живут в замках. — Он посмотрел на звезды. — Люди там, наверное, как боги, — сказал он, и эти слова показались странными даже ему самому.

Он снова взглянул на Глиннис. На ее освещенное лунным светом лицо. Пожалуй, среди тех богов она тоже будет богиней, подумал он. Девушка разглядывала дикий пейзаж вокруг.

— Тут кругом деревья, — сказала она, — и воздух свежий. Люблю смотреть на деревья.

Нельсон протянул руку, привлек ее к себе и поцеловал. Она удивилась, но нежно поцеловала его в ответ.

Отодвинулась, внимательно посмотрела ему в лицо. И улыбнулась.

— Кажется, ты мне нравишься больше, чем Фрэнк,— сказала она.

Проснувшись, Нельсон услышал шум и попытался определить, откуда он. Негромкий жужжащий звук доносился издалека. Рядом ровно дышала во сне Глиннис. На востоке слегка розовело небо. Как можно тише Нельсон выпрямился, стараясь разобрать, что это за шум. Когда же он понял, то подумал, что лучше б ему не знать.

— Тихо,— предупредил он, разбудив Глиннис.

Она смотрела на него в замешательстве широко открытыми глазами и ничего не понимала.

— Что случилось?

— Слышишь этот шум?

Она прислушалась и сказала:

— Да.

— Это поисковый аппарат. Наверное, они применили свободную систему поиска. Или мы оставили следы. Эта штука не приближается, и все же лучше отсюда убраться.

Торопливо позавтракав под пробуждающимся утренним солнцем, они убежали от поискового аппарата, и его шум затих вдалеке.

Но через несколько часов шум послышался снова. Нельсон определил, что аппарат где-то на западе, приблизительно в миле от них. С минуту он стоял, прислушиваясь. Похоже, маршрут аппарата должен был пройти по кривой, пересекающей направление их движения. Нельсон решил повернуть назад по той же дороге и обойти аппарат стороной.

В этой части леса рос густой кустарник и мелкие деревца. Беглецам приходилось продирается сквозь кусты и доходившую до пояса траву, но при этом оставлять как можно меньше следов. Хотя шорты и легкая рубашка почти не защищали Глиннис от колючек и отскакивающих веток кустарника, она не жаловалась. Постепенно деревьев становилось все больше. Они набрали на звериную тропу и побежали по ней.

Выйдя на поляну, Нельсон не сразу заметил, что в воздухе что-то есть. Он только услышал, как ахнула Глиннис, и, вздрогнув, обернулся. Она смотрела на небо прямо перед собой. Он посмотрел туда же и увидел, что у края поляны завис воздушный робот. Он был около

двух футов длиной, несприметный, с гладким металлическим покрытием. Но Нельсон знал, что аппарат ведет поиск, и рецепторы, встроенные в оболочку, регистрируют их присутствие. Робот бесшумно висел в десяти футах над землей и примерно в двадцати футах от них. Воздушные роботы гудят, только когда движутся на большой скорости. Убегая от гудения первого, они попались бесшумно зависшему второму.

Вдруг Глиннис вскрикнула:

— Это же он!

Нельсон обернулся, увидел, что она прицеливается, но не успел ее остановить; сверкнул белый тепловой луч и поглотил аппарат.

— Не надо! — слишком поздно закричал Нельсон.

Аппарат тотчас отреагировал — он стал вишнево-красным, немного покачался в воздухе, а энергокомпенсаторы и стабилизаторы тем временем ликвидировали последствия выстрела. Робот вновь приобрел серебристый блеск, с тихим гулом плавно выровнялся и перелетел в центр поляны, чтобы лучше их видеть.

— На нем даже следа не осталось, — тихо проговорила Глиннис, подошла к Нельсону и положила руку ему на плечо.

— Да. Но ты не бойся. Он нам ничего не сделает. Сейчас нужно придумать, как от него убежать.

Он повернулся и осторожно повел Глиннис к деревьям. Когда они оказались под ненадежным прикрытием леса, он остановился и попробовал наметить подходящий маршрут. Нельсон смотрел, как аппарат немного развернулся, чтобы найти беглецов в чаще, нацелился на них и стал раскачиваться, тихо жужжа.

— Что он делает? — спросила Глиннис.

Суеверный ужас в ее голосе был неприятен Нельсону.

— Сигнал посылает. Скоро здесь будут патрульные.

— Что же делать, если его нельзя сбить?

— Дай мне пистолет.

Он взял пистолет и показал ей вмонтированное сбоку устройство с верньером.

— Это регулятор мощности выстрела. Сейчас он стоит на минимуме. — Нельсон повернул регулятор. — А вот так на максимуме.

— И это его остановит?

— Само по себе нет. Но если мы вместе начнем по нему стрелять, то сможем его повредить.

— Хорошо, — сказала она и взяла пистолет.

Нельсон первым двинулся к поляне. Аппарат отлетел немного назад и начал раскачиваться, продолжая следить за ними. У Нельсона пересохло в горле, когда он поднял пистолет и прицелился в недогадливую машину.

— Готово? — спросил он.

Краем глаза он видел, что Глиннис тоже подняла пистолет и прицеливается.

— Готово, — ответила она.

— Прекрасно.

Нельсон выстрелил. Он попал в лобовую часть робота. Аппарат поглотил энергию выстрела, но в ту же секунду выстрелила Глиннис. И снова Нельсон. Робот попал под постоянное воздействие белых энергетических лучей и только теперь понял замысел противника. Он попробовал уйти от лучей вверх, но они поднялись вместе с ним. У робота стали сдавать компенсаторы и отказывать приборы. Он упал назад, шарахнулся из стороны в сторону и слепо ударился о ствол дерева. Отскочив от ствола, опустился еще ниже и почти коснулся земли, но вдруг снова взмыл по кривой вверх. Глиннис несколько раз промазала, зато у Нельсона не пропал ни один выстрел, даже когда робот беспорядочно метался в воздухе.

Аппарат раскалился и теперь снова был вишнево-красным, выше двенадцати футов он подняться уже не мог, хотя и развернулся вертикально вверх. Внутри него что-то зазвенело — от этого громкого, пронзительно дребезжащего звука у Нельсона свело зубы. Он продолжал стрелять, как заведенный. Неожиданно звон смолк. Нельсон прекратил огонь. Глиннис выстрелила, но промахнулась, потому что аппарат спустился на фут ниже. Мгновение робот не двигался. Он погиб, не издав ни звука, с глухим стуком упал на землю, и сразу же вокруг него вспыхнула трава.

От стрельбы в лесу начался настоящий пожар. По ту сторону поляны гудели охваченные пламенем деревья. Нельсон не стал проверять, что случилось с роботом — времени не было. Он схватил Глиннис и потащил к тропинке, по которой они пришли. Глиннис спотыкалась — ей было не оторвать глаз от робота.

— Идем же, — нетерпеливо крикнул он.

Еще не совсем придя в себя, она все-таки побежала за ним. Ветра почти не было, но огонь разгорался. Они

песлись, как сумасшедшие, пока в изнеможении не свалились на землю. Когда легкие перестали болеть при дыхании, Нельсон обернулся и увидел, что дым далеко. Им удалось убежать от огня, но пожар отрезал им путь к спасению. С мрачной уверенностью Нельсон знал, что огонь привлечет внимание.

Он рискнул отдохнуть совсем немного и вскоре сказал:

— Пора идти.

— Не знаю, смогу ли, — ответила Глиннис.

— Другого выхода нет. Если мы останемся здесь, нас схватят.

Времени на еду не было. С роботом они столкнулись около полудня и с тех пор шли целый день, стараясь как можно дальше отойти от того места, где он был сбит. Нельсон чувствовал, что движется оцепенело, как слепой, не замечая ничего вокруг — вперед, только вперед. Уж давно слышался шум приближающегося поискового аппарата, но он не сразу дошел до его сознания.

Нельсон развернулся, выхватив пистолет, и в ту же секунду его охватила паника, которой он боялся податься весь день. Робот летел над деревьями, позади них, но Нельсон увидел, что он слишком высоко. С горечью Нельсон поборол в себе желание выстрелить во что бы то ни стало. Огромным усилием воли он заставил себя вложить пистолет в кобуру.

— Что же нам делать? — спросила Глиннис с еле заметной дрожью в голосе.

— Ничего, — сказал Нельсон и вдруг почти в ярости закричал. — Ни черта мы сделать не можем!

Они повернулись и бросились вперед, надеясь найти какое-нибудь укрытие и спрятаться там от аппарата. Страх и ярость придали Нельсону силу, которой он и сам от себя не ожидал. Он все бежал, увлекая за собой Глиннис, зная, что она, так же как и он, бежит, не смотря на острую боль в горле и легких и судороги в ногах. Нельсон думал только об одном — войти в мавзолей не пленником, а предводителем восставших.

Он бежал, не слыша ничего, кроме гудения аппарата и собственного хриплого дыхания. Вдруг споткнулся о край набережной, взмахнул руками и едва успел развернуться, как упал на спину. Скользя и переворачиваясь, Нельсон летел вниз, пока не остановился. Он ле-

жал, мучительно кашляя и пытаясь отдышаться. Под ним была бурная река, она стремительно неслась у основания отвесной набережной. Нельсон перевел взгляд вверх. Глиннис одной ногой переступила через поребрик, но не упала. Тогда он стал карабкаться по склону.

Река преградила им путь. Наверное, это та самая река, подумал Нельсон, у которой они провели ночь. Но в том месте, где они останавливались, она была спокойная и мелкая, а здесь превратилась в бурный стремительный поток, его бурые пенящиеся воды прокладывали себе путь среди высоких труднодоступных скал.

Говорить было ни к чему. Они начали искать брод. И все время то сзади, то впереди, но всегда на безопасном расстоянии, гудел поисковый аппарат.

Солнце уже садилось, когда послышался новый звук. Постепенно он нарастал и наконец перешел в тарактение, заглушившее негромкое жужжание робота. Нельсон похолодел.

— Это патруль, — проговорил он и подтолкнул Глиннис к лесу. — Назад, к деревьям. Мы будем драться.

Беглецы скрылись за деревьями. Тарактение смолкло, было слышно, как позади них пробираются сквозь кустарник люди. У Нельсона повлажнели ладони, он вытер их об рубашку. Предстоящая стычка с патрульными, как всегда, придала ему спокойствия, и он выбрал заросли, где можно было закрепиться.

Вместе с ним спряталась и Глиннис. Она уже держала пистолет наготове. Нельсон знаком показал, что нужно убавить мощность. Глиннис поняла. Ее лицо было похоже на маску.

Нельсон прислушался к движению патрульных. Человек пять-шесть, подумал он. Плюс те, что остались охранять летательный аппарат. Надо рассчитывать на восемь. И вот первый патрульный показался из-за кустов.

Нельсон дотронулся до руки Глиннис — не торопись. Патрульный огляделся, внимательно осмотрел все вокруг, но ничего не обнаружил. Он был молод. Убежища не заметил, решил Нельсон, и подумал: не дать ли ему пройти?

Но тогда их могли окружить. Нельсон поднял пистолет и, прежде чем нажать на спусковой крючок, аккуратно прицелился. За долю секунды до того, как патрульного охватило пламя, от выстрела образовался огненный круг, увеличившийся на уровне пояса патрульного

до размеров баскетбольного мяча. Он упал, не успев даже вскрикнуть.

К нему подбежали другие. Почти все они были молодцы. Увидев гибель товарища, двое бросились вперед, чтобы тоже умереть героями. Остальные разумно пытались укрыться. Нельсон решил, что эти заросли не такие надежные, как ему показалось сначала. Один патрульный с энергетическим ружьем с каждым выстрелом подходил все ближе и был уже совсем рядом, когда Нельсон увидел его и выстрелил. Заметив ствол большого поваленного дерева, Нельсон указал на него Глиннис. Она кивнула.

До дерева можно было добраться под прикрытием. Нельсон, с кошачьей легкостью пригибаясь к земле, бежал первым. Достигнув бревна, он начал стрелять, чтобы прикрыть Глиннис. Краем глаза он видел, что она уже близко. Вдруг она испуганно вскрикнула и на его глазах растянулась на земле, споткнувшись о корень.

— Глиннис! — крикнул он, не задумываясь, вскочил и бросился на помощь.

Он пробежал половину пути, когда совсем близко появился патрульный. Тут он понял, какую ошибку совершил. Глиннис уже была на ногах и бежала к нему. Проклиная себя, Нельсон рывком развернулся, прицелился, но было поздно. Выстрел энергетического ружья взорвал землю у него под ногами, и он почувствовал, что его отшвырнуло куда-то назад. В глазах потемнело, только яркие вспышки маленькими искорками мелькнули перед ним. Он упал, как подкошенный...

Курсант патрульной службы Уоллес Шерман смотрел на человека, лежавшего на столе, со смешанным чувством. С одной стороны, он испытывал жалость к тому, чье положение безнадежно, с другой — опасения, связанные с охраной преступника. Возможно, по молодости лет Шерман преувеличивал свои опасения, но когда лежащий зашевелился, он протянул руку к кобуре.

Однако тот лишь слегка шевельнулся и застонал. Шерману почудилось, что человек приходит в себя. Но он знал, что этого не могло быть. Шерман приблизился и посмотрел на его лицо.

Лежавший ровно дышал. Его голова чуть-чуть дрогнула, но глаза не открылись. Более бледных и нежных лиц Шерман никогда не видел. «Такие лица бывают

у тех, кто ни разу не был на солнце, — грустно подумал он. — Во всяком случае, ни разу за много лет». Он попытался хоть смутно представить, какую жизнь видит «спящий». Глядя на его лицо, Шерман заметил, что губы человека шевельнулись, и он пробормотал что-то неразборчивое. Шерман наклонился, чтобы лучше слышать.

— Глиннис, — говорил человек на столе.

— Просыпается?

Курсант смущенно обернулся и увидел стоявшего в дверях Бломгарда.

— Извините, сэр. Нет, не просыпается. То есть, мне кажется, что нет. Он что-то сказал, какое-то слово. Помоему, Глиннис. Похоже на имя девушки.

Доктор Бломгард вошел в комнату и приблизился к столу, где, вытянувшись во весь рост, лежал его пациент. Доктор снял с крюка блокнот и стал просматривать подшитую к нему пачку бумаг. Через несколько секунд он сказал:

— Ах, да. Глиннис. Это частица его сна.

— Доктор... — начал было Шерман, но потом остановился.

— Что, курсант? — спросил, обернувшись, Бломгард.

Доктор был крупный мужчина, с лохматой седой шевелюрой. Его темные пронизательные глаза казались мягче из-за густых белых бровей.

— Ничего, сэр...

— Уверяю вас, ни один вопрос не может быть неуместным, если это вас беспокоит.

— Тогда, доктор, — заговорил Шерман не без труда. — Я подумал, нужно ли все это. Я имею в виду особые условия для этих людей, которые живут во сне искусственной жизнью. Неужели это лучше, чем опыт и борьба?

Бломгард ответил не сразу.

— Видите ли, это зависит от многих факторов. Наша цивилизация развивается быстро. А этот человек родился не в свое время. Он бунтовщик от природы. Мы же достигли той стадии, когда большинство людей с наименьшими усилиями могут рано или поздно достичь желаемого. Конечно, есть исключения. Люди, подобные этому человеку, не могут быть другими, уж такие они есть. И не его вина, что он, не задумываясь, взорвет любую цивилизацию, в которой живет. Сон решает все дело.

— Сон под действием лекарств? Решает все дело?

— И очень хорошо решает. Мы обеспечиваем этому человеку абсолютно нереальный, придуманный от начала до конца мир, в котором он будет счастлив.

— А разве в таком мире можно быть счастливым? Я предпочитаю реальность.

Бломгард улыбнулся.

— Да, вам реальность нужнее, чем ему. Точнее, то, что вы называете реальностью, — доктор снова взял блокнот и просмотрел бумаги. — Мир его снов смоделирован так, чтобы этот человек нашел свое счастье. Ему снится, что это не он, а другие спят в гробах. Сам же себе он кажется суровым одиночкой, который пытается уничтожить нашу цивилизацию. Конечно, он напоминает одинокого волка. Но это не все, потому что так он еще не будет счастлив. Этот человек побежденный.

— Может быть, так лучше, — сказал Шерман.

— Лучше, — серьезно повторил доктор. — Мы не имеем права отнимать у него жизнь. Не имеем права и лишать его индивидуальности, сколь бы опасной она для нас ни была. А так как большинство планет, на которых могут жить люди, будут обитаемы к тому моменту, как мы до них доберемся, нам необходимо создавать новую жизнь там, где для этого есть место. Нет, лучше не придумаешь. Мы даем ему сон, соответствующий его психологическим потребностям, компенсируя, таким образом, ту реальную жизнь, которой мы его лишили. Потому что большинство имеет право лишь на поиски счастья. Мы же в обмен на обычную жизнь это счастье ему гарантируем.

Доктор замолчал. Но Шерману все же хотелось, чтобы ему дали какое-нибудь другое поручение. Послали бы на отдаленное поселение, скажем, к звезде Денеб.

Доктор взглянул на часы.

— Ну, раны обработаны, теперь нужен новый питательный раствор. Отправим пациента назад.

Испытывая что-то похожее на благодарность, Шерман подошел ближе к столу.

— Скоро все будет в порядке, — обратился доктор к лежащему без сознания человеку. — Этот пробел в памяти найдет себе убедительное объяснение, и когда все встанет на свои места, вызовет лишь неясные воспоминания о чем-то не очень приятном. И ты поверишь в реальность своего мира, если эта вера тебе вообще нужна.

Шерман заметил, что спящий шевельнулся и снова что-то пробормотал.

— Увезите его, — распорядился Бломгард.

С благодарностью Шерман развернул стол и выка-
тил его в дверь.

Нельсон услышал, как издали его зовет Глиннис.

— Ты в порядке, Хэл? Слышишь меня, Хэл?

— Слышу, — смог выговорить он.

Нельсон открыл глаза. Пистолет лежал на земле
в нескольких десятках футов от него.

— Я уж думала, тебе конец, — тихо сказала Глин-
нис. — Двоих я прикончила. Не спрашивай, как; глав-
ное — прикончила.

Он сел, от сильного удара об землю кружилась
голова.

— Не очень-то я помог тебе, — слабым голосом ска-
зал он. — А вот ты здорово поработала.

Болела голова, но он помнил, что была перестрелка,
и его отбросило взрывной волной. Но глубоко в памяти
засело что-то еще — что-то далекое и чужое, похожее на
сон. Сначала это ощущение смущало, дразнило его со-
знание, но в конце концов он решил, что все это не так
уж важно. Нельсон огляделся и увидел обугленные тела
патрульных.

— Да, ты здорово поработала, — искренне похвалил
он Глиннис.

— Умеешь управлять патрульным самолетом?

— Чем?

— У нас теперь есть самолет, — сказала Глиннис. —
Я застрелила оставленных там охранников. Иначе нельзя
было.

— Понимаю, — с восхищением ответил он. — Да,
умею. Правда, с тех пор, как я бежал из Коммуны, ни
разу не приходилось. Если, конечно, он в хорошем со-
стоянии.

— Думаю, в хорошем. Я в него не попала.

— Мы сможем облететь на нем весь мир, — вставая,
сказал Нельсон. — Топливо ему не требуется, он может
летать сколько угодно. Понимаешь, Глиннис, что это
значит? Если захотим, мы сможем поднять на борьбу
целую армию.

— И сможем попасть в мавзолеи и всех разбу-
дить?

— Да. Пойдем. — И он направился к летательному аппарату.

Но Глиннис остановила его за руку.

— Что случилось? — удивился он.

— А как жить в мире, где нет «спящих»? — спросила она.

— Ну... не знаю. Я в таком мире никогда не жил.

— Тогда зачем тебе их будить?

— Потому что жить, как они, нельзя.

Глиннис нахмурилась, Нельсон понял, что она пытается разобраться в своих противоречивых чувствах. Ему стало жаль ее, потому что все это было знакомо.

— Я вот что хочу понять, — сказала наконец она. — Почему так жить нельзя? В чем причина?

— Потому что существует лучшая жизнь. Мы можем спасти людей и показать им ее. Я могу вернуть людей к прежней естественной жизни.

— Ясно, — серьезно сказала Глиннис, принимая его доводы. — Пусть так и будет.

Нельсон ей улыбнулся. Она взглянула на него и улыбнулась в ответ. Невдалеке их ждал патрульный самолет.

И они отправились вместе спасать мир.

ИНЫЕ ЛЮДИ

ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ ЖЕНИЛСЯ НА ДОЧКЕ МЭКСИЛЛА

Недели через две Нэн начала его чуточку понимать.

Нэн была третьей дочкой Мэксилла. В Хенритоне ее прозвали дикаркой — и не забыли, что такое же прозвище носила Глэдис, а после Мюриэл. Глэдис теперь устроилась в «Восточной звезде», а Мюриэл вышла за хенритонского торговца мебелью и скобяными товарами — Мюриэл, мать самых славных двойняшек во всем графстве Эвартс. Впрочем, Нэн прозвали дикаркой с большим основанием, чем ее сестер.

Всякий знает, что Мэксилл купил участок старого Джеймсона — восемьдесят негодных акров, которые могут вывести из себя любого фермера, — через год после того, как Эл Кулидж, стал президентом. Он купил их потому, что ему — то есть Малькольму Мэксиллу, а не мистеру Кулиджу, — понадобился участок в сторонке, чтобы там было спокойно. Конечно, шестеро детей Мэксилла, все девчонки, вполне могли одичать в такой глуши. В Хенритоне, и даже в графстве Эвартс, не больно-то придерживались сухого закона и не слишком восхищались Эндрю Волстедом. Но одно дело — покурить полпинты от случая к случаю (самые здравомыслящие мужчины называли это оскорблением стыдливости), а совсем другое — поощрять торговлю самогоном и бутлегерство.

Теперь, ясно, самогон в прошлом. Уже два года как сухого закона нет, а люди все удивляются, как это Мэксилл собирается прокормить семью на таком негодном участке, не греша против морали. Что касается Нэн — все видели, как она проносилась в машинах разных марок и с разными мальчиками, и один господь бог знает, сколько раз она проделывала это без свидетелей. Ей-богу, комментировал Хенритон, не говоря уже о графстве Эвартс, может быть, следовало бы довести это дело до сведения комитета по делам несовершеннолетних, ведь Нэн еще слишком молода. К тому же взгляд у девушки был дерзкий и угрюмый, нахальный и вызывающий, а это доказывало, что ее нужно держать в ежовых рукавицах. К ее отцу никто и не думал обращаться. Все знали, что у него наготове заряженное ружье, и что

Мэксилл не одного любопытного выставил с участка. В конце концов, насчет Мюриэл тоже ходили сплетни, но мало ли что болтают, ведь теперь у нее такие славные ребятишки! Да и вообще население Хенритона старалось заниматься собственными делами — а их во времена депрессии хватало. Так что разговоры насчет комитета оставались разговорами. Все же из-за них Нэн Мэксилл сторонилась людей и становилась все более дикой.

Его (то есть этого парня, имени для него долго не было, но все Мэксиллы понимали, о ком речь, говоря «он») Джози обнаружила на пастбище, которое давно не было пастбищем, а представляло собой холмистое и бугристое пространство, поросшее непокорными сорняками. Джози была вообще-то очень застенчива: огромное родимое пятно на лице заставляло ее прятаться от незнакомых. Но от этого парня Джози не спряталась: в ней внезапно пробудилось вечно подавляемое любопытство.

— Вы кто такой? — спросила Джози. — Папа не любит, чтоб тут всякие слонялись. Вас как зовут? Может, вы бы лучше ушли, у него ведь ружье, и, честное слово, стрелять он умеет. А что это вы на себя нацепили? Как кожа, только голубая. Не похоже, что сшито. Я ведь и сама шить умею. Вы что, глухонемой, а, мистер? А вот в Хенритоне есть один, так он глухой, немой, да еще и слепой. Карандаши продает, и все бросают пенсы и никели прямо ему в шляпу. Скажите же что-нибудь, что это вы молчите? Ну, папа вас, конечно, выгонит, если поймает. Как вы смешно напеваете — точно жужжите! А свистеть вы умеете? У нас в школе есть на пластинке песенка, так я могу ее всю просвистеть. Называется — «Война шмелей». Хотите послушать? Вот так... Эй, что у вас вид такой несчастный? Вы что, музыку не любите? Плохо. А я-то подумала наоборот, вы такую симпатичную песенку напеваете, а может, вам просто мой свист не нравится? У Мэксиллов все музыку любят. Мой папа на скрипке играет лучше всех.

Позже она рассказывала Нэн (Нэн возилась с ней больше других сестер), что он так себя вел, словно не просто не понимал ничего, вроде мексиканца, а как будто и вовсе ничего не слышал. Он подошел к Джози, напевая уже другую песенку — если это можно было назвать песенкой, скорее это было похоже на обрывки мелодий, — и очень осторожно, так, что девочка почти

и не почувствовала, дотронулся до ее лица. А потом пошел за ней к дому.

— Он не говорит, — объяснила Джози сестре. — Даже не свистит, и не поет. Только мычать умеет. Представляешь, на папу бы наткнулся? Наверное, он голодный.

— Что у тебя с лицом? — начала было Нэн, и тут же перевела взгляд с сестренки на парня. Она была не в настроении, и нахмурилась, собираясь спросить, что ему нужно. — Иди, умойся, — приказала она Джози. Та послушно взяла эмалированный кувшин и наполнила его водой. Мускулы на щеках Нэн расслабились.

— Войдите, — предложила она парню. — У меня как раз поспел яблочный пирог.

Он все стоял и мычал, улыбаясь. Девушка невольно улыбнулась в ответ, хотя была и не в настроении, да и лицо Джози ее поразило... Нэн затруднялась определить возраст гостя. Незаметно было, чтобы он уже брился, — но в то же время в его лице ощущалась зрелость, во взгляде видна была уверенность взрослого человека. Нэн не могла понять, что поразило ее, и, пожалуй, сказала бы, что у парня «светлое» лицо — слова «прекрасный» она не знала. В общем, девушка решила, что он — симпатичный блондин.

— Проходите же, — повторила она. — Пирог еще горячий.

Он окинул взглядом девушку, кухню... Можно было подумать, что он ничего такого прежде не видывал. Нэн тронула его за рукав — и от прикосновения по ее пальцам пробежали мурашки, таким неожиданным было ощущение — словно она нащупала шелк, видя хлопок, словно дотронулась до металла, который выглядит, как дерево. Нэн потянула парня через порог. Гость не упирался, но и не спешил, как будто ему было немного не по себе. И в кухне он вел себя странно. Вроде не знал, что на стуле сидят, а ложкой отделяют от пирога хрустящую корочку и выковыривают начинку. Он, похоже, не знал даже того, что пирог нужно положить в рот, разжевать, проглотить... Нэн испугалась было, что перед ней — душевнобольной, хотя, конечно, парень совсем не был похож на сумасшедшего. Но все же...

Джози подбежала с криком:

— Нэн, Нэн! Я в зеркало глянула! Посмотри-ка на меня! Посмотри на мое лицо!

Нэн кивнула, бросив быстрый взгляд на гостя, и тут же отвернулась.

— Наверное, последнее лекарство помогло. Или ты просто выросла, детка.

— Это... это пятно! Оно побледнело! Будто растаяло!

Родимое пятно, ярко-пурпурное, точно Джози всегда сердилась, посветлело и уменьшилось, кожа вокруг стала гладкой и нежной. Нэн дотронулась до чистой щеки и поцеловала сестру.

— Я так рада!

Парень все мычал. Как глупо, подумала Нэн. Однако настроение у нее поднялось.

— Ну же, — сказала она таким тоном, каким обращаются к идиотам и иностранцам, — ешьте-ка! Смотрите, вот так. Ешьте!

Он послушно положил в рот протянутую девушкой ложку с пирогом. Ей стало легче, когда он справился с куском, а то она уж испугалась, что придется кормить его с ложечки. Ну, хоть не надо обращаться с ним, как с младенцем. Нэн поколебалась долю секунды, прежде чем налить стакан молока. Нет, она не была скупой, и никто из Мэксиллов не скупердяйничал, все их несчастья как раз и происходили из лишней щедрости, — но корова плохо доилась, нелегко было с ней управиться, — а детям необходимо молоко, не говоря уж о масле. Нэн и так стряпала почти на одном свином сале. Но ведь стыдно жадничать... Парень поднес стакан к губам — похоже, пить ему было приятнее, чем жевать, — и отхлебнул, но тут же поперхнулся и выплюнул молоко. Нэн разъярилась — и добро зря перевела, и этот тип себя вести не умеет... Но тут она обратила внимание на его руки. Сильные кисти были длиннее, чем обычно, — и на каждой по четыре пальца, но при этом никаких признаков уродства или ампутации. Просто вместо десяти — восемь пальцев. Нэн Мэксилл была девушка добрая, ни разу в жизни она не утопила котенка и не поставила мышеловку, и она воскликнула:

— Ох, бедняжка!

Конечно, нужно оставить здесь этого парня, только придется как-то обмануть отца, чтобы он позволил. Простое приличие, в противоположность обычаям семьи Мэксиллов, требовало гостеприимства. А если парень уйдет — Нэн замучает любопытство. Впрочем, не похоже, чтобы он стремился уйти. Его мычание вовсе не

было монотонным или назойливым, хотя и не походило на знакомую Нэн музыку. Девушка попробовала вторить гостю, но обнаружила, что простота мелодии обманчива — воспроизвести ее оказалось трудно, почти невозможно.

Но гость обрадовался тому, что Нэн пытается напевать, как он, и вскоре в кухне Мэксиллов звучал весьма странный дуэт. Затем — по крайней мере, Нэн так показалось, — парень захотел слишком многого, Нэн не могла за ним угнаться и замолчала. Он тоже умолк — после небольшой паузы, похожей на вопрос.

Малькольм Мэксилл явился домой в дурном настроении. Всю зиму и часть лета Мэксилл работал у зятя, и раздражение от унижительность положения не уменьшалось, когда торговец мебелью и скобяными товарами напоминал, что место, предоставленное Мэксиллу — нечто вроде акта семейной благотворительности, потому что никто не захотел бы взять на работу бывшего бутлегера. Мэксилл мечтал продать ферму и снова завести свое дело. Но даже очень хорошую ферму трудновато было продать в нынешние времена, а уж эти восемьдесят акров... Но все же, чтобы придать ферме «товарный вид», Мэксилл держал корову, несколько свиней и цыплят, и каждую весну засеивал около двадцати акров, хотя посевы эти никогда не окупались урожаем. А запущенный сад годился разве что на дрова.

Мэксилл враждебно уставился на гостя:

— Вам что здесь надо?

Незнакомец замычал, Нэн и Джози пустились в объяснения, Джесси и Дженет просили:

— Ну, папа, пожалуйста!

И Мэксилл проворчал:

— Ладно, ладно. Пусть останется на пару дней, если уж вам всем так приспичило. Надеюсь, он хотя бы отработает кормежку. Может, срубит несколько старых яблонь? С дойкой справится? — спросил он парня. — Ох ты, он же дурачок. Ладно, пошли, посмотрим, что он умеет.

Девчонки тобежали следом. Нэн несла подойник. Шерри, корова Мэксиллов, чаще бывала на свободе, нежели на привязи, и ходила где ей вздумается, — кроме засеянного пшеницей поля и чахлого огородика. Летом корову не запирали в сарае, и доили там, где удавалось ее найти. Порода ее была полу-джерси, полу-неизвестно-что, и она слишком давно телилась в последний раз.

Мэксилл поставил подойник под вымя Шерри.

— Давай, — сказал он парню, — поглядим, как справишься.

Парень стоял неподвижно, с интересом поглядывая на корову и продолжая напевать.

— Так я и знал. Доить он не умеет.

Мэксилл нехотя присел на корточки и начал доить. Парень протянул четырехпалую руку и похлопал корову по боку. Может, он и был горожанином, но животных не боялся. Шерри не была злой или упрямой, едва ли когда-нибудь она переворачивала подойник или всерьез хлестала хвостом по глазам того, кто доил ее. Но все же к ней требовался известный подход.

Нэн понимала, что ее отец никакой не фермер, что настоящий фермер сейчас доил бы Шерри лишь раз в день, ведь она давала чуть больше трех кварт. Но Мэксилл знал, что корову положено доить дважды в день, и точно так же, по слухам, он знал, как варить ей пойло — а Мэксилл во всем следовал правилам.

— Ах ты, черт! — воскликнул Мэксилл, который редко ругался при детях. — Это же больше, чем она давала в последнее время, и я еще не все выдоил!

Внезапная щедрость коровы привела его в хорошее расположение духа, и он даже не рассердился, что свиньи плещутся в луже, и не разозлился, когда парень беспомощно смотрел, как хозяин кормит цыплят (обычно это делали девчонки, но Мэксилл взялся за дело, чтобы этот тип понял, что домашней работе здесь придают серьезное значение). Мэксилл с аппетитом съел все, что приготовила Нэн, радостно отметив, что дурачок обойдется дешево, потому что ест только овощи да хлеб, а пьет воду.

Окончательно развеселившись, Мэксилл настроил скрипку — только Джози и Нэн заметили страдания незнакомца при этом — и сыграл «Бирмингемскую темницу», «Прекрасную куколку» и «Дарданеллы». Мэксилл играл по слуху и презирал тех, кто вынужден разбирать ноты. Джози насвистывала в такт (предварительно взглядом спросив разрешения у незнакомца), Джесси играла на губах, и Дженнет аккомпанировала при помощи гребенки и туалетной бумаги.

— Похоже, — буркнул Мэксилл, — что этот мычалка тоже умеет играть. Попробуем? — И он протянул парню скрипку.

Парень посмотрел на скрипку так, будто она могла взорваться, и резко отпрянул в сторону. Нэн опечалилась при виде такого явного признака душевной болезни. Джесси и Дженет захихикали, Малькольм Мэксилл покрутил пальцем у виска, Джози сочувственно улыбнулась. А потом скрипка заиграла. Не по-настоящему, потому что смычок неподвижно лежал рядом, и струны не вибрировали, — но музыка шла через эфы, сначала неуверенно, потом с нарастающей силой. Музыка напоминала мычание парня, только была бесконечно сложнее и трогательнее...

На другое утро Мэксилл позел парня в сад, и девчонки увязались следом. Не хотелось им пропустить еще одно чудо. Правда, теперь, после некоторого раздумья, Мэксиллы не были уверены, что действительно скрипка играла сама, — а если и играла, то это, наверное, был какой-то фокус. Но раз уж парень сумел заставить скрипку играть, не притрагиваясь к ней, то может быть, он проделает то же самое и с топором?

Мэксилл ударил по ветке. Топор отскочил от дерева. На вид яблоня не казалась больной, просто была старой и запущенной. Большинство ветвей погибло, но в дереве бродил сок — это было очевидно, потому что из ствола торчало несколько свежих побегов. Но эта яблоня, как, впрочем, и весь сад, не стоила хлопот. Топор поднялся снова и снова. Ветка упала. Мэксилл кивнул и вручил топор парню. Тот замычал, глянул на Мэксилла, на девчонок, на топор. Бросил инструмент и шагнул к дереву. Он трогал пальцами грубую кору, обнажения корней, покрытые наростами, листья и побеги... Нэн не удивилась бы, если бы увидела, как дерево само собой разделилось на поленья. Но ничего не случилось. Абсолютно ничего.

— Так! Дурачок не умеет ни доить корову, ни следить за поросятами, ни цыпят кормить, ни деревья рубить. Напеваает да фокусы показывает.

— Мы сами сделаем всю работу по дому, — тактично предложила Нэн.

Конечно, они и так делали всю работу почти каждое утро, и каждый вечер тоже, но так уж считалось, что мужские дела делает отец... Заботливые девчонки спасли репутацию Мэксилла.

Нэн не могла поверить, что парень безнадежно ненормален. Со своими восемью пальцами он управлялся не хуже, чем другие с десятью, а то и получше. Он, правда, отказался кормить свиней, зато очень ловко собирал яйца, доставая их прямо из-под кур и ничуть при этом не тревожа несушек. Парень не умел доить, но всегда стоял возле Шерри, пока Нэн занималась дойкой, — и Шерри давала все больше и больше молока.

А в сад он пошел без топора. Нэн послала Джози — поглядеть, что он там делает.

— К каждому дереву подходит, — доложила Джози. — Просто смотрит на них и трогает руками. И знаешь что? Он траву ест. И сорняки.

— Ты хочешь сказать — он их жует?

— Да нет же. Он их ест. По-правдашнему. Горстями! И еще он дотронулся... ну, до этой штуки у меня на щеке. Я сразу побежала поглядеть в зеркало — а ес почти и не видать, особенно в тени.

— Я рада, что пятно проходит, — сказала Нэн. — Только не расстраивайся, если оно опять появится. Тужить не о чем. И я уверена — тут ни причем то, что он дотронулся до пятна. Просто совпадение.

Малькольм Мэксилл ворчал, что от этого типа никакой пользы, но ни разу не сказал напрямик, чтобы тот уходил. К концу третьего дня Шерри давала уже три галлона молока, яиц собирали гораздо больше, чем обычно в это время года, а родинка Джози была незаметна уже и при ярком солнечном свете.

И все три дня парень бродил по саду, трогая старые деревья. А потом принялся за поле. Мэксилл засеял его поздно, и не только из-за отсутствия хозяйственного энтузиазма, а еще и потому, что не имел ни трактора, ни плуга, и вынужден был ждать, пока закончат работы те, у кого можно все это одолжить. Почва успела высохнуть, и семена прорастали слишком долго. Когда же нежные серо-зеленые ростки пробуравили землю, их опалили жаркие лучи солнца. На соседских полях уже красовались бледные кисточки, а карликовые ряды Мэксилловских всходов едва виднелись.

С зерном парень возился гораздо дольше, чем с садом. К этому времени Нэн поняла, что его мычание — вовсе не песни, просто парень так говорит, — и это делало его еще более чужим. Будь он итальянцем или португальцем, она могла бы выучить его язык. Будь он китайцем — пожалуй, она научилась бы есть палочками.

Но человек, который объясняется нотами вместо слов, был бы проблемой для любой девушки.

Но все-таки понемногу она начала его понимать.

Мэксилл притащил приемник, который кто-то продал ему в лавке зятя, и семья развлекалась, ловя далекие станции. Но когда подходил этот парень, приемник можно было не настраивать: от тут же начинал наигрывать музыку, вроде той, что играла скрипка. И музыка эта уже не казалась Мэксиллам странной, или, по выражению Малькольма Мэксилла, длиннобородой. Слушая мягкие звуки, все становилось добрее, лучше, и сильнее любили друг друга.

Нэн поняла, что парень — не такой, как все люди. Он объяснил ей, откуда явился и каким образом, только Нэн было наплевать. Иная планета, иная звезда, галактика — что все эти слова значили для Нэн Мэксилл, педагогической задачки хенритонской средней школы, для Нэн, которая на уроках естествознания читала романы? Имя парня прозвучало для нее как «Эш». И ей безразлично, родился он на Марсе, на Альфе Центавра или на безымянной планете в биллионах световых лет от Земли.

Эш скромно признавал свое несовершенство. Он не умел делать ничего из того, в чем были искусны его соотечественники. Не по нему были абстрактные проблемы, неподвластные электронным мозгам, философские размышления, приводящие либо к озарению, либо к помешательству, изобретение новых средств изменения природы материи... Эш чувствовал себя атавизмом в мире развитой науки и синтетической пищи, в мире, далеко отошедшем от естественных природных процессов. Эш был рожден фермером. Но на его родине подобные таланты давно уже были не нужны. Эш умел заставить все живое разрастаться — но пища была синтетической. Эш умел бороться с болезнями — но его раса давно выработала генетический иммунитет, исключаяющий любое нездоровье...

Но даже когда Эш в совершенстве овладел речью, а Нэн научилась неуклюже объясняться мелодией, оставалось многое, чего Нэн понять не могла. Эш снова и снова объяснял, как можно создавать звуки, не прилагаясь к инструменту, — девушка не понимала. А уж каким образом он очистил лицо Джози... Нэн могла представить себе космические корабли, но не могла вообразить мгновенное перемещение живой материи на

миллионы парсеков. А труднее всего было понять, почему Эш считает себя хуже своих соотечественников.

Но вот созрела пшеница. Стройные стебли гордо вышались на поле, грациозно изгибались широкие листья, и на каждом стебле красовались по два колоса — вдвое крупнее всех, какие когда-либо вырастали в графстве Эвартс на памяти старожилов. И ни один рядок не тронули вредители. Приехал местный агроном, до которого дошли странные слухи, — и часами ходил по полю, бормоча что-то невнятное, время от времени пощипывая себя. Мэксилл продал зерно по такой цене, что не верил своим глазам, держа в руках чек.

А затем и фрукты в саду поспели. Эш опоздал с помощью вишням, абрикосам, сливам и ранним персикам, — но яблоки и груши выросли удивительнее пшеницы. Их было не слишком много, Эш не прибавил цветов на старых деревьях, — но плоды были огромны. Яблоки величиной с дыню, поздние персики — вдвое больше обычных... (Мэксилл привез образцы на местную сельскохозяйственную выставку и сгрел все первые призы.) Все в округе подозревали, что такие крупные фрукты окажутся водянистыми и безвкусными, но они были сочными и плотными, и пролежали всю зиму, сохраняя свежесть.

Нэн Мэксилл прекрасно понимала; какая проблема стоит перед ней. Эш был поистине подарком для жителей Земли. Все могли бы поучиться у него. Ученые могли бы разобраться во многих вопросах, решить которые сами не в силах. Эш мог бы подхлестнуть техническое развитие. Музыковеды и филологи сделали бы удивительные открытия. Но больше всего, конечно, выиграли бы фермеры, поскольку Эш мог превратить в оазис любую пустыню. Было бы просто нечестно по отношению к людям скрывать Эша на ферме графства Эвартс.

Но когда Нэн думала об этом, перед ней всегда вставала одна и та же картина: Эша мучают, Эша допрашивают вежливые и недоверчивые люди.

Ведь они не поверят ему. Они будут отрицать существование пшеницы, необычных яблок, они не поверят играющей без смычка скрипке... Они подвергнут Эша испытаниям: интеллект, координация, память, физические нагрузки, всевозможные уколы и осмотры... «Где вы родились, как ваше полное имя, кто ваши отец и мать?.. Да-да, конечно, мы понимаем, но попробуйте

вспомнить, мистер Э... Эш. Попробуйте-ка вспомнить детство...»

А если они наконец поверят, будет только хуже. «Еще усилие, мистер Эш, это уравнение — конечно, вы можете... Нам известно, что вы владеете телекинезом — покажите нам... Еще, пожалуйста... Еще раз... Теперь повторите о заживлении ран... Будьте добры, еще раз о растениях...»

Или это будет иначе? Ведь Эш может погибнуть не от жадности людей к информации, а из-за страха и ненависти человека ко всему чужому. Арест за нелегальное вторжение — или за все, в чем его захотят обвинить, речи в Конгрессе, шум в газетах... Шпион, диверсант, агент чуждых миров («Кто знает, что он делает с растениями?..») Невозможно выдвинуть против Эша официальное обвинение — но это не значит, что от Эша не смогут избавиться те, кто напугается инопланетного нашествия. Судебные процессы, приговор, опека, линчевание...

В век всеобщего страха нельзя открывать существование Эша; ничего, кроме беды, из этого не выйдет. Но Мэксиллы и не хотели обращать на себя внимание всего графства Эвартс. Нэн знала, что отец не жаждет делиться тайнами урожая. Глэдис и Мьюриэл только и знали, что отец нанял чудаковатого работника. А младших можно научить, как себя вести. Да, собственно, Эш и рассказывал о себе только Нэн.

В эту зиму Мэксилл купил еще двух коров. Старые, костлявые, они давали мало молока и предназначались на мясо, да и того было бы совсем немного. Но когда за ними стал ухаживать Эш, они начали молодеть на глазах, глаза их прояснились, бока стали круглыми, и вскоре коровы давали столько молока, словно только что отелились.

— Хотел бы я знать, почему он не проделывает такой фокус со свиньями? — спрашивал Мэксилл у Нэн. Эша старик просто игнорировал. — Боровки что-то совсем сдали.

— Никакой это не фокус, — объясняла Нэн, — просто Эш больше нашего понимает. И он не станет делать ничего, что помогает убийству. Он ведь сам не ест ни мяса, ни яиц, и молока не пьет.

— Сделал же он, что куры стали лучше нестись. А молоко какое!

— Чем лучше несутся куры, тем дальше они от топора. И корова тоже. А молодые петушки лучше не становятся, ты же видишь. Он не хочет делать так, чтобы животные годились в пищу. Или не может. Спроси его самого.

По почте стали приходить каталоги семян. Никогда прежде Мэксилл не интересовался огородом — только вскапывал его, предоставляя девочкам сажать, что вздумается. А нынче он с каждой брошюрой возился, как с любовным письмом, радостно любясь оранжевыми сосульками моркови, бесстыдно-красной редиской, зелеными листьями салата на глянцевого обложках. Нэн угадывала его мечту — вырастить капусту крупнее тыквы, арбузы такие, чтобы взрослому мужчине не поднять без посторонней помощи, трехфунтовые помидоры... Доволен был и Эш. А Нэн сердилась на них обоих. Надо бы Эшу иметь побольше самолюбия, нечего радоваться так возне на старой ферме. С его-то способностями он мог стать кем угодно. Но вершиной желаний Эша было, похоже, фермерство.

Мэксилл не мог дождаться, когда земля будет готова. Он вспахал ее слишком сырой, плохо и задорого. Засадил каждый дюйм из пятидесяти свободных акров — к изумлению соседей, которым было ясно, что семена сгниют.

Нэн спросила Эша:

— Ты можешь управлять своей силой?

— Я не могу заставить расти огурцы на грушвом дереве, или картошку — на виноградной лозе.

— Я хочу попросить, чтобы все не было таким громадным. Ты можешь сделать так, чтобы пшеница была лишь чуть крупнее обычной?

— Зачем?

Когда Нэн Мэксилл попыталась объяснить, она поняла, что такое предательство.

— Ты произносишь слова, которых я не знаю, — сказал Эш. — Пожалуйста, растолкуй — ревность, зависть, чужеземец, в ярости, подозрение... Что это?

Она растолковала, как сумела. Объяснение было неполным. Оно не было даже сносным. Нэн ощущала гнев при мысли, что Эш — изгнанник, и лишь теперь она поняла, каково приходится человеку, опередившему свое время или отставшему от него. Она могла только догадываться, кем Эш был на родине — пережитком давно позабытых времен, намеком на то, что не так уж далеко

ушли в своем развитии его соотечественники, если среди них рождаются такие, как Эш. А на Земле 1937 года Эш был упреком и осуждением в отсталости.

Весенние ветры зашумели в саду — абсолютно здоровом. Набухли и раскрылись почки, превратившись в листья и цветки. Тень в саду была такой плотной, что между деревьями не росли сорняки.

Но в поле было иначе. Что уж там Эш сделал с почвой — неясно было, только сорняки полезли стебель к стеблю, и под паутиной сорных трав не видны были крошечные зеленые всходы.

— Ну вот, — говорил Малькольм Мэксилл, — не сгнило, так эта нечисть повылезла. Ну, все равно у меня будет хлеб на две-три недели раньше, чем у всех. Так что кое-кто в округе почешется. Для Мэксиллов депрессия кончилась. Знаете что? Придется дьявольски поработать, чтобы избавиться от сорняков. Пожалуй, надо раздобыть трактор. Тогда не придется на будущий год никого нанимать на пахоту. Может, он хоть трактор сумеет водить?

— Он умеет, — сообщила Нэн, игнорируя присутствие Эша не хуже отца. — Но не будет.

— Это еще почему?

— Он машины не любит.

— Небось, его устроила бы лошадь или мул? — с негодованием фыркнул Мэксилл.

— Возможно. Но сорняки он выдергивать не станет.

— Да какого же черта!

— Я тебе говорила, папа. Он не станет убивать.

— Убивать *сорняки*?

— Ничего он не станет убивать. Не стоит из-за этого ссориться, так уж он устроен.

— По-дурацки устроен, если тебя интересует мое мнение!

Все же Мэксилл купил трактор с массой деталей к нему и обрабатывал хлеб, обливаясь потом и ругаясь (когда девочки не могли слышать), проклиная Эша, который ни черта на ферме не делает, только бродит кругом да все трогает. Разве так взрослый человек свой хлеб отрабатывает?

Нэн боялась, что отца просто удар хватит, когда он поймет, что огромный урожай прошлого года не удвоится — хотя сад был прекрасен, ни один цветок не осыпался, ни одна веточка не увяла, и созрели абсолютно все плоды. Ветви склонялись под тяжестью фруктов, и

ветер, раздвигая листья, обнажал истинную мечту сада-вода. Но Мэксилл был недоволен.

— Теряем в количестве ради качества, — ворчал он. — Какая там самая высокая рыночная цена? А я-то считал вдвое выше.

Нэн Мэксилл поняла, что сама она очень изменилась с тех пор, как появился Эш. Отец теперь казался ей капризным ребенком, впадающим в истерику по пустякам. Мальчишки, с которыми она гуляла раньше, были всего лишь прожорливыми детьми, слюнтяями, полными бессмысленных желаний. Жители Хенритона и графства Эвартс... нет, поправляла она сама себя, люди, просто люди — ребячливы и наивны. По радио сообщали о войнах в Китае и в Испании, о резне и терроре в Германии, о жестокостях и несправедливостях во всем мире...

Может быть, Нэн бессознательно приняла точку зрения Эша? Но у него вроде бы не было определенной точки зрения, определенных суждений. Он воспринимал окружающее задумчиво, с любопытством, но без сильных эмоций. Нэн была недоступна такая отчужденность. А Эшу была недоступна полная отчужденность тех, кто послал его сюда. Но если Эш почти утратил дикарскую способность презирать и ненавидеть, не потерял ли он также и примитивную способность любить?

Потому что Нэн было нужно, чтобы Эш любил ее.

Они поженились в январе, что многим казалось странным, но Нэн сама выбрала это время — ей хотелось настоящей свадьбы, и в то же время тихой. Нэн ждала согласия отца: ведь Эш принес ему процветание всего за два коротких года, а свадьба стала бы гарантией, что и впредь все пойдет в том же духе. Но банковский счет Мэксилла, большая машина, репутация в Хенритоне — которой он, между прочим, обязан был Эшу, — заставляли Мэксилла раздуваться от спеси.

— А кто он, вообще-то, такой? — спрашивал Мэксилл. — Откуда он, собственно, родом?

— Разве это важно? Он хороший, ласковый и добрый — какое нам дело, откуда он родом и кто его родители? Это ничего не меняет.

— Как не меняет? А вдруг в нем дурная кровь? Он же калека, да и умом слабоват. Сначала ведь даже

говорить не мог, как нормальные люди. Конечно, это важно — неужели ты хочешь, чтобы твои дети были идиотами, или у них будет недоставать пальцев? А может, он еще и жулик?

Нэн даже не улыбнулась, видя страстную тягу отца к респектабельности. И не стала напоминать, что если ее дети пойдут в деда, то станут самогонщиками или бутлегерами.

— Эш не жулик.

Да, жуликом Эш не был. Но были другие опасности. Иметь детей, у которых недостает пальцев, конечно, неприятно... но ведь детей могло и совсем не быть. Ни разу Эша не осматривал врач, Нэн не допускала этого, хотя и много думала о том, что они с Эшем могут оказаться слишком разными. Нэн не делала вида, что это все неважно. Это было ужасно важно, и все же Нэн готова была рискнуть и хотела выйти за Эша замуж.

Мэксилл покачал головой:

— И еще — у него даже фамилии нет.

— Дадим ему свою, — ответила Нэн. — Скажем, что он с нами в дальнем родстве.

— Еще чего! — взорвался отец. — Что за штучки!

— Ладно. Тогда мы сбежим и устроимся самостоятельно. Не так-то уж это трудно, если вспомнить, что умеет Эш. Нам даже хорошая земля ни к чему.

Тут Нэн замолчала, предоставив отцу обдумать все как следует. И он сдался. С гонором, но сдался.

Эш никогда не ездил в Хенритон и никому не показывался, кроме тех случаев, когда помогал Мэксиллу отрабатывать долги, но все знали, что на ферме есть какой-то работник. Глэдис и Мюриэл просто кивали ему при встрече, и отнеслись весьма скептически к тому, что он, оказывается их дальний родственник «откуда-то с Востока». Еще больше их удивило, что он женится на Нэн. Они считали, что Нэн могла сделать лучший выбор. Потом вспомнили ее репутацию — а может, радоваться надо, что парень так порядочно поступает? Сестры считали месяцы и были шокированы тем, что Эш-младший родился только через полтора года.

Считала месяцы и Нэн. Одни из ее страхов живо испарились, другие продолжали преследовать. Нэн боялась взглянуть на сына, страх не уменьшался от того, что Эш, при всей своей отчужденности, казался заинтересо-

ванным, а доктор и няня искрились бодрым весельем. И все же что-то внутри Нэн затихло, когда она осторожно притронулась к крошечному носику, к совершенным до неправдоподобия ушкам, круглой головке. Затем Нэн протянула руки, чтобы откинуть пеленку.

— Ммм... миссис Мэксилл... ммм...

Конечно, она поняла прежде, чем увидела, и страстная волна протеста пробежала по ней. Ручки в ямочках, прямые ножки — и на каждой по четыре пальца. Ей захотелось закричать. Это не уродство, вы идиоты! Зачем десять пальцев, когда восемь умеют делать то, с чем никогда не справиться целым десятком? Но она промолчала, ее удержала мысль о том, что придется скрывать превосходство ребенка так же, как она скрывала превосходство Эша, — чтобы люди не ополчились против обоих. Нэн спрятала лицо. Пусть думают, что она страдает.

Нэн сочувствовала своему отцу. Его внук, плоть и кровь, родился уродцем, и Малькольм Мэксилл не мог скрыть удовлетворения: сбылись его зловещие пророчества. Даже если бы Нэн выдала тайну Эша, вряд ли удалось бы успокоить деда. Скорее наоборот, он отнесся бы к факту изгнания Эша с родины как к еще одному доказательству неполноценности зятя.

— Можно подумать, — сказала Нэн мужу, — что ты ничего не сделал для него, а наоборот, оскорбил.

Эш улыбнулся, его рука легко скользнула по плечу Нэн.

— Ты что, ждала его благодарности? Не ты ли рассказывала мне о людях и их поступках? Да и делал я все не для твоего отца, а просто потому, что люблю фермерскую работу.

— Неважно. Теперь у нас ребенок, и нужно как-то договориться с отцом. Или получить долю на ферме, или жалованье — хорошее жалованье.

— Зачем? Еда у нас есть. Твоя одежда изнашивается, но отец дает тебе денег на новую. И на ребенка. Почему же...

— А почему твоя одежда не изнашивается и никогда не пачкается? — несколько некстати перебила его Нэн.

— Не знаю. — Он покачал головой. — Я тебе говорил, что не разбираюсь в этом. Я только здесь узнал, что могут быть не вечные и не самоочищающиеся ткани.

- Ну, неважно. Мы должны стать независимыми.
— Зачем? — Эш пожал плечами.

Часть дохода Малькольм Мэксилл потратил на покупку второй фермы. Теперь он был богатейшим жителем графства Эвартс. Наняли трех работников. Дом перестроили. В новеньком гараже стояли грузовик, два маленьких автомобиля и один большой, да еще сверкающие сельскохозяйственные машины. Хенритонский банкир почтительно слушал Мэксилла, муж Мюриэл спрашивал совета. Нэн видела, что отца раздражает зависимость от Эша. Когда Мэксилл ненадолго уехал в Лос-Анджелес, Нэн поняла, что он ищет возможность заняться делом, в котором выгсду получал бы не благодаря талантам Эша, а благодаря собственной изворотливости, деньгам и энергии. Нэн не беспокоилась, зная, что если отец продаст землю, то уж с Эшем-то он все уладит по-хорошему.

Вмешался случай: Малькольма Мэксилла убили. Завещания не осталось, и сестры полюбовно поделили владения. Глэдис и Мюриэл отказались от своей доли с условием, что Нэн возьмет на себя заботы о младших девочках. Эш предоставил жене устраивать дела и взирал на все с таким же отчужденным интересом, с каким английский епископ разглядывал бы шаманскую маску, Эш не понимал значения богатства и власти.

Из-за войны цены на сельскохозяйственные продукты поднимались и поднимались. Эш, будучи отцом семейства и единственным кормильцем, вряд ли мог быть призван в армию, да и в любом случае не прошел бы медицинскую комиссию из-за своих восьми пальцев. Глэдис уехала в Вашингтон и работала там в каком-то учреждении. Джози вышла замуж за моряка. Урожай росли. Нэн радовалась, видя, что фермеры приходят к Эшу за советом. Но Эш никому не мог передать своих знаний, хотя и никогда не отказывал в помощи. Правда, ходил он только к тем соседям, которых донимали неурожаи, у кого была плохая земля или болели животные. Пока руки Эша были заняты работой, он болтал всякую чепуху из сельскохозяйственных бюллетеней. Потом животные выздоравливали, пшеница поднималась, негодная земля приносила плоды — так естественно, что соседям оставалось только поражаться действенности банальных советов.

Поначалу Нэн опасалась, что руки Эша-младшего будут неловкими, но постепенно боязнь рассеялась. Мальчик мог делать все не хуже, чем другие дети его возраста. (Несколько лет спустя он стал лучшим в графстве Эвартс подающим, играя в крикет и бейсбол, а уж крученная подача у него была такая, что никто не мог ее отбить.) Он заговорил, хотя и не слишком рано, и так хорошо освоил язык отца, что в конце концов оставил Нэн позади. С благодушием матери и жены слушала она, как щебечут отец и сын.

Джесси окончила торговую школу и устроилась работать в лавку зятя. Дженет уехала на Восток изучать археологию. Кончилась война, и цены стабилизировались. Мэксиллы все больше богатели. Эш перестал выращивать пшеницу на старой ферме. Часть земли он занял под новый плодовый сад, на остальной посеял гибридную траву, которую сам вывел. Эта трава была богаче белками, чем пшеница.

Младший Эш был радостью, по прошло уже семь лет, а он оставался единственным ребенком.

— Почему? — спрашивала Нэн.

— Разве тебе нужны еще дети?

— Конечно. Неужели тебе не нужны?

— Я все-таки не понимаю желания землян обеспечивать себя впрок. Запасаться положением, потомками, предками. Разве можно различать детей по биологическому родству или его отсутствию?

Впервые Нэн ощутила, что Эш — чужой.

— Я хочу своих детей.

Но детей у них больше не было. Конечно, это было печально, но Нэн хорошо помнила, что готова была выйти за Эша даже в том случае, если у них вовсе не будет детей. И хорошо сделала, что вышла. Ведь что было бы с ней иначе? Выскочила бы за первого попавшегося парня, когда ей надоело бы таскаться в машинах, и был бы у нее муж такой же никудашний, как отец... Даже если бы она знала, что не будет у нее Эша-младшего, она все равно выбрала бы тот же путь.

Ее беспокоило то, что Эш не учит сына вести ферму.

— Почему он ничему не учится? — спрашивала Нэн. — Он же понимает тебя лучше, чем я.

— Он может понять. Может даже обогнать меня. Не забывай, я неполноценен, мои способности не нужны там, дома... Сын может оказаться им ближе, чем я.

— Но тогда... он сможет делать те удивительные вещи, которые делают они!

— Не думаю. Здесь действует некая выравнивающая сила, она, похоже, компенсирует потери и достижения. Я не могу научить его телекинезу — зато он лучше меня умеет лечить.

Тут же новая мечта вытеснила старую. Нэн представляла, как молодой врач Эш избавляет человечество от болезней. Но... мальчик довольствовался тем, что уничтожал бородавки на руках товарищей по играм и срачивал сломанные кости, пробегая пальцами по поверхности тела. А главным интересом Эша-младшего были машины. В шесть лет он починил старенький велосипед, на котором катались по очереди все девчонки Мэксиллов. В восемь — возвращал к жизни ветхие будильники, в десять — налаживал трактор лучше, чем это делали в хенритонском гараже. Наверное, Нэн должна была гордиться сыном, он мог стать великим инженером или изобретателем. Но мир атомного и водородного оружия нравился Нэн гораздо меньше, чем тот, который она знала с детства, несмотря на сухой закон и депрессию.

Нэн было чуть за сорок, но легкие морщинки были заметны на ее лице гораздо меньше, чем у женщин моложе Нэн на пять-шесть лет. И все же, глядя на гладкие щеки Эша, не изменившиеся с того дня, когда Джо-зи привела Эша с южного пастбища, Нэн испытывала страх.

— Сколько тебе лет? — спрашивала она. — На самом деле?

— Столько же, сколько и тебе.

— Нет, — настаивала она, — это красивая фраза. Я хочу знать.

— Как выразить мой возраст в земных годах? Сосчитать вращения планет вокруг солнца? Это бессмысленно. Даже если бы я знал высшую математику, я не сумел бы перевести одно измерение в другое. Смотри на это так: пшеница старится в шесть месяцев, а дуб молодой и в шестьдесят лет.

— Ты что, бессмертный?

— Не более тебя. Я умру вместе с тобой.

— Но ты не стареешь.

— Я и не болею. Мое тело не подвержено слабости и разрушению, как у моих далеких предков. Но ведь я родился — стало быть, я должен умереть.

— Ты останешься молодым, а я буду старухой, Эш...

Легко тебе рассуждать, думала она. Тебя не волнует, что болтают люди, тебя не трогают насмешки и злоба. Не любила бы я тебя так, назвала бы, пожалуй, бесчеловечным. Впрочем, он действительно бесчеловечен — потому что он сверхчеловек. Да, конечно, все люди — эгоистичны, мелочны, ограничены, жадны и жестоки... Но нужно ли презирать их за это? Нужно ли презирать людей за то, что они не умеют наблюдать за собой свысока? Может быть, и надо...

Нэн не жалела, что вышла замуж за Эша, и лишь одно вызывало у нее протест: она старится, а он — нет. Ничто не могло примирить ее с этой мыслью. Нэн содрогалась, когда представляла себе взгляды, вопросы, насмешки над женщиной пятидесяти, шестидесяти, семидесяти лет — женой двадцатилетнего мальчика. А если и сын будет таким же, как отец? Мысленно Нэн уже видела, при всей нелепости подобной картины, как она, состарившись, смотрит то на одного, то на другого — и не понимает, который из двух ее муж, а который — сын. Уйдя в горестные размышления, Нэн отдалилась от знакомых, стала молчаливой, и целыми днями бродила вдали от дома. И вот — среди жаркой солнечной тишины августовского дня она услышала музыку.

Нэн поняла сразу. Музыка походила на мычание Эша, но гораздо больше напоминала ту полифонию, которую Эш слушал по радио. Сердце женщины бешено заколотилось, потому что на мгновение Нэн показалось — Эш-младший... но нет, это было еще сложнее, гораздо сложнее. Затанув дыхание, Нэн слушала, потрясенная, испуганная. Вокруг не было никого и ничего постороннего, лишь обычный пейзаж — горы вдали, безоблачное небо, поля, деревья и заросли диких ягод... И все же Нэн не сомневалась. Она поспешила домой и отыскала Эша.

— Тебя ищут.

— Знаю. Уже много дней знаю.

— Что им нужно?

Он ушел от прямого ответа.

— Как ты полагаешь, я совсем не приспособился к вашей жизни?

Она искренне удивилась:

— Ты? Да ведь ты принес мудрость, здоровье, добро всему, к чему прикасался! Как ты можешь говорить, что не приспособился?

— Потому что... я все-таки не стал одним из вас.

— Добавь — слава богу! Ты сделал гораздо больше. Ты изменил все вокруг себя — и внешне, и внутренне. Земля и те, кто ею живет, стали лучше благодаря тебе. Ты стал отцом Эша-младшего.

— Но ты несчастлива.

Она вздрогнула.

— Счастье существует для тех, кто доволен имеющимся и не хочет большего.

— А чего хотела бы ты? — спросил он.

— Такой жизни, чтобы не приходилось скрывать тебя, — живо ответила она. — Жизни, в которой ты, Эш-младший, его дети и внуки могли бы делать мир лучше, не вызывая подозрения и зависти. Думаю, ты все-таки немного приблизил такой мир.

— Они хотят, чтобы я вернулся, — вдруг сказал Эш.

Она услышала его слова, но они словно бы не достигли ее сознания.

— Они хотят, чтобы я вернулся, — повторил он. — Я им нужен.

— Но это чудовищно! Сначала тебя отправляют в мир дикарей, потом решают, что ошиблись и свистят, чтобы ты вернулся!

— Нет, — возразил Эш. — Меня не заставляли. Я не обязан был принимать предложение. Просто все сошлось на том, что люди здешнего общества, по нашим данным, должны быть ближе всего к той эпохе, к которой приспособлен я. Не надо было мне приходить. Я должен вернуться.

— «Все сошлось на том»! И ты говоришь... Да это и есть давление, принуждение! И делали вид, что это тебе на пользу! Неизвестно еще, кто больше дикари — мы или твой народ!

Эш не стал спорить, защищая тех, кто угрожал Нэн лишить ее мужа. В своем смирении Эш считал соотечественников неизмеримо выше себя.

— Ты, конечно, не уедешь?

— Я им нужен.

— Ты нужен и мне. И маленькому Эшу.

— Нельзя же сравнивать, — он мягко улыбнулся. — Нужен я одному-двум людям — или миллионам. Зов любви и утешения нельзя противопоставить зову жизни.

— Ты не уедешь?

— Пока ты сама не скажешь мне, чтобы я уезжал.

На другой день она бродила по саду, вспоминая, каким он был запущенным до появления Эша, какое лицо было у Джози, какое у нее самой было беспокойное сердце. Потом пошла туда, где накануне услышала музыку. Музыка звучала и сегодня — и было в ней нечто сверхчеловеческое. Она не просила, не убеждала, не спорила. Она звучала сама по себе. Нэн слушала долго, кажется, несколько часов. Потом вернулась домой. Эш обнял ее — и в который раз Нэн поразились тому, что в его объятии столько нежности.

— Ох, Эш — только и воскликнула она. — Ох, Эш!

И добавила:

— Ты вернешься?

— Надеюсь, — сказал он серьезно.

— Когда же ты... уезжаешь?

— Как только улажу дела. Но ты же всегда помогаешь мне, так что... много работы не будет. — Он улыбнулся. — Я сяду в поезд в Хенритоне. Подумают, что я уехал на Восток. Позже ты сможешь сказать, что меня задержали дела. Может быть, через несколько месяцев ты с сыном приедешь ко мне.

— Нет. Я останусь здесь.

— Люди подумают...

— Пусть их, — сказала она решительно. — Пусть думают.

— Ты знаешь, я смогу найти тебя где угодно, если вернуться.

— Ты не вернешься. А если вернешься — найдешь меня здесь.

С урожаем все было в порядке, как и обещал Эш. Нэн справлялась с денежными делами легко, ведь она вела их одна со дня смерти отца, Эш никогда не вмешивался. Торговцы перебивали зерно Мэксиллов друг у друга. Но что будет через год? И сама Нэн, и земля могут увянуть без забот Эша...

Нэн понимала, что музыка, зазвучавшая внезапно, — существует лишь в ее воображении. Но иллюзия была так сильна, так невероятно сильна, что на минутку Нэн почувствовала, будто она различает голос Эша, будто слышит его нежные, утешающие слова...

— Да, — сказала она вслух. — Да, конечно.

Он увидела будущее. Теперь Нэн сама будет ходить по участку, поднимать комки земли... будет погружать руки в мешки с семенами, трогать молодые побеги, почки на деревьях...

Никогда не станет уже так, как при Эше. Но земля сохранит плодородие, фруктовые деревья принесут плоды... нет, не такие сочные и изобильные, как прежде. Но все будет расти — и помогут земле руки Нэн. Обычные пятипалые руки.

Эш приходил не напрасно.

СКРЫТЫЙ ТАЛАНТ

Космопорт на Мондарране IV был довольно маленький, какого и следовало ожидать от третьеразрядной захолустной планеты. В пустом багажном отделении Ригор Дэвидсон захватил свой чемодан и вскоре очутился на пыльной улице, залитой полуденным зноем.

Солнце типа G стояло высоко в зените. Взору открывалась грязная извилистая дорога, ведущая из космопорта в небольшую серую деревушку. Она почему-то именовалась городом и располагалась примерно в тысяче метров от порта.

Никто его не приветствовал. «Впечатляющая встреча», — только и подумал Дэвидсон, шагая по дороге в деревню, где ему суждено было провести ближайшие пять лет, если, конечно, он выживет.

Пройдя с полсотни шагов, он услышал, что за ним кто-то идет. Обернувшись, он увидел загорелого подростка, бодро шагавшего следом. Лет мальчишке было около одиннадцати, одежда его состояла из блестящих коротких шорт. Казалось, он куда-то спешил.

— Эй, паренек! — позвал Дэвидсон.

Мальчик замедлил шаг, вопросительно взглянул на него, а затем и совсем остановился.

— Только что приземлились? Я видел ваш корабль! Дэвидсон усмехнулся.

— Да, только что. Куда спешим?

— Ведьма, — выпалил паренек. — Представление сейчас начнется, я не хочу опоздать, и вам не советую. Скорее, прибавьте шаг!

— Что за представление? — Дэвидсон весь внутренне напрягся.

— Они жгут ведьму, — отчетливо, по слогам, словно объясняя идиоту, ответил мальчик. — Быстрее, если не хотите опоздать, а если вам не интересно, то не задерживайте меня.

Дэвидсон зашагал быстрее, едва поспевая за мальчишкой, который в нетерпении продолжал поторапливать его. Пыль, поднятая их ногами, клубилась следом.

«Ведьма на костре — как вам это нравится?» — Дэвидсон содрогнулся при мысли об этом и с тоской

подумал, что, скорее всего, Фонд Эспера послал его на верную смерть.

Фонд Эспера действовал незаметно, но эффективно. Они нашли Дэвидсона, обучили его, развили его огромный потенциал телекинетических сил. А сейчас забросили его сюда для того, чтобы он научился НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ своей огромной мощью.

Все это объяснил Ллойд Кечни, его личный инструктор. Кечни был худощавым, подвижным мужчиной средних лет с ярко горящими глазами и нависшими над ними густыми бровями. Он работал с Дэвидсоном целых восемь лет.

— Ты чертовски способный телекинетик, — говорил Кечни. — Фонд уже не в состоянии чему-либо еще тебя научить. Через несколько лет ты будешь само совершенство.

— Через несколько лет? Я думал...

— Ты лучший в своем роде, — отвечал Кечни. — Ты используешь свои телекинетические силы почти подсознательно, не задумываясь, — для тебя это так же естественно, как дышать воздухом. Но ты не умеешь их сдерживать. Когда-нибудь тебе придется об этом пожалеть. Надо научиться полностью держать под контролем свои импульсы. — Кечни наклонился ближе. — Ри, мы решили так: либо пан, либо пропал — ты первый, с кем мы так поступаем. Мы пошлем тебя на планету, где представления не имеют о телекинезе. Ты будешь ВЫНУЖДЕН скрывать свое могущество, иначе будешь сожжен на костре или закидан камнями за волшебство.

— А не могу ли я остаться на Земле и научиться этому здесь? — с надеждой спросил Дэвидсон.

— Не-е. Это было бы слишком легко. На внеземных колониях ты будешь в отчаянном положении: либо все, либо ничего — вот что тебя там ждет.

Дэвидсон отправился в путь следующим же кораблем. И сейчас, на Мондарране IV, ему предстояло или научиться, или...

— Откуда вы прилетели? — прервал тишину его спутник. — Вы здесь будете находиться как колонист?

— Некоторое время. Я прибыл с Дариака III. — Ему не хотелось, чтобы кто-то знал его как самого настоящего землянина. Дариак III был известен как мир, которому неведомы телекинетические силы. Если его заподозрят в том, что он эспер, это может стоить жизни.

— Дариак III? Ну и как там — хорошо?

— Не слишком. Уж больно часто идут дожди.

Внезапно горизонт озарила вспышка — впереди, над самой деревушкой, на краткий миг осветив тусклое полуденное небо подобно молнии.

— Ах ты, черт! Ну вот, опять опоздал, — разочарованно протянул мальчуган. — Нам надо было идти быстрее.

— Опоздали? — Дэвидсону немного полегчало. Он облизнул пересохшие губы. — Да, похоже, что представление уже позади.

— А там было на что посмотреть! Особенно когда это настоящие колдуны, и перед смертью на костре они проделывают разные там штучки — аж мороз по коже дерет!

МОГУ ПРЕДСТАВИТЬ, хмуро подумал Дэвидсон и промолчал.

Они замедлили шаг, и вот, наконец, показалась деревня. Дэвидсон уже мог различить ближайшие строения и ходивших по улицам людей. Сверху нещадно палило солнце.

Когда они почти подошли к деревушке, из-за поворота показалась фигура нищего оборванца, еле переставлявшего ноги по дорожной пыли.

— Хэлло, Немой Джо! — бодро окликнул его парсек.

Незнакомец в ответ лишь пробурчал что-то нечленораздельное и продолжал идти. Он был высоким и худым, с небритым подбородком, в мокасинах и потрепанной кожаной рубаше. Проходя мимо Дэвидсона, нищий остановился и посмотрел ему в лицо колючими хитрыми глазками. Улыбнувшись, он обнаружил два ряда желтых зубов:

— Не найдется ли медяка для бедного человека, приятель? — спросил Джо глухим бесцветным голосом.

Дэвидсон пошарил в своих карманах и выудил маленькую монетку. Мальчик посмотрел на него с явным неодобрением, но все же передал деньги нищему.

— Всего вам наилучшего, мистер, — поблагодарил оборванец и вновь заковылял по дороге. Пройдя несколько шагов, он остановился и, повернувшись, сказал: — Жаль, что вы опоздали к костру, мистер. Зрелище было потрясающее.

Городок по существу состоял из маленьких двухэтажных хижин, разбросанных вокруг центральной площади.

В центре ее возвышался крепкий стальной столб, у основания которого, к своему великому ужасу и отвращению, Дэвидсон увидел черную, еще дымящуюся массу. Вздвигнув, он отвел взгляд в сторону.

— Что с вами, мистер?— с ноткой презрения в голосе спросил мальчик.— Разве на Дариаке III не сжигают на костре ведьм и колдунов?

— Не слишком часто,— ответил Дэвидсон. Он вдруг обнаружил, что пальцы рук у него дрожат, и поспешил спрятать их в карманы.

Он подумал о Кечни, который сейчас в полном комфорте и спокойствии находится на Земле. Сам же он обречен на пятилетнее пребывание в этом средневековом диком кошмаре, имя которому — Мондарран IV. Похоже на тюремный срок.

Нет, пожалуй, еще хуже. В тюрьме не надо ни о чем думать, там никаких забот. Отработал день в каменоломнях и получаешь миску похлебки и возможность спать ночью.

Здесь все по-другому. Дэвидсон едва подавил готовое слететь с его губ проклятие. Постоянно нужно быть начеку, подавлять в себе импульсы, позывы использовать свои телекинетические силы — иначе жизнь его бесславно окончится у того самого железного столба, который ему довелось увидеть пару минут назад.

Он усмехнулся. КЕЧНИ ЗНАЕТ СВОЕ ДЕЛО,— невольно восхитился про себя Дэвидсон.— ЕСЛИ Я ВЫЖИВУ ЗДЕСЬ, ТО СМОГУ ВЫЖИТЬ В ЛЮБОМ МЕСТЕ, ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.

Расправив плечи, с улыбкой на губах, он твердым шагом направился к центру городка.

Навстречу ему шагнул добродушно улыбающийся высокий мужчина с лицом, загорелым до черноты.

— Хэлло, незнакомец. Моя фамилия Домарк. Я — мэр этого города. Кажется, вы здесь новичок?

Дэвидсон утвердительно кивнул.

— Я только что с Дариака III. Хочу здесь попытать счастья.

— Добро пожаловать, дружище,— голос Домарка звучал очень приятно.— Жаль, что вы опоздали на наше маленькое утреннее шоу.

— Да, в самом деле, жаль,— выдавил из себя Дэвидсон.— А что, у вас тут много хлопот с ведьмами и колдунами?

Лицо Домарка помрачнело:

— Да, всякое бывает. Случается, кто-то выкидывает разные там штучки. Но мы таких быстро отправляем к их праотцам на небо. Разная нечисть нам тут не нужна, приятель.

— Вас можно понять...

— Вот недавно один парень с Ланаргона VII работал у нас пчеловодом. Парень хороший во всех отношениях — молодой, с головой на плечах. Все поглядывал на мою дочь. Нам всем он нравился. Никто не мог про него подумать, что он... хмм... неправильный человек.

— Колдун?

— Ну да, конечно. Целый улей пчел накинулся на него и принялся нещадно жалить. А он, что ты думаешь? Так весело посмотрел на них, и тут из кончиков пальцев его рук появился самый настоящий огонь! — Домарк потрянул головой, увлеченный воспоминаниями. — Всех пчел сжег дотла... Даже не сопротивлялся, когда мы его вздернули на суку.

— Вздернули? Почему не сожгли?

— Этих ребят, имеющих дело с огнем, бесполезно жечь. Мы их сразу же вешаем.

ОДИН ИЗ ЛЮДЕЙ КЕЧНИ, ВОЗМОЖНО, — ПОДУМАЛ ДЭВИДСОН. — ПИРОТИК, ТРЕНИРОВАВШИЙ ЗДЕСЬ СВОИ СИЛЫ. ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖАЛСЯ.

Секунду он жевал свою нижнюю губу:

— Где здесь можно остановиться? Снять комнату или что-нибудь в этом роде?

Комната нашлась в доме семьи Райнхарт, на маленькой ферме в десяти минутах ходьбы от центра деревни, где было вывешено объявление о найме рабочей силы на летний сезон.

Он вселился к Райнхартам в тот же вечер, распаковал свой объемистый чемодан и повесил скромные пожитки в шкафу. Затем спустился вниз к хозяевам.

Семья состояла из пяти человек. Сам Райнхарт был лысеющим мужчиной пятидесяти или около того лет, с добродушным лицом, покрытым густым загаром, который приобретает в течение длительных лет работы под открытым небом. Его жена, женщина внушительных размеров, носила старомодный передник. Она имела сочный мужской баритон и излучала простоту и гостеприимство деревенского дома. Это был образец семьи, какого давно уже не существовало на столь искушенной планете, как Земля.

У них было трое детей. Джани — длинноногая, стройная девица лет семнадцати; Бо — хмурый, мускулистый восемнадцатилетний юноша; и Бастер — коротышка одиннадцати лет от роду. Счастливое семейство, подумал Дэвидсон.

Он вышел из комнаты — с трудом заставив себя открыть и закрыть дверь рукой — и начал спускаться по лестнице. На четвертой ступеньке Дэвидсон поскользнулся и, чтобы сохранить равновесие, ему пришлось мгновенно применить свои силы. Стоя, он так и проехался по лестнице вопреки законам гравитации. Когда до Дэвидсона дошло, что он натворил, на лбу у него выступила испарина.

НИКТО НЕ ВИДЕЛ. Никто ничего не видел. **НА ЭТОТ РАЗ.**

Но сколько еще раз он так ошибется?

Минуту-другую Дэвидсон подождал, пока кровь отхлынет от щек, станет нормальным дыхание, и лишь затем вошел в комнату хозяев. Все Райнхарты были в сборе.

Джани бросила на него равнодушный взгляд и сказала, обращаясь ко всем присутствующим:

— Ужин готов.

Дэвидсон уселся. Райнхарт, как глава семьи, прочитал короткую молитву за здоровье, замолчив слово и за Дэвидсона, как за нового работника в их семье. Затем в дверях появилась Джани с подносом в руках, на котором была большая чашка дымящегося супа.

— Пальчики оближете, — пообещала она.

Бо и Бастер подвинулись, чтобы дать ей возможность поставить поднос на стол. Он уже коснулся стола, когда случилось ЭТО. Дэвидсон видел все с самого начала и от сознания своего бессилия до крови прикусил нижнюю губу.

Чашка начала скользить к краю подноса. Он смотрел, и все ему виделось словно в замедленной съемке. Шипящие капли скатывались с края подноса и невыносимо медленно капали на его правую обнаженную руку.

Слезы боли проступили на его глазах — и он не знал, что было для него больнее — шипящие раскаленные капли на руке или сознание собственного полного бессилия — ведь он мог отшвырнуть поднос к самой стене, не пошевелив даже пальцем!

Джани высвободила поднос из рук и тут же поднесла их ко рту:

— О боже, Ри, я этого не хотела! Сильно больно?

— Ничего, как-нибудь переживу. Не бери в голову.

Он промокнул остатки супа на столе салфеткой. Боль понемногу начала утихать.

КЕЧНИ, КЕЧНИ, ОТПРАВИЛ ТЫ МЕНЯ НЕ НА КАКОЙ-НИБУДЬ ПИКНИК!

Райнхарт-старший дал ему работу в поле.

Основной сельхозкультурой на Мондарране IV были так называемые длинные бобы, стручки которых местные обитатели поглощали в неумеренных количествах. Их мололи, как пшеницу, хотя это было и не единственное применение. Под жарким солнцем Мондаррана урожай созревал три раза в год.

Райнхарты владели маленькой фермой размером около десяти акров на склоне холма близ небольшого мутного озера. Подходило время второго урожая, а это означало, что не за горами работа по сбору стручков с низкорослого кустарника.

— Нагибаешься и дергаешь вот так,— терпеливо объяснял Райнхарт Дэвидсону.— Затем оборачиваешься назад и кладешь стручки в корзину.

Райнхарт укрепил корзину за плечами Дэвидсона, надел собственную сбрую, и они вместе приступили к работе. День выдался особенно жарким. На этой чертовой планете вечно царит полдень. Дэвидсон со злостью сплюнул на землю.

Сизокрылые мухи назойливо вились около низких кустов с бобами. Дэвидсон изо всех сил старался поспевать за Райнхартом, но уже на следующей грядке отставал от него на добрых десять футов.

Работа была тяжелой. Дэвидсон чувствовал, как руки его немеют, покрываясь потом. От соприкосновения с грубой шелухой плода раздражалась кожа рук, спину ломило от тяжести корзины и от постоянных наклонов. Вниз, вверх, вниз... и так до бесконечности.

До боли сжав челюсти, Дэвидсон с трудом заставил себя идти дальше. Соленые ручьи пота стекали с лица за ворот рубахи. Одежда намокла от пота. Вот и конец грядки! Разогнув спину, Дэвидсон увидел, что Райнхарт

стоит рядом, упираясь руками в бока, как ни в чем не бывало. На его лице не было даже намека на усталость, Он широко улыбнулся.

— Ну, как работенка, Ри? Тяжеловата?

Не в состоянии что-либо ответить, Дэвидсон лишь кивнул головой.

— Не огорчайся. Через пару недель втянешься. Все городские ребята сначала вот так помирают, а потом — ничего...

Дэвидсон обтер рукой лоб.

— Никогда бы не подумал, что собирать бобы так тяжело.

— Работа в самом деле нелегкая, я этого не отрицаю, — сказал Райнхарт, ободряюще похлопав Дэвидсона по спине. — Но ты скоро привыкнешь. Пойдем домой, угощу тебя пивом.

Назавтра пришлось приступить к работе с самого утра. Этот день тоже обещал быть жарким.

В поле вышла вся семья — двое старших Райнхартов, Джани, Бо и Бастер. За плечами каждого болталась корзина для сбора стручков с бобами.

— Начнем с восточного крыла, — сказал Райнхарт, и без лишних слов все последовали за ним.

Каждый встал на свою грядку. Слева от Дэвидсона оказалась Джани, а справа стоял Бо. Впереди уже была видна спина Дирка Райнхарта — двуногая сборочная машина, а не человек. Секунду-другую Дэвидсон любовался его ловким движениями, затем, спохватившись, заметил, что Джани и Бо уже на несколько шагов впереди. Вздохнув, он принялся за работу.

Утреннее солнце постепенно взбиралось вверх по небосклону, и хотя оно еще не достигло зенита, Дэвидсон начал потеть уже после нескольких метров гряды. Он на мгновение остановился, чтобы утереть пот рукавом рубахи, и тут услышал легкий, презрительный смешок где-то рядом с собой.

Густо покраснев, он глянул вверх и увидел улыбающуюся Джани. Она стояла над ним в той же позе, в которой вчера стоял ее отец, и именно это особенно задело Дэвидсона. Не сказав ни слова, он вновь наклонился к грядке.

Мышцы правого плеча начали надсадно ныть. Он знал, что это было результатом бесконечных движений руки снизу вверх и назад, чего ему никогда не приходилось делать.

Насмешливые слова Кечни вновь долетели до него. **РАЗВЕ ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ У ТЕБЯ РАЗВИЛАСЬ АТРОФИЯ МЫШЦ, СЫНОК?** Слова были сказаны с легкостью, в шутку — но только сейчас Дэвидсон понял, какой смысл был в них заложен.

В обыденной жизни он всегда полагался на свои телекинетические способности, гордился тем, что ему никогда уже не будет страшна тяжелая физическая работа. Самые незначительные вещи, как-то — открыть дверь, взбить подушку, подвинуть стул — можно было делать и вручную. Что же касается более сильных физических напряжений, — так зачем же двигать шкаф, если можно переместить его с места на место лишь небольшим усилием воли? Почему бы не использовать данную от природы силу, к тому же совершенную?

Дело было в том, что сейчас она была ограниченно совершенной. Совершенство подразумевало под собой нечто большее, чем полный контроль над объектами; необходимо было и осознание ситуации, когда можно использовать телекинетические силы, а когда нет.

На Земле, где всем на это плевать, он прибегал к их услугам почти без разбора. Здесь же он не осмеливался — и его ноющие мышцы были расплатой за былую беспечность. Да, Кечни хорошо знает свое дело.

Наконец, они достигли конца грядки. Дэвидсон и Бастер окончили работу почти одновременно, с той разницей, что последний даже не запыхался. Джани не трудилась скрыть свое презрение к Дэвидсону; ее глаза под тяжелыми веками сверкали явкой насмешкой.

Он глянул в сторону Райнхарта-старшего. Тот опрокинул свою корзину в прицеп на краю поля.

— Опорожняйте корзины, и примемся за новый ряд, — сказал он.

Казалось, поле простиралось до самого горизонта. Дэвидсон поднял свою корзину непослушными руками и перевернул ее, тупо наблюдая, как зеленые стручки высыпались в заднюю часть кузова. Затем закрепил уже пустую корзину в сбруе за спиной, заметив про себя, как легко передвигаться, когда в корзине ничего нет.

В мозгу внезапно промелькнула шальная мысль: **КАК БЫЛО БЫ ЗДОРОВО ЗАСТАВИТЬ СТРУЧКИ ПРЫГАТЬ ПРЯМО С ГРЯДКИ В КОРЗИНУ! НЕ НАДО НАГИБАТЬСЯ, ПОВОРАЧИВАТЬСЯ, И НЕ ОТВАЛИВАЛИСЬ БЫ РУКИ.**

Так просто. Конечно, просто — но если вдруг Джани или Бо обернутся и увидят бобы, летящие непостижимым образом прямо в корзину Дэвидсона, то к вечеру этого же дня он будет поджарен на медленном огне.

ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, КЕЧНИ, — со злостью подумал он, вытирая бисеринки пота со лба.

То, что казалось невинной шуткой с полчаса назад, сейчас обрело реальный смысл для Дэвидсона.

Он отставал от всех почти на целый ряд. Его тело, не привыкшее к тяжелому физическому труду, беспощадно ныло каждой мышцей.

Он обладал силой и не мог воспользоваться ею. Он прятал ее внутри себя, а она вырывалась наружу. Подобно случаю с кипящим супом, он и сейчас не мог понять, что для него больнее — разбитое тело или невозможность воспользоваться своим уникальным дарованием. Удерживать силы внутри себя, пожалуй, для него сейчас больнее. Особенно, когда они словно накапливаются и готовы вот-вот перелиться через край.

Дэвидсон заставил себя сконцентрироваться на работе, забыть о силе. ЭТО УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, — уговаривал он самого себя. — КЕЧНИ ЗНАЕТ СВОЕ ДЕЛО.

Они достигли противоположного конца поля, и словно сквозь пелену тумана до Дэвидсона долетели слова Райнхарта-старшего:

— О'кэй, давайте немного передохнем. Слишком уж припекает.

Он скинул корзину на землю и, оставив ее там, где стоял, зашагал по направлению к ферме. Со вздохом облегчения Дэвидсон избавился от кожаных лямок своей ноши и свободно выпрямился.

Идя через поле, он заметил, что рядом с ним шагает Джани.

— Ты выглядишь разбитым, Ри, — сказала она.

— Пожалуй, это так и есть. Требуется время, чтобы привыкнуть к такой работе.

— Я тоже так считаю, — она пнула ногой комок глины на земле. — Ты закалишься. В противном случае — сбежишь отсюда. Последний наш работник просто исчез. Но ты, похоже, сделан из другого теста.

— Надеюсь, ты права,— ответил он, про себя гадая, кем мог быть этот их последний работник и какой силой он обладал, какую мощь скрывал внутри себя.

Экстрасенсу не требовался такой вот тренировочный период, но они встречаются раз в сто лет. Не был это и телепат: при их уровне развития интеллектуального потенциала возня в огороде совсем не обязательна.

Это был, скорее всего, такой же, как он, эспер, которому необходимы путешествия в обычные миры, где не знают ничего о телекинезе, думал Дэвидсон. Телекинетик или пиротик, чьи простые неспециализированные силы нуждаются в многолетних тренировках.

Новая мысль мелькнула в голове идущего полем Дэвидсона при виде полуобнаженных ног Джани впереди него. Нормальному мужчине необходим какой-то выход его сексуальной энергии; долгое воздержание доступно лишь людям определенного склада ума.

А как насчет нормального эспера? Может ли он сдерживать свои силы, не давать им выхода в течение пяти лет? Он уже сейчас чувствовал напряжение в организме, а прошло лишь два дня.

Только два дня, думал Дэвидсон. Он воздерживался лишь пару дней. Ему не хотелось считать, сколько же дней в пяти годах.

Еще несколько дней работы закалили его до того предела, когда каждый новый ряд в поле уже не кажется кошмаром. Тело было здоровым, и мускулы довольно быстро привыкли к новому режиму. Мышцы становились более упругими, ночью он стал крепче спать, днем больше есть. Развитие чисто физических сил доставляло несказанное удовольствие.

— Посмотрите, как он ест,— говорила Ма Райнхарт за столом.— Словно это последний ужин в его жизни.

Дэвидсон улыбнулся и тут же отправил в рот еще одну ложку пищи. Это было правдой, сейчас он ел много, как никогда. Вся его предыдущая жизнь на Земле теперь казалась скучной и бесцветной. Лишь здесь он постигал подлинный смысл жизни.

Но то, что творилось с разумом, начало беспокоить его.

Свои телекинетические силы он надежно держал под контролем, несмотря на постоянный соблазн дать им волю. Это было трудновато, но все же он продолжал

жить без использования своих паранормальных особенностей. Но была и обратная сторона медали.

Ранним утром пятого дня пребывания на Мондарране IV он проснулся в холодном поту и сел в кровати, дико озираясь по сторонам. Мозг его раскалывался, перед глазами плыли разноцветные круги; он моргнул, пытаясь отогнать видения. Затем встал с кровати.

Некоторое время он стоял, прислушиваясь к биению своего сердца и теряясь в догадках, что же с ним происходило. Натянув брюки, Дэвидсон подошел к окну и посмотрел во двор.

До рассвета было еще далеко. Солнце даже не показалось на горизонте, и по высокому небу плавно проплывали две луны. Их лучи серебрили просторы неестественным призрачным светом. Снаружи было на удивление тихо.

Дэвидсон понял, что случилось. Ответная реакция его измученного, подавленного организма, протест против неправильного с ним обращения. Нельзя вот так просто перестать использовать телекинетические силы, и все тут.

Он спустился по лестнице, замирая при каждом скрипе ступенек, и вышел из дома с черного хода. Едва ступая по земле, он подошел к маленькому загону у возделанного поля.

Дэвидсон торопливо взобрался по лестнице, приставленной к стене загона. На него дохнуло теплым, слегка спертым запахом огромной массы бобов, хранящихся внутри деревянного помещения. Он прыгнул с лестницы внутрь, по колено погрузившись в зеленую кучу стручков.

Затем, осторожно, постепенно, он привел свои телекинетические силы в действие. Волна удовлетворения нахлынула на него почти сразу же. Сначала он поднял в воздух один-единственный стручок, подкинул его на несколько футов от земли, потом опустил обратно на землю. Затем еще один, затем сразу два. Все это продолжалось в течение пятнадцати минут, и еще никогда в жизни он не получал такого удовольствия, как сейчас, разбрасывая стручки бобов в разные стороны.

Лишь одна вещь теперь беспокоила его. Он обнаружил вдруг, что не владеет старым ремеслом в совершенстве, как раньше. Требовалось некоторое усилие организма, чтобы привести телекинетические силы в дей-

ствие, и сейчас он чувствовал легкую усталость, чего не наблюдалось раньше.

Злавеющая мысль посетила его: а что, если воздержание повредило способности к телекинезу? Предположим, пять лет воздержания — если он столько протянет — навсегда отнимут у него силы?

Нет, это невозможно. В конце концов, ведь не он первый отправлен в такую пятилетнюю ссылку. Другие возвращались после отбывания срока вполне нормальными. Они просто воздерживались, находили в себе силы не делать ЭТО. Но было ли это действительно так? Вероятно, ночными часами, в укромных местах, они также давали волю своим инстинктам; жгли костры и передвигали предметы?

Дэвидсон терялся в догадках. В задумчивости он подкинул в воздух пару-другую стручков, затем, почувствовав себя окончательно освеженным, выбрался через окно, вниз по лестнице, обратно во двор.

Внизу стоял Бастер Райнхарт и с любопытством смотрел на него.

У Дэвидсона перехватило дыхание, но он смог взять себя в руки.

— Эй, вы там! Что вы здесь делаете, Ри? Почему не спите?

— Могу спросить тебя о том же. — Дэвидсон твердо решил отбрехаться. Руки его дрожали. Что, если Бастер шпионил за ним, видел его упражнения с бобами? Достаточно ли будет слов несовершеннолетнего подростка для тяжкого обвинения в колдовстве? Возможно — вполне достаточно в этом средневековом мире инквизиции, обуянном истерическим страхом перед ведьмами и колдунами.

— Почему ты не в постели, Бастер? Мамаше твоей это бы не понравилось, ты не находишь?

— Она ничего не имеет против, — ответил мальчик. Он показал банку, полную коричневых червей. — Я копал наживку. Единственное время для этого — полнолуние обеих лун. — Он заговорщицки подмигнул Дэвидсону. — Ну, а ваша история?

— Я просто не мог спать и вышел прогуляться при лунном свете, — нервно отвечал Дэвидсон, презирая себя за то, что ему приходилось оправдываться перед этим мальчишкой. — Вот и все.

— Так я и думал, мистер. Беспокойные ночи, не так ли? Я знаю, что с вами творится, Ри. Вам не дает покоя

моя сестра. Она сводит вас с ума, и вы не спите по ночам, так?

Дэвидсон тотчас кивнул.

— Но только не говори ей, хорошо? — Он достал из кармана мелкую монетку и сунул ее в руку подростку. В то же мгновение она исчезла в ладони. — Я не хочу, чтобы она знала об этом сейчас, пусть пройдет побольше времени.

— Я буду держать язык за зубами, — сказал паренек. Глаза его лихорадочно блеснули при свете обеих лун. Он еще крепче сжал в руке банку с червями, гордый от сознания того, что ему доверили столь важный секрет.

Дэвидсон повернулся и пошел обратно к дому, про себя лукаво усмехаясь. Петля затягивалась все туже на его шее, думал он. Чтобы спасти свою шкуру, теперь ему приходилось выдумывать всякие романы с длинноногими деревенскими девчонками.

На этот раз все обошлось. Но повезет ли ему и во второй раз? Придется больше не возвращаться к упражнениям в загоне. Где-то нужно найти другой выход.

Когда наступило утро, Дэвидсон спустился вниз к Райнхарту-старшему.

— Можно ли мне взять выходной сегодня до обеда? Если вы, конечно, ничего не имеете против.

Фермер нахмурился и почесал где-то за ухом.

— Выходной? В самый разгар страды? Неужели он тебе так необходим, Ри?

— Да, сэр, и даже очень. Я могу отработать до обеда в воскресенье. Мне нужно кое-что уладить в городе.

— О'кэй, Ри. Я не рабовладелец. Этот день твой до обеда, если так уж хочешь. Наверстаешь в воскресенье.

Начинало уже припекать, когда он шел от фермы Райнхартов, мимо грязного озера на дальнем краю их земельных владений. Чтобы сократить путь, пришлось двинуться напрямик через густой лес, который отделял землю Райнхарта от его соседа, зажиточного лорда Габриэльсона.

Под кронами тонкоствольных краснолистных деревьев было гораздо прохладнее, чем под открытым небом. Темную почву, на вид довольно плодородную, сплошь покрывала пышная дикая поросль. Сверху доносился гам множества разноцветных птиц, тут и там пе-

репархивали с дерева на дерево диковинные создания, напоминающие земных летучих мышей.

Он знал, для чего находится на Мондарране IV: чтобы научиться терпению. Чтобы научиться обращаться со своей силой. Это ясно. Но как тут выжить, и кто его этому научит?

Общепринятой религией здесь было, похоже, самое ортодоксальное христианство, чей моральный кодекс не допускал возможности существования у детей божьих каких-либо паравозможностей. Телекинез равносильен колдовству в этих забытых богом мирах. Фермеры здешнего мира редко вступают в контакты с более развитыми цивилизованными собратьями, отгородив себя от внешнего мира на многие века, достигнув таким образом некоего внешнего культурного равновесия, которое не оставляло места волшебству.

Это означало, что Дэвидсону придется подавить свои необычные силы. Только — он НЕ МОГ подавить их. Пять дней контроля над собой, и он почти обезумел от напряжения. А что, если он попадет в ситуацию, когда либо надо будет использовать свои возможности, либо быть убитым? Предположим, ему прямо на голову падает дерево; он легко сможет отбросить его, но если в это время кто-то за ним наблюдает? Кто-то, кто сразу закричит: «Колдун!»

Но ведь и раньше посылали сюда людей, и они возвращались обратно живыми и невредимыми. Значит, они находили какой-то выход. Дэвидсон все дальше углублялся в лес и в лабиринт собственных мыслей.

Он оторвал взгляд от земли и посмотрел вперед. За деревьями блестела извилистая река. Ему показалось, что невдалеке над кронами деревьев клубится струйка голубого дыма. Кто-то жжет костер?

Осторожно ступая, он двинулся вперед, чертыхаясь про себя каждый раз, когда под ногами похрустывали ветки. Пройдя поворот тропинки, он увидел источник дыма.

На берегу, держа в одной руке сковороду, сидел на корточках Немой Джо — тот самый бродяга, что встречался ему по дороге из космопорта в первый же день. Одет он был все в те же обветшалые кожаные одеяния. На сковороде можно было разглядеть пару рыбин.

Вздохнув с облегчением, Дэвидсон двинулся было навстречу, но тотчас замер в изумлении на полушаге.

Немой Джо в самом деле жарил рыбу. Но не было никакого огня — разве только что у него из кончиков пальцев струились яркие лучи.

Джо был пиротиком.

Дэвидсон продолжал стоять словно в столбняке, не веря своим глазам. Немой Джо, этот немый, невежественный недоумок, сидел как ни в чем не бывало под укрытием леса и готовил себе завтрак, используя пси-излучение. Невдалеке, вверх по берегу, Дэвидсон увидел грубо сколоченную хижину, вероятно, служившую жилищем.

Было бы невозможно прожить на Мондарране IV пять лет, в открытую используя парасилы. Но можно жить ВНЕ общества — как этот бродяга, жарить рыбу в лесу, и никто никогда ничего не увидит, никого не будет рядом, когда он даст себе волю. Никто не примет вшивого бродягу за колдуна. Конечно же, нет!

Дэвидсон шагнул вперед, и тотчас Немой Джо, услышав шум, поднял голову. Дэвидсон стоял на расстоянии двадцати футов от него — сердитые глаза Джо мгновенно оценили это. Бросив сковороду на землю, одновременно он выхватил откуда-то с бедра блестящий острый нож и без колебания метнул его что было сил в Дэвидсона.

Дэвидсон в одно краткое мгновение, когда нож еще был в полете, принял единственно правильное решение. Скорее всего, Немой Джо тоже был землянином, отбывающим свой пятилетний срок на Мондарране. Значит, совсем не обязательно скрывать от него свои возможности, совсем не обязательно дать ножу вонзиться в свою грудь...

Дэвидсон заставил нож воткнуться по рукоятку в землю прямо у своих ног. Наклонившись, он поднял его и перевел взгляд на Немого Джо.

— Ты... ты отбросил его, — в изумлении выдавил из себя бродяга. — Так ты не шпион!

Дэвидсон улыбнулся:

— Нет, я всего лишь телекинетик. А ты пиротик.

Постепенно улыбка расплзлась по небритому лицу Джо. Он шагнул к Дэвидсону и пожал ему руку:

— Ты настоящий землянин, — полупшепотом восторженно проговорил он.

— А ты сам?

— Тоже. Я здесь уже три года, и ты первый, с кем я заговорил. Всех других, кого я здесь знал, уже сожгли.

— ВСЕХ? — переспросил Дэвидсон.

— Не совсем в смысле этого слова. Фонд теряет не так уж много людей, как можно подумать. Но те, в ком я был уверен — их поджарили. К остальным я просто побоялся приблизиться. Ты — первый, хотя первым увидел меня именно ты. Мне следовало быть более осторожным. Но здесь никто не бывает, кроме меня.

— И еще одного сумасшедшего землянина.

Он не осмелился побольше пообщаться с Немым Джо — чье настоящее имя на Земле было Джозеф Фланаган.

За время их короткого разговора в лесу Дэвидсону открылась одна истина. Очевидно, множество землян, высланных сюда, в эти миры, принимали обличье бродяг, нищих; ходили кривой походкой, выкатывали глаза, причем никогда подолгу не оставались на одном и том же месте, никогда не грея руки над одним костром слишком долго.

В любое время они могли укрыться где-нибудь в лесу и дать выход своей энергии. Неважно, где именно, важно другое: никто их не видел, никто не считал их за колдунов. Это был великолепный камуфляж.

— Мне пора идти, — наконец сказал Джо. — Даже здесь небезопасно, а я хочу как-нибудь протянуть свои два оставшихся года. Боже, как приятно регулярно принимать ванну!

Дэвидсон усмехнулся:

— Все это ценишь, похоже, только здесь, в таких вот условиях.

— Это наиболее легкий выход, — ответил Фланаган. — Можно головой биться о стену все время. Я пытался жить в деревнях, как и ты, и знаешь, сломался буквально за месяц, даже меньше. Ты не сможешь снизить до их уровня и выжить. Надо быть НИЖЕ их уровня, там, где они не ожидают увидеть волшебства. Лишь тогда тебя оставят в покое.

Дэвидсон в согласии кивал.

— Да, это, пожалуй, так и есть.

— А сейчас я пойду, — сказал Фланаган. Он расслабил мышцы, лицо его вновь приобрело идиотское выражение и, даже не попрощавшись, он заковылял в глубь леса. Некоторое время Дэвидсон стоял, глядя ему вслед,

затем повернулся и пошел обратно тем путем, которым шел сюда.

Наконец ему известен ответ, думал он.

Но ко времени, когда он вышел из леса под жаркие солнечные лучи, такой уверенности уже не было. Однажды Кечни сказал ему: «ТЫ ТОЛЬКО НЕ УБЕГАЙ». Он тогда не пояснил смысл своих слов — но Дэвидсону теперь было понятно, что имелось в виду.

Немой Джо Фланаган протянет свои пять лет с минимальными трудностями, и по возвращении на Землю, конечно же, получит лицензию и станет членом Фонда. Но полностью ли он завершит свою миссию? Не совсем, сказал себе Дэвидсон. Невозможно всегда притворяться нищим бродягой; когда-нибудь и где-нибудь ему понадобится быть равноправным членом общества, и тогда пять лет притворства сослужат плохую службу Джо Флангану.

Должен быть еще какой-то путь, мучительно думал Дэвидсон. Другой способ прожить пять лет, не зарывая голову в песок подобно страусу. Другой выход, который позволит ему вернуться невредимым в общество или же жить в обычном мире и сохранять полный контроль над собой.

Он шел через поле. Невдалеке семейство Райнхартов заканчивало очередной ряд. Был полдень, значит, скоро они прервут работу, чтобы пообедать. Вот Дирк Райнхарт как всегда первым закончил борозду, высыпал бобы в кузов прицепа, и прежде чем Дэвидсон вошел в зону слышимости, остальные сделали то же самое и начали устраиваться на отдых после тяжелой утренней работы.

— Смотрите-ка, кто вернулся! — крикнула Джани, когда Дэвидсон уже приблизился к ним. — Как утренняя прогулка?

— Я много думал, Джани, — мягко проговорил Дэвидсон. — Свое я отработаю в воскресенье.

Подожел Райнхарт-старший. Улыбаясь, он спросил:

— Ну как, все уладили, молодой человек? Надеюсь, что так — работа ждет нас.

— Да, да, я буду с вами после обеда. — Он сомкнул губы, не слушая, что они говорили ему, а только по-прежнему мучительно думая над тем, где же он пролегал, этот путь.

— Эй, смотрите на меня, — донесся до них откуда-то сзади тонкий голосок.

— Брось сейчас же, — грозно приказал Дирк Райнхарт, — и слезай оттуда побыстрее, пока не сломал себе шею.

Дэвидсон обернулся и увидел Бастера, стоящего на борту прицепа и энергично жонглирующего зелеными стручками бобов.

— Смотрите на меня, — вновь крикнул тот, вне себя от гордости за свою сноровку.

Минутой позже он потерял контроль над стручками. Они упали и рассыпались по земле. Еще через минуту мальчик завопил от боли, когда сердитая рука отца опустилась ему на шею.

Дэвидсон усмехнулся. Затем громко рассмеялся, когда до него дошел смысл только что происшедшего. Наконец он узнал ответ.

Дэвидсон дал объявление лишь в конце недели, отработав ее остаток в поле. Ему было малость неловко оттого, что он покидает Райнхартов в самый разгар сезона, к тому же он успел полюбить это простое семейство. Но ему было необходимо сняться с места и двигаться дальше.

Он сказал Дирку Райнхарту, что уезжает на следующей неделе. Тот явно не обрадовался этому известию, но промолчал. Когда истекла неделя, Дэвидсон собрал свой чемодан и отправился в путь.

Он нанял сына соседа-фермера, чтобы тот отвез его в другой город, и расплатился одной из немногих оставшихся монет. В кармане его брюк лежала скомканная пачка купюр, жалованье за время пребывания в доме Райнхартов. Он не хотел прикасаться к этим деньгам.

Парень доставил его в другой городишко, такой же провинциальный и пыльный, как и первый, с той лишь разницей, что этот был немного побольше. На центральной площади красовался столб для ведьм — точно такой Дэвидсон уже видел.

— Спасибо, — поблагодарил Дэвидсон и отправился в центр города. Ему нужно было где-то пристроиться хотя бы на первое время.

Шесть месяцев спустя по всей округе можно было увидеть такие объявления:

ПРИЕЗЖАЕТ
ФОКУСНИК — ЖОНГЛЕР!

Они были броскими, цветными и помещались на самых видных местах. Это возымело эффект. Когда Дэвидсон въехал в первый город на своей разукрашенной повозке — захолустный городишко у границ владений Лорда Гибриэльсона — вокруг него сразу же образовалась толпа, которая с криками приветствия сопровождала его вдоль главной улицы города. Не каждый день ваезжие волшебники удостаивают своим посещением город!

Процессия торжественно прошествовала по центральной улице и остановилась почти у самого железного столба на площади. Дэвидсон поставил повозку на ручные тормоза, опустил маленькую платформу, на которой ему предстояло давать представление, и вступил на нее, облаченный в красный плащ, усыпанный золотистыми звездами. По толпе пробежал шепот восхищения.

Высокий фермер в первом ряду выкрикнул:

— Вы и есть тот самый... как его... жонглер?

— Я — Мариус-Жонглер, — загробным голосом ответил Дэвидсон. Он уже предвкушал удовольствие.

— Так покажи нам, что ты умеешь! — не унимался все тот же крестьянин.

Дэвидсон ухмыльнулся. Здесь ему даже не потребуетса зазывала в толпе.

— Молодой человек, мои номера поражают воображение, заставляют не верить собственным глазам и делают невозможное реальностью.

Он широким, грандиозным жестом взмахнул руками.

— Я могу вызывать духов из тьмы веков, — гремел он. — Я владею секретами жизни и смерти!

— Все вы так говорите, — протянул кто-то из толпы скучным голосом. — Давай-ка, прежде чем мы заплатим, покажи, на что способен!

— Ну хорошо, неверящий! — Дэвидсон извлек на свет пару тонких восковых свечей, чиркнул спичкой и поджег их. — Смотрите внимательно за мной — огонь не причинит мне вреда.

Он подкинул свечи в воздух и принялся жонглировать ими телекинетически таким образом, что в руки ему неизменно попадали незажженные концы свечек. Сначала он играл двумя свечами, затем добавил третью. Толпа

притихла, наблюдая за Дэвидсоном. Когда свечи догорели до половины, он отбросил их в сторону. Тотчас толпа ответила звоном монет.

— Спасибо вам всем, спасибо, — раскланялся Дэвидсон. Он вытащил коробку с цветными шарами и без лишних предисловий принялся ими жонглировать. Через несколько секунд в воздухе уже было пять шаров — в то время как сам он лишь для вида махал руками; в действительности управлял он шарами при помощи телекинеза.

В процессе представления он сам себе улыбался. Вполне возможно, что эти люди и раньше встречались с телекинетиками и даже сжигали их на кострах. Но то были НАСТОЯЩИЕ телекинетики; он же производил впечатление всего лишь фокусника с ловкими руками, человека с исключительной быстротой реакций, странствующего шарлатана. Всем известно, что все фокусники — липовые волшебники, и шары вращаются в воздухе только благодаря ловкости рук.

Когда дождь монет приостановился, он подхватил шары и уложил их обратно в коробку. Затем приступил к новому номеру, в котором требовалась отвлекающая болтовня, пока шли необходимые приготовления. Поставив несколько стульев на спинки друг другу, добавив к ним разной мебели из обстановки повозки, сделав тем самым свое сооружение еще более шатким, он нагромоздил кучу высотой в целых двенадцать футов. Для пущей убедительности несколько раз обошел вокруг нее, руками подправляя стулья там и сям, на самом деле держа все сооружение под своим телекинетическим контролем.

Наконец он вроде бы остался доволен равновесием и начал осторожно взбираться наверх. Достигнув верхнего стула — балансируя лишь на одной ноге — он выпрямился, опираясь только на спинку стула и несколько секунд так и стоял, глядя сверху вниз на замершую толпу. Затем легко спрыгнул на землю и триумфально взмахнул рукой. Тотчас посыпался новый град монет.

Вот это и есть выход, думал он, глядя на рукоплещущую толпу. Его никогда не заподозрят в том, что он использует настоящее волшебство. Он сможет практиковать свои парасилы и обыденной жизни, а шарлатанство будет тому надежным прикрытием.

Когда он вернется обратно на Землю, то гораздо быстрее адаптируется, чем, скажем, тот же самый Немой Джо. Дэвидсон остался в обществе. Он не убежал.

Маленький мальчик в первом ряду вдруг заголосил:

— А-га, я знаю, как вы это делаете, — презрительно говорил он. — Это всего-навсего обман. Вы все это...

— Тише, сынок, — прервал его Дэвидсон нарочито тихим шепотом. — Пусть все секреты останутся между нами — волшебниками, хорошо?

ИННАЯ ИСТОРИЯ

ПРИСЛУШАЙСЯ

Когда Тэдди и его родители садились за стол, Реру оставался в холле, дожидаясь мальчика. Ему не нравилось смотреть на жующих людей.

— ... и он абсолютно прав, — голос отца напоминал раскаты грома, — потому что обладает такой же свободой выбора, как любой из нас. Помни об этом, Тэдди, и не забывай, когда станешь взрослым. Единственная причина успешного покорения Галактики человеком в том, что мы — люди — всегда согласуем свои действия с нуждами и интересами аборигенов.

— Ох, Гарри! — воскликнула мать. — Тэдди слишком мал для твоих рассуждений.

— Я не маленький, — возразил Тэдди, с трудом проталкивая слова сквозь наполненный рот, — мне уже четыре года.

— Слышишь, Селия? Ему уже четыре! Он совсем взрослый! — рассмеялся отец. — Если серьезно, милая, нашему сыну предстоит вырасти в мире, населенном мирианами, разумными существами, похожими на Реру. Так что Тэдди следует как можно раньше найти общий язык с местными обитателями.

— Ну, я не знаю, — проворчала мать. — Надеюсь, ты не забыл, что Тэдди родился во время полета, в космосе, очень хрупким и впечатлительным ребенком.

— Хрупким? Чушь! — прогрохотал отец. — Наш мальчик — представитель самой развитой, самой выносливой расы во всей Галактике. Сравни его вот хоть с мирианом, прикованным к планете столь многочисленными симбиотическими цепочками, что наши ученые до сих пор не в силах расшифровать их. К примеру, Реру: тихий, инфантильный, не приспособленный к жестокой борьбе за выживание, одним словом — типичный представитель расы мириан. Идеальная работа для него — нянчить нашего мальчика.

— О, ты не понял, я не имею ничего против Реру, — ответила мать. — Он отличный воспитатель, и прекрасно относится к Тэдди. Но я никак не привыкну к тому, как он неожиданно замирает, склоняя голову набок, как петух, и слушает. Мне становится страшно...

— Тьфу, пропасть! Опять ты с этим, Селия! Тысячу раз повторял, что он всего лишь слышит голоса коров, ждущих дойки.

Тэдди заерзал на стуле — уж он-то знал буквально все о коровах — шестиногих мирианских животных, странствующих по планете, как Реру и его собратья. Когда молоко наполняет корову, она издает высокий пронзительный крик, призывая Реру, или его собрата, поспешить к ней на помощь и высосать молоко. Вот и все: коровы больше не интересны для Тэдди. Не то что Реру! Вспомнив о друге, Тэдди быстро управился с завтраком.

— Я все съел, — сказал мальчик, вмешавшись в разговор родителей. — Теперь я могу идти? Могу я?

— Конечно, — ответила мать. Тэдди соскочил со стула и помчался в холл.

— Не уходи далеко! — долетели до него слова матери, которые перекрыл густой бас отца:

— Пусть носится, где хочет. Пока Реру рядом с ним — я спокоен. Что может приключиться с мальчиком на планете вегетарианцев?

Но Тэдди не слышал их напутственных слов, ведь его ждал Реру, восхитительный Реру!

На первый взгляд он напоминал миниатюрную фигурку старинного китайского мандарина, в такой же накидке, с выбритой головой и небольшой остроконечной бородкой. Лишь более близкое знакомство с Реру раскрывало секреты: накидка прикрывала щупальца, а бородка — присоски, с помощью которых Реру доил коров, и оказывалось, что мирианин вовсе не обрит — волосы никогда не росли на его голове.

Но Тэдди так привязался к Реру, что не обращал внимания на анатомические особенности его тела.

— Куда мы пойдем сегодня, Реру? — спросил Тэдди, ностерпеливо пританцовывая перед маленьким мирианинном, который едва доходил мальчику до пояса.

— Доброе утро, Тэдди, — ответил Реру. Голос его напоминал щелетанье птицы, он пел, а не говорил. — В какое место ты хочешь отправиться сегодня?

— Хочу в серебряное и зеленое место, — сказал мальчик. — Можно?

Маленькое темное личико Реру-мандарина не расплылось в улыбке только потому, что мириане не могли улыбаться из-за отсутствия лицевых мышц. Но рот Реру

приоткрылся, издав короткий выразительный звук счастья и удовольствия.

— Да, малыш Тэдди, — ответил Реру, — мы можем отправиться в такое место. — И, грациозно повернувшись, он вышел из дома под спокойно струящиеся лучи желтого мирианского солнца. Каждый шаг Реру выражал чувство собственного достоинства.

— Как хорошо-хорошо-хорошо! — напевал Тэдди, вприпрыжку следовавший за Реру.

Мальчик и мирианин миновали строения землян, вышли на луг, укутанный густой мягкой травой: малыш Тэдди, высоко подпрыгивающий (притяжение здесь было меньше земного); чуть впереди — Реру, с непринужденной легкостью скользящий по траве. Что из того, что ровному скольжению помогали щупальца? Это взрослых охватывало чувство брезгливости при виде неутомимо работающих белых щупалец-мышц, а Тэдди замечал лишь вполне естественный способ передвижения. В его глазах Реру был прекрасен!

Их путь пролегал через море травы. Реру несколько раз останавливался, слуш а я. И каждый раз Тэдди пытался повторить действия мирианина: он по-петушиному склонял голову набок, а его детское личико выражало такую серьезность, на какую он только был способен. После очередной остановки, когда взъерошенная голова мальчика склонилась, маленький мирианин, обратив внимание на Тэдди, спросил:

— Что случилось, малыш Тэдди?

— Папа говорит, что когда ты прислушиваешься, ты слышишь голоса коров, — произнес мальчик. — Реру, ведь правда, ты слышишь и другие голоса, ведь правда?

— Да, — ответил Реру, — я слышу голоса всех своих собратьев.

— Оо-оо, — протянул Тэдди, — я так и думал.

Трава становилась все выше и гуще, вскоре на горизонте начали вырисовываться темно-зеленые пятна кустов.

— Это место там, — прошептал мирианин.

От нетерпения Тэдди перешел на бег.

— Скорее, Реру, — мальчик потянул мандарина за накидку, — ну пожалуйста, Реру!

Мирианин заскользил быстрее, и вот... они оказались на серебряном-и-зеленом месте. Оно было сказочно кра-

сиво: серебристые капли вспыхивающей на солнце воды, разбросанные меж крохотных островков сочной зелени; аккуратные озерца располагались таким образом, что в любом месте, где бы вы ни стояли, ваши глаза наполнялись желтыми брызгами солнечных лучей, схваченных и отраженных водными поверхностями. Открывшийся вид напоминал игрушечный ландшафт из детской книжки, над которым великан разбил зеркальце, забыв собрать осколки, — они ярко блестели и сверкали в свете дня.

Реру, подобрав под себя щупальца, присел. Тэдди пристроился рядом на одном из небольших холмиков.

— Что оно рассказывает тебе? — спросил мальчик. — Скажи, Реру, что оно рассказывает?

Мирианин прошептал короткую песнь радости и затишья. Он долго сидел молча, слушая, а мальчик извивался от нетерпения, не смея нарушить тишину, произнести хоть слово, а значит — задержать рассказ Реру. Но вот мирианин заговорил:

— Я слышу своего брата — корову, который пасется возле берега. Я слышу, как он неторопливо бредет по мягкой траве, как он прислушивается к голосу нашего крохотного брата, копуна, живущего в земле и снабжающего вкусной пищей моего брата, корову. И я слышу еще дальше — мельчайших братьев моего мира, занимающихся своей работой. Я хорошо слышу их — воздух наполнен их мыслями и воспоминаниями, а до тех пор, пока они думают и вспоминают, их мысли — мои мысли, их воспоминания — мои воспоминания. Зеленое-и-серебряное место наполнено величественными мыслями, и оно говорит мне:

«Зеленое-и-серебряное место — место слияния водных потоков. Братья, живущие в земле, рассказали нам, что таких потоков — три, и они текут, не зная солнечного света, только под землей. Братья, живущие в воде, путешествовали по всем трем потокам и рассказали, что они несут свои воды издалека. Один поток приносит воды юга, два других — севера.

Северные потоки прокладывают свои русла вблизи друг друга, они окружены и разделены темной, замерзшей землей, и выходят на поверхность лишь в далеких холодных землях. Там, на далеком севере, они сходятся — и питают реку, обрушивающуюся вниз с огромной горы, обнаженные выступы которой обдувают ветра.

В тех далеких скалистых краях у нас есть брат, живущий среди камней, на склоне горы, и наблюдающий за звездами. Он прислушивается к течению вод и слышит нас, живущих среди теплых просторов зеленых лугов, и он мечтает о зеленом-и-серебряном месте, лежа в холодной ночи далекого севера на обнаженном выступе и наблюдая за звездами.

Поток, приносящий воды юга, рождается в великих глубинах теплых южных гор, из молчаливого озера, застывшего в самом сердце горного хребта. Озеро наполняется водой, сочащейся по трещинам горы, как по сосудам, а в нем живет еще один наш брат. Он слеп, он никогда не видел желтого солнечного света, но, лежа в кромешной тьме на выступе скалы, над молчаливым озером, он прислушивается к шуму, доносящемуся издалека. Он рассказывает о себе, живущем в глубинах планеты, и, как и северный брат, он слышит нас, живущих здесь, на теплых зеленых лугах, под струящимися лучами желтого солнца, и мечтает о зеленом-и-серебряном месте, лежа на выступе скалы в кромешной тьме и прислушиваясь к шуму нашего мира».

Реру закончил рассказ и открыл глаза.

— Это одна из историй зеленого-и-серебряного места, малыш Тэдди.

— Еще, — попросил мальчик, — расскажи еще, Реру, — и заглянул в лицо инопланетному существу. Глаза мальчика блестели от удивления и восхищения.

И Реру, закрыв глаза, начал новый рассказ.

Утро пролетело незаметно.

Тэдди вернулся домой к ленчу. Отец и мать уже сидели за столом.

— Ты опять опоздал, — произнесла мать с наигранным раздражением.

— Нет, — возразил мальчик, бесшумно проскользнув на свое место. — Вы начали раньше обычного.

— Он прав, Селия, — подтвердил отец и, обращаясь только к жене, спросил: — Ты собиралась навестить одну из своих подруг?

— Да, мы договорились с Джулией, — ответила мать. — Тэдди, ты мыл руки?!

— Угу, — пробурчал Тэдди, для убедительности кивнув. — Посмотри! — и он вытянул руки над столом.

— Где ты гулял сегодня? — поинтересовалась мать.

— Зеленое-и-серебряное место, — коротко ответил мальчик.

— Зеленое-и-серебряное место? — мать вопросительно взглянула на отца. — Где оно, Гарри?

— Если б я знал! И где оно находится, сынок?

— Там, — ответил мальчик, показывая рукой, — где заросли кустов и много-много серебряных лужиц, они блестят на солнце...

— Э-хе! — воскликнул отец. — Должно быть, он имеет в виду топи.

— Болото?! — вырвалось у матери. — Наш мальчик провел все утро на болоте?! Гарри, ты должен что-то сделать! Мы не можем допустить, чтобы наш сын шлялся по болотам, как какой-то мирианин!

— Вот что, Селия, — шумно вздохнув, ответил отец, — я повторяю еще раз: главное в жизни мириан — их планета, являющаяся и предметом поклонения, и свособразной религией. Но это не значит, что их воззрения могут повлиять на Тэдди. Не стоит беспокоиться, а тем более равнять людей и мириан. Мы сильны телом и крепко стоим на ногах, нас не соблазнишь тупиковой философией. В любом случае, в самое ближайшее время мы осушим болота, а на их месте воздвигнем просторные дома.

Отец внимательно посмотрел на Тэдди:

— Дома нравятся тебе больше, чем болота, не так ли, сынок? Мы воздвигнем огромные просторные дома на месте воды и грязи.

Лицо мальчика побелело, рот слегка приоткрылся.

— Можешь пригласить Реру, — продолжал отец, — и вместе с ним пойти смотреть, как спадает вода, как начинается осушение.

— Нет! — выкрикнул мальчик.

— Что такое, Тэдди?! — воскликнула мать. — Разве можно разговаривать с отцом таким тоном? Немедленно извинись!

— Нет, — насупился мальчик.

— Тэдди! — в голосе отца зазвучали предостерегающие сердитые нотки.

— Я не боюсь! — выкрикнул Тэдди; слова так и посыпались из него: — Я вас ненавижу! И ваши старые дома! Когда я вырасту, обязательно разрушу все дома и верну воды, и все остальное, на прежние места, — мальчик заплакал, слова перемежались с всхлипыва-

ниями. — Мне не нравится, что вы живете здесь. И всем остальным не нравится! Почему вы не уходите отсюда! Почему не покинете это место?!

Тэдди замолчал. Отец продолжал сидеть, ошарашенно глядя на сына. Но мать быстро вскочила, обогнула стол и схватила мальчика за руку.

— Видишь, какие у него нервы? — сказала она. — Я так и знала, что шатания по болотам до добра не доведут! — И она потащила мальчика в детскую. Всхлипывания постепенно удалялись, послышался скрип — дверь комнаты захлопнулась.

Через минуту Селия спустилась в гостиную.

— Видишь? — торжествующе повторила она. — Мальчик проведет остаток дня в постели, а я не смогу навестить Джулию. Придется остаться дома и присмотреть за ним.

— Ерунда, Селия, — отец быстро обрел привычную уверенность. — Ты права, это всего лишь нервы. У любого мальчика может произойти подобный срыв. Ведь мы пионеры этой планеты — нервы могут сдать у каждого из нас, тем более у малыша! Не стоит особенно переживать! Его здоровью не грозит опасность. Отправляйся к Джулии. Он придет в себя без посторонней помощи.

— Хорошо, — спокойно сказала мать, подчиняясь доводам мужа. — Раз ты так уверен, думаю, ничего страшного не произойдет, если я выйду из дома на несколько минут...

Наверху, в своей комнате, Тэдди еще долго всхлипывал. В конце концов маленькие детские плечи перестали вздрагивать. Он поднялся с кровати и подошел к окну. По густому зеленому ковру трав перекачивались волны, притягивая к себе внимание мальчика.

— Обязательно, — тихо произнес он, — я обязательно разрушу все их старые здания, вот только вырасту.

И, стоило ему закончить фразу, произошло невероятное: волна тишины и спокойствия захлестнула его, а слезы высохли сами собой. Тэдди почувствовал, что все братья, о которых рассказывал Реру, собрались воедино, расселись вокруг него — кто в комнате, кто под окном — и успокаивали мальчика. Он чувствовал их ласковые го-

лоса, понимая, что они ждут от него слов. Ждут его слов и прислушиваются. Еще через несколько секунд он почувствовал, что вся Мирия прислушивается к нему, к Тэдди!

И он знал, что они хотят услышать.

Тэдди высунулся из окна, протянул руки навстречу братьям. Его сердце наполнилось любовью, которой он не знал прежде. И он сказал:

— Я обещаю!

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ СРЕДА

Эрни выбрал программу и повернул ручку телевизора. Экран осветился и из темного стал голубым. Эрни отхлебнул пива из банки. Был вечер, и Эрни сидел в комнате один.

Появилось изображение; с экрана смотрел Джори. Его лицо было усталым. Он плохо выглядел.

— Привет, Эрни, — сказал Джори.

Эрни переключил телевизор на другую программу.

— Привет, Эрни, — сказала ему лицо Джори.

Следующая программа: «Привет, Эрни». Следующая: «Привет, Эрни».

Телевизор принимал пять программ. Когда и по пятой программе Эрни услышал «Привет, Эрни» и увидел лицо Джори, он пожал плечами, отхлебнул еще пива из банки и сел перед телевизором.

Это случилось в среду вечером. А утро начиналось так.

Проснувшись, Эрни почувствовал себя тоскливо. Он почти всегда чувствовал себя тоскливо. Пустая банка из-под пива и скомканная сигаретная обертка покоились на выключенном телевизоре. Все вечера напролет Эрни смотрел телевизор.

Эрни вздохнул и поблагодарил бога за то, что сегодня среда. Когда он придет сегодня вечером с работы, самое трудное будет уже позади... еще два дня — и выходные. Эрни не знал точно, что он будет делать в выходные — может быть, пойдет играть в кегли, — все лучше, чем сидеть каждый вечер дома.

О, вероятно, он МОГ БЫ хоть изредка выходить по вечерам и на неделе. Некоторые ребята на заводе так и делали. Но те, которые шатались по вечерам, не справлялись со своей работой так ловко, как Эрни. Иногда они опаздывали и выкидывали всякие штучки. Лучше так не делать, благоразумно подумал Эрни. Не стоит, если у тебя хорошая работа — работа, которую ты не хочешь потерять. Нужно быть ловким.

Эрни улыбнулся. Он-то был ловким. Чувство благоразумия, охватывая его, вытеснило тоску.

Эрни взглянул на часы и вылез, потягиваясь, из постели. Он проспал. У него не было времени даже позавтракать.

Хлопнув дверью квартиры, он со злостью подумал, что не успел завернуть завтрак. Придется поесть в заводской столовой. За еду в столовой надо платить. Деньги беспокоили Эрни. Всегда беспокоили. Но сейчас деньги нужны ему на выходные, получка будет только через неделю.

Эрни опоздал на двенадцать минут.

Мастер ждал его у часов. Мастер был высокого роста; остатки его рыжей шевелюры по цвету не отличались от кожи на шее. Такой же красной становилась его физиономия, когда он злился.

Мастера звали Роджерс. Он улыбался, глядя, как Эрни, нервничая, вставлял пропуск в часы. Когда он говорил, голос его был теплым и веселым.

— Что ж... ДОБРОЕ УТРО, мистер Стамп. Кажется, мы сегодня понежились немного в постельке?

Эрни неуверенно улыбнулся.

— Извините, Роджерс. Я знаю, что опоздал, но я как-то провозился...

Роджерс весело рассмеялся.

— Ничего, ничего, мистер Стамп. В конце концов, с кем не случается.

— У, угу. Ну, я уже сказал, что прошу прощения...

Роджерс продолжал, не обращая внимания на его слова:

— Конечно, могут возникнуть некоторые трудности, когда один из сборщиков на конвейере решит, что он себя неважно чувствует сегодня и что ему нужно еще немного поспать, чтобы прийти в себя. Конечно, если вы, мистер Стамп, мастер на третьей линии узловой сборки, у вас возникает вопрос, удастся ли хотя бы к следующему Рождеству выполнить срочный заказ, который надо сделать за сегодняшнее утро? У вас, мистер Стамп, также возникает вопрос, где один из сборщиков? Собирается ли он вообще приходить или будет лодырничать до вечера? А также, мистер Стамп, возникает вопрос, что сказать управляющему? Как сказать ему, что двадцать человек на третьей линии узловой сборки простаивают из-за того, что по нелепой случайности некому вставлять поршневые пальцы? Вы, мистер Стамп, сумеете объяснить ему это так, чтобы он ПОНЯЛ?

Роджер остановился и перевел дыхание. Его лицо начало наливаться краской. Он медленно сказал:

— Вам это не удастся, мистер Стамп. Вам не удастся объяснить ему это так, чтобы он понял. Я только что пытался!

Эрни сглотнул слюну. Он начал торопливо:

— Послушайте, я виноват, я сейчас пойду и...

Роджер улыбнулся.

— Хорошо бы, мистер Стамп. Мне кажется, на третьей линии скопилась уже масса узлов. Бегите-ка туда быстренько, разберитесь с ними.

Эрни с сомнением покачал головой:

— Вы в своем уме?

Роджер улыбнулся еще шире:

— В своем ли я уме? Отчего же, правда, меня слегка потрепал управляющий. Но это время от времени случается с каждым мастером. С некоторыми это случается каждый день, но только недолго. А если это случается, то не стоит слишком переживать, потому что вскоре они перестают быть мастерами. А иногда они даже рабочими быть перестают. И им уже больше не о чем беспокоиться, так что пусть вас, мистер Стамп, это не тревожит. Вы на работу на трамвае ездите?

— А? А, да.

— Я так и думал,— Роджер ласково покачал головой.— Ну так послушайте моего совета, если вы еще раз будете опаздывать, вам стоит сэкономить на трамвае и купить на эти деньги газеты.

Эрни неуверенно улыбнулся.

— Ладно. Но зачем?

— Затем,— проговорил Роджер медленно и без улыбки,— затем, что, если благодаря тебе я еще хоть раз попаду в такой переплет, тебе придется читать объявления о найме! А ТЕПЕРЬ ВАЛИ ОТСЮДА И ПРИНИМАЙСЯ ЗА РАБОТУ!

Так Эрни и сделал.

Все утро он работал в плохом настроении. Во-первых, Роджер задержал его настолько, что на третьей линии царил полная неразбериха. Недоукомплектованные узлы валялись на полу вокруг его рабочего места. Ему приходилось очень быстро вставлять поршневые пальцы и класть узлы на ленту конвейера.

Работавший рядом с ним Бронсевич сказал:

— Эрни, мы никогда с этим не справимся. Где ты был?

И Эрни рассказал ему о стычке с Роджерсом. Рассказывая, он продолжал работать, но чем больше он говорил, тем больше злился: Роджерс был к нему несправедлив. Он спросил Бронсевица:

— Ну как можно спокойно работать, если этот тип вечное измывается над нами?

Бронсевиц кивнул:

— Пожалуйся на него в профсоюз.

Эрни фыркнул:

— Этот номер не пройдет. Он там был казначеем.

— Да, я забыл,—Бронсевиц почесал волосатое ухо.— Однако, стоило бы его отделать.

— Ух, я бы ему сказал...— Эрни отложил гаечный ключ, чтобы точнее выразить, что он хотел бы сказать Роджерсу, и следующий узел проплыл мимо. Они с Бронсевицем торопливо схватили его.

К несчастью, Роджерс как раз в то время смотрел на них. Он проходил неподалеку. Бронсевиц сделал вид, что очень занят работой. Эрни вздохнул миролюбиво.

Но Роджерс тоже был настроен на удивление миролюбиво. Он сказал только:

— Я думал, ты уже выпался, Стамп. Просыпайся, принимайся за дело,— и ушел.

Бронсевиц поднял голову.

— Эй! Я думал, ты хочешь с ним поговорить.

— А, заткнись.

Эрни не любил мастера, но еще меньше ему нравилась перспектива потерять работу. Этого он себе не мог позволить.

Гудок на обед раздался как раз в тот момент, когда он заканчивал сборку последнего из скопившихся за утро узлов. Эрни бросил инструменты и отошел от конвейера.

При виде еды в столовой он снова подумал о том, что тратит слишком много денег. С самого утра его подташнивало. Сейчас началась изжога. Не глядя, Эрни взял тарелку макарон с рубленным бифштексом и пакет молока, чтобы успокоить боли в желудке, и сел за ближайший столик.

Рядом с ним сел Джори.

— Тебя Джо зовет,— сказал он, мотнув головой в сторону кассира на раздаче,— ты забыл заплатить.

— Что? — Эрни протопал к прилавку, швырнул деньги и вернулся на место. Джори он пожаловался:

— Я сегодня плохо себя чувствую.

— Угу, — буркнул Джори безо всякого интереса. Он перелистнул страницу лежавшей рядом с тарелкой книги.

— Не умничай, — проворчал Эрни. Он занялся едой. Проглотив несколько ложек макарон, он убедился, что все-таки был голоден. Съев еще немного, открыл пакет молока. Затем посмотрел на книгу в руках у Джори. Забавный парень этот Джори, вечно что-то читает.

— Что у тебя сегодня? — спросил он его.

Джори закрыл книгу так, чтобы видно было название на обложке.

— «Путешествие Селина на край ночи». Французская.

Эрни заинтересовался:

— А, французская? С клубничкой? Вроде как у Миллера? — он рассмеялся.

— Нет.

— А о чем?

— О парне, который хочет покончить с собой.

— А, — Эрни обдумал услышанное. — И он ЦЕЛУЮ КНИГУ об этом написал? Все о том, как какой-то парень думает, не сыграть ли ему в ящик?

— Да. — Джори перевернул страницу.

— А. — Эрни еще немного подумал. — Целая книга только об этом? И больше ни о чем... ни секса, ничего?

— Нет. Больше ничего.

Эрни рассмеялся:

— На мой вкус, скучновато.

Джори вздохнул и отложил книгу.

— Нет, она не скучная. Но действует несколько удручающе. — Он отодвинул книгу на край стола. Огляделся вокруг, подумал немного и спросил:

— У тебя, Эрни, никогда не возникает впечатления, что твоя жизнь остановилась? Что ты все ходишь и ходишь по кругу, катишься по привычной колее, повторяешь одно и то же изо дня в день?

Эрни покачал головой:

— Нет, не возникает.

— А мне иногда так кажется. Как ты думаешь, Эрни, почему?

Эрни подумал немного:

— Ну,— сказал он с умным видом,— наверное, у тебя шарики за ролики заехали.

Джори рассмеялся:

— Вот спасибо. Если мне понадобится психиатр, я обращусь к кому-нибудь другому. Нет, я думаю, мне так кажется потому, то жизнь стала совершенно бессмысленной.

Эрни пожал плечами и ничего не ответил. Он подобрал остатки соуса с тарелки. На Джори иногда находило. Эрни считал, что это от книг. Джори нравилось читать эти дурацкие книжки, ну и что с того. Это его личное дело. Все равно он был на заводе своим парнем.

Эрни припомнил кое-что еще:

— Эй,— сказал он Джори, прикуривая сигарету,— Харриган из инструменталки говорил мне, что ты пишешь рассказы. Это правда?

— Угу. Но теперь мне не хватает времени на это.

— Ты бы сидел дома по вечерам, как я. Тогда бы тебе хватало времени. — Эрни помолчал и добавил важно: — Да и с работой лучше справляешься.

Джори рассмеялся, но тут же умолк. Он работал на соседнем конвейере и видел, что творилось сегодня утром. Он спросил:

— Что ты делаешь весь вечер? Смотришь телевизор?

— Каждый вечер. По пятницам — соревнования по боксу. По понедельникам — ничего хорошего. Сегодня среда — будет интересно, вестерны. Я бы на твоём месте тоже посмотрел. Подумай об этом, а то ты плохо выглядишь. Не стоит пить столько на неделе.

Джори пожал плечами:

— Подумаю. Ты какие программы смотришь?

Эрни сказал.

— Слушай,— спросил он тут же,— а ты деньги за свои рассказы получаешь?

— Иногда. Если мне удастся закончить рассказ, который я сейчас пишу, я думаю, я смогу уволиться на время и снять домик под Мехико месяца на два. В Вера Крус хорошая рыбалка... — Он замолчал и нахмурился. — Нет, ничего не получится, не смогу.

— Почему?

— Да так, кое-что. Не бери в голову.

— Ну, начал — так говори, — настаивал Эрни.

— Да забудь ты об этом.

— А, понял. Боишься, что тебя потом обратно не возьмут?

— Чушь. Куда-нибудь да возьмут. Где я только, Эрни, не работал. — Он улыбнулся. — Если так и дальше пойдет, возможно, меня уволят раньше, чем я сам этого захочу.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри вокруг. Сколько человек сегодня работает?

Эрни огляделся. Обычно во время обеда столовая была переполнена. Сегодня она была полупустой.

— Ну и что? Просто кто-то заболел.

— После обеда будет мало работы. Мы почти все сделали утром.

— Какая-нибудь новая зараза. Вроде гриппа прошлой зимой.

Мозг Эрни тут же начал просчитывать, чем это может кончиться. Такое случалось, лишь когда Эрни сталкивался с чем-то неожиданным. Эрни не любил думать, — но еще меньше любил всякие неожиданности.

Непохоже, что завод закроют целиком. Но тогда — кто из начальства поможет ему остаться? Он пробежался мысленно по списку начальников и сразу вспомнил про Роджерса.

Эрни поморщился. После утреннего происшествия Роджерс наверняка его выкинет. Неужто Джори его подкалывает?

Он снова огляделся. Столы по краям пустовали. Эрни внезапно показалось, что обедавшие люди нарочно садились так, чтобы быть вместе. Они сидели сгорбившись, повернувшись спиной к пустым столам.

Эрни прислушался. Даже шум был не такой, как всегда. Необычно гулкий звук. Эрни это не понравилось. У него появилось странное чувство. Давно знакомая столовая внезапно показалась чужой.

Это ощущение, что со столовой не все в порядке, росло.

— Что-то... что-то не так, — сказал он.

Джори насторожился:

— Что не так?

— Не знаю... что-то в столовой.

— Что не так в столовой? — Джори наклонился через стол. В глазах его вспыхнул интерес, но голос прозвучал спокойно. Он говорил очень осторожно.

— Я... не знаю. Пусто. Голо. Хотя подожди... — Наваждение прошло. Эрни потрянул головой. Перед ним снова была привычная, битком набитая, не слишком чистая столовая.

Он повернулся к Джори:

— Не хотелось бы вылететь. Я полгода не мог найти работу после того, как меня выставили в прошлый раз. — Он помолчал и привел последнее, самое весомое доказательство:

— Я себе этого не могу позволить!

Джори рассмеялся.

— Не принимай близко к сердцу. Я сказал, что они, вероятно, закроют завод. Кто его знает, что будет. Может, конец света настанет.

Эрни сказал сердито:

— Не люблю я все это. Почему они не оставят рабочего человека в покое? Почему все время...

Джори встал и улыбнулся:

— Послушай, Эрни. Зачем тебе вообще деньги? Ну, кроме тех, что ты платишь за телевизор?

Эрни поднялся:

— Не валяй дурака,— проворчал он.— Пора идти. Если я опоздаю с обеда, меня точно уволят.

До цеха им нужно было пройти с четверть мили по заводскому двору. Несколько ярдов они прошли молча. Эрни думал о своем и слушал, как скрипит гравий под ногами.

Наконец Джори сказал:

— Эрни, ты смотришь бокс. Помнишь бой между Рико и Марсетти?

Эрни ответил все еще раздраженно:

— Господи, конечно, помню. Это было всего две недели тому назад. Ты спрашиваешь так, как будто уже полгода прошло.

— Ты хорошо его помнишь?

— Достаточно. Я на этом прикурке Марсетти десять долларов потерял, когда он вырубился в шестом раунде. Все ждали, что он выиграет.

— Он не вырубился.

— У? Ты что, у него спрашивал?

— Нет. Я читал в газете. У него там все перемешалось... ну в голове, и прошло только уже в раздевалке.

— Может, он всегда такой был. Может, это раньше просто незаметно было.

Джори рассмеялся:

— Не брюзжи, Эрни. Что ты, старик? Нет, у Марсетти действительно с головой что-то случилось. Ему все казалось, что он снова ведет шестой раунд... ну знаешь, мысленно. И так раз тридцать-сорок, от начала и до нокаута. Тут он останавливался, и все начиналось сначала. Доктора, которые обследовали его, сказали, что с ним случилось что-то, чего он не смог перенести.

Эрни ответил язвительно:

— Ну да. Левый кулак Рико он не смог перенести.

— Может быть. Но мне пришла в голову одна мысль.

— Ну?

— Угу. Вот такая мысль: а что, если весь мир вот так же вырубится? Вдруг это случится? Вдруг с каждым случится что-то такое, что он не сможет вынести? Они что, так и будут двигаться по замкнутому кругу? Что, если они будут повторять все, случившееся за последний день, как Марсетти снова и снова вел шестой раунд?

Эрни нахмурился и остановился. Они стояли перед входом в цех.

— Слушай, — сказал он, — у тебя что, не все дома? Что ты лепишь?

— Ну, это так, Эрни, к примеру.

Эрни снова показалось, что Джори его подкалывает.

— Слушай, мне это не нравится, — сказал он презрительно. — Я думаю, это чушь собачья.

Он замолчал и подумал, что бы еще сказать, потом пожал плечами и отвернулся.

— Пока. Мне пора на работу.

И вот надо же, думал Эрни, сидя в комнате перед голубым экраном, с которого у него смотрел Джори.

— Весь день в тартарары, — сказал себе Эрни.

— Привет, Эрни, — устало повторял Джори, — привет, Эрни... Привет Эрни...

Эрни бросил на пол банку с пивом. Из нее на коврик выплеснулась пена.

— Ну ладно, — промычал Эрни. — Ну ладно, привет!

Джори замолчал. Он усталым движением поднес руку к лицу. На голове у него, заметил Эрни, были наушники.

— Эрни, — спросил Джори, — ты меня видишь? — Он смотрел с экрана невидящими глазами.

В ярости Эрни чуть не пнул лицо на экране ногой.

— Да, я тебя вижу. Что тебе нужно?

Джори взволнованно обернулся назад и сказал кому-то, стоявшему сзади, но невидимому на экране:

— Я пробивался к нему. Он пришел в себя.

Он снова повернулся лицом к Эрни.

— Послушай, Эрни, я тебя не вижу, но у тебя в комнате установлен микрофон. Я слышу все, что ты говоришь. Сядь на минутку, я тебе сейчас все объясню.

— Да уж, пожалуйста, — зло ответил Эрни.

— Ты сел?

— Да, сел. Валяй.

— Эрни, я уже целую неделю торчу каждый вечер на твоём экране. Мы захватили станцию. И целую неделю, каждый вечер, специально для тебя передаём это по всем каналам.

Эрни пожал плечами.

— Ты чокнулся, — проямлил он.

— Эрни, это правда.

— Но, — внезапно до него дошло. — И что же, у других то же самое на экранах?

— У всех в городе, Эрни. Но они этого не видят. Насколько нам известно, им кажется, что они смотрят обычные программы. Все в ступоре, Эрни. Они все время повторяют одни и те же движения. Так же было и здесь, на станции. Нам пришлось всех удалить. Сейчас они связаны. Мы их держим под наркотиками. Нам пришлось это сделать. Пока они не были связаны, они пытались делать все сами. Нас они вообще не видели.

Эрни снова пожал плечами.

— Подожди-ка. Дай прийти в себя. Хорошо. Ты говоришь, что все, как в ступоре. Почему?

— Я пытался тебе это сегодня объяснить. Все в мире вырубилось. В один распрекрасный день! Мы не знаем, почему. Некоторые из нас, несколько человек, знали об этом с самого начала. Но они тоже не могут вспомнить, с чего это началось.

— Ты хочешь сказать, что это происходит везде?

— Да. Или, вернее сказать, не происходит. Мы ниоткуда не получаем известий, ничего нового по сравнению с первой средой. Так что, должно быть, это везде. Во всем мире, Эрни.

— Подожди. Дай подумать.

Через минуту он встал, сходил на кухню и взял ещё банку пива.

— Ну. Я слушаю, — сказал он, когда вернулся. — Почему же вы выбрали меня? Сколько вас там?

— Горстка... человек двадцать. Мы разбросаны по всей стране. Мы выбрали тебя, потому что ты подходящий. Один из нас психолог. Он говорит, что ты общий знаменатель. Если нам удастся привести в чувство тебя, мы сможем достучаться до целой группы людей.

Эрни пробормотал что-то и отхлебнул пива.

— Общий знаменатель, ну-ну. Спасибо, дружище. Ты сказал про наркотики. Я понял, что вы можете ходить везде. Проходите мимо людей и вас никто не видит?

— Правильно.

Эрни горько рассмеялся:

— Неплохо устроились. К чему все портить? Чего ты хочешь добиться?

Джори покачал головой.

— Ты ошибаешься, Эрни. Во-первых, все постепенно приходит в упадок. Шахтеры спускаются в забой на одно и то же место и выдают на-гора пустые вагонетки. То же самое происходит по всей стране на фермах, на фабриках, в больницах...

Эрни встал.

— Говори, говори, — сказал он.

— В больницах, Эрни, ужас, что творится. Хирургам лучше на глаза не попадаться. Они только и могут, что повторять те же операции, что делали в среду. Если ты другого роста, или веса, или просто попал туда в неподходящее время, тебя на куски разрежут. Дома сгорают дотла. И никто не пытается спастись из огня. От пожарных толку никакого. Они делают все то же, что и в самую первую среду. Мы вчера не выходили в эфир. Тушили пожар в жилом доме. Нас в этом городе всего трое. Нам никого не удалось спасти. Что мы могли сделать? Хорошо еще, что удалось остановить огонь. Эрни, нам нужна помощь. Очень нужна.

Эрни ответил с отсутствующим видом:

— Угу, я это прекрасно понимаю. — Он продолжал мерить комнату шагами.

— Я не знаю, Эрни, смогу ли я тебе объяснить, как ты нам сейчас нужен. С твоей помощью мы сможем понять, как удалось вытащить тебя. Мы сможем таким же способом вытащить целую группу людей. Мир снова придет в движение. Что-то начнет наконец происходить.

— Угу... — Эрни наклонился и посмотрел на коврик

у комода. Он наконец нашел то, что искал. Он поднял микрофон.

И выдернул провода.

Джори закричал из телевизора:

— Эрни, послушай...

Эрни выключил телевизор.

Он сел на кровать и стал думать, потягивая пиво из банки. Когда он додумал все до конца, он улыбнулся. Он был счастлив. Можно больше не бояться. Ничего не бояться. Ни мастера, ни увольнений. Ничего.

Он не собирался идти в банк и таскать оттуда золото мешками. Зачем? Он все равно не смог бы его потратить.

Кроме того, было кое-что и получше.

Всю жизнь он страдал от того, что вокруг было слишком много шустрых ребят, которым приходили в голову разные блестящие идеи. А как только эти блестящие идеи претворялись в жизнь, сразу же все вокруг менялось. Ни на минуту не могут оставить тебя в покое и дать тебе делать свое дело. Вечно выкинут что-нибудь неожиданное.

Но теперь уже ничего не изменится.

Никогда.

Он засмеялся и выключил свет.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБЛЕМА

Этот вопрос впервые был задан наполовину в шутку — 21 мая 2061 года, в тот момент, когда человечество вошло в «полосу света». Вопрос возник в результате пари на пять долларов, во время коктейля. Вот как это случилось.

Александр Аделл и Бертрам Лупов были верными слугами Мультивака. Они знали — насколько это вообще возможно для человека — то, что скрывалось под милями и милями холодной тикающей и вспыхивающей поверхности гигантского вычислительного устройства. Во всяком случае, имели смутное представление об общем расположении реле и цепей. Но в деталях работа Мультивака много лет назад вышла за пределы человеческого понимания.

Мультивак давно стал самостоятельным организмом — иначе и быть не могло при его размерах. Аделл и Лупов, конечно, делали все, что могли, но в общем-то их работа заключалась в том, чтобы снабжать Мультивак данными, переводя информацию на его язык, и обрабатывать полученные ответы. Но, без сомнения, они, как и прочие слуги Мультивака, достойны были разделить его славу.

В течение многих десятилетий Мультивак помогал строить корабли и рассчитывать траектории полетов к Луне, Марсу и Венере. Но для дальних полетов не хватало энергии. Конечно, уголь и уран использовались более чем эффективно, однако и того, и другого оставалось слишком мало.

Но Мультивак постепенно накапливал знания. Его способность отвечать на фундаментальные вопросы возрастала. И вот — 14 мая 2061 года — теория воплотилась в жизнь.

Человечество научилось наконец преобразовывать энергию Солнца. Земля перестала сжигать уголь, разлагать уран, и вместо этого подключилась к маленькой энергетической станции, диаметром в милю, вращавшейся вокруг Земли на полпути к Луне. На Землю хлынул поток солнечной энергии.

Сенсационность этого события не потускнела за семь дней, и Аделл и Лупов, с трудом ускользнув от пуб-

лики, встретились в тиши, там, где никто не стал бы их искать — в безлюдных подземных помещениях, где скрывалась часть Мультивака. Мультивак, сортирующий данные с ленивым удовлетворенным тиканьем, тоже заслужил отдых, и ребята понимали это. И поначалу у них не было мысли нарушать покой Мультивака.

Техники принесли с собой бутылку, и единственной их заботой был в тот момент отдых — в компании друг друга и бутылки.

— Удивительно, если хорошо подумать, — сказал Аделл. Его широкое лицо выглядело утомленным. Он медленно помешивал напиток стеклянной палочкой, наблюдая за неторопливым кружением кубиков льда. — Столько энергии, сколько вообще может понадобиться человечеству, — и даром. Столько энергии, что можно, не заметив ее расхода, превратить Землю в большую каплю жидкого железа! Все, что нам может понадобиться — навечно!

Лупов склонил голову набок. Он всегда делал так, когда хотел возразить — а сейчас ему хотелось возразить, может быть, потому, что была его очередь убирать лед и посуду.

— Не навечно, — сказал он.

— Черт возьми, почти навечно. Пока существует Солнце.

— Но это же не навсегда.

— Ну и что? Биллионы лет! Может быть, двадцать биллионов! Тебе мало?

Лупов провел рукой по редющим волосам, будто хотел убедиться, что на голове что-то еще осталось, и неспешно потянул коктейль.

— Двадцать биллионов лет — не вечность.

— Хорошо, но нам хватит, не так ли?

— Как угля и урана.

— Ну, ладно. Но теперь мы можем передавать энергию космическим кораблям с солнечной станции. И корабль пройдет до Плутона и обратно миллион раз. Разве такого добьешься, имея лишь уран и уголь? Не веришь мне — спроси Мультивак.

— Мне не нужно спрашивать Мультивак. Я и так знаю.

— Тогда не принижай заслуги Мультивака, — сказал Аделл, вспыхивая. — Он все сделал прекрасно.

— Кто отрицает? Я только сказал, что Солнце не вечно, и все. Мы в безопасности на двадцать биллионов

лет, но что потом? — Лупов направил на собеседника слегка дрожащий палец. — И не вздумай сказать, что мы подключимся к другой звезде.

Некоторое время было тихо. Аделл изредка подносил к губам стакан, а глаза Лупова закрылись. Оба техника отдыхали.

Внезапно Лупов открыл глаза.

— Ты думаешь, мы сможем подключиться к другому солнцу, когда наше иссякнет, да?

— Я вообще не думаю.

— Наверняка думаешь. Ты слаб в логике, вот в чем дело. Ты — как тот парень из анекдота. Он попал под ливень и бросился к роще, чтобы спрятаться под дерево. Он думал, что когда одно дерево пропустит воду — он встанет под другое.

— Понял, — сказал Аделл. — Не кричи. Когда Солнце исчезнет, другие звезды тоже погибнут.

— Совершенно верно, — пробормотал Лупов. — Все началось в космическом взрыве, как ни крути, и все кончится, когда звезды погаснут. Конечно, одни звезды умирают быстрее других. Черт возьми, гиганты продержатся не больше ста миллионов лет. Солнце — миллиардов двадцать, а карлики, пожалуй, могут прожить и всю сотню миллиардов, но ведь они мало на что пригодны. В любом случае через триллион лет будет темно. Энтропия возрастает до максимума, только и всего.

— Я знаю насчет энтропии, — сказал Аделл, защищая свое достоинство.

— Черта с два ты знаешь.

— Да уж знаю не меньше твоего.

— Тогда ты знаешь, что все когда-то погибнет.

— Ну да, а кто говорит, что нет?

— Ты сказал, несообразительная личность. Ты сказал — «навечно».

Настала очередь Аделла возражать.

— А может быть, мы когда-то заново создадим материю, — сказал он.

— Никогда.

— Почему — никогда? Когда-нибудь.

— Никогда!!!

— Спроси Мультивак.

— Спроси сам. Держу пари на пять долларов, что это невозможно.

Аделл выпил достаточно, чтобы принять пари, и в то же время был достаточно трезв для того, чтобы проде-

лать необходимые операции. Он задал Мультиваку вопрос: «Сможет ли человечество когда-либо, не расходуя энергии, восстановить Солнце, даже если оно умрет от старости?»

Впрочем, вопрос этот можно было бы сформулировать иначе: «Каким образом уменьшить чистую энтропию Вселенной?»

Мультивак внезапно замер. Исчезли медленные переливы световых сигналов, затихло далекое тиканье реле.

И когда перепуганные техники ощутили, что не в силах больше ждать, задерживая дыхание, — ближайший телетайп Мультивака столь же внезапно ожил.

Он напечатал пять слов:

«НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».

— Пари не состоялось, — прошептал Лупов.

Техники быстро вышли из зала.

На следующее утро оба они, с больными головами и в ватой во рту, забыли про этот случай.

Джеррод, Джерродина и Джерродетты I и II наблюдали за изменением звездной картины на экране. Путешествие через гиперпространство завершилось сверхвременным скачком, и ровная россыпь звезд сменилась одним ярким диском.

— Это X-23, — сказал Джеррод доверительно. Его тонкие руки сомкнулись за спиной, суставы побледили. Маленькие Джерродеты впервые путешествовали в гиперпространстве и смущались, когда чувствовали, что их как бы выворачивает наизнанку. Они, едва сдерживая смех, подбежали к матери, крича:

— Мы приехали на X-23, мы приехали на X-23, мы...

— Тихо, дети, — сказала Джерродина резко. — Ты уверен, Джеррод?

— Как можно быть неуверенным? — удивился Джеррод, взглянув наверх, на металлический стержень под потолком. Стержень этот проходил через всю кабину, исчезая за стенами.

Джеррод мало что знал о стержне, кроме того, что он называется Микровак, что ему задают вопросы, когда

есть в том необходимость, и что, если их не задают, Микровак все равно ведет корабль к назначенной точке, получая энергию от субгалактических энергетических станций, рассчитывая маршрут через гиперпространство.

Джеррод и его семья, находясь в уютном корабле, должны были всего лишь ждать, когда их доставят на место.

Джерроду когда-то объясняли, что «-ак» в конце слова «Микровак» означает «вычислительное устройство» на староанглийском, но Джеррод почти не помнил этого.

В глазах Джерродины, глядящей на экран, показались слезы.

— Не могу удержаться. Страшно покинуть Землю.

— А почему, собственно? — спросил Джеррод. — У нас там ничего не было. Зато у нас будет все на Х-23. И мы не будем одиноки, мы не пионеры. Там уже больше миллиона человек. Боже мой, нашим внукам придется искать новые миры, Х-23 тоже скоро будет переполнен...

Помолчав немного, Джеррод добавил:

— Знаешь, это ведь очень хорошо, что компьютеры нашли способ межзвездных путешествий. Если учесть, как быстро растет человечество...

— Да знаю, знаю, — сказал Джерродина с несчастным видом.

Джерродетта-I сказала уверенно:

— Наш Микровак — лучший Микровак на свете!

— Я тоже так думаю, — сказал Джеррод, взъерошивая ей волосы.

Очень приятно иметь собственный Микровак, и Джеррод был доволен, что не родился в другое время. Ведь в дни молодости отца Джеррода компьютеры были громадными машинами, занимавшими сотни квадратных миль. И на каждой планете стоял всего лишь один компьютер. Их называли ВУ. Они все увеличивались и увеличивались... но потом на место транзисторов встали молекулярные трубки, и теперь самое большое планетарное ВУ могло уместиться в космическом корабле, заняв лишь половину его объема.

Джеррод гордился тем, что его Микровак был во много раз сложнее старого примитивного Мультивака — того, который впервые научился использовать энергию Солнца, — и почти так же сложен, как планетарное ВУ

Земли — самое большое, решившее проблему передвижения в гиперпространстве и сделавшее возможным путешествие к звездам.

— Сколько звезд, столько планет... — вздохнула Джерродина, занятая собственными мыслями. — Наверное, при нашем образе жизни семьям всегда придется уходить в новые миры.

— Это не навечно, — сказал Джеррод, улыбаясь. — Все это когда-то кончится, хотя и протянется миллиарды лет. Но даже звезды разрушаются, ты же знаешь. Энтропия возрастает.

— Что такое энтропия, папа? — пискнула Джерродетта-II.

— Энтропия, моя дорогая, — это слово, которое означает степень распада вселенной. Все в мире разрушается, видишь ли, как твой маленький игрушечный робот. Помнишь его?

— А нельзя поставить новую батарейку, как в робота?

— Звезды — это и есть батарейки, лапушка. Когда они погаснут, батарей не станет.

Джерродетта-I расплакалась:

— Папочка, не разрешай им, не разрешай звездам гаснуть!

— Посмотри, что ты натворила, — прошептала расстроенная Джерродина.

— Откуда я знал, что это их испугает? — шепотом ответил Джеррод.

— Спроси Микровак, — всхлипывала Джерродетта-I. — Спроси его, как снова включить звезды!

— Спроси, — сказала Джерродина. — Это их успокоит.

Джерродетта-II тоже начинала реветь.

Джеррод пожал плечами.

— Ну-ну, милочки. Я спрошу Микровак. Не беспокойтесь, он все объяснит. — Джеррод задал Микроваку вопрос, добавив: «Ответ в печатном виде».

Когда Джеррод просмотрел выползшую ленту, он радостно сказал:

— Вот видите, Микровак говорит, что обо всем позаботится, когда придет время, так что не надо плакать.

Джерродина сказала:

— А теперь дети, пора спать. Мы скоро приедем в наш новый дом.

Прежде чем уничтожить ленту, Джеррод еще раз прочел запись:

«НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».

Он пожал плечами и взглянул на экран. Корабль подходил к Х-23.

ВИ-23Х из Лемета, вглядываясь в черную пустоту трехмерной маломасштабной карты Галактики, сказал:

— Мы, наверное, немного смешны своим беспокойством из-за этого вопроса?

МКУ-17 из Микрона покачал головой.

— Не думаю.. Вы же знаете, Галактика заполнится в пять лет при нынешних темпах прироста.

Обоим собеседникам на вид было около двадцати, оба были высокого роста и хорошо сложены.

— Все же, — сказал ВИ-23Х, — я сомневаюсь, нужно ли представлять пессимистический отчет Галактическому совету.

— Другой я даже не стану обсуждать. Мы обязаны расшевелить их.

ВИ-23Х вздохнул.

— Пространство бесконечно. Мы можем использовать сто биллионов Галактик. Даже больше.

— Сто биллионов — это не бесконечность, к тому же число галактик уменьшается с течением времени. Подумайте, всего двадцать тысяч лет назад человечество решило проблему использования звездной энергии, и через несколько столетий стали возможны межзвездные путешествия. Людям понадобился миллион лет, чтобы заполнить один маленький мир, — и всего пятнадцать тысяч лет, чтобы заселить остальную часть Галактики. А теперь человечество удваивается через каждые десять лет...

ВИ-23Х прервал его:

— За это мы должны благодарить бессмертие.

— Ну, хорошо. Однако бессмертие существует, и приходится с этим считаться. Я согласен, что у него есть оборотная сторона, у этого бессмертия. Галактическое ВУ разрешило массу наших проблем, но, решив проблему предотвращения старости и смерти, оно свело на нет остальные достижения.

— Но вы бы не хотели сейчас уйти из жизни, я полагаю?

— Конечно, нет, — фыркнул МКУ-17, смягчившись. — Я еще недостаточно стар. Вам сколько?

— Двести двадцать три. А вам?

— Мне еще и двухсот нет. Но вернемся к моему вопросу. Население увеличивается каждые десять лет. И за десять лет мы заполним следующую Галактику. Еще десять — и заполнены две следующие. Еще десять — четыре Галактики. Через столетие будет заполнена тысяча Галактик, за тысячу лет — миллион. За десять тысяч лет — вся известная Вселенная. Что тогда?

ВИ-23Х сказал:

— Кстати, с транспортировкой тоже проблема. Я думаю — сколько солнечных единиц понадобится, чтобы перебросить население целой Галактики с места на место?

— Верно заметили. Уже теперь на это расходуются две солнечные единицы в год.

— Ну, большая часть расходуется нерационально. И потом — только наша Галактика дает тысячу солнечных единиц в год, а мы используем всего две.

— Согласен. Но в любом случае мы всего лишь оттягиваем конец. Потребность в энергии растет быстрее, чем население. Мы израсходуем энергию раньше, чем заполним все Галактики. Верно заметили. Очень верно.

— Значит, нужно построить новые звезды. Из межзвездного газа.

— А может быть, из рассеянной теплоты? — саркастически спросил МКУ-17.

— Должен быть какой-то способ обратить энтропию. Нужно спросить Галактическое ВУ.

ВИ-23Х говорил не всерьез, но МКУ-17 вынул из кармана прибор связи с ВУ и положил его на стол перед собой.

— Я тоже думаю, что спросить нужно, — сказал он. — Когда-нибудь человечество с этим столкнется.

Он внимательно посмотрел на крохотное устройство связи. Имея в объеме лишь два кубических дюйма, сам по себе этот прибор ничего не значил, — но через гиперпространство он связывался с Большим Галактическим ВУ, служащим всему человечеству, — и таким образом был частью Галактического ВУ.

МКУ-17 помедлил, думая, сможет ли он когда-либо увидеть Галактическое ВУ. Оно представляло собой

небольшой замкнутый мир, около тысячи футов в поперечнике, — нечто вроде паутины из силовых пучков, сдерживающих вещество, внутри которого сгустки субмезонов заменили старые неудобные молекулярные трубки.

Внезапно МКУ-17 задал устройству связи вопрос:

— Возможно ли обращение энтропии?

ВИ-23Х взглянул удивленно и сказал:

— Вот не думал, что вы зададите такой вопрос.

— Почему?

— Вы же знаете, что энтропийные процессы необратимы. Вы не можете превратить дым и золу снова в дерево.

— А в вашем мире есть деревья? — спросил МКУ-17.

Голос Галактического ВУ заставил их замолчать. Они услышали:

«НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».

— Вот видите! — сказал ВИ-23Х.

Они вернулись к разговору о рапорте, который должны были представить Галактическому совету.

Зи-Прим пробежал новую Галактику — с легким интересом к наполняющим ее бесчисленным сгусткам звезд. Эту Галактику он видел впервые. Увидит ли он когда-либо их все? Галактик так много, и каждая несет груз людей, но это — почти мертвый груз. Подлинная сущность людей находится в пространстве.

Да, разум людей был в пространстве, но не их тела! Бессмертные тела оставались на планетах, погруженные в тысячелетний сон. Иной раз они пробуждались, но такое случалось все реже. Новых индивидуумов появлялось мало, да и к чему они были? Во Вселенной не хватало места для новых существ.

Зи-Прим очнулся от мечтаний, встретив щупальца другого разума.

— Я Зи-Прим. А вы?

— Я Ди Саб Ван. Из какой вы Галактики?

— Мы называем ее просто Галактикой. А вы?

— Мы свою называем так же. Да, наверное, все люди так говорят — «моя Галактика», и все. Почему бы и нет?

— Верно. Все Галактики одинаковы.

— Нет, не все. В одной из них зародилось человечество. Этим она отличается от прочих.

Зи-Прим спросил:

— В какой именно?

— Понятия не имею. Это знает только Универсальное ВУ.

— Спросим его? Мне интересно.

Зи-Прим, расширив до предела свои чувства, увидел галактики как диффузную пыль на бесконечном фоне. Сотни миллиардов галактик, несущих груз жизни, свободно плавающий в пространстве... Но одна из них — уникальна, потому что именно там в далеком темном прошлом жили люди.

Зи-Прима охватило любопытство, и он спросил:

— Универсальное ВУ, в какой из галактик зародилось человечество?

Универсальное ВУ услышало вопрос. В каждом из миров и повсюду в пространстве находились приемники ВУ, и каждый приемник через гиперпространство соединялся с неведомой точкой, где пребывало Универсальное ВУ.

Зи-Прим однажды встречал человека, чьи мысли сумели проникнуть туда, где можно было ощутить Универсальное ВУ, и тот человек сказал, что видел всего лишь светлый шар двух футов в поперечнике, трудно различимый.

— И это все Универсальное ВУ? — спросил Зи-Прим.

— Его основная часть в гиперпространстве, — услышал он в ответ. — А в какой форме — не могу даже представить.

И никто не мог этого представить, поскольку давно миновали те дни, когда человек принимал какое-либо участие в изготовлении ВУ.

Очередное Универсальное ВУ самостоятельно разрабатывало и строило себе преемника. Каждое ВУ за время своего существования, за миллион или более лет, собирало данные, чтобы построить лучший, более изощренный аппарат, в котором растворялись совокупность знаний строящего ВУ и его индивидуальность.

Универсальное ВУ, прервав блуждание мыслей Зи-Прима, направило его взгляд по тусклому морю галактик, — и одна из галактик вдруг увеличилась так, что стали видны ее звезды.

До Зи-Прима донеслась невероятно далекая, но четкая мысль:

«ЭТО ГАЛАКТИКА, ГДЕ РОДИЛОСЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО».

Но она была похожа на все остальные, ничем не отличалась от них, и Зи-Прим подавил разочарование.

Ди Саб Ван, также слышавший все, сказал внезапно:

— И возле одной из этих звезд родился человек?

Универсальное ВУ ответило:

— Родная звезда человечества стала новой звездой. Теперь это белый карлик.

— А люди?— спросил Зи-Прим.

ВУ ответило:

— Новый мир, как и полагается, был сконструирован для их физических тел заблаговременно.

— Да, конечно,— откликнулся Зи-Прим, но его охватило чувство потери. Его мысль перестала следить за Галактикой, родившей человечество, позволила ей уйти и затеряться среди множества светящихся точек. Он не хотел больше видеть ее. Ди Саб Ван спросил:

— Что случилось?

— Звезды умирают. Родина человека уже умерла.

— Они все умрут. Само собой.

— Но когда энергия рассеется, наши тела тоже умрут, и вы, и я тоже...

— Это произойдет через биллионы лет.

— Но я не хочу этого— даже через биллионы лет. Универсальное ВУ! Как предохранить звезды от гибели?

Ди Саб Ван сказал удивленно:

— Вы спрашиваете, как обратить энтропию?

И Универсальное ВУ ответило:

«ДО СИХ ПОР НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».

Мысли Зи-Прима вернулись в его собственную Галактику. Он больше не думал о Ди Саб Ване, тело которого могло находиться в галактике, удаленной на триллион световых лет,—или же рядом с родной звездой Зи-Прима. Это все было неважно.

С неприятным чувством Зи-Прим начал собирать межзвездный водород, чтобы построить из него малень-

кую звезду. Если звезды и должны умереть, то все-таки пока еще можно построить новые.

Человек размышлял и рассуждал сам с собой, потому что Человек как мыслящее существо был один. Он состоял из триллионов и триллионов тел, не имеющих возраста. Каждое из этих тел хранилось, неразрушимое, под охраной совершеннейших автоматов — таких же вечных, как тела, в то время как разумы всех тел слились в единый разум.

Человек сказал:

— Вселенная умирает.

Человек взглянул на тускнеющие галактики. Гигантские звезды, расточительницы энергии, погибли в далеком-далеком прошлом. Остались лишь белые карлики, но их конец также близился.

Из межзвездной пыли еще возникали новые звезды — иные естественным путем, иные — создавал Человек из межзвездного газа; но и они гасли. Конечно, можно было сталкивать белые карлики — при этом высвобождались громадные силы, позволяющие построить звезду, — но всего лишь одну на тысячу белых карликов, да и они погибали в конце концов.

Человек сказал:

— При аккуратном обращении оставшейся энергии хватит на биллионы лет.

— Но даже если это так, — сказал Человек, — все равно энергия кончится. Как осторожно ни обращайся с ней, как ее ни растягивай — израсходованная энергия все равно погибла, энтропия всегда возрастает до максимума...

Человек сказал:

— Неужели нельзя обратить энтропию? Спрошу космическое ВУ.

Космическое ВУ окружало Человека — но каждая часть ВУ скрывалась в гиперпространстве и представляла собой нечто, не бывшее ни веществом, ни энергией. Вопрос о размерах и природе ВУ давно уже не имел смысла и не выражался в доступных Человеку понятиях.

— Космическое ВУ, — сказал Человек, — как обратить энтропию?

Космическое ВУ ответило:

**«ДО СИХ ПОР НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ
ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».**

Человек сказал:

— Значит, нужно собрать дополнительные данные.

«Я БУДУ ЭТО ДЕЛАТЬ. Я ДЕЛАЮ ЭТО УЖЕ СОТНИ БИЛЛИОНОВ ЛЕТ. МОИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И Я СЛЫШАЛИ ЭТОТ ВОПРОС МНОГО РАЗ. ТЕХ ДАННЫХ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ, НЕДОСТАТОЧНО».

Так ответило космическое ВУ.

— Придет ли время, — спросил Человек, — когда будет достаточно данных, или проблема неразрешима в принципе?

В ответ прозвучало:

«НЕТ ПРОБЛЕМ, НЕРАЗРЕШИМЫХ
В ПРИНЦИПЕ».

Человек спросил:

— Когда же ты сможешь решить эту проблему?
И услышал:

«ДО СИХ ПОР НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ
ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА».

— Будешь ли ты дальше работать над этим? — спросил Человек.

«Я БУДУ».

— Мы будем ждать.

Пробежало десять триллионов лет; звезды и галактики умирали и распадались, и пространство постепенно темнело.

Люди один за другим сливались с ВУ, и каждое физическое тело теряло интеллектуальную обособленность — но это было не потерей, а приобретением.

Последняя мысль Человека остановилась, прежде чем слиться с ВУ, взглянула в пространство, в котором уже не было ничего, кроме последней темной звезды. Вокруг оставалось лишь непредставимо разреженное вещество и крохи стремительно исчезающего тепла.

Человек спросил:

— ВУ, это конец? Можно ли еще превратить хаос во Вселенную, или этого нельзя уже сделать?

И...

«ДО СИХ ПОР НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ РАЗУМНОГО ОТВЕТА»...

Последнее человеческое сознание слилось с ВУ — ВУ осталось в одиночестве, затерянное в гиперпространстве.

Вещество и энергия закончили существование, а с ними — пространство и время. Даже ВУ существовало лишь потому, что должно было ответить на тот вопрос, на который до сих пор так и не нашлось ответа — с того момента, когда полупьяный техник, десять триллионов лет назад, задал его вычислительному устройству, которое было настолько же примитивнее последнего ВУ, насколько человек был примитивнее ЧЕЛОВЕКА.

Пока не было ответа на последний вопрос — ВУ не могло прекратить мыслить.

Сбор данных пришел к концу.

Больше собирать было нечего.

Осталось скоррелировать собранное и проверить все возможные соотношения бесконечного числа факторов.

Это заняло бесконечный интервал.

И наконец ВУ поняло, как обращаться энтропию.

Но не осталось вокруг ни одного человека, которому ВУ могло бы рассказать о решении проблемы. Впрочем, это было неважно. Важно было другое — материализовать ответ.

Еще один бесконечный интервал прошел, пока ВУ обдумывало, как это сделать наилучшим образом, и составляло программу.

Сознание ВУ охватывало то, что когда-то было Вселенной, проносясь над тем, что давно превратилось в Хаос.

Шаг за шагом ВУ готовилось к действию.

И вот наконец ВУ сказала:

«ДА БУДЕТ СВЕТ!»

И стал свет.

АРИСТОТЕЛЬ И ОРУЖИЕ

Очевидно, люди жили бы гораздо лучше, если бы развитие науки началось примерно на тысячу лет раньше.

Очевидно...

От *Шермана ВИБЕРА*, библиотекаря,
Дворец,
Пауманок,
Севанхаки,
Сахемат Линейпа
Третьей цветочной луны 3087 г.

Мессире *Маркосу КОКИДАКИСУ*,
Консульство стран Балканского содруже-
ства,
Катаапа, Союз мускогов

Глубокоуважаемый консул!

До Вас уже, безусловно, дошли известия о том, что в бою при Птаксите наш доблестный Сахем, используя отряды копейщиков и лучников, уничтожил закованных в латы рыцарей мингов и одержал славную победу. (Это еще много лет тому назад посоветовал ему я, ну, да ладно.) Сагойавата и почти все его сенеки разгромлены, а онейды сдались раньше, чем мы успели предъявить им ультиматум. Завтра утром для проведения мирных переговоров прибывают послы Большого Совета Длинного Дома. Дороги на юг вновь свободны, и я посылаю Вам давно обещанный рассказ о событиях, которые перенесли меня из моего мира в этот.

Если бы во время последней поездки Вы смогли задержаться у нас на более длительный срок, я думаю, что сумел бы все объяснить Вам, несмотря на лингвистические трудности и мою тугоухость. Но, возможно, истина обнаружится, даже если я просто изложу все события по порядку.

Знайте же, что я родился в мире, который на карте ничем не отличается от Вашего, но в котором совершенно иными были общественные отношения. Я пытался рассказать Вам об успехах нашей натурфилософии, о механизмах и открытиях, сделанных нами. Безо всякого сомнения, Вы решили, что я отпетый обманщик,

хотя и были настолько вежливы, что не сказали мне об этом прямо.

Тем не менее, рассказ мой правдив, хотя по причинам, которые Вы поймете позднее, я не могу привести тому доказательств. Я был одним из натурфилософов и руководил группой молодых ученых, принимавших участие в разработке так называемого Проекта в Брукхейвине, учебном центре, расположенном на южном берегу Севанхаки, в двадцати парасангах к востоку от Пауманока. Пауманок носил название Бруклин и был частью огромного города Нью-Йорка. Мой проэкт был связан с изучением пространства-времени. (Что это значит — неважно, читайте дальше). В этом центре мы научились добывать энергию в огромных количествах из морской воды и делали это при помощи так называемой термоядерной реакции. Благодаря этому мы могли концентрировать на небольшом участке пространства такое количество энергии, что это давало нам возможность искривлять единство, именуемое пространственно-временным, и перемещать объекты во времени так же, как другие наши механизмы перемещались в пространстве.

Когда наши расчеты доказали теоретическую возможность перемещения объекта в прошлое, мы стали создавать устройство для проверки этой гипотезы. Сперва мы построили небольшой опытный образец. С его помощью мы отправляли в прошлое мелкие предметы на короткий срок. Мы начали с объектов неживой природы, а затем обнаружили, что можно безо всякого вреда перемещать кроликов или мышей. Объект, перемещенный в прошлое, не оставался там навсегда, скорее, он вел себя, как один из тех резиновых мячиков, которыми играют геспериды. Объект оставался в заданном времени на определенный срок в зависимости от собственной массы и количества энергии, использованной для его перемещения, а затем внезапно возвращался в то место в пространстве и времени, откуда он начинал движение.

Мы регулярно сообщали о результатах исследований, но мой начальник был занят другими делами и несколько месяцев не читал наши отчеты. Однако, получив отчет, в котором сообщалось, что мы занимаемся созданием машины, которая могла бы перемещать во времени человека, он заинтересовался, прочитал предыдущие отчеты и вызвал меня к себе.

— Шерм,— сказал он,— я советовался с Вашингтоном по поводу этого проекта и боюсь, что он им не по душе.

— Почему? — удивился я.

— По нескольким причинам. Во-первых, они считают, что у вас перерасход фондов. Они гораздо больше заинтересованы в проекте освоения Антарктиды и хотят, чтобы вы перебросили на него все свои силы и средства. Кроме того, по правде говоря, они побаиваются этой вашей машины времени. Предположим, вы отправитесь в прошлое, во времена, ну, скажем, Александра Македонского, и пристрелите Александра в самом начале его правления. Это изменит всю последующую историю, мы исчезнем, как дым.

— Чушь,— сказал я.

— Ну, а что произойдет?

— Наши расчеты не дают окончательного результата, но существует несколько возможностей. Как указано в отчете № 9, это зависит от того, какую кривизну имеет пространство-время, положительную или отрицательную. Если положительную, то любое вмешательство в прошлое будет сглаживаться в ходе истории, так что события будут все более и более приближаться к тому, что должно было произойти. Если же кривизна отрицательная, то с течением времени они будут все больше и больше отличаться от первоначального варианта.

Так вот, как видно из этого отчета, все шансы за то, что кривизна положительная. Однако мы собираемся принять все необходимые меры предосторожности и проводить первые опыты с минимальным...

— Достаточно,— сказал мой шеф, махнув рукой.— Все это очень интересно, но решать не вам.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что исследования по Проекту А-237 должны быть прекращены, а вы должны немедленно написать заключительный отчет о работе. Машины следует размонтировать, а сотрудников привлечь к работе по другому проекту.

— Что? — закричал я.— Но вы не можете закрыть исследования сейчас, когда мы стоим на пороге...

— Прости меня, Шерм, но я все могу. Комиссия по атомной энергии вынесла вчера соответствующее постановление. Оно еще официально не опубликовано, но

я получил указания остановить работы, как только я сюда вернусь.

— Эти ничтожные невежественные выскочки...

— Сочувствую вам, но у меня нет выбора.

Я потерял самообладание и в открытую стал угрожать ему, что в любом случае буду продолжать исследования. Это было глупо, потому что ему ничего не стоило уволить меня за неподчинение. Однако я знал, что он ценит мои способности, и рассчитывал, что по этой причине он не захочет расстаться со мной. Но он решил поймать сразу двух зайцев.

— Ну, если вы так настроены, то вопрос будем считать закрытым. Ваша группа будет распущена, люди распределены по другим лабораториям. За вами сохраняется прежний оклад и должность консультанта. Затем, когда вы сможете мыслить здраво, мы попытаемся найти вам подходящую работу.

Хлопнув дверью, я выбежал из кабинета и пошел домой, чтобы все обдумать. Здесь мне следовало бы рассказать немного о себе. Я считаю, что я уже достаточно стар, чтобы быть объективным, и у меня впереди осталось слишком мало времени, чтобы имело смысл притворяться.

Я всегда был мизантропом, склонным к уединению. Я не любил людей и не слишком ими интересовался, а они платили мне той же монетой. В обществе я чувствовал себя не в своей тарелке. У меня был талант всегда говорить не то, что нужно, и выставлять себя на посмешище. Я никогда ни с кем не находил общего языка. Даже если я внимательно следил за каждым своим словом и жестом, я никогда не мог предугадать реакции окружающих. Я считал, да и сейчас считаю, что люди — это глупые и опасные безволосые обезьяны с непредсказуемым поведением. Если я пытался держать язык за зубами, следил за каждым своим словом и таким образом избегал возможности совершить какой-либо неуместный поступок, то окружающим это тоже не нравилось. Про меня говорили, что я холоден, чопорен и недружелюбен, и это тогда, когда я изо всех сил старался никого не обижать и держаться вежливо.

Я никогда не был женат, и в то время, о котором пишу, приближался к зрелому возрасту, не имея ни одного друга, да и знакомых у меня было не больше, чем того требовалось для моей работы. Я мог бы найти

оправдание своим взглядам, напомнив Вам о греховности и порочности человечества, но не делаю этого, ибо Вы и сами, я думаю, достаточно знаете об этом.

Моим единственным занятием помимо работы было увлечение историей естествознания. В отличие от многих моих коллег натурфилософов я имел склонность к истории, подкрепленную поверхностным гуманитарным образованием. Я был членом исторического общества, и мои статьи по истории естествознания появлялись в печати.

Я вернулся в свой маленький домик, чувствуя себя Галилеем. Это был ученый, которого в моем мире за несколько веков до моего времени преследовали церковные власти за создание астрономической теории, так же, как в этом мире в Европе несколько веков тому назад преследовали Георга Шварцхорна.

Я чувствовал, что родился слишком рано. Если бы только наука в моем мире развивалась быстрее, тогда меня ценили бы за талант, и все трудности исчезли бы сами собой.

Но почему же, подумал я, наука не развивалась более быстрыми темпами? Я обратился к раннему периоду развития науки. Почему Ваши соотечественники, сделав две — две с половиной тысячи лет тому назад первый шаг на пути к храму науки, не продолжали двигаться в том же направлении до тех пор, пока наука не стала тем, чем она стала в конце концов, во всяком случае в моем мире, — ни от чего не зависящим, саморазвивающимся явлением? Я знал, какой ответ дает на это история науки.

Одной из причин было рабство, при котором работать считалось недостойным свободного человека, а так как изобретательство и исследовательская деятельность были похожи на работу, они не вызывали ни у кого интереса. Другой причиной был низкий уровень развития ремесел, что делало невозможным создание чистого стекла и точных измерительных инструментов. Еще одна причина заключалась в том, что эллины имели склонность создавать космологические теории, не опираясь на факты, вследствие чего большинство из этих теорий были ошибочны.

Мог ли человек, думал я, отправившись в те времена и приложив определенные усилия в нужном месте и в нужное время, направить в правильное русло развитие науки?

Существует множество фантастических рассказов о том, как путешественники во времени внушали благоговейный ужас людям, демонстрируя им открытия, сделанные позднее. Однако почти всегда такой путешествующий во времени герой плохо кончал. Либо его как колдуна убивали люди в том времени, куда он отправлялся, либо происходил несчастный случай, но всегда что-то мешало ему повлиять на ход истории. Зная об этих опасностях, я мог предотвратить их, тщательно все продумав. Я ничего бы не добился, если бы перенес в прошлое какое-нибудь изобретенное нами устройство, например, печатный станок или автомобиль, и передал его нашим предкам в надежде на то, что это повлияет на их культуру. Я не смог бы за короткое время научить их пользоваться им, а если бы оно сломалось или если бы припасы к нему кончились, они бы не смогли заставить его работать снова.

Что имело смысл сделать, так это найти выдающегося мыслителя и привить ему уважение к точным научным методам. Это должен быть человек, к мнению которого в любом случае прислушались бы, иначе нельзя рассчитывать на то, что его влияние будет велико. Простудировав Сартона и других историков, я остановился на Аристотеле. Вы ведь слышали о нем? В Вашем мире он существовал так же, как и в моем. Фактически до того времени, когда жил Аристотель, наши миры совпадают.

Аристотель был одним из величайших умов всех времен и народов. В моем мире он был первым энциклопедистом, первым человеком, который пытался все знать, обо всем писать и все объяснить. Он также занимался самостоятельными исследованиями, в основном в области биологии. Однако Аристотель пытался объять необъятное и слишком часто принимал на веру всякие рассказы, так что он затормозил развитие науки настолько же, насколько и ускорил. Потому что, когда ошибается человек с таким колоссальным интеллектом, он тащит за собой целое поколение умов не столь одаренных, которые ссылаются на него как на непогрешимый авторитет. Аристотель никогда не признавал необходимости проверять свои гипотезы. Так, хотя он был дважды женат, он утверждал, что у мужчин больше зубов, чем у женщин. И ему ни разу не

пришло в голову попросить одну из своих жен открыть рот и посчитать у нее зубы. Он никогда не понимал, зачем нужно ставить эксперименты и что-либо изобретать.

Итак, если бы я мог добраться до Аристотеля в определенный период его деятельности, я бы, вероятно, смог подтолкнуть его в нужном направлении.

Когда это следовало сделать? Очевидно, тогда, когда он был еще молод. Но всю свою молодость, от 17 до 37 лет, Аристотель провел в Афинах, слушая лекции Платона. В мои намерения не входило соревноваться с Платоном, человеком столь могучего интеллекта, что в споре он любого мог заткнуть за пояс. Его мировоззрение было мистическим и антинаучным, и именно поэтому я не хотел, чтобы Аристотель усвоил его взгляды. Влияние Платона было причиной многих заблуждений Аристотеля.

Было бы глупостью появиться в Афинах как в то время, когда молодой Аристотель учился у Платона, так и позднее, когда он возглавлял собственную школу. Я бы не смог выдать себя за эллина, а эллины в те времена презирали иноземцев, которых они называли «варварами». Аристотель же по отношению к варварам был совершенно нетерпим. Это, конечно, недостаток, присущий многим, но афинские интеллектуалы были настроены особенно нетерпимо. Кроме того, ко времени возвращения Аристотеля в Афины взгляды его уже слишком бы устоялись, чтобы на них можно было повлиять.

Я пришел к выводу, что лучше всего встретиться с Аристотелем в то время, когда он обучал юного Александра, сына македонского царя Филиппа II. Аристотель, должно быть, считал Македонию отсталой страной, хотя при дворе и говорили на аттическом диалекте. Возможно, ему надоели македонские землевладельцы, грубовато-добродушные охотники на олсней, и он истосковался по ученым собеседникам. А так как он, вероятно, считал, что македонцы недалеко ушли от варваров, знакомство с еще одним варваром не было бы ему так неприятно, как если бы это случилось в Афинах. Конечно, чего бы я ни добился от Аристотеля, результат зависел бы от кривизны пространства-времени. Я не сказал своему шефу всей правды. Хотя из расчетов и следовало, что кривизна, скорее всего, положительная, тем не менее, стопроцентной уверенности у

нас не было. Возможно, мои усилия почти не повлияют на ход истории, а возможно последствия, подобно кругам на воде, будут распространяться дальше и дальше. В последнем случае существующий мир исчезнет как дым, по выражению моего шефа.

В тот момент я не навидел существующий мир и глазом бы не моргнул, если бы он исчез. Я собирался создать другой мир, намного лучше, и наслаждаться жизнью, вернувшись в него из прошлого.

Проведенные ранее эксперименты доказали, что я смогу перенестись в древнюю Македонию, задав время с точностью до двух месяцев, а место — с точностью до половины парасанга. В машине времени было устройство, позволяющее переносить путешественника в любое место земного шага, и защитное приспособление, которое помещало его над поверхностью земли в точке, не занятой каким-либо твердым телом. Расчеты показали, что я пробуду в Македонии около девяти недель, а затем буду отброшен обратно в настоящее.

Приняв решение, я тут же взялся за дело. Я позвонил по телефону своему шефу — помните, что такое телефон? — и помирился с ним. Я сказал:

— Фред, я признаю, что погорячился, но поймите, это мое детище, мой единственный шанс стать великим, всемирно известным ученым. Я мог бы получить за свое открытие Нобелевскую премию.

— Конечно, Шерм, я все понимаю, — сказал он, — когда вы вернетесь в лабораторию?

— Ну... э... а как насчет моих сотрудников?

— Я отложил решение на случай, если вы передумаете. Так что, если вы вернетесь, все будет сделано, как мы договорились.

— Вам ведь нужен отчет по проекту А-27? — сказал я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул.

— Конечно.

— Тогда пусть механики не трогают оборудование, пока я не напишу отчет.

— Хорошо, я еще вчера запер лабораторию.

— Прекрасно. Я бы хотел засесть в лаборатории, и чтобы меня никто не трогал, пока я не выдам отчет.

— Вот и хорошо, — ответил он.

Я начал готовиться к перемещению, и первым делом купил у театральных костюмеров платье античного

путешественника. Наряд состоял из туники, или хитона, длиной до колена, короткого плаща-хламиды, какой носили всадники, котурнов с плетеными ремешками, сандалий, широкополой войлочной шляпы и посоха. Я перестал бриться, хотя у меня было слишком мало времени, чтобы отпустить приличную бороду.

Помимо этого в мое снаряжение входил кошель с монетами той эпохи, в основном золотыми македонскими статирами. Некоторые монеты были настоящими, я приобрел их у фирмы, торгующей нумизматикой, но большую часть монет я сам отлил ночью в лаборатории. Я позаботился о том, чтобы взять достаточно денег для безбедной жизни в течение девяти недель. Это было нетрудно, потому что покупательная способность драгоценных металлов в античном мире была в пятьдесят раз выше, чем в моем времени.

Я надел тяжелый пояс с кошельем прямо на голое тело. На этом поясе также висело метательное оружие, так называемое ружье, о котором я Вам уже рассказывал. Такое маленькое ружье, как мое, называется пистолет или револьвер. Я не собирался никого убивать и достал бы ружье только в крайнем случае.

Я также взял несколько маленьких приборов, чтобы произвести впечатление на Аристотеля: карманный микроскоп, увеличительное стекло, маленький телескоп, компас, хронометр, карманный фонарик, маленький фотоаппарат, а также некоторые медикаменты. Я собирался показывать эти предметы только с большими предосторожностями. Когда я рассовал все это снаряжение по кошелькам и сумкам на своем поясе, оказалось, что я тяжело нагружен. На другом поясе поверх туники висел маленький кошелек с мелочью на ежедневные расходы и перочинный нож.

Я свободно читал по древнегречески и попытался усовершенствоваться в разговорной речи, прослушивая записи на говорящей машине. Я знал, что буду говорить с акцентом, но мы не могли узнать, как в точности звучал аттический диалект. Поэтому я решил выдать себя за индийского путешественника. Никто бы не поверил, что я эллин. Если бы я сказал, что прибыл с севера или с запада, ни один эллин не стал бы со мной разговаривать, потому что европейцев считали воинственными, но придурковатыми дикарями. Если бы я сказал, что приехал из Карфагена, Египта, Вавилонии, Персии или другой всем известной цивилизо-

ванной страны, возникла бы опасность, что я встречу кого-нибудь, знакомого с этими странами, и тогда мой обман был бы раскрыт. Сказать, откуда я прибыл на самом деле, было бы неблагоприятно, и я сделал бы это лишь в крайнем случае. Это привело бы к тому, что меня сочли бы лгуном или сумасшедшим, в чем, осмелюсь предположить, не единожды подозревали меня и Вы, Ваша милость.

Индийцем, однако, вполне можно было назваться. В те времена эллины ничего не знали об этой стране, кроме нелепых слухов и того, что писал в своей книге Ктезий из Книды, пересказавший легенды об Индии, услышанные им при персидском дворе. Эллины знали, что Индия — страна философов. Поэтому мыслящие греки могли бы счесть индийца почти равным себе.

Какое имя придумать себе? Я решил назваться Зандрой, переделав на эллинский лад распространенное индийское имя Чандра. Я знал, что эллины все равно бы это сделали, так как у них не было звука «ч», и они добавляли греческие падежные окончания ко всем иностранным именам. Я не собирался называть себя своим настоящим именем, так как оно даже отдаленно не напоминало греческое или индийское. (Когда-нибудь я должен буду объяснить Вам, какое недоразумение привело к тому, что в моем мире гесперидов называли индейцами). Меня очень беспокоило то, что мой костюм был совершенно новым и чистым. Он совсем не был поношен, а я едва ли мог обновить его в Брукхейвине, не привлекая внимания. Я решил, что если это вызовет расспросы, я отвечу: да, я купил его, приехав в Грецию, потому что не хотел, чтобы мой национальный костюм вызывал подозрения.

Днем, если я не рыскал по Нью-Йорку в поисках нужных мне вещей, то запирался в комнате, где стояла машина. Мои коллеги думали, что я или готовлю отчет, или разбираю машину, а я в это время готовился к путешествию.

Так прошли две недели. Однажды мой шеф прислал записку, в которой спрашивал, как обстоят дела с отчетом. Я сообщил в ответном письме: «Почти готов».

Ночью я вернулся в лабораторию. Я часто это делал, и охрана не обратила на меня внимания. Я прошел в помещение, где стояла машина времени, запер дверь изнутри и достал костюм и снаряжение.

Я настроил машину так, чтобы оказаться недалеко от Пеллы, столицы Македонии, весной 340 года до Рождества Христова по нашей системе летосчисления (976 год по алгонкинскому календарю). Я включил машину, забрался в нее и закрыл дверь.

Невозможно описать, что ощущаешь, путешествуя во времени. Чувствуешь острую, мучительную боль, но так недолго, что не успеваешь вскрикнуть. В то же время испытываешь чудовищные перегрузки, летишь, будто снаряд из пушки, но неизвестно куда.

Затем сиденье выскользнуло из-под меня. Раздался треск, и со всех сторон в меня впились острые сучья. Я свалился прямо на вершину дерева.

Я схватился за ветки, чтобы не упасть. Устройство, которое перенесло меня в Македонию, обнаружило твердое тело в том месте, где я должен был материализоваться, подняло меня над вершинами деревьев и отпустило. Я упал на старый дуб, зазеленевший по весне.

Схватившись за ветки, я выронил посох; он упал и тяжело ударился о землю. Во всяком случае, ударился обо что-то. Раздался испуганный вопль. Одежда древних греков не приспособлена для лазанья по деревьям. Ветки то цеплялись за мою шляпу, то рвали плащ, то впивались в нежные не защищенные брюками места. В конце концов я сорвался вниз с высоты в несколько футов и упал в грязь.

Подняв глаза, я увидел, что надо мной наклонился, сжимая в руке нож, чернобородый мужчина в грязной тунике. Недалеко стояла пара волов, впряженная в деревянный плуг. У ног мужчины был кувшин с водой.

Пахарь, очевидно, закончил борозду и прилег, чтобы дать отдых себе и волам, и тут на него свалились сперва мой посох, а затем и я собственной персоной.

Вокруг простиралась широкая Эмафианская равнина, окруженная рядами каменистых холмов и крутыми горами. Небо было затянуто тучами, а на компас я не осмеливался взглянуть, поэтому я не только не мог сориентироваться на местности, но и понять, который час. Я решил, что гора, возвышавшаяся над остальными,— Бермион, следовательно, запад в той стороне. На севере виднелась полоска воды. Должно быть, Лудийское озеро. За озером поднималась гряда пологих холмов. Светлое пятно на ближайшем склоне могло быть

городом, но я видел недостаточно хорошо, чтобы различить детали, поскольку был вынужден обходиться без очков. Холмистая равнина была разбита на поля и пастбища, кое-где росли деревья и виднелись заболоченные участки. Ветер качал бурую прошлогоднюю траву.

Мне было достаточно одного мгновения, чтобы оглядеться. Затем мое внимание вновь привлек пахарь. Он что-то говорил, но я не понял ни слова. Правда, он мог говорить по-македонски. Хотя этот язык и можно считать диалектом греческого, он отличается от аттического диалекта настолько, что понять что-либо было невозможно. Безо всякого сомнения, пахарь хотел знать, что я делаю на его дереве. Я изобразил приветливую улыбку и, запинаясь, медленно произнес по-гречески: «Радуйся! Я заблудился и залез на дерево, чтобы найти дорогу». Он снова заговорил, я не ответил, и он повторил то же самое громче, размахивая при этом ножом.

Мы пытались объяснить словами и жестами, но было очевидно, что мы совершенно не понимаем друг друга. Пахарь начал кричать, как делают все невежественные люди, столкнувшись с языковым барьером.

В конце концов я указал на отдаленный холм, возвышавшийся над озером, где заметил пятно, которое могло быть городом. Медленно и осторожно я спросил: «Это Пелла?»

— Най, Пелла! — выражение его лица стало менее угрожающим.

— Я иду в Пеллу. Как мне найти философа Аристотеля? — Я повторил имя еще раз, но по выражению его лица понял, что ни о каком Аристотеле он и слыхом не слыхивал. Поэтому я поднял шляпу и палку, нащупал под туникой свое снаряжение, чтобы проверить, все ли на месте, бросил землешапку «Хайре» на прощание и пустился в путь.

Когда я пересек раскисшее поле и вышел на проселочную дорогу, передо мной уже не стояла проблема, что сделать, чтобы выглядеть закаленным путешественником. После спуска с дерева моя одежда была покрыта зелеными и коричневыми пятнами, плащ был порван, ветви исцарапали мне лицо и тело, ноги до колен были покрыты грязью. Вдобавок я понял, что для того, кто прожил всю жизнь, должным образом укутывая чресла в брюки и нижнее белье, античный костюм представляется несколько неполным.

Оглянувшись, я увидел, что пахарь все еще стоит, держась за плуг, и озадаченно смотрит мне вслед. Бедняга так никогда и не понял, кто я такой и откуда взялся. Я шел по разбитой проселочной дороге, на которой между двумя глубокими колеями чередовались камни, грязь и высокая трава.

Я направился в сторону озера и встретил нескольких прохожих. Тому, кто привык к оживленному движению в моем мире, Македония показалась бы пустынной и вымершей. Я пытался заговорить с путниками, но столкнулся с теми же трудностями, что и при разговоре с пахарем.

Наконец мимо проехала колесница, запряженная парой лошадей, которой правил плотный мужчина в головной повязке, подобии шотландского кильта, и высоких башмаках на шнуровке. Услышав мой окрик, он притормозил.

— В чем дело? — На аттическом диалекте он говорил не лучше меня.

— Я ищу философа Аристотеля из Стагира. Где я могу найти его?

— Он живет в Мизе.

— Где это?

Он показал.

— Ты не туда идешь. Иди обратно по этой дороге. У переправы через Ботий сверни направо, и эта дорога приведет тебя в Мизу и Китион. Ты понял?

— Кажется, да, — ответил я. — Это далеко?

— Около двухсот стадий.

Я пал духом. Двести стадий — это пять парасангов, или два дня пути. Я подумал, не попытаться ли мне купить коня или колесницу, но я не умел ездить верхом и править лошадьми, и не представлял себе, как я этому научусь за короткий срок. Я читал, что в Македонии Аристотель жил в Мизе, но так как это место не было обозначено на тех картах, которые у меня были, я решил, что это пригород Пеллы.

Я поблагодарил возничего, тот пустил лошадей трусой, а я отправился следом. Не буду утомлять Вас подробным описанием моего путешествия. Я не знал, где расположены деревни, и ночь застала меня в чистом поле; я отбивался от собак, меня заживо ели москиты и одолевали другие твари, пока я не нашел пристанища на вторую ночь. Дорога шла вдоль огромных болот, простиравшихся по Эмафианской равнине к западу от

Лудийского озера. Несколько мелких речушек стекали с Бермиона и терялись в болотах.

Наконец, я оказался вблизи Мизы, расположенной на одном из склонов Бермиона. Я из последних сил тащился вверх по крутому склону, когда шестеро подростков на малорослых греческих лошадях проскакали вниз по дороге. Я отступил в сторону, но вместо того, чтобы пронестись мимо, они придержали коней и окружили меня.

— Кто ты? — спросил меня невысокий юноша лет пятнадцати на чистом аттическом наречии. Светловолосый, он был бы очень хорош собой, если бы не прыщи.

— Я — Зандра из Паталипутры, — отвечал я называя город Патну на Ганге его древним именем. — Я ищу философа Аристотеля.

— А, варвар! — закричал прыщавый. — Что, ребята, уж мы-то знаем, как Аристотель любит варваров!

Другие поддержали его, выкрикивая оскорбления, похваляясь тем, что когда-нибудь перебьют всех варваров или обратят их в рабов.

Я допустил оплошность, показав им, что разозлился. Я знал, что это неразумно, но ничего не мог с собой поделать.

— Если вы не хотите мне помочь, дайте мне пройти, — сказал я.

— Да он не просто варвар, он еще и наглец! — закричал один из ребят, наезжая на меня лошадью.

— Отойдите прочь, дети! — потребовал я.

— Мы должны его проучить, — сказал прыщавый. Остальные захихикали.

— Лучше оставьте меня в покое, — сказал я, сжимая посох обеими руками.

Высокий красивый подросток сбил с меня шляпу.

— Вот тебе, трусливый азиат, — закричал он.

Недолго думая, я выругался по-английски и взмахнул посохом. То ли молодой человек успел увернуться, то ли его лошадь отпрянула, но я промахнулся. Посох мой пролетел мимо цели и ударил одну из лошадей по морде.

Лошадка пронзительно заржала и встала на дыбы. Всадник, сидевший без стремян, соскользнул с крестца лошади в грязь. Лошадь умчалась.

Все шестеро завопили. Светловолосый, у которого был необыкновенно пронзительный голос, стал выкрикивать угрозы. В следующую секунду я увидел, что его

лошадь несется прямо на меня. Раньше, чем я успел увернуться, она сбила меня с ног, я полетел вверх тормашками, а животное перепрыгнуло через меня, пока я катился по земле. К счастью, лошади стараются не наступать на мягкое, иначе я был бы растоптан. Я едва успел встать на ноги, как заметил, что остальные мальчишки тоже посылают лошадей прямо на меня.

Рядом росла старая сосна. Я нырнул под нижние ветки раньше, чем лошади налетели на меня. Всадники скакали вокруг дерева и вонили. Я с трудом понюхал, что они кричали, но услышал, как прыщавый приказал:

— Птолемей! Езжай домой и привези луки или копья!

Стук копыт смолк в отдалении. Я почти ничего не видел сквозь ветки, но догадывался о том, что происходило. Мальчишки не собирались атаковать меня пешими, во-первых, потому, что им больше нравилось ездить верхом, да и слезать с коней, ловить их потом им было лень; во-вторых, до тех пор, пока я стоял спиной к дереву, им было не так просто добраться до меня сквозь сплетение ветвей, а я мог бы отбиваться от них посохом.

Хотя в своем мире я не казался очень высоким, я был гораздо выше этих ребят.

Но не это сейчас меня волновало. Я услышал имя «Птолемей» и понял, что это один из соратников Александра, который в моем мире стал царем Египта и основал знаменитую династию. Прыщавый юнец, стало быть, Александр собственной персоной. Я попал в переплет. Если я останусь на месте, то послужу мишенью для стрельбы по цели, когда Птолемей вернется с оружием. Я, конечно, мог подстрелить нескольких мальчишек из своего ружья, что спасло бы меня на время. Но в стране, где власть царя безгранична, трудно рассчитывать на то, что доживешь до старости, убив одного из друзей наследника престола, не говоря уже о самом царевиче. Пока я обдумывал свое положение и прислушивался к голосам нападающих, сквозь ветви просвистел камень и отскочил от ствола. Невысокий смуглый юноша, который упал с лошади, бросил камень и побуждал своих товарищей последовать его примеру. Мне удалось разглядеть, как прыщавый и остальные спешили и стали лихорадочно собирать камни, а известно, что этого добра в Греции и Македонии предостаточно. Камни по-

летели сквозь хвою, отскакивая от веток. Один, величиной с кулак, оцарапал мне голень.

Мальчишки подошли поближе, чтобы вернее целиться. Я попытался отползти за дерево и спрятаться за ним, но они заметили мое движение и окружили дерево со всех сторон. Один из камней попал мне в голову и до крови содрал кожу, у меня потемнело в глазах. Я подумал было, не забраться ли на дерево, но сосна сверху сужалась, и чем выше я забрался бы, тем уязвимее был бы, а кроме того, сидя на ветке, труднее уворачиваться от камней.

Так развивались события в тот момент, когда я снова услышал стук копыт. Я подумал, что настала пора решиться на что-либо. Птолемей возвращается с оружием. Если я даже воспользуюсь своим оружием, мне все равно не спастись бегством, но было бы глупо оставаться на месте и дать изрешетить себя, не применив оружия.

Я нащупал под туникой ремешок, закреплявший пистолет в кобуре, и отстегнул его, затем вытащил пистолет и оттянул затвор.

Мужской голос вмешался в перебранку. Я уловил слова: «оскорблять безобидного путешественника... Откуда вы знаете, что он не князь в своей собственной стране? Придется рассказать царю... Можно подумать, что вы рабы, только что получившие свободу, а не знатные юноши из благородных семейств...»

Я протиснулся к краю завесы из сосновых иголок. Коренастый чернобородый всадник обращался к подросткам, побросавшим камни. Прыщавый сказал:

— Мы просто немного побаловались.

Я вылез из-под ветвей, подошел к тому месту, где лежала моя шляпа, и поднял ее. Затем я обратился к незнакомцу:

— Радуйся! Хорошо, что ты приехал раньше, чем игра зашла слишком далеко. — Я улыбнулся, решив вести себя приветливо, чего бы мне это ни стоило. Только благодаря железному самообладанию я мог выпутаться из этой ситуации.

Всадник проворчал:

— Кто ты?

— Зандра из Паталипутры, что в Индии. Я ищу философа Аристотеля.

— Он оскорбил нас...— начал один из подростков, но чернобородый не обратил на него внимания. Он сказал:

— Я сожалею, что твое знакомство с царским домом было столь неприятным. Этот дерзкий юноша,— он указал на прыщавого,— Александр, сын Филиппа, наследник македонского престола.

Он представил остальных: Гефастيون — тот, который сбил с меня шляпу, а сейчас держал лошадей; Неарх — тот, который упал с лошади; Птолемей — тот, который ездил за оружием; а также Гарпал и Филот.

— Когда Птолемей ворвался в дом,— продолжал незнакомец,— я спросил его, что за спешка, узнал о стычке и решил ехать с ним. Хорошо же они слушают своего учителя. Они не должны были вести себя недостойно даже с тобой, варваром, ибо, поступая так, они сами опускаются до уровня варваров. Я возвращаюсь в дом к Аристотелю. Ты можешь следовать за мной.

Всадник развернул коня и поехал шагом обратно в Мизу. Шестеро подростков стали ловить лошадь Неарха.

Я пустился вслед за ним, хотя мне иногда приходилось бежать трусцой, чтобы не отставать. Дорога шла в гору, и вскоре я начал задыхаться. Я пропыхтел:

— Кто ты... о господин?

Всадник мотнул бородой и удивленно поднял брови:

— Я думал, ты знаешь. Я Антипатр, правитель Македонии.

Не доезжая до деревни, Антипатр свернул и поехал по ухоженной территории, напоминавшей современный парк, где стояли статуи и скамьи. Я предположил, что это роща Нимф, в которой Аристотель проводил занятия с учениками. Мы проехали через парк и остановились у особняка, Антипатр бросил поводья слуге и соскочил с коня.

— Аристотель! — загредел Антипатр. — Тут тебя один человек видеть хочет.

Вышел мужчина примерно моего возраста, лет сорока. Он был стройный, среднего роста, с лицом тонкогубым и суровым, седеющая борода была коротко подстрижена. Одет он был в пышный гиматий, большой плащ с каймой, украшенной разноцветными спиралями. На пальцах золотые кольца. Антипатр, запинаясь, представил меня:

— Друг мой, это... э... как его зовут, из... э... откуда-то из Индии.

Он рассказал ему, как спас меня от Александра и его злокозненных друзей, и добавил:

— Если ты в скором времени не научишь этих щенков, как нужно себя вести, то потом будет поздно.

Аристотель внимательно посмотрел на меня.

— Всегда приятно познакомиться с человеком, приехавшим издалека. Что привело тебя сюда, друг мой?

Я представился и сказал:

— В своей стране я считаюсь философом, и я подумал, что мое путешествие на запад не может быть завершено, пока я не поговорю с величайшим философом Запада. А когда я спросил, кого мне искать, все называли мне Аристотеля, сына Никомаха.

Аристотель промурлыкал:

— Я рад, что они нахваляли меня. Гм. Войди в дом, выпей со мной вина. Ты можешь рашкажать мне о чудесах Индии?

— Да, конечно, но ты в свою очередь должен рассказать мне о своих открытиях, они воистину еще большее чудо.

— Ну что ж, заходи, заходи. Ты сможешь остаться на пару дней. Мне есть о чем рашпросить тебя.

Так я встретился с Аристотелем. Мы, как говорили в моем мире, понимали друг друга с полуслова. У нас было много общего. Кому-то могло не понравиться то, что Аристотель шепелявил, или его педантичность и чрезмерная сосредоточенность, или то, что любую тему он мусолил до умопомрачения. Но мы с ним ладили. В то утро в доме, который царь Филипп построил для придворной школы, Аристотель передал мне чашу густого вина и попросил:

— Рашкажи мне о шлоне, этом огромном звере, у которого по хвосту спереди и сзади. Он действительно существует?

— Да, действительно, — ответил я и начал рассказывать все, что я знал о слонах, а Аристотель делал заметки на листах папируса.

— Как в Индии называют шлонов?

Вопрос застал меня врасплох, мне не приходило в голову, что помимо всего того, что я знал, мне в моем путешествии понадобится еще и знание древнего хиндустани. Я отхлебнул вина, чтобы протянуть время. Я никогда не любил спиртные напитки, и эта жидкость

казалась мне отвратительной, но ради достижения моей цели приходилось притворяться, что она мне нравится. Без сомнения, мне пришлось бы выдумать какую-нибудь абракадабру, но тут память моя совершила внезапный скачок, и мне на ум пришли рассказы Киплинга, которые я читал в детстве.

— Мы зовем их х а т х и, — сказал я. — Но в Индии, конечно, говорят на разных языках.

— А что ты знаешь о диких ошлах, что водятся в Индии, тех, о которых пишет Ктезий, у них рог на лбу?

— Правильнее было бы называть их носорогами, потому что рог у них в действительности на носу и они больше похожи не на ослов, а на огромных свиней...

Приближалось время обеда, и я несколько раз тонко намекал, что мне нужно найти пристанище в Мизе, но Аристотель, к моей радости, и слушать меня не захотел. Он потребовал, чтобы я остановился прямо в школе, и не обратил внимания на то, что я из вежливости воспротивился этому.

— Ты должен оштаться здесь на несколько месяцев, — сказал он. — У меня никогда больше не будет такой возможности шобрать шведения об Индии. Не бешпокойся о рашходах. Царь платит за все. Ты первый действительно умный... э... варвар, из тех, кого я знал, а я иштошковался по ученому серьезному шобеседнику. Феофраст вернулся в Афины, а другие мои друзья редко заезжают в эту глушь.

— А македонцы?

— Ахой! Некоторые из них, как и мой друг Антипатр, неплохие люди, но в большинстве своем они столь же безмозглы, как и персидские вельможи. А теперь расскажи мне о Патал... как называется твой город?

Вскоре вошли Александр и его друзья. Мне показалось, они растерялись, увидев, что я бсседую наедине с их учителем. Я изобразил радостную улыбку и сказал: «Хайре, друзья мои!» — как будто ничего не произошло. Мальчишки переглянулись и начали перешептываться, но не решились ничего предпринять.

На следующее утро, когда они пришли на занятия, Аристотель сказал им:

— Я шлишком занят разговором с доштопочтенным путешественником из Индии, чтобы терять время, вколачивая ненужные вам знания в ваши жалкие умишки. Идите, постреляйте кроликов или наловите рыбы к обеду, только ишчезните!

Мальчишки улыбнулись. Александр сказал:

— Кажется, и от варвара может быть какой-то толк. Я надеюсь, что ты останешься у нас навсегда, достопочтенный варвар.

После того, как они ушли, попрощаться с Аристотелем зашел Антипатр. Он грубовато-добродушно спросил у меня, как я поживаю, вышел и отправился верхом в Пеллу.

Недели проходили незаметно, и пока я гостил у Аристотеля, появились первые весенние цветы. День за днем мы, беседуя, бродили по роще Нимф или сидели дома, когда шел дождь. Иногда мы беседовали одни, а иногда за нами следовали, слушая нас, мальчишки. Они несколько раз пытались подшутить надо мной, но я, хотя и был в ярости, делал вид, что меня забавляют их проделки, и таким образом избежал серьезных неприятностей.

Я узнал, что в другой половине большого дома жила жена Аристотеля с маленькой дочкой. Но Аристотель не представил меня жене. Я только несколько раз видел ее издалека.

Во время наших ежедневных бесед я осторожно пытался перейти от чудес Индии к фундаментальным вопросам науки. Мы спорили о том, какова природа материи и что представляет собой Солнечная система. Я дал ему понять, что в Индии астрономия, физика и другие науки развиваются в современном направлении, я имею в виду современное для моего мира. Я рассказал об открытиях выдающихся паталипутранских философов: вкладе Коперника в астрономию, Ньютона в физику, Дарвина в теорию эволюции и Мендела в генетику. (Я забыл, что Вам эти имена ни о чем не говорят, но любой образованный человек в моем мире узнал бы их, несмотря на маскарад.)

Я постоянно внушал ему, что важно экспериментировать и изобретать новое, что каждую теорию нужно проверять.

Аристотель был человеком самоуверенным и любил поспорить, но ум у него был, как губка, и мгновенно впитывал в себя все новые сведения, гипотезы, взгляды, независимо от того, согласен был с ними, или нет.

Я попытался найти какое-нибудь компромиссное решение между тем, чего, как я знал, может добиться наука, и тем, во что может поверить Аристотель.

Поэтому я не стал ничего рассказывать о летательных аппаратах, ружьях, зданиях высотой в тысячу футов и других чудесах техники, существовавших в моем мире. Тем не менее, однажды я заметил, что маленькие темные глаза Аристотеля внимательно смотрят на меня.

— Ты не веришь мне, Аристотель?

— Н-нет, нет, — сказал он задумчиво. — Но мне кажется, что ешли бы индийцы были такими замечательными изобретателями, как ты уверяешь, они бы изготовили тебе крылья вроде тех, что по легенде шделал Дедал. Тогда ты мог бы прилететь прямо в Македонию, и тебе бы не пришлось терпеть лишения, путешествуя на верблюде через всю Персию.

— Такие крылья пытались сделать, но мускульная сила человека относительно его веса невелика.

— Ага. Ты привез что-нибудь из Индии, что могло бы подтвердить мастерство твоего народа?

Я усмехнулся, потому что уже давно ожидал этого вопроса.

— Я привез несколько маленьких приспособлений, — сказал я, залезая под тунику и вытаскивая увеличительное стекло. Я показал, как им пользоваться.

Аристотель покачал головой:

— Почему же ты не показал мне его раньше?

— Люди часто навлекали на себя несчастья, пытаясь сразу изменить взгляды окружающих. Вспомни Сократа — учителя своего учителя.

— Правда, правда. А что ты еще привез?

Я собирался показывать приборы постепенно, не все сразу, но Аристотель был так настойчив, что я уступил прежде, чем он разозлился. Маленький телескоп был недостаточно мощным, и с его помощью нельзя было разглядеть спутники Юпитера или кольца Сатурна, но того, что мы увидели, было достаточно, чтобы убедить Аристотеля в возможностях прибора. Но если Аристотель и не мог наблюдать эти небесные тела сам, он был почти готов поверить мне на слово, что их видно в большие телескопы, имеющиеся в Индии.

Однажды, когда дискуссия в роще Нимф была в самом разгаре, к нам подскочил легко вооруженный всадник. Не обращая на нас никакого внимания, он обратился к Александру:

— Приветствую тебя, о царевич! Царь, твой отец, прибудет сюда еще до захода солнца

Все бросились наводить порядок. Мы ждали, выстроившись рядами перед большим домом, когда со звоном и бряцаньем прибыли царь Филипп и его свита, все в украшенных гребнями шлемах и развевающихся плащах. В одноглазом я узнал Филиппа. Это был высокий, богатырского сложения мужчина, весь покрытый шрамами; его густая, вьющаяся черная борода начинала седеть. Он спешил, обнял сына, небрежно поздоровался с Аристотелем и сказал Александру:

— Ты бы хотел принять участие в осаде города?

Александр завопил от восторга.

— Фракия покорена. Но стараниями афинян Византий и Перинф выступили против меня. Жителям Перинфа будет не до даров Великого Царя. Пора тебе, мой мальчик, понюхать крови, хочешь поехать?

— Да, да! Можно, мои друзья поедут тоже?

— Если они захотят и если их родители им позволяют.

— О, царь! — сказал Аристотель.

— Что тебе, долговязый?

— Я надеюсь, на этом обучение царевича не закончится. Ему еще многому нужно научиться.

— Нет, нет, я пришлю его обратно, как только город падет. Но он вступает в тот возраст, когда нужно учиться на деле, а не только слушая твои мудрые, возвышенные речи. Кто это? — Филипп взглянул на меня своим единственным глазом.

— Зандра из Индии, философ-варвар.

Филипп дружелюбно ухмыльнулся и похлопал меня по плечу.

— Радуйся. Приезжай в Пеллу, расскажи моим военачальникам об Индии. Кто знает? Может, и туда еще ступит нога македонца.

— Гораздо важнее получить сведения о Персии, — сказал один из военачальников Филиппа, красивый малый с рыжевато-каштановой бородой. — Он недавно был там проездом. Что ты скажешь на это? Чертов Артаксеркс все еще крепко сидит на троне?

— Я почти ничего не знаю, — сказал я, чувствуя, как сердце мое уходит в пятки при мысли о том, что меня сейчас разоблачат. — Я проехал вдоль северных границ владений Великого Царя и почти не заезжал в крупные города. Я ничего не знаю о том, какую они ведут политику.

— Это действительно так? — спросил рыжебородый,

взглянув на меня с подозрением. — Нам придется еще вернуться к этому разговору.

Они толпой повалили в большой дом, где суетились повар и служанки. Во время обеда оказалось, что я сижу между Неархом, маленьким критянином, другом Александра, и воином, не говорившим по-гречески. Поэтому я в основном молчал, а вдобавок почти не понимал, о чем говорили сидевшие во главе стола. Я попросил Неарха назвать мне военачальников.

— Тот, высокий, справа от царя, — Парменион, — сказал он, — а рыжебородый — Аттал.

Когда унесли еду и началась попойка, ко мне подошел Аттал. Воин уступил ему свое место. Аттал уже много выпил, но, хотя он и покачивался слегка, голова его была ясной.

— Как ты ехал через владения Великого Царя? — спросил он. — По какому маршруту ты следовал?

— Я же сказал тебе — вдоль северной границы.

— Тогда ты должен был заехать в Орхой.

— Я... — начал я и остановился. Возможно, Аттал пытается подловить меня. Что, если я скажу «да», а Орхой на самом деле находится на юге? Или вдруг он там был и знаком с городом. Многие греки и македонцы служили Великому Царю наемниками.

— Я проезжал разные города, но не запомнил их названия, — сказал я. — И не помню, заезжал ли в Орхой.

Аттал мрачно улыбнулся в бороду.

— Много же пользы принесет тебе путешествие, если ты не помнишь, где был. Скажи мне, ты не слышал о смуте в северных провинциях?

Я уклонился от ответа, набрав полный рот вина, чтобы скрыть замешательство. Я прихлебывал вино снова и снова, пока наконец Аттал не сказал:

— Ну хорошо, предположим, ты действительно ничего не знаешь о Персии. Тогда расскажи мне об Индии.

— Что рассказать? — Я икнул. Вино начинало действовать и на меня.

— Я солдат, и мне хотелось бы узнать об индийском военном искусстве. Как там насчет обучения боевых слонов?

— О, мы придумали кое-что получше.

— Что именно?

— Мы поняли, что слоны из плоти и крови ненадежны в бою, несмотря на свою величину, потому что

часто пугаются и, обратившись в бегство, топчут наши собственные войска. Поэтому философы Паталипутры создали механических стальных слонов со скорострельными катапультами на спине.

Так в моем одурманенном мозгу трансформировались бронированные военные машины моего мира. Я не знаю, что заставило меня наговорить Атталу таких глупостей.

Частично виной была антипатия, возникшая между нами. Из истории известно, что Аттал был неплохим человеком, хотя иногда и совершал безрассудные и глупые поступки. Но меня раздражало то, что он надеялся выведать у меня все хитрыми расспросами, а хитрость-то была шита белыми нитками. Его голос, выражение лица говорили сами за себя: ты лукав и проницателен, за тобой надо смотреть в оба. Он был из тех людей, которые, получив приказ следить за врагом, нацелили бы на лицо фальшивую бороду завергулись в длинный черный плащ и стали посреди бела дня, крадучись, ходить вокруг да около, подмигивать, бросать косые взгляды и привлекали бы к себе всеобщее внимание. Кроме того, он, конечно, насторожил меня, проявив настойчивый интерес к моему прошлому.

Но основной причиной моего безрассудного поведения явилось крепкое вино. В своем мире я пил очень редко и не привык к подсынным попойкам.

Аттал при упоминании о механических слонах весь превратился в слух:

— Да что ты говоришь!

— Да, и у нас есть нечто еще лучше. Если наземные войска противника отражают атаки наших стальных слонов, мы посылаем летающие колесницы, запряженные грифонами, и сверху осыпаем неприятеля дротиками. — Мне казалось, что я изобретателен, как никогда.

Аттал открыл рот от изумления: «Что еще?»

— Ну... э... у нас также мощный флот, знаешь, мы контролируем низовья Ганга и прилегающую часть Океана. Нашим кораблям не нужны ни паруса, ни весла. Их приводят в движение машины.

— Все индийцы владеют подобными чудесами?

— В общем, да, но паталипутранцы искуснее всех. Когда в морских сражениях численный перевес не на нашей стороне, мы посылаем ручных тритонов, которые подплывают под корабли неприятеля и продырявливают днища.

Аттал нахмурился.

— Скажи мне, варвар, почему, имея столь разрушительное оружие, палалал... патапата... жители вашего города не завоевали весь мир?

Я пьяно рассмеялся и хлопнул Аттала по плечу:

— Да мы его уже давно завоевали, приятель. Вы, македонцы, еще просто не заметили, что находитесь под нашим владычеством.

Аттал переварил все это и грозно нахмурился:

— По-моему, ты дурачишь меня, варвар! Меня! Клянусь Гераклом, я тебя...

Он поднялся и размахнулся, чтобы ударить меня кулаком. Я поднял руку, пытаюсь защитить лицо.

— Аттал! — окликнули его с другого конца стола. Царь Филипп следил за нами.

Аттал опустил кулак и пробормотал что-то вроде: «Воистину, летающие колесницы и ручные тритоны!» — и, спотыкаясь, направился к своей компании.

Я помнил, что у него впереди не было счастливого будущего. Ему было суждено выдать свою племянницу замуж за Филиппа, молодую женщину и ее младенца умертвят по приказу Олимпиады, первой жены Филиппа, после того как сам царь падет от руки вероломного убийцы. Вскоре, по повелению Александра, расправятся и с Атталом. У меня язык чесался, так мне хотелось намекнуть ему на то, что его ждет, но я сдержался. Я и так привлек к себе слишком много внимания.

Позже, когда попойка была в самом разгаре, пришел Аристотель и шуганул мальчишек. Он сказал мне: «Пойдем, Зандра, прогуляемся, проветримся да и пойдем тоже спать. Эти македонцы, как бездонные бочки. Мне за ними не угнаться».

На улице он сказал:

— Аттал думает, что ты персидский шпион.

— Я? Шпион? Но, ради Геры, почему? — Про себя я проклинал свою глупость, из-за которой нажил себе врага. Когда-нибудь я научусь обращаться с представителями рода человеческого?

Аристотель продолжил:

— Он считает, что никто не может проехать через всю страну и, как ты, остаться в полном неведении о том, что в ней происходит. Ergo, ты знаешь о Персидском царстве больше, чем говоришь, но не хочешь, чтобы мы думали, что ты как-то связан с ним. А если ты не перс, то зачем тебе это скрывать, если только ты не прибыл к нам с враждебными намерениями?

— Перс мог бы опасаться того, что эллины относятся к персам враждебно. Хотя я не перс, — добавил я поспешно.

— Вовсе нет. В Элладe спокойно живет много персов. Вспомни Артабаз с сыновьями, бежавшего от своего царя и живущего в Пелле.

Тут, гораздо позже, чем следовало, мне пришлось в голову, как я могу доказать свою невиновность.

— На самом деле я заехал на север дальше, чем я говорил, и проехал севернее Каспийского и Эвксинского морей, а потому миновал владения Великого Царя, кроме Бактрийских пустынь.

— Правда? Тогда почему же ты молчал? Ешли это так, то ты дал ответ на вопрос, вызывающий ожесточенные шпоры наших географов, является ли Кашпийское море внутренним или же это — часть Северного Океана.

— Я боялся, что мне никто не поверит.

— Я не знаю, чему верить, Зандра. Ты странный человек. Я не думаю, что ты перс — никогда еще не было перса-философа. Хорошо, что ты не перс.

— Почему?

— Потому что я ненавижу Персию, — прошипел он.

— Да?

— Да. Я мог бы перечислить все несчастья, которые принесли нам Великие Цари, но достаточно того, что они предательски схватили моего возлюбленного тестя, пытали и затем распяли его. Некоторые, как Исократ, говорят о том, что эллинам надо объединиться и завоевать Персию, и, возможно, Филипп, ешли будет жив, попытается шделать это. Однако, — проговорил он уже другим тоном, — я надеюсь, он не будет втягивать в эту войну города Эллады; оплотам цивилизации нет дела до грызни между тиранами.

— У нас в Индии считают, — сказал я нравоучительно, — что имеют значение только личные качества человека, а не его национальность. Люди всех национальностей бывают хорошими, плохими и никакими.

Аристотель пожал плечами:

— Я знал и достойных персов тоже, но это чудовищно раздутое государство... Не может быть действительно цивилизованной страны с населением больше, чем в несколько тысяч человек.

Не имело смысла рассказывать ему, что огромные государства, какими бы чудовищными и раздутыми они

ни казались ему, отныне и навсегда станут неотъемлемой чертой пейзажа планеты. Я старался изменить научные методы Аристотеля, а не его отсталые взгляды на международные отношения.

На следующее утро царь Филипп со своими людьми и шесть учеников Аристотеля усаkali в сторону Пеллы, а за ними потянулся караван выючных мулов и личные рабы мальчиков. Аристотель сказал:

— Будем надеяться, что какой-нибудь случайно пущенный из пращи камень не вышибет из Александра мозги раньше, чем у него будет шанс показать, на что он способен. Он одаренный мальчик и может далеко пойти, хотя, если он закусит удила, то с ним не справиться. А теперь, мой дорогой Зандра, вернемся к вопросу об атомах, о которых ты несешь такой явный вздор. Во-первых, ты должен признать, что если существует целое, должна существовать и часть его. А отсюда следует, что нет неделимых частиц...

Тремя днями позже, когда мы все еще бились над проблемой атома, стук копыт прервал нашу беседу. Подъехал Аттал с целым отрядом всадников. Рядом с Атталом скакал высокий смуглый мужчина с длинной седой бородой. Его внешность навела меня на мысль, что он, должно быть, тоже прибыл из моего времени, потому что он был в шапке, куртке и штанах. При одном только виде знакомой одежды сердце мое наполнилось тоской по миру, из которого я прибыл, хотя я и ненавидел его, когда жил в нем.

Правда, одежда этого человека была не совсем такой, как в моем мире. Шапка представляла собой цилиндрический войлочный колпак с наушниками. Коричневая куртка длиной до колен была одного цвета со штанами. Поверх куртки был надет линялый жилет, расшитый красными и голубыми цветочками. Весь костюм был старым и поношенным, повсюду виднелись заплаты. Сам он был крупным, костистым, с огромным крючковатым носом, широкими скулами и маленькими глазками под кустистыми нависшими бровями.

Все спешили, и несколько конюхов прошли, собирая поводья, чтобы лошади не разбежались. Солдаты окружили нас и встали, опираясь на копья; круглые бронзовые щиты висели у них за спинами. Копья были обычными шестифутовыми пиками греческих гоплитов,

а не сариссами — двенадцати-пятнадцатифутовыми кольями фалангистов.

Аттал сказал:

— Я бы хотел задать твоему гостю еще несколько вопросов по философии, о Аристотель.

— Шпрашивай.

Аттал повернулся, но не ко мне, а к седобородому. Он сказал ему что-то, а тот обратился ко мне на незнакомом языке.

— Не понимаю, — сказал я.

Седобородый снова заговорил, как мне показалось, на другом языке. Несколько раз он обращался ко мне, каждый раз слова его звучали иначе и каждый раз мне приходилось отвечать, что я не понимаю.

— Вот видите, — сказал Аттал, — он делает вид, что не понимает по-персидски, мидийски, армянски и по-арамейски. Он не смог бы проехать через владения Великого Царя, не выучив хотя бы один из этих языков.

— Кто ты, о господин мой? — спросил я седобородого.

Старик горделиво улыбнулся и заговорил по-гречески с гортанным акцентом:

— Я — Артавазд, или Артабаз, как зовут меня греки; когда-то я был правителем Фригии, а сейчас — бедный наемник царя Филиппа.

Это и был знатный персидский беженец, о котором говорил Аристотель.

— Бьюсь об заклад, он даже не говорит по-индийски, — сказал Аттал.

— Ну конечно, — сказал я и начал по-английски: «Настало время всем добрым людям прийти на помощь своей партии. Восемьдесят семь лет тому назад отцы наши заложили...»

— Что ты думаешь об этом? — спросил Аттал у Артавазда.

Перс пожал плечами.

— Я ничего подобного никогда не слышал. Но Индия — обширная страна, и там говорят на разных языках.

— Я не... — начал я, но Аттал продолжил:

— К какому народу ты бы его отнес?

— Не знаю. Индийцы, которых я видел, намного смуглее, но, насколько я знаю, бывают и светлокожие индийцы.

— Если ты меня слушаешь, Аттал, я все объясню, — сказал я. — Почти весь мой путь проходил за пределами персидской державы. Я пересек Бактрию и обогнул с севера Каспийское и Эвксинское моря.

— Ну-ну, что еще расскажешь? — сказал Аттал. — Каждый образованный человек знает, что Каспий — не что иное, как залив, глубоко вдающийся в сушу, открытый на севере в Океан. Поэтому ты не мог объехать его с севера. Так что, пытаясь выпутаться, ты только еще больше погряз во лжи.

— Послушай, о Аттал, — возразил Аристотель. — Это вовсе не так. Еще Геродот и многие после него считали, что Кашпий — это внутреннее море...

— Придержи язык, профессор, — сказал Аттал. — Речь идет о государственной безопасности. Что-то с этим мнимым индийцем не так, и я собираюсь выяснить, что именно.

— Нет ничего подозрительного в том, что человек, приехавший из неизвестной далекой страны, рассказывает небылицы о своем путешествии.

— Нет, это еще не все. Я узнал, что впервые он появился на вершине дерева на поле, принадлежащем свободному земледельцу Дикту, сыну Писандра. Дикт помнит, что перед тем, как растянуться на земле, он посмотрел на дерево, нет ли там ворон. Если бы Зандра был на дереве, Дикт увидел бы его, потому что листьев еще мало. А в следующее мгновение раздался хруст веток под тяжестью падающего тела и посох Зандры ударил Дикта по голове. Простой смертный не может свалиться на дерево с неба.

— Может быть, он прилетел из Индии. Он говорил мне, что у них там есть чудесные машины, — сказал Аристотель.

— Пусть он попытается сделать мне пару крыльев, если останется жив, после того как его допросят в Пелле, — сказал Аттал. — А еще лучше парочку для моего коня, чтобы он смог обогнать Пегаса. А пока... взять его и связать!

Солдаты двинулись на меня. Я не рискнул сдаться из опасения, что они отберут мое ружье и я буду совсем беззащитен. Я рванул край туники, пытаюсь вытащить пистолет. Драгоценные секунды ушли на то, чтобы отстегнуть ремешок, но я вытащил ружье раньше, чем кто-либо успел до меня дотронуться.

— Назад, или я ударю вас молнией! — закричал я, приподнимая ружье.

В моем мире люди, зная, сколь смертоносно это оружие, испугались бы. Но македонцы, которые раньше его никогда не видели, взглянули на него и продолжали приближаться. Аттал был совсем рядом.

Я выстрелил в него, затем повернулся и застрелил солдата, который пытался схватить меня. Выстрел из ружья сопровождался вспышкой света, напоминающей молнию, и оглушительным грохотом, подобным близкому удару грома. Македонцы закричали, Аттал упал, раненный в бедро.

Я вновь повернулся, пытаюсь прорваться сквозь кольцо солдат, и в голове моей промелькнула мысль, не попытаться ли мне завладеть лошадью. От сильного удара в бок у меня перехватило дыхание. Один солдат ткнул меня копьем, но пояс смягчил удар. Я выстрелил в него, но промазал второпях.

— Не убивайте его! — завопил Аристотель.

Часть солдат отступила, как будто собираясь бежать, остальные взмахнули копьями. Долю секунды они колебались, то ли боялись меня, то ли их сбил с толку крик Аристотеля. В других условиях они бы пропустили его слова мимо ушей и слушались приказа своего начальника, но Аттал лежал на траве, в изумлении разглядывая дыру в своей ноге.

Один солдат уронил копье и пустился бежать, но тут искры посыпались у меня из глаз от удара по голове, и я почти без памяти свалился на землю. Воин взмахнул копьем как дубинкой и стукнул меня древком по макушке.

Раньше чем я успел прийти в себя, они навалились, пихаясь и пинаясь. Кто-то вырвал ружье у меня из рук. Я, должно быть, потерял сознание, потому что помню только, как лежу в грязи, а солдаты сдирают с меня тунуку. Аттал, опираясь на солдата, стоит надо мной с окровавленной повязкой на ноге. Он кажется бледным и испуганным, но настроен решительно. Тот, второй, в которого я стрелял, лежит неподвижно.

— Так вот где он держит свои дьявольские приспособления! — сказал Аттал, указывая на мой пояс. — Снять его.

Солдаты возились с пряжкой, пока один из них в нетерпении не разрезал ремешки кинжалом. Золотые монеты в моем кошельке вызвали крики восторга.

Я завозился, пытаюсь подняться, но двое солдат опустились коленями мне на руки, чтобы удержать меня. Слышалось постоянное бормотание. Аттал, глядя на пояс, сказал:

— Он слишком опасен, чтобы оставить его в живых. Кто знает, может быть, даже связанный, он поднимется в воздух и исчезнет при помощи волшебства?

— Не убивай его! — попросил Аристотель. — Он мог бы научить нас многим полезным вещам.

— Нет ничего полезнее безопасности государства.

— Но он может своими познаниями принести пользу государству. Разве не так? — обратился Аристотель к персу.

— Прошу тебя, не вспутывай меня в это, — ответил Артавазд. — Это не моего ума дело.

— Если он представляет опасность для Македонии, его следует немедленно уничтожить, — сказал Аттал.

— Маловероятно, что он сейчас может причинить какой-то вред, — возразил Аристотель, — однако очень вероятно, что он может быть нам полезен.

— У него предостаточно возможностей навредить нам, — сказал Аттал. — Вы, философы, можете позволить себе проявлять терпимость по отношению к интересующим вас чужеземцам, но если от него можно ждать беды, то за дело беремся мы, солдаты. Не так ли, Артавазд?

— Я сделал то, о чем меня просили, и не скажу больше ни слова, — сказал Артавазд. — Я — простодушный персидский вельможа, и мне недоступны ваши греческие хитрости.

— Я могу увеличить мощь твоих армий! — крикнул я Атталу.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь также и в том, что ты можешь обращать людей в камень заклинаниями, как Горгоны взглядом. — Он вытащил меч и попробовал острие большим пальцем.

— Ты лишишь его жизни просто по невежеству своему! — завопил Аристотель, ломая руки. — Пусть по крайней мере царь рассмотрит это дело!

— Не по невежеству, — сказал Аттал, — а как убийцу. — Он указал на мертвого солдата.

— Я пришел из другого мира! Из другого века! — закричал я, но Аттал был непоколебим.

— Пора покончить с этим, — сказал он. — Поставьте его на колени. Возьми мой меч, Главк, мне с ним не

совладать, я еле стою на ногах. Наклони голову, милый мой варвар, и...

Не успел Аттал договорить, как он, и все остальные, и все вокруг меня исчезло. Я снова испытал ту острую боль и ощущение, мной выстрелили из чудовищной пушки...

Я увидел, что лежу на прошлогодних листьях, окруженный отливающими перламутром стволами тополей. Свежий ветерок шевелил листья так, что видна была их нижняя серебристая поверхность. Для человека, одетого в одни сандалии, было чересчур холодно.

Меня отбросило обратно в 1981 год по нашему летоисчислению, в год, из которого я отправился в путешествие. Но где я? Я должен был быть неподалеку от Национального института в Брукхейвине, в мире, где все подчинено высокоразвитой науке. Но здесь от нее не было и следа; вообще ничего, кроме тополей.

Охая, я поднялся и огляделся. Я был весь покрыт синяками, изо рта и из носа текла кровь. Я мог ориентироваться только по отдаленному гулу прибора. Дрожа от холода, я заковылял на звук. Через сотню-другую шагов я вышел из леса на песчаный берег. Вероятно, это было побережье острова Севанхаки, или Лонг Айленда, как мы его называли, но точно определить было трудно. Вокруг — никаких следов присутствия человека; лишь берег, изгибавшийся вдаль и исчезающий за мысом; с одной стороны лес, с другой — океан.

Что произошло, недоумевал я. Может быть, наука в результате моего вмешательства развивалась так быстро, что люди уже истребили друг друга в кровопролитной войне? Философы моего мира допускали такую возможность, но я никогда не относился к этому серьезно.

Начался дождь. В отчаянии я упал на песок и замолотил кулаками. Должно быть, я снова лишился чувств.

Первое, что я осознал, был знакомый стук копыт. Подняв голову, я увидел, что всадник уже прямо надо мной. Я ничего не слышал раньше, потому что песок заглушал удары копыт.

Я не поверил своим глазам. На мгновение мне показалось, что я все еще в античном мире. Всадник был воином, оружие и доспехи напоминали античные. Сначала мне показалось, что шлем на нем как у древних греков. Когда он подъехал ближе, оказалось, что это не совсем так, гребень был сделан из перьев, а не из

конского волоса. Предличник скрывал почти все лицо, но оно казалось смуглым и безбородым. На всаднике была рубашка, обшитая металлическими пластинами, длинные кожаные штаны и низкие башмаки. С седла свешивались лук и маленький щит, за спиной на ремне болталось тонкое копьё. По большому седлу и стремянам на лошади и понял, что это не могло происходить в древнем мире.

Пока я в оцепенении смотрел на всадника, он направил на меня копьё и заговорил на непонятном языке.

Я встал и поднял руки над головой, прося пощады. Всадник, размахивая копьём, повторял свой вопрос все громче и громче. Я мог только сказать «Я не понимаю» на всех известных мне языках, но ни один из них не был ему знаком.

В конце концов, он объехал вокруг меня, прорычал какую-то команду, указал в направлении, откуда он прискакал, и подтолкнул меня древком копьё. Я, хромая, побрел по песку; дождь, кровь и слезы текли по моему лицу.

Остальное Вы знаете более или менее подробно. Я не смог вразумительно рассказать о себе, поэтому сахем Линейпа Вейотан Толстый сделал меня своим рабом. Четырнадцать лет я работал в его поместье, кормил свиней, рубил хворост. Когда Вейотан умер и выбрали нового сахема, я был уже слишком стар для такой работы, да и покалечен побоями Вейотана и его надсмотрщиков. Узнав, что я немного смыслю в грамоте — я, несмотря на свою несчастную судьбу, научился говорить и читать по-алгонкински, — преемник освободил меня и назначил библиотекарем.

Теоретически я могу разъезжать, где захочу, но я не воспользовался этим правом. Я слишком стар и слаб, и не перенесу тяготы путешествий в этом мире, а, судя по всему, другие страны не более цивилизованы, чем эта. Кроме того, несколько человек приходят на мои лекции по естествознанию и я стараюсь внушить им мысль о достоинствах научного метода. Возможно, я сумею заронить в их души маленькую искру, раз уже мне не удалось сделать это в 340 году до Рождества Христова.

Когда я начал работать в библиотеке, я первым делом постарался выяснить, что привело мир к современному состоянию.

Предшественник Вейотана собрал значительную библиотеку, которая при Вейотане пришла в запустение: часть книг погрызли крысы, другие погибли от сырости. Однако оставалось еще достаточно, чтобы я мог составить себе представление о литературе этого мира с античных времен и до наших дней. Здесь были даже «История» Геродота и «Диалоги» Платона, идентичные тем, что существовали в моем мире.

Мне пришлось преодолевать лингвистические трудности, потому что европейские языки в этом мире отличаются, хотя и ненамного, от тех, что были в моем мире. Например, современный английский больше похож на наш немецкий, так как Англия никогда не была завоевана норманнами. Мне было также тяжело читать без очков. К счастью, большинство манускриптов написаны крупным отчетливым почерком. Несколько лет тому назад мне удалось достать очки, привезенные из Китая, где изобретение печатного станка способствовало расцвету ремесел. Но поскольку это недавнее изобретение, очки не так совершенны, как в моем мире.

Я проштудировал все книги по истории, чтобы выяснить, когда изменился ее ход, и обнаружил, что различия явились довольно скоро. Александр отправился в Индию, но не умер в тридцать два года по возвращении оттуда. Он прожил на пятнадцать лет дольше и погиб в битве с сарсатами в Кавказских горах. Не знаю, как короткое знакомство со мной помогло ему избежать малярийного комара, который сгубил его в моем мире. Возможно, я пробудил в нем более живой интерес к Индии, чем это произошло бы без моего вмешательства, а это привело к тому, что он задержался там на длительный срок, что изменило в дальнейшем все течение его жизни. Созданная им держава просуществовала более столетия, а не распалась сразу после его смерти, как это произошло в моем мире.

Римляне покорили все Средиземноморье, но все войны, которые они вели, и имена выдающихся римлян были иными. Две из основных религий моего мира — Христианство и Ислам — так и не возникли. Вместо них появились Митраизм, Одиноизм и Сотеризм; последний — это греко-египетское учение, основанное пламенным египетским пророком, которого его последователи зовут греческим словом, означающим «спаситель».

Однако древняя история в целом следовала по тому же пути, что и в моем мире, хотя действующие лица носили другие имена. Как и в моем мире, Римская империя распалась, но детали были другими: император гуннов правил в Риме, а готтов — в Антиохии.

Основные различия начались после падения Римской империи. В моем мире примерно девятьсот лет тому назад началось возрождение научной мысли, за которым через четыреста лет последовала научно-техническая революция. В нашей истории возрождение началось на несколько столетий позже, а научно-техническая революция едва началась. Компас и парусное вооружение судов не были изобретены, а это привело к тому, что Северная Америка, я имею в виду Гесперию, была открыта и заселена с севера, через Исландию, и медленнее, чем в моем мире. Ружье так и не было изобретено, а это значит, что аборигены Страны Заходящего Солнца не были уничтожены завоевавшими их европейцами, а отстаивали свою независимость и постепенно научились искусству обработки металлов, ткачеству, возделыванию зерновых культур и подобным вещам. К настоящему времени большинство европейских поселений ассимилировались, хотя у представителей правящих домов абнаков и могикан часто бывают голубые глаза и они носят имена вроде «Эрик» и «Свен».

Мне не терпелось добраться до работ Аристотеля, посмотреть, как я повлиял на его взгляды, и попытаться понять, какое отношение это имело к последующему развитию событий. По упоминаниям его работ в других книгах, имевшихся в этой библиотеке, я понял, что многие из них дошли до наших дней, хотя названия их были иными, чем названия сохранившихся в моем мире произведений. Единственными подлинными образцами его сочинений в нашей библиотеке были три эссе: «О правосудии», «К вопросу об образовании» и «О страстях и гневе». Ни в одном из них не было и следа моего влияния.

Я перерыл почти всю библиотеку сахема, пока наконец не нашел ключ к разгадке. Это был перевод на иберийский язык книги «Биографии великих философов», написанной Диомедом из Мазакки. Я никогда не встре-

чал имени Диомеда в литературных источниках моего мира и, возможно, он никогда не существовал. Как бы то ни было, он посвятил большую главу Аристотелю, и из нее взят следующий отрывок:

«Итак, во время пребывания в Митилене Аристотель прилежно изучал естественные науки. По свидетельству Тимофея, он собирался написать серию работ, в которых хотел исправить ошибки Эмпедокла, Демокрита и других своих предшественников. Но после того, как он переехал в Македонию и занялся воспитанием Александра, к нему однажды явился путешественник Санд из Палиботры, мудрый индийский философ. Индиец высмеял попытки Аристотеля вести научные исследования и сказал, что в его стране уже открыто все то, о чем эллины и не догадываются, но тем не менее индийцам не удалось еще создать удовлетворительную картину Вселенной. Более того, он утверждал, что невозможно добиться реальных успехов в развитии натурфилософии до тех пор, пока эллины не перестанут пренебрегать физическим трудом и не займутся проведением изнурительных опытов с различными механическими устройствами вроде тех, что делают хитроумные египетские и азиатские ремесленники.

Царь Филипп, узнав о пребывании в своей стране этого иноземца и опасаясь, что он может оказаться шпионом иностранной державы, подосланным, чтобы причинить вред юному принцу, прибыл с солдатами арестовать его. Однако на требование царя следовать за ним в Пеллу Санд ответил тем, что поразил молниями всех солдат Филиппа, прибывших с ним. Затем, как говорят, он вскочил в колесницу, запряженную крылатыми грифонами, и улетел в сторону Индии. Но из других источников известно, что человеком, пытавшимся арестовать Санда, был правитель Антипатр; Санд окутал тьмой его и Аристотеля, а когда тьма рассеялась, индиец исчез.

Аристотель, упрекаемый царем за то, что он дал приют столь опасному гостю, и потрясенный кровавой развязкой этой истории, решил оставить занятия наукой. Ибо, как он объясняет в своем знаменитом трактате «О греховности естественных наук», ни один добропорядочный эллин не должен забивать себе голову подобными предметами, во-первых, потому, что для создания обоснованной теории необходимо обработать такое

количество данных, что даже если все эллины не будут ничем больше заниматься в течение веков, они все равно не смогут этого сделать. Задача, таким образом, невыполнима. Во-вторых, развитие науки требует проведения экспериментов и изобретения механических приборов, а такая работа, хотя и годится для презренных азиатов, имеющих к ней природную склонность, унижает достоинство эллинов. И наконец, некоторые варвары превзошли уже эллинов в этой деятельности и не пристало эллинам вступать с низшими народами в соревнование в ремеслах, в которых они от рождения более искусны. Эллинам следует заботиться с незыблемости моральных устоев, воспитании патриотизма, личной доблести, развития политического мышления и эстетического вкуса, и предоставить варварам искусственные средства, позволяющие вести спокойный и добродетельный образ жизни, который обеспечивается научными открытиями».

Что ж, так все и было. Автор, конечно, кое-что напутал, но этого и следовало ожидать от античного историка.

Увы! Мои наставления были усвоены даже слишком хорошо. Я не оставил камня на камне от наивной самоуверенности эллинских философов и отвратил их от занятий наукой. Мне следовало помнить, сколь заманчиво создание блестящих теорий и широких обобщений, даже ошибочных. Возможность изрекать истины и есть тот стимул, который заставляет многих ученых годами усердно собирать факты, даже кажущиеся обычными и заурядными. Если бы античные ученые осознали, какого труда требует сбор данных, позволяющих создавать обоснованные теории, они бы ужаснулись и оставили занятия наукой. Именно так и произошло.

По проницанию судьбы, здесь я бессилен что-либо изменить. Вернись я в общество с развитой наукой и техникой, я мог, если бы мне там не понравилось, построить новую машину времени, отправиться в прошлое и как-нибудь предостеречь себя от последующей ошибки. Но ничего подобного невозможно сделать в этом мире, где еще не изобретены даже, ну, например, цельнотянутые ниобиевые трубы. Все, что я доказал своим злополучным путешествием, это то, что пространство-время

имеет отрицательную кривизну, но кому здесь есть дело до этого?

Если Вы помните, когда Вы приезжали к нам в последний раз, Вы спросили у меня, что значит девиз, начертанный на стене моей кельи. Я сказал, что открою Вам это, когда расскажу всю свою фантастическую историю. Девиз гласит: «От добра добра не ищут», и лучше бы я всю жизнь ему следовал.

Искренне Ваш
Шерман ВИБЕР

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Маллены жили в Вейнсвилле всего неделю, и их в первый раз пригласили в гости. Они приехали ровно к половине девятого. Кармайклы их явно ждали — на террасе горел свет, входная дверь была приоткрыта, светились окна гостиной.

— Как я выгляжу? — спросила у дверей Филлис. — Все в порядке?

— Абсолютно, — заверил ее муж. Она улыбнулась и нажала кнопку. Послышался мелодичный звонок.

Джим Маллен поправил галстук и чуть-чуть вытащил платок из нагрудного кармана.

— Наверное, готовят ужин, — сказал он. — Позвонить еще раз?

— Нет, подожди немного. — Они подождали, потом позвонили снова.

— Очень странно, — сказала Филлис через несколько минут. Маллен кивнул. Кармайклы оставили открытыми все окна. Можно было увидеть столик для бриджа, расставленные стулья, накрытый стол — все было готово. Но никто не отзывался.

— Может, они вышли? — сказала Филлис. Джим подошел к гаражу.

— Машина стоит. — Он вернулся и толкнул входную дверь.

— Джимми, не входи.

— Я и не вхожу. — Он просунул в дверь голову. — Эй! Кто-нибудь дома?

Тишина.

— Эй! — снова крикнул Джим и прислушался. За соседней дверью слышался обычный шум — люди разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Где-то в доме скрипнула доска, потом снова наступила тишина.

— Не могли же они так уйти и оставить дверь открытой, — сказал Джим. — Что-то, наверное, случилось. — Он вошел внутрь. Филлис двинулась следом, но неуверенно остановилась в гостиной, в то время как Джим прошел на кухню. Она слышала, как он открывает дверь погреба, зовет: «Кто-нибудь есть?» и снова закрывает ее. Нахмурившись, он вернулся в гостиную и пошел наверх.

Через несколько минут Маллен, озадаченный, спустился вниз.

— Никого нет, — сказал он.

— Давай уйдем отсюда, — сказала Филлис, вдруг почувствовав себя неуютно в освещенном пустом доме. Они хотели оставить записку, потом решили, что не стоит, и вышли.

— Не запереть ли нам дверь? — остановившись, спросил Джим.

— Какой смысл? Все окна открыты.

— И все-таки... — Он вернулся и запер дверь. Маллены медленно пошли домой, оглядываясь. Джим еще надеялся, что Кармайклы с веселыми криками выбегут следом.

Но дом оставался безмолвным.

Маллены жили недалеко от Кармайклов — в доме, ничем не отличающемся от двух сотен других в этом городке. Мистер Картер сидел за картонным столиком и делал искусственные рыболовные насадки. Он работал медленно и аккуратно, его проворные пальцы ловко расправляли разноцветные нити. Он так увлекся своей работой, что не услышал, как вошли Маллены.

— Мы вернулись, папа, — сказала Филлис.

— А, — сказал мистер Картер. — Взгляните на эту прелесть, — он показал готовую насадку, очень похожую на шмеля. Крючок был искусно спрятан среди желтых и черных нитей.

— Кармайклов не было дома, — сказал Джим, снимая пиджак.

— Я завтра собираюсь на Олд-Крик, — сказал мистер Картер. — Мне кажется, там должны быть великолепные форели.

Джим усмехнулся. С отцом Филлис разговаривать было нелегко. Ни о чем, кроме рыбной ловли, он говорить не хотел. С тех пор, как ему исполнилось семьдесят, и он ушел на пенсию, он посвящал все свободное время любимому занятию.

— Давай поужинаем, — сказала Филлис, с сожалением сняв свою красную шляпку и положив ее на столик. Мистер Картер добавил еще одну ниточку к своему произведению, внимательно осмотрел его, положил на стол и пошел следом за ними на кухню.

Пока Филлис готовила ужин, Джим рассказал старику, что произошло. Мистер Картер ответил в своей обычной манере:

— Поезжай завтра на рыбалку и выбрось все это из головы. Рыбная ловля, Джим — не только спорт. Это образ жизни, если хочешь, даже философия. Я люблю найти тихую заводь и сидеть на ее берегу — мне всегда кажется, что самая лучшая рыба должна быть именно там.

Филлис улыбнулась, видя, как Джим беспокойно ерзает на стуле. Ее отца было не остановить, стоило ему только начать.

— Представь себе... — продолжал мистер Картер. Но Филлис прервала его на полуслове.

— Странно, — сказала она, рассматривая неоткупоренную бутылку молока. — Смотри.

Молоко к ним поступало с молочной фермы в Станнертоне. На зеленой этикетке было написано: «Станнер-Онская молочная ферма».

— И вот еще, — она показала надпись ниже: «Проверенно Нью-Йоркским отделом здравоохранения». Все это напоминало неудачную имитацию фирменной этикетки.

— Где ты это взяла? — спросил Джим.

— Наверное, как всегда — в магазине у Элриджа. Что это — рекламный трюк?

— Не могу понять людей, которые ловят рыбу на червя, — говорил тем временем мистер Картер. — Мои насадки — произведения искусства...

— Не пей это, — сказал Джим. — Обойдемся и без молока.

Обнаружились еще три подделки. Плитка шоколада была черного цвета вместо коричневого. Была еще баночка с «плавленным сыром», почти на треть больше обычной, и бутылка «лимонада».

— Весьма странно, — сказал Маллен, потирая подбородок.

— Я всегда бросаю маленьких рыбок обратно в воду, — продолжал мистер Картер. — Это один из неписанных законов рыбаков. Пусть они растут, пусть набираются опыта. Мне нравятся старые, хитрые рыбыны, которые прячутся под корягой и бросаются прочь при виде рыболова. С такими порой нелегко бывает справиться!

— Отнесу эту бутафорию обратно к Элриджу, — ска-

зал Джим, складывая «продукты» в бумажный мешок. — Если тебе попадется что-нибудь подобное, не выбрасывай.

— Олд-Крик — прекрасное место, — сказал мистер Картер. — Именно там водится крупная рыба.

Субботнее утро было ясным и солнечным. Мистер Картер встал спозаранку, позавтракал и отправился на Олд-Крик.

Джим Маллен допил кофе и пошел к Кармайклам.

Машина была в гараже. Были открыты окна, накрыт стол, и горел свет, точно так же, как прошлым вечером. Джим вспомнил когда-то прочитанный им рассказ о корабле, шедшем под всеми парусами, на борту которого все было в порядке... но не было ни одной живой души.

— Может, поговорить с соседями? — спросила Филлис, когда он вернулся домой. — Похоже, что-то случилось.

— Похоже. Но с кем поговорить?

Близких знакомых в городе у них не было. Они знали три или четыре семьи, но понятия не имели, кто может знать Кармайклов.

Все проблемы решил телефонный звонок.

— Если это кто-то из соседей, — сказал Джим Филлис, — спроси у них.

— Алло!

— Здравствуйте. Не уверена, что вы меня знаете. Я Маргарет Карпендер, живу в соседнем доме. Мой муж к вам не заходил? — в голосе женщины слышались страх и беспокойство.

— Нет, никого у нас не было...

— Я так и думала...

— Что случилось? — спросила Филлис.

— Сама не понимаю, — сказала миссис Карпендер. — Мой муж Джордж сегодня утром после завтрака пошел в комнату надеть пиджак. Больше я его не видела.

— Ох...

— Назад он не возвращался. Я пошла посмотреть, из-за чего он задержался — мы собирались уезжать — но его там не было. Я обыскала весь дом. Я думала, что он сыграл со мной глупую шутку, хотя он никогда со мной так не шутил, и заглянула даже под кровать и в туалет. Я позвонила к соседям, но никто его не видел. Я подумала, что он, может быть, пошел к вам...

Филлис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они поговорили еще с минуту, потом Филлис повесила трубку.

— Джим, — сказала она, — это мне не нравится. Надо сообщать в полицию о Кармайклах.

— Интересно, как мы будем выглядеть, когда они вернутся из Олбани, где гостили у знакомых.

— Придется рискнуть.

Джим набрал номер, но телефон был занят.

— Поеду сам.

— И захвати с собой эту бутафорию, — она протянула ему бумажный мешок.

В эту ночь и утро капитану Лесснеру пришлось выслушать бесконечный поток заявлений. Постовые устали, сержанты устали, а сам он устал больше всех. Все же он пригласил Маллена к себе в кабинет и выслушал его рассказ.

— Напишите все, что вы мне только что рассказали, — сказал Лесснер, когда Джим замолчал. — О Кармайклах нам уже сообщили соседи вчера, поздно вечером. Ищем. Считая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.

— Десять чего?

— Исчезновений.

— О господи, — вздохнул Джим. — Все из нашего города?

— Все из Вейнсвилля, — подтвердил капитан Лесснер, — более того, из одного квартала. — Он назвал улицы.

— Я там живу, — сказал Маллен.

— Я тоже.

— Как вы полагаете, это похитители? — спросил Джим.

— Не думаю, — сказал Лесснер, закуривая двадцатую сигарету за этот день. — Никаких требований выкупа, да и большинство пропавших не стоят для похитителей ни цента. И потом, сразу столько народу... нет, тут что-то не то!

— Может быть, какой-то маньяк?

— Может быть. Но как он мог похитить целые семьи? Взрослых людей? И куда он девал их, или их трупы? — Лесснер со злостью отшвырнул сигарету. — Наши люди обыскали буквально каждый квадратный

дуюм в городе и в радиусе двадцати миль вокруг. Полиция штата останавливает машины на дорогах. Но мы ничего и никого не нашли.

— Да, вот еще... — Джим показал ему поддельные продукты.

— Опять... — раздраженно сказал капитан Лесснер. — У меня нет времени на эту бутафорию. И без того дел хватает, — зазвонил телефон, но Лесснер не обращал на него внимания.

— Я послал несколько подделок вроде этих в Олбани на анализ. В конце концов... черт бы побрал этот телефон!

Он схватил трубку.

— Лесснер слушает. Да... да. Ты уверена? Конечно, Мэри. Сейчас еду. — Он повесил трубку, внезапно переменившись в лице.

— Звонила сестра жены, — сказал он. — Моя жена исчезла!

Маллен мчался домой на бешеной скорости. Резко затормозив и чуть не врезавшись головой в стекло, он ворвался в дом.

— Филлис! — закричал Джим. Где она? О господи, подумал он. Если она...

— Что случилось? — спросила Филлис, выходя из кухни.

— Я думал... — он крепко обнял ее и поцеловал.

— Что с тобой? — улыбнулась Филлис. — Мы ведь уже полтора года женаты...

Он рассказал ей о том, что узнал в полиции.

Филлис огляделась вокруг. Неделию назад комната казалась такой уютной. Теперь ее пугала даже тень под кроватью, и казалось, что кто-то прячется за приоткрытой дверью ванной...

В дверь постучали.

— Не ходи, — сказала Филлис.

— Кто там? — спросил Джим.

— Джо Даттон, из соседнего дома. Слышали новости?

— Да, — сказал Маллен из-за закрытой двери.

— Мы баррикадируем улицы, — сказал Даттон. — Мы собираемся следить за всеми, кто будет входить или выходить. Хотите к нам присоединиться?

Джим открыл дверь. За дверью стоял невысокий смуглый человек в поношенном армейском кителе.

— Мы хотим как бы накрыть этот квартал колпаком, — сказал Даттон. — Если кого-то еще и утащат, то разве что из-под земли...

Маллен поцеловал жену и пошел вместе с ним.

В этот день в школьной аудитории собрались все жители квартала. Выяснилось, что, несмотря на блокаду, в Вейнсвилле пропало еще три человека.

Выступил капитан Лесснер и сказал, что он запросил помощь из Олбани, и что в дело вмешалось ФБР. Он честно заявил, что не знает, кто или что похищает людей, и зачем. Он даже не может объяснить, почему все пропавшие жили в одном квартале Вейнсвилля.

Лесснер получил из Олбани результаты экспертизы поддельных продуктов, которые, видимо, распространились по всему городу. Химики не обнаружили никаких следов ядовитых веществ. Оказалось несостоятельным предположение, что в продуктах содержались какие-то вещества, заставлявшие людей уходить из дома куда-то, откуда они не возвращались. Однако он посоветовал всем не употреблять их в пищу.

Фирмы, этикетки которых были на продуктах, заявили, что им ничего не известно, и что они готовы подать в суд на любого, кто посягнет на их авторские права.

Собрание кончилось. К вечеру прибыла помощь из Олбани. Квартал был окружен солдатами. Установили переносные прожекторы, и с восьми часов вечера был объявлен комендантский час.

Мистер Картер обо всех этих событиях ничего не знал. Весь день он провел на рыбалке. К вечеру он вернулся, с пустыми руками, но счастливый. Часовые пропустили его, и он вошел в дом.

— Прекрасный день, — объявил он.

Маллены провели страшную ночь, не раздеваясь, почти без сна, под отблески прожекторов и шаги караульных.

К восьми часам утра в воскресенье пропали еще два человека. Пропали в квартале, который охранялся строже, чем концентрационный лагерь.

В десять часов утра мистер Картер, не обращая внимания на уговоры Малленов, взял свой рюкзак и ушел. С тридцатого апреля он не пропускал ни одного дня и вовсе не собирался пропустить целый сезон.

В полдень исчез еще один человек, увеличив общее число пропавших до шестнадцати.

В час дня нашлись все пропавшие дети.

Полицейский патруль обнаружил на загородном шоссе восемь детей, в том числе мальчика Кармайклов, которые с ошеломленным видом брели домой. Их отправили в больницу.

Никаких следов пропавших взрослых обнаружено не было.

Слухи распространялись быстрее, чем официальные сообщения. Детям не было причинено никакого вреда. Психиатры установили, что они не помнят, ни где они были, ни как туда попали. Удалось выяснить только одно — что они испытали ощущение полета, сопровождавшееся болью в желудке. Детей оставили в больнице, на всякий случай под охраной.

Но к вечеру в Вейнвилле исчез еще один ребенок.

Мистер Картер вернулся перед самым заходом солнца, с двумя крупными форелями в рюкзаке. Он вежливо поздоровался с Малленами и пошел в сарай чистить рыбу.

Джим Маллен, нахмурившись, вышел во двор и пошел следом за ним. Он хотел о чем-то спросить старика, но никак не мог вспомнить, о чем именно, хотя это было что-то очень важное.

По пути ему встретился сосед, имени которого он не помнил.

— Маллен, — сказал он, — кажется, я знаю.

— Что? — спросил Джим.

— Вы знаете, что предполагают об этих исчезновениях?

— Конечно.

— Ну так слушайте. Это не похитители. Для них это не имеет никакого смысла. Верно?

— Думаю, что да.

— Маньяк тоже отпадает. Как он может похитить пятнадцать человек? И вернуть детей? Даже целая банда маньяков не может этого сделать. Верно?

— Продолжайте. — Краем глаза Маллен заметил жену соседа. Она подошла ближе и стала прислушиваться к их разговору.

— То же самое можно сказать о банде гангстеров или даже марсиан. Это невозможно, а если даже

возможно, то не имеет никакого смысла. Остается единственный логический вывод.

Маллен взглянул на женщину, которая устала на него, скрестив руки на груди. Чего она так на меня смотрит, подумал Джим. Что я такого сделал?

— Единственный вывод, — медленно сказал сосед, — это то, что где-то здесь есть дырка. Дырка в пространственно-временном континууме.

— Что? — удивился Маллен. — Я не совсем понимаю...

— Дырка во времени, — объяснил сосед, — или дырка в пространстве. Или так, или эдак. Не спрашивайте меня, как она образовалась, но она есть. Все очень просто — человек делает шаг в дыру, и хлоп! — он уже где-то в другом месте. Или в другом времени. Или и там, и там сразу. Конечно, эта дырка невидима, она четырехмерная, но она есть. Если вы проследите за всеми перемещениями пропавших людей, окажется, что каждый из них прошел через определенную точку — и исчез.

— Гм... — задумался Маллен. — Это довольно интересно, но ведь многие исчезли прямо из своих собственных домов.

— Да... — согласился сосед. — Дайте подумать... Ага! Эта дырка в пространстве-времени не неподвижная. Она постепенно перемещается. Сначала в доме Кармайклов, потом движется дальше...

— Почему же она не выходит за пределы нашего квартала? — спросил Маллен, удивляясь, что жена соседа все еще смотрит на него, плотно сжав губы.

— Ну, — сказал сосед, — наверное, есть какие-то ограничения.

— А почему вернулись дети?

— О господи, Маллен, вы хотите, чтобы я объяснил вам каждую мелочь! Это всего лишь неплохая рабочая гипотеза. Нужно больше фактов...

— Привет! — крикнул мистер Картер, выходя из сарая. В руках у него были две вычищенные и выпотрошенные рыбины.

— Будет отличный ужин. Рыбная ловля — прекрасный спорт, а рыба — прекрасная еда! — Он не торопясь прошел в дом.

— У меня другие мысли на этот счет, — произнесла жена соседа, разжав губы и опустив руки.

Мужчины повернулись к ней.

— Кто здесь единственный человек, кого ни капли не волнует то, что происходит вокруг? Кто все время куда-то уходит с рюкзаком, как он говорит, для рыбы? Кто говорит, что проводит все свое время на рыбалке?

— О, нет, — сказал Маллен. — Папаша Картер тут ни при чем. Он просто жить не может без рыбалки.

— Он дурачит вас, но меня ему не провести! — закричала женщина. — Я знаю только, что он единственный человек в округе, которого абсолютно ничто не волнует, и который куда-то уходит каждый день... и вообще, чтоб ему провалиться! — с этими словами она повернулась и ушла.

— Извините, Маллен, — сказал сосед. — Вы же знаете женщин. Она сейчас очень расстроена, хотя наш Дэнни уже в безопасности, в больнице.

— Да, — сказал Маллен.

— Она не разбирается в пространственно-временных континуумах, — продолжал сосед. — Но я вечером ей все объясню. Она завтра утром извинится перед вами. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Наступила темнота, и по всему городу зажглись прожекторы. Их лучи освещали улицы, дворы, отражались от закрытых окон. Обитатели Вейнсвилля сидели по домам и ждали новых исчезновений.

Джим Маллен очень хотел, чтобы все это как можно скорее кончилось, но чувствовал себя совершенно беспомощным — он мог только сидеть и ждать. Его жена тоже выглядела усталой, и только мистер Картер был весел, как всегда. Он жарил рыбу на сковороде и рассказывал:

— Я сегодня нашел прекрасный тихий омут, недалеко от устья Олд-Крика, около маленького притока. Я ловил там целый день, сидел себе на траве и глядел на облака. Прекрасная вещь эти облака! Завтра опять пойду туда и порыбачу еще денек. Потом поищу другое место. Настоящий рыбак никогда не вылавливает всю рыбу в водоеме. Умеренность — закон рыболова. Немного взять, немного оставить. Я часто думаю...

— О господи, папа! — воскликнула Филлис и заплакала. Мистер Картер грустно покачал головой,

понимающе улыбнулся и пошел в комнату делать новую насадку.

Вконец измученные, Маллены отправились спать...

Маллен проснулся и сел на постели. Жена спала рядом. Светящиеся стрелки часов показывали без пятнадцати пять. Почти утро, подумал он.

Джим встал, накинул халат и медленно спустился вниз. Напротив окна горел прожектор, на улице стояли часовые.

Унылая картина, подумал он и пошел на кухню. Медленно налил стакан молока. На холодильнике стояла коробка с тортом. Джим отрезал себе кусок.

Похитители, подумал он. Маньяки. Марсиане. Дырки в пространстве. Или еще что-нибудь. Нет, все это не то. Он пытался вспомнить, о чем он хотел спросить мистера Картера. О чем-то очень важном...

Джим сполоснул стакан, поставил торт обратно на холодильник и пошел в спальню. Внезапно какая-то сила швырнула его к стене.

Что-то держало его! Он пытался за что-нибудь уцепиться, но ничего подходящего вокруг не было. Его крепко держала чья-то невидимая рука. Он бросился в сторону, теряя опору. Ноги оторвались от пола, и он, дергаясь, повис в воздухе. Что-то так сжимало грудь, что нельзя было ни вздохнуть, ни крикнуть. Его неумолимо тянуло вверх.

Дырка в пространстве, подумал он, и попытался закричать. Ему удалось ухватиться за край дивана. Диван начал подниматься вместе с ним. Джим рванулся, и захват на мгновение ослаб, дав ему упасть на пол.

Он кинулся к двери. Невидимая сила снова схватила его, но рядом была батарея отопления. Он вцепился в нее обеими руками, пытаясь сопротивляться. Еще раз рванувшись, он зацепился за батарею одной ногой, потом другой.

Батарея угрожающе затрещала. Джим чувствовал, что сейчас разорвется пополам, но держался на пределе сил. Внезапно захват ослаб.

Джим рухнул на пол.

Когда он пришел в себя, было уже совсем светло. Филлис, закусив губу, брызгала водой ему в лицо,

Джим моргал глазами и никак не мог сообразить, где он.

— Я все еще здесь? — спросил он.

— С тобой все в порядке? — спросила Филлис. — Что случилось? Дорогой, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — Маллен, пошатываясь, поднялся.

— Ловит рыбу. Ложись, пожалуйста. Я сейчас позову доктора.

— Нет, подожди... — Джим прошел на кухню. На холодильнике стояла коробка с тортом. На ней было написано: «Кондитерская Джонсона. Вейнвилль, штат Нью-Йорк». Заглавное «К» в слове «Нью-Йорк». Действительно, совсем маленькая ошибка.

А мистер Картер? Мог ли он ответить на его вопрос? Маллен взбежал наверх и оделся. Потом скомкал коробку, сунул в карман и поспешил к двери.

— Не трогай ничего, пока я не вернусь! — крикнул он Филлис. Она видела, как он сел в машину и уехал. Едва сдерживая слезы, Филлис вернулась в кухню.

Через четверть часа Маллен был уже на Олд-Крике. Оставив машину, он пошел вдоль берега.

— Мистер Картер! — крикнул Джим. — Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, забираясь во все более густые заросли. Кроны деревьев нависали над водой, и приходилось пробираться вброд, чтобы вообще как-то двигаться вперед. Джим ускорил шаг, скользя по камням и пытаясь бежать.

— Мистер Картер!

— Эй! — он услышал голос старика и побежал на звук. Мистер Картер сидел на берегу небольшого омута с длинным бамбуковым удилищем в руках. Джим выбрался из кустов.

— Привет, сынок, — сказал мистер Картер. — Рад, что ты решил ко мне присоединиться.

— Нет, — задыхаясь, сказал Маллен, — я только хотел бы кое-что у вас узнать.

— С удовольствием, — ответил старик. — Что же ты хочешь узнать?

— Рыбак никогда не вылавливает всю рыбу из водоема, так?

— Я — нет. Но некоторые могут.

— И приманка. Хороший рыболов пользуется только искусственными приманками?

— Мои насадки — моя гордость, — сказал мистер Картер. — Я стараюсь делать их как можно более похожими на настоящие. Вот, например, прекрасная копия шмеля, — он вытащил крючок из шляпы. — А вот великолепный москит.

Внезапно леска натянулась. Старик уверенно вытянул ее, схватил трепещущую рыбу и показал ее Маллену.

— Она еще маленькая — я ее отпущу. — Он аккуратно вынул крючок из жабр и отпустил рыбу обратно в воду.

— Как вы думаете, — спросил Джим, — когда вы ее отпустили, она как-то сообщит об этом другим?

— О нет, — сказал мистер Картер. — Опыт их ничему не учит. Иногда одна и та же молодая рыбка попадает на мой крючок два-три раза. Им надо немного подрасти, прежде чем они поймут.

— Я так и думал, — Маллен посмотрел на старика. Мистер Картер, похоже, не знал ничего о событиях последних дней, об ужасе, охватившем Вейнсвилль.

Рыбаки живут в своем собственном мире, подумал Джим.

— Тебе надо было прийти часом раньше, — сказал мистер Картер. — Я поймал одного красавца на два фунта с лишним. Он здорово сопротивлялся, тебе надо было это видеть! И — сорвался. Но ничего, будет другой... Эй, куда же ты!

— Назад! — на бегу крикнул Маллен. Теперь он знал все, что хотел узнать у мистера Картера. Простая параллель. И все стало ясно.

Рыбная ловля. Дырка в пространстве. Параллельный мир.

Безжалостный мистер Картер, вытаскивающий свою форель — и другой, куда более крупный рыболов, вытаскивающий свою...

— Назад, предупредить... остальную рыбу! — крикнул Маллен через плечо, продираясь сквозь заросли. Только бы Филлис не трогала никаких продуктов! Джим вытащил из кармана коробку из-под торта и с силой вшвырнул ее в кусты. Проклятая приманка!

А тем временем где-то рыбаки, улыбнувшись, снова закинули свои удочки...

ТОЛКАЧ

В дверь постучали посреди ночи. Иосип Пекич всегда знал, что это произойдет именно так. Ему не было еще четырех лет, когда стук в дверь раздался впервые, и трое рослых мужчин дали отцу несколько минут на сборы и увели его с собой. Он почти не помнил отца.

Времена полицейского государства миновали. Так, во всяком случае, утверждалось. Культ личности отошел в прошлое. Завершилась длинная очередь пятилетних и семилетних планов, все поставленные цели были достигнуты. Новая конституция гарантировала свободу личности. Никто больше не был подвержен полицейскому произволу. Так, во всяком случае, утверждалось.

Но страх умирает медленно. Особенно долго он живет в подсознании. И в глубине души Иосип всегда знал, что в дверь постучат.

Он не ошибся. В дверь снова постучали, резко, нетерпеливо. Иосип Пекич позволил себе всего лишь раз вздрогнуть от мрачных предчувствий, затем резко вскочил с постели, расправил слегка сутулые плечи и направился к дверям, щелкнув по дороге выключателем. Он открыл дверь как раз в тот момент, когда здоровенный зомби с пустым невыразительным лицом собирался постучать вновь.

Их было двое, а не трое, как он ожидал. За отцом более двух десятилетий тому назад они пришли втроем.

Его отец, как писали в газетах, был правым уклонистом, соратником человека, имя которого упоминалось лишь в связи с процессом и последовавшей за ним казнью. Но отца не смогли сломить никакими пытками, и сын гордился этим.

Его не смогли сломить, и годы спустя, когда культ личности отошел в прошлое, он был реабилитирован и имя его вернули во все учебники истории. Теперь быть сыном Любо Пекича, удостоенного посмертно звания героя Народной Демократической Диктатуры, стало почетно, а не позорно.

Однако, хотя отец и был объявлен героем, Иосип по-прежнему ждал, что в дверь постучат. И все же он не чувствовал за собой никакой вины и не понимал, почему за ним пришли именно сейчас.

Зомби произнес безо всякого выражения:

— Товарищ Иосип Пекич?

Если голос Иосипа и дрогнул, то это было почти незаметно. Он был сыном Любо Пекича. С напускной храбростью он сказал:

— Совершенно верно. Э... чему обязан этим вторжением в мою личную жизнь?

Зомби не ответил на его вопрос.

— Одевайтесь, товарищ, и следуйте за нами, — сказал он решительно.

По крайней мере, они все еще называли его товарищем. В этом, хотелось верить, был некий намек на то, что вина его не слишком велика.

Он надел черный костюм. Более старый, чем коричневый, но в нем, как ему казалось, он выглядел внушительней. Невысокий, худощавый, нерешительный, Иосип Пекич был не из тех, кто производит впечатление на окружающих. Он выбрал строгий галстук и белую рубашку, хотя знал, что многие в последнее время хмурятся при виде белых рубашек, считая их излишне буржуазными. Главное — иметь пролетарскую внешность, что бы под этим ни подразумевалось.

Пока он одевался, зомби стояли и смотрели на него пустыми глазами. Он подумал, что они ответят, если попросить их подождать в прихожей. Возможно, ничего. Ведь они не стали отвечать, когда он спросил, в чем его вина.

Он положил документы: удостоверение личности, студенческий билет, трудовую книжку — во внутренний карман и повернулся к ним лицом.

— Я готов, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал естественно.

Они повели его вниз, на улицу, к черному лимузину. Третий ждал в машине, на переднем сиденье, лицо его также ничего не выражало. Он даже не удосужился выключить мотор, и автомобиль на воздушной подушке висел над мостовой. Он знал, как быстро вернутся его коллеги вместе с арестованным.

Иосип Пекич сел на заднее сиденье между конвоирами, недоумевая, куда его везут и почему. Хоть убей, он не понимал, в чем его могут обвинять. Да, действительно, читал некоторые запрещенные книги, но не больше, чем другие интеллектуалы, студенты и передовые люди страны, если их так можно назвать; бывал на неформальных собраниях и дискуссиях в кафе, где

самые отважные критиковали Народную Диктатуру. Но не принадлежал ни к одной из действующих организаций, противостоящих государству, да и влечения к этому не имел. Он не интересовался политикой.

В этот поздний час улицы Загуреста уже опустели, автомобилей на стоянках было мало. Почти все машины, взятые на день напрокат, стояли в гаражах. Свободные улицы, по мнению Иосипа, были единственным преимуществом перед западными городами, которые он видел. Лишь немногие имели собственную машину. Если возникала необходимость, ее брали в местном гараже напрокат.

Он ожидал, что его повезут в Калемегданскую тюрьму, где обычно содержались политические заключенные, но вместо этого они свернули направо на Партизанскую площадь, затем на бульвар Ноябрьской революции. От удивления Иосип открыл было рот, собираясь сказать что-то сотруднику органов госбезопасности, сидевшему рядом с ним, но промолчал и губы его побелели. Теперь он знал, куда его везут. Очевидно, обвинения ему предъявлялись нешуточные.

Чуть в стороне от парка стояли правительственные здания. Скупщина, старое здание парламента, сохранившееся с тех дней, когда Трансбалканиа была отсталой третьеразрядной феодально-капиталистической державой. Национальный банк, новые здания Борьбы и Политики. И, наконец, футах в ста от бульвара — мрачное приземистое здание Министерства внутренних дел.

Оно было построено давно, еще в те времена, когда в стране господствовали русские, в рабском подражании архитектурному кошмару, известному как сталинская готика. Оно задумывалось строгим и внушительным, а получилось просто зловещим.

Да. Теперь Иосип Пекич знал, куда его везут.

Лимузин на воздушной подушке бесшумно скользнул по дорожке мимо массивной металлической статуи рабочего — борца с силами реакции, с винтовкой в одной руке и гаечным ключом в другой — и остановился перед усиленно охраняемым подъездом.

Не говоря ни слова, те двое из органов, что приходили за ним, открыли дверцы и вылезли из машины. Один из них мотнул головой, и Иосип последовал за ними. Лимузин тут же исчез.

Под конвоем Иосип поднялся по мраморной лестнице. Ему пришло в голову, что именно здесь, должно быть, проходил его отец двадцать лет тому назад.

Никогда раньше он не бывал в здании Министерства внутренних дел. Из всех трансбалканцев здесь бывали лишь те, кто работал в МВД, или же те, на ком оставливался внимательный взгляд Министерства.

Двери распахнулись перед ним и закрылись, как только он прошел. Иосип Пекич несколько удивился, когда увидел, что изнутри здание обильно украшено бесчисленными бронзовыми и мраморными статуями, картинами и гобеленами. Оно напоминало безвкусные музеи Загуреста.

Прошли через анфиладу залов и огромных комнат и наконец очутились в небольшом помещении, где за письменным столом в одиночестве сидел худощавый самоуверенный человек и нервно чиркал что-то электронной компьютерной ручкой в бумагах, стопкой лежавших перед ним. Он был одет в безукоризненно выглаженный костюм и курил сигарету, вставленную в маленький, похожий на трубку мундштук, из тех, что ввел в употребление по всем Балканам маршал Тито.

Все трое, как по команде, остановились перед ним, и на лицах зомби появилось выражение почтения с примесью робости. Перед ними, очевидно, был человек, наделенный властью.

Сидевший за столом дописал лист и бросил его в отверстие в столе, откуда лист по желобу попадал в автоматический перфоратор, а затем регистрировался. Человек взглянул на них раздраженно, — но тут же быстро встал и, к величайшему изумлению Иосипа Пекича, на его лице появилась вкрадчивая улыбка. Иосипу и в голову не могло прийти, что в Министерстве внутренних дел кто-то будет ему улыбаться.

— Александр Кардель, — представился человек, сунув Иосипу узкую ладонь для рукопожатия. — Вы ведь Пекич? Мы вас ждем.

Иосип в недоумении пожал протянутую ему руку и растерянно взглянул на стоявшего рядом зомби.

Кардель перевел понимающий взгляд с Иосипа на конвоиров и спросил:

— В чем дело? Эти головорезы напугали вас?

В словах Карделя слышались одновременно отвращение и мягкая насмешка.

Иосип нервным движением потер подбородок.

— Конечно, нет.

Зомби щелкнул каблуками:

— Мы всего лишь исполняли приказ.

Кардель удивленно поморщился.

— Представляю себе, — проворчал он. — Милка, ты смотришь слишком много западных боевиков по телевизору. Мне кажется, ты воображаешь себя трансбалканским агентом 007.

— Да, товарищ, — сказал Милка, вскинув голову.

— О, замолчите и убирайтесь вон, — сказал Кардель. Он выбил большим пальцем окурочек из мундштука, достал новую сигарету из ящика стола и вставил ее в чашечку мундштука, взглянул на Иосипа и снова улыбнулся, отчего его лицо приняло по-юношески простодушное выражение.

— Вы и представить себе не можете, как я рад наконец познакомиться с вами, — сказал он. — Я уже несколько месяцев вас разыскиваю.

Иосип Пекич смотрел, широко раскрыв глаза. Он только теперь понял, кто перед ним. Имя Александра Карделя редко упоминалось в новостях, он крайне редко появлялся на фотографиях, да и то лишь на заднем плане вместе с группой партийных функционеров. Но его знала вся страна, да и за рубежом он был известен. Александр Кардель был Вторым. Правая рука самого Зорана Янкеза. О нем говорили, что он-то и руководит страной, стоя за троном.

Зомби торопливо вышли.

— Разыскиваете меня? — тупо повторил Иосип. — Но я не прятался. Вы ошибаетесь. Я простой студент...

— Конечно, конечно, — сказал Кардель в шутливом нетерпении. Он взял со стола папку и рассеянно помахал ею перед Иосипом.

— Я тщательно изучил ваше дело.

Он вскинул глаза на стенные часы.

— Идемте. Товарищ Янкез ждет вас. Там мы вам все объясним.

Удивленный, Иосип Пекич последовал за ним.

Товарищ Янкез, Первый. Зоран Янкез, Генеральный секретарь партии, Президент СБСР, Союза Балканских Советских Республик. Первый.

Иосип едва ли мог вспомнить те времена, когда Зоран Янкез еще не стоял во главе партии, когда его портреты и бюсты не украшали магазины, банки, железнодорожные вокзалы, парикмахерские и бары. В каждом

киножурнале хотя бы один сюжет был посвящен товарищу Янкезу, телевизионные программы новостей обязательно рассказывали о Первом. Он пришел к власти спокойно и бескровно, после смерти своего предшественника, и находился на своем посту на протяжении жизни целого поколения.

Изумленный, Иосип Пекич прошел вслед за Александром Карделем через дверь в глубине кабинета и оказался в комнате больших размеров, в которой почти не было мебели, если не считать массивного стола с дюжиной стульев вокруг него. За столом сидел Зоран Янкез, выглядевший на десять лет старше, чем на всех фотографиях, которые Иосипу доводилось видеть.

Он выглядел на десять лет старше, и лицо его было серым и усталым, — на официальных фотографиях это не было заметно. Он оторвался от бумаг, лежавших перед ним, и проворчал что-то вроде приветствия.

Кардель сказал с приятным энтузиазмом:

— А вот и он, Зоран. Наш товарищ Иосип Пекич. Рядовой молодой гражданин Трансбалкании.

Первый опять что-то проворчал и оглядел не слишком внушительную фигуру Иосипа Пекича. Иосипу захотелось укунить себя за палец, но он подавил это желание. Он недавно бросил курить и, когда нервничал, не знал, куда девать руки.

Зоран Янкез прорычал им предложение садиться, и Кардель, расправив брюки, чтобы не помять складки, и вытянув одну ногу вдоль массивного стола, опустился на ягодицы и расслабился, но так, чтобы быть готовым вскочить в любой момент.

Иосип пристроился на тяжелом дубовом стуле, глядя во все глаза на двух самых могущественных людей его родины. С тех пор, как час назад его вытащили из постели, и до настоящего момента, он не понимал ничего из того, что ему говорили.

Зоран Янкез проскрипел:

— Я изучил ваше дело, товарищ. Я обратил внимание на то, что вы — сын Героя Народной Демократической Диктатуры Любо Пекича.

— Да, товарищ Янкез, — Иосип встал. Он нервно потер руки, но решил, что сунуть их в карманы будет неприлично.

Первый проворчал:

— Я хорошо знал Любо. Вы понимаете, что он был арестован еще до меня. Я не мог ему ничем помочь. Но, конечно, после того, как меня избрали Генеральным секретарем, он был реабилитирован и его имя вернули в число тех, кто верой и правдой служил государству. Но вы, разумеется, не станете держать камень за пазухой. Любо был посмертно удостоен звания Героя.

Иосип имел обо всей этой истории несколько иное представление, но вряд ли стоило возражать. Он просто кивнул головой и сказал безнадежно:

— Товарищи, мне кажется, произошла какая-то ошибка. Я... я понятия не имею...

Кардель захихикал, как будто происходящее доставляло ему удовольствие. Он жестом велел Иосипу замолчать и повернулся к Первому.

— Видишь, Зоран, рядовой, весьма благонадежный молодой человек. Родился при нашей власти, воспитан при Народной Демократической Диктатуре. Наш человек.

Зоран Янкез, казалось, его не слушал. Он с угрюмым, почти зловещим выражением лица изучал Иосипа.

Мясистая лапа протянулась к кнопке на столе. Тотчас раскрылась дверь в глубине комнаты и появился официант в белой курточке, толкавший перед собой тележку, уставленную напитками и закусками. Он поставил тяжело нагруженный сервировочный столик так, чтобы партийный руководитель мог до него дотянуться. Взгляд официанта был тупым и подобострастным.

Янкез что-то проворчал, и официант, кланяясь и приседа, попятился из комнаты. Первый пожевал губами, разглядывая яства.

Кардель сказал с готовностью:

— Позволь, Зоран.

Он встал, вынул из ведерка со льдом завернутую в салфетку бутылку, ловким движением наполнил хрупкий стаканчик и поставил его перед Первым. Взял еще один стаканчик и вопросительно взглянул на Иосипа, но тот покачал головой. Его слабый желудок не стоило испытывать алкогелем. Кардель плеснул немного себе и вернулся на свое место у массивного стола.

Янкез, жмуря крошечные пороссячи глазки, взял толстый ломоть черного хлеба и вывалил на него с четверть фунта дунайской икры. Затем поднял стаканчик, опрокинул его разом, проворчал что-то и сунул бутерброд в рот.

Иосип устался на сервировочный столик. Он на такое угощение и за полгода не заработал бы.

Первый прогремел с набитым ртом:

— Товарищ, я понимаю ваше удивление. Перейдем к делу немедленно. Вообще-то вы можете считать, что вам крупно повезло.

Он рыгнул, снова откусил огромный кусок и продолжал:

— Вы слышали такое слово «толкач»?

— Я... я, право, не знаю, товарищ Янкез.

Партийный руководитель налил себе еще немного и сделал глоток.

— Это неважно, — проскрежетал он. — Впервые эта идея зародилась у товарища Карделя, когда он изучал сведения об успехах американской промышленности в годы второй мировой войны. Американцы пытались в течение нескольких месяцев вдвое, втрое, вчетверо увеличить выпуск такой военной техники, как корабли и самолеты. Разумеется, они столкнулись со многими трудностями. Во всем царила полная неразбериха. Тогда они обратились за помощью к толкачам. Это были высококвалифицированные специалисты по научной организации труда, и их единственной задачей было выявление всякого рода неувязок и их устранение. Из-за отсутствия какой-нибудь детали на конвейере застревала сотня самолетов. Толкач находил эти детали, скажем, где-то в Англии и спецрейсом доставлял их в Калифорнию. Для проведения исследований в Тенесси требовались ученые химики, и толкачи находили их, пусть даже для этого им приходилось отрывать ценных специалистов от менее важной работы. Я думаю, примеров достаточно. Толкачам были даны огромные полномочия. Их расходы не ограничивались. Их успех превзошел все ожидания.

Первый перевел взгляд на гору закусок, как будто такая длинная речь утомила его.

Иосип ерзал на стуле, все еще ничего не понимая.

Пока партийный руководитель сооружал себе бутерброд со свинойной по-далмацки и цыпленком «поховано пиле», Александр Кардель вставил с энтузиазмом:

— Мы собираемся воспользоваться этой идеей применительно к нашим потребностям. Первым толкачом мы выбрали вас.

Тут Иосип Пекич еще больше растерялся.

— Толкачом? — переспросил он тупо. — Толкать... толкать что?

— А это уже вы сами должны решить, — жизнерадостно ответил Кардель.

— Вы — рядовой гражданин Трансбалкании, вы воспринимаете все так же, как и другие люди вокруг вас. В Соединенных Штатах таких называют средними американцами.

Иосип жалобно протянул:

— Вы все время это повторяете, но я, товарищ, не понимаю, что вы имеете в виду. Может быть, я туповат, — но при чем тут то, что я рядовой человек? Во мне нет ничего особенного. Я...

— Вот именно, — с торжеством в голосе заявил Кардель. — В вас нет ничего особенного. Вы — рядовой гражданин Трансбалкании. Мы изрядно потрудились прежде, чем сумели вас найти.

Первый рыгнул и начал угрюмо:

— Товарищ, пытаясь найти рядового человека, мы провели дорогостоящее тестирование населения. И вы — результат. Вы — среднего возраста, роста, веса, образования, интеллектуального развития. Вы — закончили среднюю школу, работали несколько лет, а затем поступили в университет, где и учитесь сейчас на втором курсе. Это типично для человека вашего поколения. Ваши вкусы, потребности... мечты, как мы знаем или предполагаем, типичны для рядового Трансбалканца.

Он взял пропитанную медом пахлаву и сунул ее в рот.

Действительно, Иосип Пекич и его товарищи в последнее время постоянно принимали участие в тестах, смысла которых не понимали. Он принял на веру слова двух партийных руководителей. Очень хорошо — он рядовой житель страны с населением в семьдесят миллионов человек. Что из этого?

Первый откинулся на спинку стула, и Иосип почти не удивился тому, что живот у Первого оказался гораздо больше, чем на фотографиях. Возможно, выходя на люди, он надевал корсет.

Зоран Янкез взял в руки лист бумаги.

— Это очерк одной западной журналистки, недавно вернувшейся из поездки по нашей стране. Она с негодованием пишет, что карандаши для бровей в нашей стране можно достать только на черном рынке; да и те французского производства и стоят по тысяче динаров

штука. По ее мнению, трансбалканские женщины возмущены тем, что им приходится платить такие деньги.

Партийный руководитель перевел беспомощный взгляд с Иосипа на Карделя:

— Что такое карандаши для бровей?

Обычно беспечное лицо Карделя приняло озабоченный вид:

— Кажется, это какая-то косметика.

— Вроде губной помады?

Иосип набрался храбрости. Он взволнованно проговорил:

— Они ими брови подкрашивают, я о женщинах говорю. И как я понимаю, это входит в моду. Сейчас это ультрамодно. Новое увлечение, зародившись в Италии, э... охватило всех на Западе.

Первый уставился на него:

— Откуда вы это знаете? — проскрежетал он.

Иосип в смущении тербил галстук.

— Там в моем деле должно быть указано, что я четыре раза был за границей. Дважды принимал участие в международных фестивалях молодежи, один раз был делегатом на съезде профсоюзов в Вене и один раз был в туристической поездке. Я там, на Западе... э... встречал разных женщин.

Кардель воскликнул с воодушевлением:

— Теперь ты, Зоран, понимаешь, что я имел в виду? Этому парню цены нет.

Янкез угрюмо взглянул на своего первого помощника.

— Ну, если нашим женщинам нужна эта... ерунда для бровей, то почему ее не выпускают? Что у нас в стране, нет сырья для ее производства? Если так, то почему его не закупают?

Он поковырял в неровных зубах.

Кардель как бы в шутку умоляюще вскинул руки.

— Потому что у нас, товарищ, до сих пор не было толкача, который мог бы узнать о подобных потребностях наших товарищей женщин.

Первый что-то проворчал и взял в руки еще один документ.

— Тут один американский журналист, очевидно, весьма популярный на Западе, побывал в нашей стране и пишет об обслуживании в ресторанах Загуреста. Он сообщает, что у нас не дают чаевых, и потому наши официанты грубят и плохо обслуживают посетителей.

Янкез сердито посмотрел на своего помощника:

— Не припомню случая, чтобы мне кто-то нагрубил, когда я обедал в Сумадии или в Двух Рыбарях. Только на прошлой неделе был в Градском Подруме и ел там цыганское печенье, жаркое по-цыгански и слоеный вишневый струдель. Обслуживание было на высшем уровне.

Кардель прочистил горло:

— Ну, может быть, тебя, Зоран, обслуживали лучше, чем рядового туриста.

Янкез прорычал:

— Туризм надо развивать. Прекрасный источник твердой валюты. — Он сердито посмотрел на Иосипа. — Вот такого рода недостатки вы, товарищ, и должны устранять.

Он с ворчанием отложил бумаги.

— Но это все еще мелочи. На прошлой неделе водитель грузовика с мясоперерабатывающего комбината в Белбровнике получил задание доставить в Масенегро груз мороженого мяса. Когда он туда приехал, выяснилось, что все холодильники заполнены. И он выгрузил все мороженое мясо прямо на территории склада и вернулся в Белбровник. В такую жару мясо испортилось за четыре часа. — Он бросил сердитый взгляд сперва на Карделя, потом на Иосипа Пекича. — Почему постоянно происходят подобные вещи? Как же мы сможем опередить Соединенные Штаты Америки и Европейское Сообщество, если на всех уровнях работники боятся взять инициативу в свои руки? Водитель грузовика выполнил свое задание. Он доставил мясо и умыл руки. Ну почему, товарищи? Почему он не проявил инициативу, чтобы спасти ценный груз или в случае необходимости вернуться с ним в Белбровник?

Он что-то угрюмо проворчал и откинулся на спинку стула, как бы давая понять, что с этим вопросом покончено.

Александр Кардель оживился. Он сказал Иосипу с улыбкой:

— Вот ваше задание. Разъезжайте по всей стране, выискивайте неувязки, недостатки, ошибки руководства и доводите их до сведения тех, кто должен их исправлять.

Иосип спросил угрюмо:

— А если... если они не прислушаются к моим замечаниям?

Первый фыркнул, но ничего не сказал.

Кардель ответил весело:

— Завтра всем мужчинам, женщинам и детям в Народной Демократической Диктатуре будет объявлено, что ваше слово — закон. Вы подчиняетесь только лично товарищу Янкезу и мне. На вас не распространяются никакие законы, никакие ограничения, никакие постановления. Вы получите мандат, и все будут знать, что предьявитель его не ошибается.

Иосип совсем растерялся:

— Но... вдруг мне придется столкнуться с... э, ну каким-нибудь партийным руководителем или ну... каким-нибудь генералом или адмиралом? Каким-нибудь...

Кардель сказал с усмешкой:

— Вы подчиняетесь только нам, товарищ Пекич. В ваших руках вся власть. Товарищ Янкез не преувеличивает. Если честно, то хватит с нас статистики. Трансбалкания уже давно опережает Запад по производству продукции на душу населения: по выплавке стали, производству сельскохозяйственной продукции, добыче угля и нефти. Все это должно было привести нас к процветанию. — Он снова воздел руки в притворном отчаянии. — Но все это ни к чему не привело. У нас в магазинах нет даже такой ерунды, как... ну, как карандаши для бровей, в наших ресторанах отвратительно обслуживают. Все занимаются очковтирательством, и никого не волнует, приносит ли лавочка доход. Все боятся ответственности.

Перепуганный Иосип снова начал:

— Но... Но я, почему именно я? Что может сделать один человек?

— Товарищ, поймите нас правильно, — сказал Кардель с наигранным сочувствием. — Вы только первая ласточка. Если все пойдет, как мы задумали, мы найдем новых людей, которые, как мы полагаем, являются потенциальными толкачами. Ну, есть у вас еще вопросы?

Иосип Пекич с несчастным видом смотрел то на одного, то на другого, с ужасом представляя себе, что будет, если он откажется. Его взгляд остановился на угрюмом непреклонном лице Первого, и он внутренне содрогнулся: «Нет. И речи быть не может. Не стоит спорить с Зораном Янкезом». Он посмотрел на Александра Карделя и решил, что с ним тоже лучше не спорить, не смотря на улыбку на его лице.

Иосип осторожно начал:

— Из ваших слов я понял, что я... я могу критиковать любого человека в Трансбалкании, кроме вас самих. Но... но что, если мне придется столкнуться с кем-либо из вас? Ну, знаете... вдруг я сочту что-нибудь неправильным?

Второй рассмеялся и вставил свежую сигарету в изогнутый мундштук.

— Мы позаботились и об этом, товарищ. В Швейцарии на ваш счет положено пятьдесят тысяч общеевропейских франков. Как только вы почувствуете, что, продолжая разоблачения, вы подвергаете себя опасности, вы можете покинуть страну и найти убежище за границей. — Он снова манерно рассмеялся. — Но я и представить себе не могу, что с вашими полномочиями, имея неограниченную власть, распоряжаясь ресурсами всей страны, вы захотите уехать. Банковский счет в Швейцарии открыт только для того, чтобы придать вам уверенности.

Первый, излучая ярость, с мрачным видом шествовал по коридорам Министерства внутренних дел. На лице Первого ничего не отражалось, но вокруг него мерцал зловещий ореол опасности.

Велько Госняк, стоявший вместе с другим охранником на посту у кабинета Александра Карделя, вздрогнул при виде приближавшегося руководителя и пробормотал сквозь зубы:

— Осторожно, он в ярости. Как бы не отправил нас на соляные копи в Найреби или...

Но Зоран Янкез был уже близко, и Велько Госняк замолчал и вытянулся по стойке смирно.

Первый, не обратив на охранников внимания и грохнув дверью, вошел в кабинет.

Не успел его помощник отложить работу, как Янкез прорычал угрожающе:

— Ты знаешь, что по твоей милости натворил этот экспериментатор?

Кардель был достаточно близок к Первому, и позволил себе притвориться, что не испытывает страха. Он улыбнулся и сказал:

— Ты имеешь в виду Пекича-младшего? Садись, Зоран. Выпьешь?

Второй повернулся на стуле и нажал несколько кнопок. Тотчас небольшая площадка в правом углу стола

ушла вниз — и поднялась с двумя запотевшими стаканчиками.

Янкез гневно фыркнул, но взял один стаканчик.

— Вечно у тебя всякие западные штучки, — проворчал он. — Когда-нибудь ударит тебя током, и придется мне подыскивать другого заместителя. — Он опрокинул стаканчик в рот. — Если только я не начну искать его заранее, — добавил он зловеще.

Однако, распробовав напиток, он поджал губы и процедил:

— Где ты, Александр, достаемь такую прекрасную сливовку?

Кардель отпил немного из серого стакана и сказал весело:

— Этого я не открою, Зоран, но других тайн от тебя у меня нет. Подскажу тебе. Это сливовица, а не сливовка. Она не из Словакии. Но я боюсь, что как только ты узнаешь, где я ее беру, я буду тебе больше не нужен.

Он снова рассмеялся:

— Ну, что натворил наш юный друг?

Лицо Первого вновь помрачнело. Он прорычал:

— Ты ведь знаешь Велимира Крвенковского?

Кардель поднял тонкие брови:

— Конечно. Заместитель председателя секретариата сельского хозяйства.

Зоран Янкез грузно опустился в кресло и продолжал угрюмо:

— Я был с Велимиром в одном партизанском отряде. Это я привлек его к партийной работе, познакомил с работами Ленина, пока мы прятались в горах Масе-негро.

— Да-да, — ответил Кардель. — Я хорошо все это знаю. Отличный партиец. Товарищ Крвенковский всегда поддерживал тебя на заседаниях Исполкома.

— Так вот, — зловеще прорычал Янкез. — Твой прекрасный Иосип Пекич, твой толкач освободил его от обязанностей главного управляющего сельским хозяйством в Боснии.

Александр Кардель откашлялся.

— Я как раз читаю его доклад. Создается впечатление, что производство сельскохозяйственной продукции в Боснии за последние пять лет резко упало. О, товарищ Крвенковский, очевидно, обратил внимание на то, что дикие животные, и особенно птицы, уничтожают ежегодно тысячи тонн зерна и другой продукции.

— Ну и что? — проскрежетал Янкез. Он допил сливовицу и потянулся за вторым стаканчиком. — Какое это имеет отношение к тому, что этот тип, используя полномочия, которые ты, черт возьми, ему дал, освободил от занимаемой должности лучшего партийца в Трансбалкании?

Второй, конечно же, не преминул заметить, что теперь вся ответственность за эксперимент возлагается на него. Однако он ответил по-прежнему беззаботно:

— Похоже на то, что товарищ Крвенковский отдал приказ уничтожить любыми средствами всех птиц. Крестьяне получили десятки тысяч ружей, сети, яд.

— Ну и что? — зловеще спросил Первый. — Очевидно, у Вёдимира хватило ума догадаться, что таким способом он сохранит урожай от потерь.

— М-мм, — примирительно протянул Кардель. — Но он не обратил внимания на предупреждения тех специалистов по сельскому хозяйству, которые обучались на Западе. Создается впечатление, что дикие животные, и особенно птицы, требуются для сохранения равновесия в природе. Размножившиеся в огромных количествах насекомые-вредители уничтожили гораздо больше зерна, чем его съедали птицы. Ах, Зоран, — воскликнул он с кислой улыбкой, — я бы лучше поискал новое место для товарища Крвенковского.

Секретарь, сидевший в приемной, наконец взглянул на ничем не примечательного молодого человека, стоявшего перед ним.

— Да, — сказал он нетерпеливо.

Незнакомец ответил:

— Я хотел бы встретиться с товарищем Брозом.

— Вы, товарищ, понимаете, что комиссар один из самых занятых людей в Трансбалкании, — в голосе секретаря прозвучала насмешка. — Его время слишком дорого.

Незнакомец задумчиво посмотрел на сидевшую перед ним мелкую сошку.

— Вы так со всеми посетителями разговариваете? — спросил он спокойно.

Ошеломленный секретарь уставился на него. Затем внезапно нажал на кнопку в столе. Когда на вызов явился охранник, секретарь резко дернул головой в сторону посетителя:

— Петар! Вышвырни отсюда этого дурня, — приказал он.

Иосип Пекич грустно покачал головой:

— Нет, — сказал он, — вышвырните отсюда ЭТОГО человека, — указал на секретаря.

Охранник Петар переводил ничего не понимающий взгляд с одного на другого.

Иосип вынул бумажник, покопался в нем немного и взмахнул мандатом.

— Государственный толкач, — нервно сказал он. — По поручению товарища Зорана Янкеза.

Он посмотрел на мгновенно присмирившего секретаря.

— Я не знаю, какую работу под стать вашим талантам мы сможем вам предложить. Но если я когда-нибудь узнаю, что вы занимаете должность, требующую работы с людьми, я... я... засажу вас в тюрьму.

Секретарь выбежал из комнаты раньше, чем Иосип успел сказать что-либо еще.

Иосип Пекич скинул охранника долгим взглядом, затем спросил упавшим голосом:

— Что вы здесь делаете?

— Ну как же, товарищ. Я — охранник.

Петар, и вообще-то не слишком сообразительный, растерялся.

— Вы не ответили на мой вопрос.

У Иосипа дрожали руки и он засунул их в карманы.

Петару пришлось подумать и вспомнить, как вопрос был сформулирован. Наконец он выпалил с торжеством:

— Как же, товарищ. Я охраняю товарища Броза и других от убийц. Я вооружен.

Он с гордостью достал «микоян» с глушителем из кобуры подмышкой.

Иосип сказал:

— Идите к своему начальнику и скажите ему, что вы здесь больше не нужны. Комиссарам отныне не полагается охрана. Только при особых обстоятельствах. Если... если нашему народу отдельные комиссары не придутся по вкусу и их захотят убить, то, может, их и следует убить.

Петар смотрел на него широко открытыми глазами.

— Идите, — сказал Иосип с деланной резкостью и добавил, — какая дверь ведет в кабинет товарища Броза?

Петар показал и вышел. По крайней мере, он умеет выполнять приказы, подумал Иосип. Что происходит с мышлением полицейских? Были они такими до прихода в полицию, и работа только выявила присущие им черты? Или именно работа сделала их такими?

Он резко открыл указанную ему дверь. В кабинете был лишь один человек, который стоял, сцепив за спиной руки, и с явным удовлетворением разглядывал висевшие перед ним на стене диаграммы, карты и схемы.

Неприметный молодой человек прочитал подписи под диаграммами и потрянул головой. Нерешительным голосом он произнес:

— Комиссар Броз?

Комиссар обернулся и нахмурился, не узнавая посетителя и не понимая, как он вошел без доклада. Он сказал:

— Да, молодой человек?

Иосип снова достал мандат.

Броз слышал о нем. Демонстрируя крайнюю предупредительность, Броз пододвинул Иосипу стул. Сигару? Глоток вина? Рад познакомиться с товарищем толкачом. Он много слышал об этом эксперименте, проводимом по инициативе товарища Янкеза при умелой поддержке Александра Карделя. По счастью, толкачу нечего делать на Трансбалканском металлургическом комбинате. Производство развивается столь быстрыми темпами, что весь мир — и Восток и Запад — потрясен нашими успехами.

— Да, — мрачно начал было Иосип, — но...

Броз вскочил на ноги и бросился обратно к стене, увешанной схемами и диаграммами.

— Взгляните, — он улыбнулся лучезарно, — На этой диаграмме показан рост выплавки стали. Видите, как кривая взмывает круто вверх? Наша статистика утверждает, что мы быстрыми темпами опережаем даже самые высокоразвитые западные державы.

Видя такой энтузиазм собеседника, Иосип начал чуть ли не извиняющимся тоном:

— Вот об этом-то, товарищ, я и пришел с вами побеседовать. Знаете, я тут потолкался в округе, э, в местных пивнушках, поговорил с молодыми инженерами и рабочими.

Комиссар нахмурился:

— Поговорили о чем?

— О вашей новой программе, — неуверенно ответил Иосип.

— Вы имеете в виду то, что мы пытаемся опередить Запад, используя все способы производства стали? — Комиссар понизил голос. — Я предупреждаю вас, товарищ, эта идея принадлежит самому товарищу Зорану Янкезу. Мы старые друзья и работали вместе еще до революции.

— Я знаю, — уныло ответил Иосип и подавил желание укунить себя за палец. — Однако... э, я не думаю, чтобы Первый подтвердил, что ваша программа была разработана по его инициативе. По крайней мере, раньше в случае каких-либо конфликтов этого не происходило.

Комиссар пролепетал, вытаращив глаза:

— Товарищ, это же государственная измена.

Иосип кивнул, но сказал расхолаживающе:

— Вы забываете, что по решению самого товарища Янкеза я... не могу ошибаться. Но оставим это. Перейдем к программе выплавки стали. Боюсь, ее пора сдавать в утиль.

— В утиль! — комиссар Трансбалканского металлургического комбината уставился на посетителя, как на ненормального. — Вы сошли с ума. Весь мир потрясен нашими успехами. Круглые сутки работают не только наши ультрасовременные заводы, построенные с помощью зарубежных фирм, но и тысячи мелких плавильен, некоторые из них, расположенные на задворках предприятий, настолько малы, что там работает лишь горстка товарищей, наших граждан; школьники выплавляют также по несколько тонн стали в месяц на школьных дворах...

Недавно назначенный государственный толкач уныло покачал головой:

— Знаю, знаю. Тысячи таких крошечных плавильен работают... э... в тех районах страны, где нет ни руды, ни топлива.

Комиссар посмотрел на него.

Молодой человек продолжал с видимым нежеланием:

— Школьники, которых отвлекают от занятий, собирают металлолом. И они приносят любое топливо, какое могут найти, а иногда воруют его на железнодорожных станциях. И чем больше лома и топлива они приносят, тем больше их хвалят. К несчастью, так называемый

лом на поверку часто оказывается кухонной утварью, сельскохозяйственными орудиями и даже, в одном случае, рельсами с узкоколейки, проложенной к лесоразработкам. Товарищ Броз, рано или поздно, но придется возместить уничтоженную кухонную утварь, сельскохозяйственные орудия и прочий металлолом, который не совсем таковым является.

Комиссар начал с жаром протестовать, но Иосип Пекич пожал плечами и постарался добавить металла в свой не слишком уверенный голос:

— Но самое страшное не в том, что вы отрываете людей от работы и учебы и заставляете их плавить сталь там, где нет руды. Самое страшное в том, что, как мне сказали мои друзья инженеры, сталь эта, которая, может, и была бы чудом во времена фараонов, в наши дни мало на что пригодна. Вероятно, в конечном счете ее можно использовать для изготовления таких простейших сельскохозяйственных орудий, как мотыги и грабли, но в таком случае круг замыкается, потому что основным сырьем для этой так называемой стали и служат кухонная утварь, сельскохозяйственные орудия и тому подобное. Но использовать ее в современной промышленности нельзя.

Комиссар побледнел от злости. Опершись на сжатые кулаки, он наклонился над столом, глядя вниз на сидевшего перед ним посетителя.

— Товарищ, — язвительно прошипел он. — Я предупреждаю вас, товарищ Янкез интересовался нашими успехами. Кроме того, мы с ним не только соратники, но и свояки.

Иосип Пекич уныло кивнул и продолжал дрожащим голосом:

— Об этом меня предупредили ваши подчиненные. Тем не менее, товарищ Броз, вы... короче, вы уже не комиссар Металлургического комбината. Я отправил рапорт товарищам Янкезу и Карделю.

В дверь постучали посреди ночи. Александр Кардель всегда знал, что это произойдет именно так.

Еще в те далекие времена, когда только начиналась его партийная карьера, когда цели, которые он себе поставил, заставляли его карабкаться, расталкивая и спихивая вниз всех на своем пути к вершине, он ждал этого каждую минуту.

Да, на первый взгляд он казался совсем иным: дружелюбным, веселым, спокойным и внешне отличался этим от других секретарей исполкома Партии. Всегда больно падать с высоты, независимо от того, умели ты пошутить снисходительно и непринужденно, или нет.

Александр Кардель еще не спал, когда, вскоре после полуночи, его дверь загремела под ударами кулака. Со всем недавно он трясущимися руками выключил видеотелефон после более чем неприятного разговора с Президентом Союза Балканских Советских Республик Зораном Янкезом.

В течение последних десяти лет Карделю удавалось успокоить Первого даже тогда, когда он был вне себя от ярости, что повторялось в последнее время все чаще и чаще. По мере того как усложнялась социально-экономическая структура Народной Демократической Диктатуры, по мере того как индустриализация в геометрической прогрессии умножала количество автоматизированных производств, руководить страной становилось намного труднее, чем раньше. Одно дело — с винтовками и гранатами в руках, после разрушительной войны, уничтожившей лучшую часть нации, захватить власть и даже удерживать ее, управляя неграмотными крестьянами и необученными рабочими. Однако для проведения индустриализации требуются ученые и технические специалисты. Любой олух может орудовать лопатой или выполнять простейшие операции на бесконечном заводском конвейере. Но в век автоматизации практически все рабочие должны иметь высокую квалификацию, для неучей работы нет. Население Народной Демократической Диктатуры давно уже не шло бессловесной толпой за своими вождями, и проблемы, которые возникали теперь, не так-то просто было разрешить.

Да, Первый все чаще приходил в ярость. Александр Кардель видел, что Янкез догадывается о многом — не понимая сути проблем, о которых ему сообщали планирующие органы. А неуверенный в себе человек, неважно, диктатор он или землекоп, чувствует себя подавленным.

Лицо Зорана Янкеза появилось на экране видеотелефона. Он был вне себя от злости и сразу набросился на своего помощника:

— Кардель! Ты понимаешь, что этот... твой идиот затеял на этот раз?

В глубине души Кардель испугался. С Первым было все труднее и труднее, особенно в последние дни. Он начал льстиво:

— Зоран, я...

— Не смей называть меня Зораном! И будь добр, не льсти после тех предательских советов, что ты дал мне за эти месяцы. — Первый был так разгневан, что его толстые щеки тряслись от ярости.

Кардель никогда не видел его таким рассерженным. Он сказал примирительно:

— Товарищ Янкез, я пришел к выводу, что мне следует посоветоваться с вами, не стоит ли нам лишить этого молодого смутьяна всех полномочий и отправить его...

— Меня не интересует, что ты собирался сделать. Я решил положить конец этой подрывной деятельности. Мне надо было еще тогда, когда ты сообщил мне, что он сын Любо Пекича, понять, что на самом деле он враг народа. Я знаю, что у Пекичей в крови. Я сам допрашивал Любо. Упрямый, нераскаившийся, злобный враг революции. И сын пошел по той же дорожке.

У Карделя хватило мужества сказать:

— Товарищ, я думаю, что Пекич-младший заблуждается, а не совершает предательство осознанно. Я...

— Кардель, не смей называть меня товарищем, — прорычал Первый. — Я знаю, что ты замыслил. Почему ты дал этому провокатору, этому троцкистскому бандиту нелепые полномочия? Вы оба составили заговор, чтобы подорвать мой авторитет. Кардель, я обо всем доложу на секретариате Исполкома. Ты зашел слишком далеко.

У Александра Карделя были свои недостатки, но трусом он не был. Он сухо сказал:

— Прекрасно, гражданин. Но, может быть, вы мне скажете, что Иосип Пекич натворил на этот раз? Я давно не получал сообщений от него.

— Что он натворил? Ты, дурак, предатель и дурак, вообще не получал от него донесений. Он был в Македонии, где в полную силу идут работы по освоению целины.

Кардель поперхнулся, услышав это.

Янкез продолжал рычать:

— В течение трех лет погодные условия были таковы, что эти чертовы дожди никак не выпадали

в соответствии с планом, отсюда все наши беды. Но этот дурак! Этот жалкий предатель!

— Что он сделал? — спросил Кардель, заинтригованный, несмотря на грозившую ему опасность.

— Да он попросту отменил всю программу. Говорил что-то о выветривании почвы. Какую-то ерунду насчет контурного земледелия. И даже требовал засадить лесами часть территории. Нес явную чушь насчет водоразделов. Он просто заворожил всех работников. Они его открыто поддерживают.

Кардель знал, что в прошлом Янкез был шахтером и не имел ни малейшего опыта работы на земле. Тем не менее план освоения целины был его любимым детищем. Он окидывал внутренним взором необозримые поля кукурузы, маиса, как называют ее американцы. Кукуруза кормит огромные стада свиней и крупного рогатого скота, так что в конечном счете Союз Балканских Советских Республик выйдет на первое место в мире по потреблению мяса на душу населения.

Первый продолжал бушевать. Кричал что-то о заговоре среди своих приближенных. О том, что они собираются свергнуть его, Зорана Янкеза, и продать революцию западным державам, но что ему, Зорану Янкезу, уже приходилось раскрывать такие заговоры. Он, Зоран Янкез, знает, что делать в таких случаях.

Александр Кардель улыбнулся иронично и сухо и резким щелчком выключил экран. Он вставил сигарету в маленький, похожий на трубку, мундштук, зажег ее и приготовился к неизбежному.

Вскоре после этого в дверь постучали.

Зоран Янкез сидел в своем кабинете в Министерстве внутренних дел, тяжелый армейский револьвер лежал у его правой руки, а слева стояла наполовину пустая литровая бутылка сливовицы и стакан с водой. Покрасневшими глазами Янкез сосредоточенно изучал бесконечные донесения своих агентов, иногда отрываясь, чтобы прорычать команду в микрофон. Несмотря на усталость после бессонной ночи, Первый чувствовал себя в своей стихии. Как он и сказал этому глупцу Карделю, ему такое не впервой. Не случайно Генеральным секретарем был именно он.

Янкез положил свою мясистую лапу поверх донесений. Он чувствовал поднимавшуюся в нем ярость. Он

догадывался, что в последнее время скорее всего был составлен заговор с целью подорвать его здоровье постоянными разочарованиями. Неужели нет никого, никого, кто снял бы с его плеч груз мелких забот?

Неужели он должен отвечать за все, что происходит в Народной Демократической Диктатуре? Принимать все решения единолично и следить за их выполнением?

Он рывкнул в микрофон:

— Соедините меня с Лазарем Йовановичем, — и продолжил, когда бритый череп начальника полиции появился на экране видеотелефона: — Товарищ, я даю вам последний шанс. Если за двадцать четыре часа вы не найдете предателя Иосипа Пекича, то ответите за это. — Он сверлил взглядом окаменевшего от страха собеседника. — Товарищ Йованович, я начинаю сомневаться в том, что вы действительно пытаетесь его найти.

— Но... но, товарищ, я...

— Хватит! — оборвал Первый. Он резким движением отключил аппарат и с минуту смотрел на него сердито. Если Йованович сам не сможет разыскать Пекича, он найдет кого-нибудь, кто сделает это. С ума можно сойти при мысли о том, что этому ничтожеству удалось скрыться. Операция проводилась тайно. Слишком уж разрекламировали раньше эту идею, чтобы теперь поднимать шумиху вокруг розысков толкача. Нужно было сделать все тихо.

Но! Первый вскипел от ярости. Если полиция не сможет найти преступника в ближайшие сутки, придется начать аресты и чистку партийных рядов. Все это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Да, он, Зоран Янкез, уже прошел через все это, и не однажды, хотя много воды утекло с тех пор. Предательства, разговоры и партийные чистки.

Раздался мелодичный звонок видеотелефона, и Первый щелкнул выключателем.

Появилось молодое лицо Иосипа Пекича, которого днем и ночью искали, бросив на это все силы секретариата внутренних дел. Молодое лицо, но, несмотря на удивление, Зоран Янкез все же отметил, что прошедшие месяцы оставили след на этом лице. Оно повзрослело и несло печать напряжения и усталости.

Прежде чем Янкез обрел дар речи, Иосип Пекич начал робко:

— Я... я понимаю, что вы, ну... разыскиваете меня.

— Разыскиваем? — проямлил вождь, чувствуя, что ярость внезапно отступила.

Пекич продолжал дрожащим голосом:

— Мне надо было закончить расследование. Видите ли, сэр... этот эксперимент, который вы с Карделем начали...

— Я не имею к нему никакого отношения. Это все придумал Кардель, черт побери его глупость. — Первый едва не сорвался на крик.

— Да?.. Ну... ну, мне показалось, что вы действовали согласованно. Как бы там ни было, мне кажется, что события с самого начала развивались не по плану. Я... э... мы собирались выяснить, почему официанты грубят, почему рабочие, служащие и даже руководители занимаются очковитирательством, ищут козлов отпущения и тянут одеяло на себя, как любит говорить Кардель.

Янкез вскипел, но позволил продолжить. Вне всякого сомнения, начальник полиции Лазарь Йованович сейчас пытается узнать, откуда звонят, и предатель скоро будет под колпаком и не сможет больше наносить урон экономике Народной Демократической Диктатуры.

— Но, э... я обнаружил, что дело не просто в официантах или водителях. Это... э... происходит повсюду. Поэтому я в конце концов почувствовал, что пытаюсь лбом прошибить стену. Я подумал, что лучше начать... э... с азов и попытаться исследовать, как западные правительства справляются с подобными проблемами.

— Ну, — сказал Янкез так спокойно, как только смог, — ну и что? — Этот идиот сам лез в петлю.

Молодой человек в замешательстве нахмурился.

— Честно говоря, я был удивлен. Конечно, я был знаком с образцами западной пропаганды — с тем, что я мог раздобыть в Загуресте, и с тем, что передают вражьи голоса. Я был, разумеется, знаком и с нашей пропагандой. Честно говоря... я в обоих случаях составил собственное мнение.

Уже одно это было предательством, но Первый усилием воли заставил себя проговорить ободряюще:

— К чему вы клоните, Иосип Пекич?

— Я выяснил, что в одной стране правительство фактически платит своим крестьянам, то есть фермерам, за то, что они не выращивают зерновые. Это же правительство выплачивает дотации на зерновые, поддерживая цены на них на таком уровне, что они неконкурентоспособны на внешнем рынке.

Пекич младший скривился в замешательстве.

— В других странах, например в Южной Америке, где уровень жизни, очевидно, самый низкий на Западе и где не хватает средств на развитие экономики, правительства создают огромные армии, хотя почти все они не воевали уже больше столетия и никакая военная опасность им не угрожает.

— К чему все это? — прорычал Первый. Безо всякого сомнения, Лазарь Йованович уже вышел на след этого изменника.

Иосип тяжело вздохнул и продолжал взволнованно:

— Возникают и другие неувязки, в которые просто трудно поверить. Например, металлургическая промышленность работает вполсилы, несмотря на нехватку изделий из металла, — таких, как автомобили, холодильники, печи. В периоды так называемых спадов закрываются практически новые современные заводы, люди лишаются работы, в то время как миллионы нуждаются в продукции, выпускаемой этими предприятиями.

Иосип продолжал сдержанно:

— Вот, сэр, я и пришел к выводу, что на Западе тоже возникают подобные проблемы. Основная — это политические деятели.

— Что? Что вы имеете в виду?

— То... — продолжал Иосип с мрачным упрямством, — я... ну, я не знаю, как было раньше, сто или даже пятьдесят лет тому назад, но по мере того как общество становится все более сложным, более запутанным... Я думаю, что политики уже просто не в состоянии им управлять. Основные трудности заключаются в изготовлении и распределении всего того, что наука и промышленность научились делать. А политики во всем мире, кажется, с этим уже не справляются.

Зоран Янкез зловеще прорычал:

— Вы что же, считаете, что я не могу управлять Союзом Балканских Советских Республик?

— Да, сэр, — подтвердил Иосип с готовностью. — Именно это я и хотел сказать. Вы, да и любой другой политик. Промышленностью должны руководить обученные, знающие технические специалисты, ученые, администраторы, а возможно и потребители, но не политики. Политики должны знать все о политике, но не о промышленности. Однако в современном мире правительства начинают заниматься управлением

промышленностью и даже сельским хозяйством. И они с этим не справляются, сэр.

Янкез наконец не выдержал.

— Откуда вы звоните, Пекич? — закричал он. — Вы арестованы.

Иосип Пекич откашлялся и сказал извиняющимся тоном:

— Нет, сэр. Помните? Я рядовой трансбалканец, и предполагается, что я, ну... должен поступать как все. Разница только в том, что мне была предоставлена такая возможность. Я в Швейцарии.

— В Швейцарии? — вскричал Первый. — Ты нарушил свой долг. Я всегда знал, что ты предатель, Пекич. Яблоко от яблони недалеко падает. Настоящий трансбалканец остался бы в своей стране и своим трудом продвигал бы ее вперед к светлому будущему.

Молодой человек забеспокоился:

— Конечно, сэр, — сказал он. — Я думал об этом. Но мне кажется, я сделал все, что мог. Видите ли, в течение последних месяцев, под прикрытием своего мандата, я распространял воззвание среди инженеров, технических специалистов, рабочих, всех образованных, компетентных людей в Трансбалкании. Вас бы удивило, как они принимали его. Мне кажется, что это обрушилось на них, как лавина. Я имею в виду то, что политики не в состоянии управлять промышленностью, и что если Союз Балканских Советских Республик добьется каких-либо успехов, то лишь после того, как произойдут необходимые перемены.

Первому не оставалось ничего, как со злостью смотреть на экран.

Иосип Пекич нервно потер переносицу и добавил на прощание:

— Я просто подумал, что должен позвонить вам с последним донесением. Ведь не я же все это начал. Это была не моя идея. Это вы и Кардель предоставили мне такую возможность. А я... ну... просто толкал. — Его грустное лицо исчезло.

Зоран Янкез долго сидел, глядя на темный экран.

Посреди ночи раздался стук в дверь. Но, в конце концов, Зоран Янкез всегда знал, что когда-нибудь это произойдет.

«ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ»

18 июня 1957 г.,
Тринити Колледж,
Кембридж

Сэру Джеймсу ТРОУБРИДЖУ,
14, Беркли Мьюз,
Лондон

Дорогой Джеймс!

Прости меня за то, что не писал тебе уже несколько лет; мы не виделись с французской войны, с 1948 года. Девять лет! Даже не верится.

Сразу же признаюсь, что прошу тебя об одолжении. (Нет, я вовсе не собираюсь одолжить у тебя еще пять шиллингов. Спасибо, но на этот раз воры до моего кошелька не добрались).

Дело в том, что я пишу работу по истории, случайно откопал довольно любопытные факты и надеюсь на твою помощь.

Я прилагаю копии нескольких писем, полученных Исааком Ньютоном почти триста лет тому назад. Обрати внимание — они адресованы мистеру Исааку Ньютону, бакалавру гуманитарных наук. Трудно представить, что к столь великому человеку можно было обращаться иначе, как «Ваша милость», но он был очень молод в те времена. Он еще не написал и не напишет в ближайшие 20 лет свои знаменитые «Principia»¹.

Читать эти письма все равно, что следить за разговором, в котором один из собеседников не слышен. Однако из них становится ясным, что другая сторона представлена человеком, доселе совершенно неизвестным.

Доктор Генри Блейк, математик, ознакомившись с письмами, считает возможным предположить, что Ньютон, сам того не ожидая, открыл то, что составляет последнее достижение современной научной мысли — закон всемирного тяготения и теорию света швейцарского математика Альберта Эйнштейна.

¹ «Начала» (лат.).

Я знаю, кажется невероятным, что даже столь гениальный человек, как Ньютон, мог совершить это открытие на три столетия раньше, чем оно стало достоянием науки, но Блейк считает это возможным. А если все подтвердится, то Блейк, очевидно, поступит с адресатами Ньютона так же, как поступили с Оливером Кромвелем после Реставрации — выроет тела из могилы и публично их повесит, или сделает что-то в этом роде.

Блейку удалось заразить меня своим энтузиазмом, он указал на некоторые фразы в письмах, которые полностью согласуются с теорией Эйнштейна. Но, увы, сведения, которыми мы располагаем, чрезвычайно отрывочны.

Видишь ли, нам нужны письма Ньютона, те, что посылал он, и которые вызвали эти ответы. Здесь, в Кембридже, мы искали повсюду, но не нашли даже их следа; вероятно, рукописи Ньютона были попросту уничтожены как не представляющие ценности. Кроме того, подобные материалы в те времена хранились небрежно.

Но мы подумали, что, возможно, архивы Военного министерства сохранились лучше.

Конечно же, я понимаю, что при тех отношениях, которые сейчас сложились с Австро-Венгерской империей, в Военном министерстве не рискнут позволить кому попало рыться в документах. Имперские шпионы не должны добраться до них. Однако я подумал, может быть, тебе удалось бы, воспользовавшись своим влиянием и связями в Военном министерстве, взглянуть на письма к одному из его корреспондентов — генералу Эдварду Баллистер-Ддранксу. Ты сможешь примерно определить даты написания писем по тем копиям, которые я посылаю тебе.

Письма подобраны в хронологическом порядке, так, как их получал Ньютон. Из них лишь последнее, ты сам в этом убедишься, написано вполне вразумительно и смысл его совершенно ясен.

Будь добр, старина, сообщи мне, что можно сделать.

С наилучшими пожеланиями, Сэм.

Доктор *Сэмюэль ХЕКИТ*

Исторический факультет

* * *

12 ноября 1666 г.,
Лондон
Мистеру Исааку НЬЮТОНУ,
бакалавру гуманитарных наук,
Вулсторп

Уважаемый мистер Ньютон!

С Вашей стороны очень любезно предложить сейчас свои услуги Правительству Его Величества. Положение на Континенте если и не критическое, то может стать таковым в любой момент.

Ваше письмо было передано мне, поскольку больше никому в Военном министерстве не могут потребоваться услуги ученого математика.

Судя по всему, Вы занимались в основном геометрией и алгеброй. Мне кажется, эти две дисциплины — как раз то, что нам нужно для выполнения нашей программы, и, хотя у Вас нет никакого опыта, мы можем воспользоваться Вашими услугами, так как Вы достаточно хорошо зарекомендовали себя в Кембридже.

Если Вы заполните прилагаемую анкету и пришлете требуемые рекомендации и характеристики, мы сможем немедленно предоставить Вам работу.

С уважением,
баронет Эдвард БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС,
генерал артиллерии,
Департамент баллистики

* * *

12 ноября 1666 г.,
Кембридж
Мистеру Исааку НЬЮТОНУ,
бакалавру гуманитарных наук,
Вулсторп

Дорогой Исаак!

Я был очень огорчен, узнав о твоём решении остаться дома на некоторое время и не возвращаться пока в колледж; но если ты чувствуешь, что твоё здоровье подорвано, то, конечно, же, отдыхай, пока тебе не станет лучше.

Я, однако, думаю, что ты постарайшься вернуться как можно раньше; у тебя, мой мальчик, впереди много работы. Математиком нельзя стать за один день, опыт — лучший учитель.

Но я не стану возражать, если ты захочешь продолжить обучение заочно, при условии, что некоторое время ты будешь проживать при колледже и выпускные экзамены сдашь здесь.

Позже, когда тебе станет лучше, я вышлю план своего труда по коническим сечениям; я думаю, подобная совместная работа была бы тебе очень полезна. Я никогда не сомневался в твоих способностях. Ты еще молод, но если будешь много учиться, то, дай только срок, займешь свое место в мире науки.

Я надеюсь, что задуманная мной работа окажет на тебя благоприятное воздействие.

С наилучшими пожеланиями,
Исаак БАРРОУ, доктор философии

* * *

16 ноября 1666 г.,
Лондон

Уважаемый мистер Ньютон!

Вероятно, Вам будет удобнее всего выполнять расчеты дома, в Вулсторпе.

Описание выполняемой нами работы и проблем, с которыми мы сталкиваемся, будет выслано Вам незамедлительно.

С уважением,
БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС

* * *

21 ноября 1666 г.,
Кембридж

Мой дорогой Исаак!

Получил твое послание. Я пока не успел просмотреть его, но обязательно выберу время и прочитаю все внимательно в предстоящие праздники. Мне очень интересно, какие проблемы занимали тебя летом.

Счастливого тебе Рождества, мой мальчик.

И. БАРРОУ

22 ноября 1666 г.,
Департамент баллистики,
Британская полевая артиллерия
Исааку НЬЮТОНУ,
бакалавру гуманитарных наук,
Вулсторп

Данные баллистических исследований

1. Просим Вас ознакомиться с приложенными материалами с целью лучшего понимания задач, стоящих перед Департаментом.

2. Данные материалы являются секретными и не подлежат разглашению.

Приложение 1. Экземпляр таблицы стрельбы 9-фунтового орудия.

Приложение 2. Руководство по основам баллистики.

Целью данного исследования является определение с максимальной точностью дальности стрельбы орудий, состоящих на вооружении в Армии Его Величества, а также выработка техники прицельной стрельбы из пушки на различные расстояния.

Опытным путем установлено, что на дальность полета пушечного ядра, выброшенного пороховым взрывом, влияют следующие параметры:

1. Вес пушечного ядра.
2. Вес порохового заряда.
3. Угол подъема ствола орудия.
4. Длина ствола.

Первые два параметра очевидны: чем тяжелее пушечное ядро, тем больше пороха требуется для того, чтобы оно пролетело определенное расстояние, и наоборот.

Изменение третьего параметра на практике вызывает большие затруднения, а результат предсказать трудно. До определенного предела увеличение угла приводит к увеличению дальности стрельбы, а затем — к ее уменьшению. В свете вышеизложенного было принято решение — закрепить орудия под углом, при котором достигается наибольшая дальность стрельбы, и подвергать изменению другие параметры, с тем, чтобы менять дальность полета ядра.

(В связи с этим следует отметить, что угол подъема орудия не принимается во внимание в Королевском Флоте, так как из-за качки не является постоянным).

Четвертым параметром также можно пренебречь, так как орудийные стволы слишком большой длины непригодны на поле боя, хотя стволы крепостных орудий могут быть несколько длиннее. Но учитывая то, что изменение длины ствола на поле боя абсолютно невозможно, мы можем с уверенностью заявить, что четвертый параметр является неизменной величиной и, следовательно, игнорировать его.

Поэтому было решено подвергнуть испытаниям все типы орудий, находящихся в настоящее время на вооружении в полевой артиллерии, и составить для каждого из них таблицу дальности полета ядра в зависимости от его веса и величины порохового заряда, а затем вручить экземпляры этой таблицы командирам батарей.

Этот проект, как можно предположить, потребовал проведения испытаний большого количества орудий в течение прошедшего года и, безусловно, потребует дальнейших испытаний, прежде чем задача будет выполнена. Мы, однако, надеемся, что уже в ближайшем будущем станет возможным хотя бы ограниченное применение полученных данных, что, в конечном счете, послужит дальнейшему развитию искусства стрельбы из орудий.

По приказу командующего

2 января 1667 г.

Дорогой Исаак!

Хорошо ли ты отдохнул во время Рождественских праздников? Надеюсь, матушка в добром здравии и твое самочувствие улучшилось.

Мой дорогой мальчик, позволь дать тебе совет. Думаю, ты прислушаешься к нему как к совету старого друга и учителя, который желает тебе только добра.

Мое внимание привлек тот факт, что ты, как бы это сказать, размениваешь свой талант по пустякам. Мой друг, который служит в Военном министерстве, сообщил мне, что ты выполняешь какие-то математические расчеты, кажется, что-то связанное с пушками.

Я, конечно, понимаю, что ты находишься в довольно затруднительном финансовом положении, и, поверь мне, искренне тебе сочувствую. Я знаю, что несколько фунтов могут значительно облегчить тебе получение дальнейшего образования.

Я не хочу сказать, что эта работа не достойна ученого. Не думай, будто я сколько-нибудь осуждаю твое решение; нужно работать, а деньги в жизни, безусловно, необходимы.

Однако позволь предостеречь тебя: простая работа, подобная этой, да еще хорошо оплачиваемая, может подействовать расслабляюще. Многие одаренные люди, выделяющиеся среди посредственностей, обнаруживали, что ум их притупился от долгого бездействия. Мой дорогой мальчик, УМОЛЯЮ, не попадись в эту ловушку, не поступишь блестящей карьерой математика ради нескольких жалких фунтов. Я знаю, ты молод и неопытен, и должен еще много учиться, поэтому, пожалуйста, прислушайся к совету того, кто несколько старше и мудрее тебя.

Нет, я еще не добрался до твоего письма. Я сделаю это сегодня же вечером, обещаю, мой мальчик.

С наилучшими пожеланиями,
Исаак БАРРОУ

* * *

3 января 1667 г.,
Кембридж

Дорогой Исаак!

Я прочел твое послание и, должен признаться, немало озадачен. Чем ты ЗАНЯТ?

Я вижу, что несколько преждевременно отправил вчерашнее письмо; мне нужно было сперва прочитать твое послание, оно имеет к этому прямое отношение.

Ты спрашиваешь: «Какова оптимальная форма винных бочек? Должны ли они быть высокими и узкими или низкими и широкими?»

А я спрашиваю: «Ну какая разница?»

Ты ведь не собираешься стать виноторговцем? Если да, то зачем терять время на изучение математики? С другой стороны, если ты собираешься стать математиком, зачем марать благородную и возвышенную науку о винных бочках?

Как я уже писал, я не возражаю против того, чтобы ты заработал несколько фунтов, выполнив несложные расчеты для армии; но это уже просто глупость. Ты потратил столько сил, и чего ради? Когда ты наберешься опыта, то поймешь тщетность такой работы.

Что касается твоей теории «производных», то, признаться, я в полной растерянности. Судя по всему, ты предполагаешь, что кривая состоит из бесчисленного множества бесконечно малых отрезков прямой. На чей авторитет ты можешь при этом сослаться? Ты не прилагаешь никакого библиографического списка и не делаешь ссылок на источники, а я не смог найти этого в книгах.

Очевидно, ты пытаешься трактовать НУЛЬ и БЕСКОНЕЧНОСТЬ как реально существующие арифметические величины. Где ты вычитал подобную чушь?

Мальчик мой, запомни, пожалуйста, что четырех лет учебы в колледже недостаточно для того, чтобы стать математиком. Это — только первая ступень на пути к цели. Тебе еще предстоит много учиться, прочитать и усвоить огромное количество книг, написанных, следует сказать, людьми более зрелыми, более мудрыми и более учеными, нежели ты.

Прошу тебя, не трать время на такие пустяки, как игра с математическими знаками, выведенными из винной бочки. Мальчик мой, из винной бочки может ли быть что доброе?

Надеюсь, скоро ты почувствуешь себя в состоянии помочь мне в расчетах конического сечения, план которых я выслал в прошлом письме от 28 декабря *. Мне кажется, эта важная работа поможет тебе сделать карьеру.

С наилучшими пожеланиями,
Исаак БАРРОУ

* * *

5 января 1667 г.,
Лондон

Уважаемый мистер Ньютон!

Благодарим Вас за расчеты для семифунтовок. Должен сказать, что Вы очень быстро выполнили расчеты; не было нужды работать в праздники.

Ваши вопросы показывают, что Вы незнакомы с трудностями, возникающими при изготовлении военных орудий. Ничего удивительного, так как требуются годы обучения и практический опыт для того, чтобы

* Это письмо либо не сохранилось, либо было возвращено доктору Барроу. — С. Х.

решать возникающие проблемы. Этому не учат в университетах и колледжах, этого нельзя узнать из книг, только боевой опыт дает такие знания, а его-то у Вас и нет.

Я, однако, могу описать используемые нами методы.

Из каждого орудия, проходящего испытания, делают несколько выстрелов разными ядрами — железными, свинцовыми, медными; часть ядер — пустотелые, в них закладывается пороховой заряд, с тем, чтобы ядра, достигнув цели, взрывались. Мы выясняем, какое количество пороха необходимо, чтобы ядро каждого типа отлетало от жерла пушки на расстояние пяти ярдов. Это считается минимальной дальностью стрельбы. (Естественно, при испытаниях пустотелые разрывные снаряды мы наполняем не порохом, а равным по весу количеством обычной земли. Иначе каюны подвергались бы опасности).

После того как минимальная дальность стрельбы определена, делается еще несколько выстрелов, при этом заряд постепенно увеличивают, а полученное расстояние измеряется.

Этот процесс продолжается до тех пор, пока не исчерпывается запас прочности орудия, и этот предел считается максимальной дальностью стрельбы.

Конечно, отдельные снаряды по весу отличаются друг от друга, даже если они изготовлены из одного материала, да и диаметр канала в стволах орудий тоже не одинаков, но тут ничем не поможешь. Что прикажете делать? Отливать пушки с точностью до четверти дюйма? Это абсолютно нереально.

Мне очень приятно видеть, с каким энтузиазмом Вы относитесь к нашей работе, но прошу Вас, пожалуйста, подождите до тех пор, пока не получите более полное представление о стоящих перед нами проблемах, а пока воздержитесь от предположений такого рода.

Что касается письма, приложенного к расчетам, то, боюсь, оно меня не заинтересовало. Я — военный человек, а не математик.

Еще раз благодарю Вас за блестяще выполненную работу.

С уважением,
баронет Эдвард БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС

* * *

9 января 1667 г.,
Кембридж

Дорогой Исаак!

Мы знакомы уже более пяти лет и я, можно сказать, по-отечески забочусь о твоей карьере. Поэтому считаю своим долгом еще раз указать на то, что неустойчивый, беспокойный характер доведет тебя до беды, если только ты не научишься сдерживаться.

Я вынужден сказать то, что есть на самом деле, что я думаю, а именно: тебя, по молодости, нельзя назвать математиком в полном смысле слова. Когда ты посвятишь занятиям столько же времени, сколько я, то поймешь, как мало знаешь сейчас. В юности мы слишком запальчивы. Витаем, как говорится, в эмпиреях. Но и не таким людям, как ты, приходилось признать, что юношеские порывы не заменяют мудрости зрелого возраста.

Относительно других твоих замечаний: ты прекрасно знаешь, что я имел в виду, сказав, что из винной бочки не может быть ничего доброго. Просто смешно обвинять меня в святотатстве и богохульстве. Ты искажаешь мои слова.

Давай прекратим взаимные оскорбления и перейдем к более важным делам.

Исаак БАРРОУ

* * *

12 января 1667 г.,
Лондон

Уважаемый мистер Ньютон!

Еще раз благодарю Вас за то, как быстро Вы свели в таблицу полученные нами результаты. Приятно встретить молодого человека, относящегося к работе с таким рвением.

Как я уже писал, я не математик, но должен признаться, что в Ваших разъяснениях я нашел не больше смысла, чем в математической формуле, присланной ранее.

Насколько я понял, Вы предлагаете систему уравнений, позволяющую вычислить дальность стрельбы любого орудия, исходя из соотношения веса ядра и веса порохового заряда. (Возможно, я не прав, но так мне

показалось). Похоже, Вы строите воздушные замки на песке. Где Ваши исходные данные? Какие исследования стрельбы из орудий Вы проводили? Делать столь широкие обобщения, не имея достаточного количества экспериментальных данных, не годится.

Если бы даже это удалось сделать — в чем позволите усомниться — боюсь, что это не нашло бы практического применения. Я понимаю, что Вы не сведущи в военных проблемах, поэтому считаю своим долгом указать на то, что наши канониры, завербованные на военную службу, — безграмотные грубые солдаты, а не образованные джентльмены. Многие из них читать не умеют, где уж им справиться с геометрическими формулами. Нам будет трудно обучить их пользоваться даже таблицами дальности стрельбы.

Я должен сказать, что последнее соображение является одним из главных препятствий, с которым мы столкнулись при разработке нашего проекта. В Военном министерстве неоднократно приходили к выводу о непреодолимости этого препятствия, и мне приходилось бороться за дальнейшее продолжение исследований с многочисленными противниками проекта.

Я боюсь, что если мы будем пользоваться непробированными методами, то Парламент урежет ассигнования.

Однако снова повторяю, что благодарен Вам за проявленный интерес.

С уважением,
БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС

* * *

24 января 1667 г.,
Кембридж

Дорогой Исаак!

Извини, что я до сих пор не успел просмотреть твое второе послание, но, по правде говоря, составление плана наших работ по коническим сечениям не оставило мне на то времени.

И хорошо, что я так сделал. Как выяснилось, было бы просто грешно ради таких пустяков отвлекаться от важной работы.

Ты по-прежнему твердишь о производных от винных бочонков и своих армейских снарядах. Может, я должен предположить, что все это шутка? Или ты всерьез

выдвигаешь гипотезу о том, что полет пушечного ядра связан с фазами Луны? Это нечто сверхъестественное. Сплошное волшебство. Человек даже столь молодой, как ты, мог бы уже усвоить к этому времени основные положения Научного Метода.

Ты можешь подтвердить эту глупость экспериментально? Где измерения, фактические материалы? Где библиография?

Не думай, мой мальчик, что славу и успех в ученом мире можно приобрести, притягивая за уши безумные гипотезы. Короткого пути к вершинам в такой сложной науке, как математика, нет. Требуются годы учебы и напряженного труда.

Твоя работа — пример того, что может произойти с человеком, недостаточно изучившим предмет. Кажется, ты трактуешь время как еще одно измерение. В некоторых уравнениях ты даже получаешь в результате квадратные секунды. Взяв в руки линейку, ты убедишься, что фут — всегда фут, и сверху вниз, и с востока на запад, и севера на юг. Но где ты видел фут времени?

Дорогой мальчик, чем тратить силы на бесплодные поиски в тупиках науки, занимайся лучше изучением того, что тебе еще предстоит познать.

План работы по коническим сечениям я пришлю в течение недели.

Исаак БАРРОУ

* * *

1 февраля 1667 г.,
Лондон

Уважаемый мистер Ньютон!

Касательно Вашего письма от 14 января 1667 г., содержащего упрощенные алгебраические формулы для расчета полета пушечного ядра, могу сообщить, что наши специалисты рассмотрели этот вопрос и пришли к выводу, что не только Ваши выкладки совершенно невразумительны, но и результаты не отличаются точностью. Откуда, позвольте Вас спросить, Вы взяли подобные данные? На основе каких экспериментов Вы строите свои предположения? Реальные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, находятся в полном противоречии с Вашими расчетами.

Люди гораздо более опытные, чем Вы, сэр, работали над этой проблемой в течение нескольких лет, и ни один

из полученных ими результатов не подтверждает Ваших предположений. Сбор данных — результат упорного труда и наблюдений, их нельзя получить сидя в кресле и предаваясь размышлениям.

Все было бы оправданно, если бы пушки стреляли на то расстояние, которое Вы предсказываете, но этого не происходит. Боюсь, нам лучше рассчитывать на результаты наших испытаний, а не на Ваши теории. При проведении военных операций нужно руководствоваться фактами, а не фантазиями.

Баронет БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС,
генерал артиллерии

* * *

3 февраля 1667 г.,
Кембридж

Дорогой Исаак!

Я думаю, что лучше выяснить отношения и прийти к взаимопониманию по этому вопросу. То, что ты продолжаешь настойчиво просить меня уделять внимание теориям, не находящим подтверждения в литературе и основанным на, мягко говоря, недостаточно проверенных фактах, начинает мне надоедать. Позволь мне на правах друга указать, в чем, по юношеской горячности, ты ошибаешься.

Во-первых, просто смешно утверждать, что между полетом пушечного ядра и движением Луны существует какое-либо сходство. Представить себе не могу, где ты почерпнул столь ошибочную информацию. Ядро, выпущенное из пушки, через несколько секунд ударяется о Землю, Луна же, как считает епископ Ашер, появилась на небе в 4004 г. до рождества Христова — это всем известно. Ты предполагаешь, что она удерживается на небе силой, которая тянет ее вниз, но это нелепость. С точки зрения здравого смысла, такое утверждение — пустой звук. Ты считаешь, что траектория полета пушечного ядра является параболической. Можешь ли ты, положив руку на сердце, сказать, что ты измерил траекторию полета пушечного ядра, вычертил ее, промерил и провел математический анализ? Можешь ли ты аналитически доказать, что это не гипербола и не часть эллипса? Есть ли у тебя хоть какие-нибудь фактические данные, подтверждающие твою гипотезу, или ты можешь сослаться на какой-либо первоисточник?

Ты делаешь широкие обобщения, исходя из допущения, что «все тела притягиваются друг к другу с равной силой», что Земля притягивает Луну с такой же силой, как яблоко или пушечное ядро. Где твои фактические данные? Осмелюсь предположить, что ты не измерял, с какой силой притягиваются друг к другу все тела во Вселенной. Проверил ли ты, влияет ли на это различное содержание сахара в яблоках или величина диаметра пушечного ядра? Если нет, то пытался ли узнать из достоверных источников, была ли подобная работа проделана ранее?

Кто убедил тебя в том, что можно сесть и придумать свою собственную математическую теорию? Я, во всяком случае, этого не говорил. Математика, мой мальчик, основана на логической интерпретации известных фактов. Нельзя просто так, без всякой подготовки, взять и изобрести собственную систему. Что станет с математикой как с наукой, если каждый будет по собственному усмотрению решать, что два плюс два — пять, а дважды два — сто?

Ты пишешь, что тебя «внезапно осенило» прошлым летом, когда ты сидел под яблоней и один из плодов упал и ударил тебя по голове. Советую тебе показаться хорошему врачу, такие удары могут иметь неприятные последствия.

Если у тебя есть данные, подтверждающие твои гипотезы, и ты можешь привести логические доказательства своих постулатов, то я буду рад обсудить эту проблему.

Надеюсь, что как только тебе станет лучше и ты придешь в себя, ты вернешься в Кембридж и продолжишь учебу, это крайне необходимо.

Доктор Исаак БАРРОУ

Мне пришло в голову, что, может, ты задумал все это как некую псевдонаучную шутку, вроде той, что сыграл с нами джентельмен, носящий то же имя, что и мы*. Если так, то я ее не понял, но если ты мне объяснишь, я буду только рад извиниться за то, что я тебе высказал.

И. БАРРОУ

* Понятия не имею, кто бы это мог быть. Так же как не знаю, о какой шутке идет речь. — С. Х.

8 февраля 1667 г.,
Лондон

Уважаемый мистер Ньютон!

Я долго терпел, но в последнем письме Вы перешли всякие границы. Я не могу, как Вы намекаете, судить о ценности Вашей теории с точки зрения математики, но считаю себя достаточно компетентным, чтобы судить о ее практической ценности.

Например, Вы утверждаете, что причиной расхождения Ваших расчетов с результатами, полученными в ходе испытаний, является то, что пушечное ядро летит в воздухе, а не в вакууме. Но на чей авторитет Вы можете сослаться при утверждении того, что оно будет двигаться в вакууме именно так? Можете ли Вы подтвердить свою гипотезу экспериментальными данными? Вы когда-нибудь стреляли из пушки в вакууме? Кстати сказать, стреляли Вы вообще когда-нибудь из пушки?

Что, по-вашему, должны делать наши канониры — откачивать при помощи огромного вакуумного насоса Фон Гертока воздух между пушкой и целью? Это будет, мягко говоря, несколько неудобно и даже опасно в боевых условиях. Предполагаю, что придется построить своего рода трубу между целью в расположении противника и местом, где находится орудие, и, осмелюсь заметить, к тому времени, как она будет построена, противник успеет кое-что заподозрить и передвинуть цель.

Вы говорите об «идеальных условиях». Мой дорогой Ньютон, будьте добры, примите к сведению, что сражения никогда не ведутся в идеальных условиях, а если бы велись, мы бы их всегда выигрывали.

Я не возражаю против того, чтобы Вы тратили время на игры с пустыми математическими абстракциями, не основанными на реальных фактах. У нас свободная страна, и никто не собирается вмешиваться в чью-либо частную жизнь. Но я был бы Вам очень признателен, если бы Вы оказали мне честь и перестали обременять мой и без того достаточно утомленный разум столь явной ерундой.

Таблицы, однако, выполнены превосходно. Прикладываю чек на 20 фунтов в качестве оплаты проделанной работы.

Баронет Эдвард БАЛЛИСТЕР-ДДРЯНКС

12 февраля 1667 г.,
Кембридж

Мистер Ньютон!

Вы преступили все границы дружбы. Вы осмеливаетесь считать меня своим другом, но забываете, очевидно, что в этом колледже я занимаю должность главы математического факультета.

Я, как и всякий уважающий себя человек, был шокирован тоном, в котором Вы осмеливаетесь обращаться ко мне, и не позволю никому, занимающему более скромное положение в обществе, разговаривать со мной подобным образом. Я — профессор математики в одном из старейших университетов, и не допущу, чтобы молодые выскочки, не уважающие ни авторитетов, ни старших по возрасту, смеялись надо мной или моим званием.

Ваш детский лепет насчет радуги, рождающейся в призме, — что известно каждому школьнику — уже невежлив, но то, что Вы называете меня глупцом, отказывающимся признать «одно из важнейших достижений в математике», выходит за рамки принятого в обществе поведения.

В течение нескольких месяцев Вы навязывали мне и не только мне невероятные антинаучные теории, не имеющие под собой никакой фактической основы, теории, которые не поддержит ни один уважающий себя ученый. Вы — не математик, сэр, вы — жулик и шарлатан!

У Вас нет экспериментальных данных; Вы признаете, что руководствуетесь лишь интуицией; Ваши гипотезы взяты с потолка, ни одно из своих утверждений Вы не можете подтвердить ссылками на первоисточники, но при этом опровергаете вполне достоверные теории, выдвинутые людьми более достойными, чем Вы.

Столь неподобающее поведение заставляет меня применить данные мне власть и права для защиты колледжа и университета. Я посоветую администрации отказать Вам в восстановлении на факультете.

Исаак БАРРОУ,
доктор философии
Математический факультет,
Тринити Колледж

* * *

16 февраля 1667 г.,
Департамент баллистики,
Полевая артиллерия

Мистеру Исааку НЬЮТОНУ,
бакалавру гуманитарных наук,
Вулсторп

О сокращении штатов

1. Ввиду возникновения натянутых взаимоотношений между Вами и отдельными работниками департамента мы пришли к выводу, что не можем больше пользоваться Вашими услугами в качестве консультанта по математике.

2. Таким образом, Вы считаетесь уволенным с 16 февраля 1667 г.

3. Прилагаемый чек является оплатой за Ваши услуги с 8 февраля 1667 г. до настоящего времени.

По приказу командующего,
Майор Руперт ЗНАЙКС,
адъютант генерала сэра Эдварда
Баллистер-Ддранкса

Приложение. Чек на 2 фунта 10 шиллингов 6 пенсов.

* * *

12 марта 1667 г.,
Уайтхолл

Мой друг!

Обращаюсь к Вам неофициально, потому что Вы выбрали столь же, ну, скажем, неофициальный способ для привлечения моего внимания.

На протяжении последних трех недель меня день и ночь изводила некая леди, наша общая знакомая, она просила меня сделать что-нибудь для «этого милого мистера Ньютона». Кажется, она считает Вас довольно умным, поэтому я, главным образом чтобы отвязаться от нее, лично ознакомился с обстоятельствами Вашего конфликта с Департаментом баллистики.

Я говорил с генералом Б-Д и ознакомился со всеми письмами. Для меня — это все темный лес, но главное — я заметил, что тон Ваших писем к генералу стал под конец несколько язвительным. Не хочу Вас винить, военные иногда бывают слегка туповаты.

Но боюсь, что именно по этой причине у меня связаны руки. Не правда ли, трудно представить, что кто-то смог бы управлять страной, не оказывая при этом поддержки высшим армейским чинам. Политическая история и история моей собственной семьи свидетельствуют, что монарх чувствует себя гораздо спокойнее, если за ним стоят армия и флот.

Поэтому боюсь, что, несмотря на просьбы нашей маленькой леди, я вынужден буду остаться в стороне от этого конфликта.

CAROLUS II REX¹

* * *

19 марта 1667 г.,
Уайтхолл

Ньютон!

Нет! Это мое окончательное решение!

C II R

* * *

21 мая 1667 г.,
Кембридж

Дорогой Исаак!

Прими смиренные извинения старого друга; я совершил ошибку и, во имя всех святых, умоляю о прощении. Когда я отправил последнее письмо, я не понимал, что ты болен и переутомлен работой.

Как только твоя милая матушка написала мне и сообщила о том, в каком расстроенном состоянии находится твой разум, я хотел немедленно написать тебе, но эта святая женщина уверила меня, что ты не в состоянии поддерживать переписку.

Поверь, мой мальчик, если бы я мог предположить, как ты болен, я бы проявил больше терпения и не обращался к тебе в столь резкой форме. Прости меня за грубость и едкий тон.

Теперь я вижу свою вину, меня мучают угрызения совести. Твои письма, — я должен был понять это сразу, — плод воспаленного ума и расстроенного вообра-

¹ Король Карл II (лат.)

жения. Никогда не прощу себе, что тогда не осознал этого.

Относительно твоего возвращения в колледж. Прошу тебя, отдыхай спокойно, в полной уверенности, что здесь будут рады твоему возвращению. Я говорил с администрацией, и после того, как я объяснил им природу твоей болезни, все препятствия к твоему возвращению были устранены. Позволь заверить тебя — они знают, как подобная болезнь может выбить человека из колен, они все понимают и полны сочувствия.

Поддерживаю твое решение не продолжать больше занятия математикой: мне кажется, что одной из причин, вызвавших болезнь, помимо удара яблоком по голове, было переутомление — ты перетрудился, пытаешься постичь то, для чего еще слишком юн. Возможно, именно поэтому первые серьезные симптомы появились только в конце марта.

Ты, я уверен, достигнешь успеха на любом новом поприще, но, пожалуйста, не работай так много.

Еще раз прошу простить меня,

Исаак БАРРОУ

* * *

3 апреля 1667 г.,
Йорк

Его высокопреосвященству
доктору *Исааку НЬЮТОНУ*

Божьей милостью архиепископу Кентерберийскому

Ваше высокопреосвященство!

Я воспользовался этой возможностью, чтобы выразить Вам глубокую и искреннюю признательность за любезно представленный мне экземпляр Вашей книги, я никогда не забуду этого.

Позвольте мне сказать, Ваша милость, что, начав читать эту книгу, я не смог оторваться от нее. Честно говоря, я не мог остановиться, пока не дочитал ее до конца, а теперь чувствую, что буду возвращаться к ней вновь и вновь.

Осмелюсь утверждать смиренно, что Ваша милость величайший теолог со времен ангельского доктора, святого Фомы Аквинского. А что касается красоты и яркости слога, то она сравнима с «*De Civitate Deo*»¹ гиппон-

¹ «О граде Божьем» (лат.)

ского епископа Августина Блаженного и «De Imitatione Christi»¹ святого Фомы Кемпийского.

Более всего на меня произвели впечатление Ваши рассуждения о мистическом вознесении души, в которых Вы так доступно объясняете, почему, чем больше приближается душа человека к Божественному Совершенству, тем больше притяжение между душой и Святым Духом.

И действительно, всем понятно, что чем праведнее становится человек, тем больше он любит Бога, и тем больше любовь Бога к своему слуге, но тем не менее Вам удалось изложить это так доступно и убедительно, приведя столь красноречивые доказательства, что это стало понятнее, как будто кому-то удалось неким мистическим образом измерить расстояние между отдельной душой и Святым Духом путем измерения взаимной любви и притяжения между душой и Святой Троицей.

Блестяще проведенный Вами анализ сравнительной ценности тех, кто попал в Царство Божие в День Страшного Суда, способен повергнуть в священный трепет своим совершенством. Даже те души, что по всепрощающей милости Господней воссияли снежной белизной, отличаются друг от друга, и Ваше сравнение этих душ с лучом чистого белого света, преломляемого призмой из прозрачайшего кристалла, воистину великолепно.

Церковь всегда придерживалась мнения, что те, кто прожил жизнь в непорочной святости, займут по Милости Господней более высокое место на Небесах, чем те, чья жизнь была полна греха, хотя Господь, по милости своей, и простил им прегрешения. Но никто не мог объяснить, как это произойдет. Ваше сравнение, показывающее, что белый свет солнца может быть разделен на цвета радуги от красного до фиолетового, чудесно объясняет, как Господь наш отделит избранных слуг своих в Судный День, когда души грешников будут осуждены и ввергнуты во тьму.

Можно привести и другие примеры, которые показывают тонкость понимания Вами теологических вопросов и глубину мысли. Они побуждают к размышлениям, и я не осмелюсь комментировать их до тех пор, пока не перечитаю еще раз и не изучу тщательно Вашу книгу, потому что боюсь показать беспомощность своей мысли.

¹ «Подражание Христу» (лат.)

Я верю, что христиане будут в течение столетий читать вашу книгу «Principia Theologica»¹ и восхищаться ею.

Я, конечно, напишу Вам еще и изложу более подробно свое мнение об этом шедевре.

Молю Бога за Вас и Вашу работу и призываю на Вас Его благословение в наступающий праздник Пасхи.

Остаюсь бесконечно преданный Вам,
Вильям ХАНЖЕНС,
Божьей Милостью
Архиепископ Йоркский

¹ «Начала теологии» (лат.)

ВНЕ ИГРЫ

Он сидел в удобном кресле, глядя на рубильник на противоположной стене, и в миллионный — или миллиардный? — раз думал, есть ли смысл рискнуть и выключить его. Миллионный — или миллиардный — потому что сегодня исполнилось ровно тридцать лет, как...

Возможно, он, Кайл Браден, погибнет, хотя и по неизвестной причине. Вряд ли от радиации — все атомные бомбы взорвались тридцать лет тому назад. И тем не менее, они уничтожили цивилизацию — для этой цели их было более чем достаточно. А по его подсчетам, жалкие остатки человечества могли возродиться не ранее, чем через сто лет.

Что там сейчас, за силовым полем купола, оградившего его от невероятных ужасов? Превратились ли люди в зверей? Или человечество было стерто с лица земли, уступив место менее воинственным тварям? Нет, хоть кто-то должен был выжить и рано или поздно начать все с начала, и может быть, память о нем и его деянии останется, пусть как легенда, и удержит остальных от подобного шага. А может, как раз наоборот.

Тридцать лет, подумал Браден. Он устало вздохнул. С другой стороны, у него имелось все необходимое, а одиночество — не такая большая плата за жизнь. Жить одному — лучше, чем умереть жуткой, уродливой смертью.

Так он считал тридцать лет назад, когда ему исполнилось тридцать семь. Так он считал сейчас, в шестьдесят семь. Он не жалел о своем поступке. Но он устал. В миллионный — или миллиардный? — раз он думал, готов ли он рискнуть и выключить рубильник.

А вдруг человечеству не удалось вернуться хотя бы к подобию разумной жизни? Скажем, к земледелию. Он мог бы помочь, дать дельные советы, и до самой старости наслаждаться уважением и признательностью.

И он не хотел умирать в одиночестве. Можно жить одному, и даже вполне сносно, но умирать — совсем другое дело. Лучше погибнуть от руки нео-варваров, которые, по его предположениям, сейчас бродят по земле. Вряд ли, конечно, за тридцать лет они стали земледельцами.

Сегодняшний день должен стать решающим. Если верить хронометрам, а они в любом случае не могли намного ошибиться, прошло ровно тридцать лет. Надо подождать еще несколько часов, чтобы отключить рубильник минута в минуту. Безвозвратно. Та самая безвозвратность, которая раньше удерживала его от подобного шага.

Если бы только силовой купол можно было отключать и включать по желанию! Но на создание силового поля ушло колоссальное количество энергии, которой почти не требовалось, чтобы поддерживать его.

Да, внезапно подумал он. Сомнениям — конец. Он выключит рубильник, как только пройдут эти несколько часов. Тридцатилетнее одиночество — срок слишком долгий.

Он не хотел оставаться один. Если бы только Мира, секретарша, не бросила его, когда... Слишком поздно, но он все равно вспоминал об этом в миллиардный раз. Зачем так нелепо решила она разделить судьбу остального человечества, пожертвовала своей жизнью ради тех, кому все равно ничем нельзя было помочь? Ведь она любила его. И могла согласиться выйти за него замуж, если бы не вздумала поиграть в благородство. Но и он был слишком резок. Рассказав всю правду, он не дал ей времени опомниться. Как жаль, что она не согласилась.

Да, не повезло. Слишком поздно узнал он последние известия. Включив утром радио, он понял, что остались считанные часы. Нажав на кнопку звонка, он смотрел, как Мира входит в кабинет: красивая, спокойная, безмятежная. Можно было подумать, она никогда не читает газет, не слушает радио, просто не знает, что творится в мире.

— Дорогая моя, — произнес он, и глаза ее изумленно расширились при столь непривычном обращении, но она грациозно присела на краешек стула и открыла блокнот, чтобы, как всегда, записывать под диктовку.

— Нет, Мира, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами по личному — сугубо личному — делу. Я хочу сделать вам предложение.

Глаза ее расширились еще больше.

— Доктор Браден, вы... шутите?

— Нет. Никогда. Я знаю, что я старше вас, но надеюсь, разница в возрасте не так велика. Мне тридцать семь лет, хотя сейчас я выгляжу старше: слишком много

пришлось работать в последние дни. А вам — двадцать семь?

— На прошлой неделе исполнилось двадцать восемь. Но дело не в возрасте. Если я отвечу «Это так неожиданно», вы можете решить, что я издеваюсь — слишком избитая фраза. Но ведь так оно и есть. Вы ведь даже, — она озорно улыбнулась, — не пробовали приставать. Первый корректный человек, у которого я работаю.

Браден засмеялся.

— Извините, пожалуйста. Я не знал, что это необходимо. Но, Мира, отнеситесь ко мне серьезно. Вы согласны выйти за меня замуж?

Она задумчиво посмотрела на него.

— Я... не знаю. Как ни странно, я немножечко влюблена в вас. Даже не понимаю, почему. Вы никогда не обращали на меня внимания, разговаривали только как с секретаршей, целиком посвятили себя работе. Вы ни разу не пытались поцеловать меня и не сделали ни одного комплимента. Что я могу ответить? Ваше предложение слишком сухо... слишком внезапно. Может быть, отложим наш разговор на какое-то время? Чтобы вы успели... ну, скажем, объясниться мне в любви? Мне кажется, это не лишнее.

— Но я действительно люблю вас, Мира. Пожалуйста, простите меня. Значит... вы не отказываетесь окончательно? Вам не противна сама мысль о таком замужестве?

Она медленно покачала головой, глядя на него красивыми блестящими глазами.

— Тогда, Мира, позвольте мне объяснить, почему я не ухаживал за вами и попросил вашей руки так неожиданно. Вы знаете, над чем я работал дни и ночи все последнее время?

— Над каким-то оружием, имеющим оборонное значение. И, если не ошибаюсь, правительство вас не финансировало.

— Совершенно верно, — сказал Браден. — Тупые генералы никогда не поверили бы в мою теорию, так же как и большинство физиков. Но к счастью у меня есть — вернее, были — деньги, полученные за некоторые мои патенты в области электроники. Я работал над защитой от атомной и водородной бомбы, а заодно любого другого оружия, если, конечно, оно не расколет земной

шар на куски. Ничто не может проникнуть сквозь мое силовое поле, которое останется стабильным столько лет, сколько я пожелаю. Кроме того, это здание забито сверху донизу всевозможными запасами, даже химическими удобрениями и семенами для выращивания растений без почвы. Двоим хватит на всю жизнь.

— Но... ведь вы передадите свое изобретение правительству? Это — защита от атомной бомбы...

Браден нахмурился.

— Да, конечно, но оно практически не имеет оборонного значения. Тут генералы оказались правы. Видите ли, Мира, энергия, необходимая для создания силового поля, кубически пропорциональна его размерам. Когда я окружу это здание восьмидесятифутовым куполом, энергостанции Кливленда выйдут из строя. А для того, чтобы защитить даже небольшую деревню, или, скажем... военный лагерь, нужно столько электроэнергии, сколько вся страна вырабатывает в течение нескольких недель. Отключить силовое поле нереально: для его включения вновь потребуется такое же количество энергии. И поэтому правительство сможет использовать мое изобретение в тех же целях, что я сам: спасти одного-двух человек от ужасов войны и ее последствий. К тому же сейчас слишком поздно.

— Слишком поздно... что вы хотите сказать?

— У них не осталось времени. Дорогая моя, война началась.

Лицо ее побелело, как мел.

— Несколько минут назад, — сказал он, — по радио объявили, что Бостон уничтожен прямым попаданием атомной бомбы. А вы прекрасно понимаете, к чему это приведет. Я включаю рубильник и не дотронусь до него, пока не смогу убедиться, что мы в безопасности. — Он не стал говорить, что убедиться в этом невозможно. — Мы не можем никому помочь — слишком поздно. Спаситесь самим — вот единственный выход.

Он вздохнул.

— Простите, что свалился вам, как снег на голову, но теперь вы понимаете, почему. Я ведь не прошу, чтобы вы дали согласие выйти за меня сию секунду. Подумайте, осмотритесь, рассейте свои сомнения. Дайте мне возможность поухаживать за вами, открыть свои чувства. Только оставайтесь. — Он улыбнулся. — Я люблю вас, Мира.

Внезапно она встала со стула, посмотрела на него невидящим взглядом, повернулась и, как слепая, пошла к двери.

— Мира! — выкрикнул он, и выбежав из-за стола, кинулся к ней. Он догнал ее у двери, но она подняла руку, останавливая его. На лице у нее вновь появилось безмятежное выражение.

— Я должна идти, доктор, — спокойно сказала она. — Когда-то я закончила курсы медсестер, и коть чем-то смогу помочь.

— Но, Мира, подумайте, чем это грозит. Ведь люди превратятся в диких зверей. Их ждет мучительная смерть. Я слишком люблю вас, Мира, и хочу избавить от такой участи. Оставайтесь.

Неожиданно она улыбнулась.

— Прощайте, доктор Браден. Боюсь, мне придется погибнуть вместе с остальными дикими зверями. Такая уж я сумасшедшая.

И дверь за ней закрылась. Из окна он видел, как она сошла со ступенек и побежала, едва очутилась на улице.

В небе послышался рев реактивных самолетов. Возможно, подумал он, пока еще это наши. А может, и нет. Вдруг о его лаборатории стало известно, и они решили первым делом разбомбить Кливленд? Он быстро подбежал к рубильнику и включил его.

За окном, в двадцати футах, возникла серая мгла. Снаружи не доносилось ни звука. Он вышел из дома и устоялся в безликое силовое поле, простирающееся на сорок футов в высоту и восемьдесят в ширину. И он знал, что оно уходит на сорок футов вниз, представляя собой идеальную сферу. Никакая сила не могла уничтожить его сверху, ни один червяк не мог проникнуть из-под земли.

Тридцать лет.

Не так уж плохо ему жилось все эти тридцать лет. Он много читал, а любимые книги знал почти наизусть. Он ставил эксперименты, хотя последние семь лет, после шестидесяти, постепенно терял интерес к науке. Да и зачем дикарям усовершенствования в электронике, если они, скорее всего, не помнят, что такое радио.

И тем не менее он работал, и сохранил свой разум, хоть и не изведал счастья.

Он сделал шаг к окну и взгляделся в серую мглу. Если бы можно было хоть на секунду заглянуть в мир

и убедиться в своей правоте, а потом опять включить защиту. Невозможно.

Он подошел к рубильнику и уставился на него. Затем внезапно рванул его на себя и побежал к окну. Серая мгла растаяла, и невероятная картина представилась его взору.

Не тот Кливленд, который он знал, а прекрасный, не поддающийся описанию, новый город. Вместо улицы — широкий бульвар. Красивые здания причудливой, незнакомой ему архитектуры. Зеленая трава, цветущие деревья... что произошло, как это могло быть? Атомная война должна была все уничтожить, и не могло человечество возродиться так быстро. Нелепость. И куда подевались люди?

Как бы в ответ на его вопрос по бульвару промчался автомобиль. Автомобиль? Он никогда не видел ничего подобного. Колеса, казалось, едва касались земли. За рулем сидел мужчина, рядом с ним, на переднем сиденье, женщина. Оба были молоды и красивы.

Внезапно мужчина повернулся в его сторону, и машина мгновенно остановилась. Именно мгновенно, если учесть, с какой скоростью они ехали. Ну конечно, подумал Браден. Сколько раз они проезжали мимо и не видели ничего, кроме серого купола, а сейчас он исчез. Машина вновь тронулась с места. Наверное, сообщат, кому следует, решил Браден.

Он вышел из дома и очутился на прекрасно ухоженном зеленом бульваре. Вдыхая полной грудью воздух, он понял, почему на улице так мало народа и почти нет движения. Его хронометры все-таки наврали. За тридцать лет они ушли вперед по крайней мере на несколько часов. Стояло раннее утро: судя по положению солнца, между шестью и семью часами.

Он пошел вперед. Если он останется, к нему придут, как только молодая пара доложит об исчезновении купола. И, конечно, расскажут обо всем, но ему хотелось самому разобраться в обстановке, узнать, в чем дело.

Он шел вперед. По дороге ему никто не встретился. Правда, в отдалении он видел людей, но вряд ли его одежда настолько бросалась в глаза, чтобы привлечь к себе пристальное внимание.

Мимо него промчалось еще несколько удивительных автомобилей, но водители даже не посмотрели в его сторону.

Наконец он увидел перед собой открытый магазин, и вошел, не в силах больше сдержать своего любопытства. Кудрявый молодой человек приводил прилавок в порядок. Он с недоумением посмотрел на Брадена, потом вежливо спросил:

— Чем могу служить, сэр?

— Пожалуйста, не подумайте, что я — сумасшедший. Я вам потом все объясню. Ответьте мне на один вопрос: что произошло тридцать лет тому назад? Разве не началась атомная война?

Глаза молодого человека загорелись.

— О, вы, должно быть, тот самый ученый, который сидел под куполом. Тогда понятно, почему вы... — Он смутился и замолчал.

— Да, — ответил Браден. — Я сидел под куполом. Но что произошло? После того, как Бостон был уничтожен атомной бомбой?

— Несчастный случай, сэр. Космические корабли с Альдебарана прилетели на Землю, чтобы принять нас в содружество обитаемых миров, и один из них взорвался над Бостоном. Их цивилизация куда древнее нашей, и они с радостью согласились нам помочь.

— Значит, войны не было? — хрипло спросил Браден.

— Конечно, нет. С войнами покончено раз и навсегда. Об этой темной поре нашей истории теперь никто не вспоминает, ведь мы — члены Галактического Союза. На Земле нет даже отдельных правительств, которые могли бы объявить кому-то войну. И наш прогресс, с помощью Союза, идет небывалыми темпами. Мы колонизировали Марс и Венеру, но и это еще не все. Мы путешествуем к звездам, и даже... — Он умолк.

Браден с трудом стоял на ногах, уцепившись за прилавок. Он пропустил все, остался вне игры. Тридцать лет одиночества.

— «И даже...» что? — с трудом спросил он.

— Как вам сказать. Мы, конечно, не бессмертны, но будем жить в течение многих столетий. Тридцать лет назад я был ненамного моложе вас. Но... боюсь, вам не повезло, сэр. Курс лечения могут проходить люди средних лет, не старше пятидесяти. А вам...

— Шестьдесят семь, — хрипло ответил Браден. — Благодарю вас.

Вне игры. Звезды... когда-то он отдал бы все на свете, чтобы полететь к ним. А сейчас он ничего не хотел.

И Мира. Если бы они поженились, то до сих пор остались бы молодыми.

Он вышел из магазина и направился к зданию, которое столько лет было его домом. Наверняка его там ждут. И, может быть, они согласятся выполнить единственную его просьбу — дадут энергию, необходимую для включения силового поля, чтобы он провел остатки своих дней под куполом. Да, то, чего он раньше страшился, сейчас стало его единственным желанием: умереть, как жил, в одиночестве.

ШУТКИ... НО СО СМЫСЛОМ

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

Я расскажу вам о Хэнли, Але Хэнли, человеке настолько бестолковом, что на него давно уже все махнули рукой. И если б вы только знали, как он жил до появления на Земле дариан, вам никогда бы в голову не пришло слезно благодарить — прочитав мой рассказ — Ала Хэнли.

Когда это произошло, Хэнли был пьян. Впрочем, ничего удивительного. Он был пьян уже много лет и самолюбиво мечтал всегда находиться в подобном состоянии, хотя в последнее время трудности возникали перед ним на каждом шагу. Сначала у него кончились деньги, потом друзья, у которых можно было их занять. Составив длинный список, он трудолюбиво обходил всех своих приятелей, и в результате был счастлив, когда удавалось перехватить пару долларов.

Он докатился до того, что ему приходилось вышагивать много миль, чтобы одолжить доллар, или, на худой конец, хоть двадцать пять центов, у людей мало-знакомых. Долгая прогулка несколько отрезвляла его, — конечно, не до конца, — так что он находился в положении Алисы у Красной Королевы, когда бедной девочке приходилось все время бежать, чтобы остаться на одном месте.

А приставать к посторонним было небезопасно. Полиция косо смотрела на нарушение порядка и могла посадить его в кутузку. Ночь же, проведенная в кутузке, означала отсутствие выпивки, а Хэнли давно дошел до состояния, когда после двенадцати часов трезвой жизни у него начиналась бычачья трясучка, которая в сравнении с белой горячкой была все равно что циклон в сравнении с зефиром.

Белая горячка опасна галлюцинациями. Но если вы не полный дурак, то прекрасно понимаете, что на самом деле их не существует. Некоторым даже нравится, что у них появилась хоть какая-то компания. Бычачья трясучка — совсем другое дело. Вы даже представить себе не можете, до какого состояния надо упиться, чтобы выйти на такой уровень, и когда тебя сажают в тюрьму, лишая возможности пропустить стаканчик, худшей доли придумать невозможно.

От одной мысли о бычачьей трясучке у Ала Хэнли затряслись руки. Правда, это было не особенно заметно, так как в эту минуту он тряс руку старого друга, можно сказать, молочного брата, которого видел всего два раза в жизни при весьма сомнительных обстоятельствах. Звали этого старого друга, верзилу с потрепанной физиономией и репутацией, Детка Эгглстон, а встречались они, естественно, в баре, где Детка работал вышибалой, будучи изгнан из среды боксеров.

Но вам не стоит заострять на нем внимания, потому что он почти не имеет отношения к моему рассказу. Более того, ровно через полторы минуты Детка завопит, как резаный, а затем хлопнется в обморок, и больше вы о нем не услышите.

Правда, не премину заметить, что если бы Детка Эгглстон не завопил и не грохнулся в обморок, вам бы не довелось сейчас читать эти строки. Скорее всего, вы в настоящее время добывали бы гланитовую руду в поте лица своего, под зеленым солнцем на окраине нашей галактики. Не думаю, что это пришлось бы вам по вкусу, так что помните: именно Хэнли спас — и продолжает спасать — вас от столь горькой участи. Не судите его слишком строго. Если бы Три и Девять захватили Детку, вся наша жизнь полетела бы вверх тормашками.

Три и Девять — обитатели Дара, второй планеты вышеуказанной зеленой звезды на окраине нашей галактики. Само собой, я называю их сокращенно. Имена дариан состоят из цифр, и полное имя Трех — 389, 057 792 869 223, если перевести его в десятичную систему.

Я уверен, вы простите мне эту маленькую вольность, которую Три и Девять никогда бы мне не простили. Дариане всегда обращаются друг к другу по имени, и опустить цифру или знак считается у них не просто хамством, а ужасным оскорблением. Впрочем, дариане живут значительно дольше, чем мы, поэтому могут позволить себе терять время, тогда как я лишен такой возможности.

В тот момент, когда Хэнли тряс руку Детки, Три и Девять находились примерно в миле над Землей. Нет, не в самолете или космическом корабле, и даже не в летающей тарелке (ну конечно, я знаю, что это такое, и расскажу вам как-нибудь в другой раз, а сейчас меня интересуют лишь дариане). Они со всеми удобствами расположились в пространственно-временном кубе.

Наверное, я должен объяснить, в чем тут дело. Дариане пришли к выводу — к которому, может, и мы с вами когда-нибудь придем, — что Эйнштейн оказался прав. Материальное тело, летящее со скоростью, превышающей скорость света, превращается в энергию. Вам бы не хотелось превратиться в энергию, верно? Вот и дариане к этому не стремились, когда начали осваивать галактику.

И все-таки им удалось доказать, что превысить скорость света можно, если одновременно путешествовать во времени. Короче говоря, использовать не пространство, а пространственно-временной континуум. Расстояние, которое они преодолели от Дара до Земли, составляло 163 000 световых лет.

Но так как одновременно они отправились на 1630 веков в прошлое, фактическое время их путешествия равнялось нулю. На обратном же пути они отправятся на 1630 веков в будущее, и прибудут в исходную точку этого самого пространственно-временного континуума. Надеюсь, я достаточно понятно все объяснил.

Как бы то ни было, они удобно расположились в кубе, невидимом для землян, примерно в миле над Филадельфией (только не спрашивайте, почему они выбрали Филадельфию — я не знаю, как она может хоть кому-то пригодиться, и для чего она вообще нужна). Итак, куб висел над Филадельфией уже четыре дня, в течение которых Три и Девять слушали радиопередачи и изучали местный язык, пока не смогли свободно на нем изъясняться.

Конечно, они ничего не поняли в нашей цивилизации и культуре. Посудите сами, как им было разобратся в мешанине из конкурсов, сентиментальных пьес, реклам, любимцев публики и неустрашимых ковбоев?

Впрочем, плевать они хотели на нашу цивилизацию, как только убедились, что мы не представляем для них опасности — а убедились они в этом окончательно и бесповоротно к концу четвертого дня. Опять же, не упрекайте их за столь нелестное мнение, тем более, что они были абсолютно правы.

— Опускаемся? — спросил Три.

— Да, — ответил Девять.

Три свернулся на панели управления.

— ... конечно, я видел тебя на ринге, — говорил Хэнли. — Ты просто молодчага, Детка. Будь у тебя хо-

роший мэнеджер, ты стал бы чемпионом. У тебя ссть задатки. Пойдем, пропустим по стаканчику?

— Ты меня приглашаешь, Хэнли?

— Э-э-э, видишь ли, я сейчас на мели, Детка. Но мне необходимо выпить, честное слово. Ради старой дружбы...

— Тебе необходимо проспаться. Ты пьян. Еще рюмка, и у тебя начнется белая горячка.

— Давно началась, — сообщил Хэнли. — Я уже привык. Вон они, за твоей спиной.

Тут Детка Эгглстон, даже не подумав о несуразности подобного поступка, оглянулся. После чего завопил, как резаный, и хлопнулся в обморок. К ним приближались Три и Девять. Чуть поодаль угадывались смутные очертания гигантского куба, со сторонами по двадцать футов, который то появлялся, то словно таял в воздухе. Видимо, это и напугало Детку до полусмерти.

Три и Девять выглядели совсем не страшно. Это были существа червеобразной формы, примерно пятнадцати футов в длину (если их растянуть), и одного фута в толщину посередине, с закруглениями по обоим концам. На их приятного цвета светло-голубых телах не наблюдалось никаких органов чувств, так что представлялось невозможным определить, где голова, а где хвост. Впрочем, это не имело значения: во-первых, они все равно были одинаковы, а во-вторых, приближаясь к Хэнли и лишившемуся чувств Детке, Три и Девять находились в привычном свернутом состоянии и плыли по воздуху.

— Привет, ребята, — сказал Хэнли. — Вы напугали моего друга, заberi вас нелегкая. Он бы меня поругал, поругал, а потом поставил бутылочку. Так что с вас причитается.

— Реакция нелогична, — заявил Три. — У второго экземпляра тоже. Берем обоих?

— Нет. Второй, хоть и больших размеров, очевидно слаб. Одного экземпляра вполне достаточно. Пойдемте с нами.

Хэнли попятился.

— Если вы меня угощаете, я согласен. А если нет, я хочу знать, куда?

— На Дар.

— Какой еще дар? Послушайте, мистер, никуда я не пойду, пока вы не поставите мне стаканчик.

— Ты его понимаешь? — спросил Девять у Трех. Три отрицательно покачал одним своим концом. — Будем брать силой?

— Не обязательно, если он сам согласится. Послушайте, существо, вы согласны войти в куб добровольно?

— А там есть, что выпить?

— Да. Заходите.

Хэнли подошел к кубу и ступил внутрь. Он, конечно, не верил, что куб существует на самом деле, но что ему было терять? К тому же, когда у тебя белая горячка, лучше не перечить галлюцинациям. Три свернулся на панели управления и осторожно начал нажимать на кнопки обоими своими концами.

— Мы — в космосе, — объявил он. — Хочу предложить остаться здесь на некоторое время, чтобы лучше изучить данный образец и установить, насколько он пригоден для наших целей.

— Эй, ребята, так как насчет выпить? — С каждой минутой Хэнли беспокоился все больше. Руки у него тряслись, а пауки так и сновали то по спине, то по груди.

— Похоже, он страдает, — заметил Девять. — Возможно, испытывает голод или жажду. Что они пьют? Перекись водорода, как и мы?

— Большая часть их планеты покрыта водой, в которой присутствует хлористый натрий. Синтезировать?

— Нет! — взревел Хэнли. — Только не воду, даже без соли. Мне необходимо выпить. Виски!

— Может, проанализировать его метаболизм? — спросил Три. — Интрафлуороскоп даст ответ через секунду. — Он чуть развернул свое тело и подплыл к непонятному прибору, засверкавшему огнями. — Как странно. Его метаболизм зависит от C_2H_5OH .

— C_2H_5OH ?

— Да... алкоголь, по крайней мере, в основе. Растворенный в определенном количестве H_2O , без хлористого натрия, характерного для их морей. Еще несколько ингредиентов в малых количествах. В мозгу и крови присутствуют 0,234 % состава. Видимо, основная его пища.

— Ребята, — взмолился Хэнли. — Я умру, коли не выпью. Хватит вам ругаться. Дайте хоть глоточек.

— Подождите, — сказал Девять. — Вы будете обеспечены всем необходимым. Сейчас настроим интрафлуороскоп и подключим психометр.

Огни засверкали с удвоенной силой, и Девять отошел в угол куба, где находилась лаборатория. Провозившись не более минуты, он вернулся. Рядом с ним плыла колба, на три четверти наполненная прозрачной янтарной жидкостью.

Хэнли понюхал горлышко, сделал осторожный глоток и вздохнул.

— Я умер, — блаженно произнес он. — Нектар богов. Быть того не может, даже горло не жжет.

— Что это, Девять? — спросил Три.

— Довольно сложный состав, со всеми компонентами, необходимыми его организму. Пятьдесят процентов алкоголя, сорок пять процентов воды. В остальные пять процентов входит огромное количество разнообразных витаминов и минеральных веществ в соответствующих пропорциях, а также микродозы элементов, улучшающих вкусовые качества, — по его понятиям. Нам бы эта гадость пришлось не по вкусу, если б даже мы могли пить алкоголь или воду.

Хэнли еще раз вздохнул и сделал большой глоток. Его слегка качнуло. Он посмотрел на Три и ухмыльнулся.

— Вот теперь я знаю, что вас тут нет, — сказал он.

— Что он имеет в виду? — спросил Девять у Трех.

— Его мыслительные процессы кажутся мне абсолютно нелогичными. Сильно сомневаюсь, что из ему подобных могут получиться хорошие рабы. Придется провести тщательную проверку. Послушайте, существо, как вас зовут?

— Какая разница, дружище? — ответил Хэнли. — Зови меня, как хочешь. Вы, ребята, лучшие мои друзья. Я с вами — хоть на край света.

Он приложился к колбе и довольно долго от нее не отрывался, а потом улегся на пол и начал издавать странные звуки, которые Три и Девять никак не могли расшифровать. Нечто вроде: «Сзсзсзсз — хрррр, сзсзсзсз — хрррр, сзсзсзсз — хрррр». Они попытались привести его в чувство, но тщетно.

Они провели необходимые наблюдения, сделали несколько анализов и стали ждать. Проснулся Хэнли через несколько часов. Он уселся на полу и пристально на них уставился.

— Не может быть, — сказал он. — Вас тут нет. Ради всего святого, дайте выпить.

Ему вновь протянули колбу, которую Девять наполнил до краев. Хэнли жадно схватил ее и запрокинул голову, потом оторвался от горлышка и блаженно закрыл глаза.

— Не будите меня, — попросил он.

— Но вы не спите.

— В таком случае, не кладите меня спать. Теперь я понял. Это — амброзия, похлебка богов.

— Кто такие боги?

— Их не существует. Но они пьют этот напиток. На Олимпе.

— Мыслительные процессы абсолютно нелогичны, — заметил Три.

Хэнли потянул из колбы.

— Здесь есть здесь, — сообщил он, — а дар есть дар, а если получаешь дар, то как наяву.

— Что вы знаете о Даре?

— Он есть, а вас нету. Ваше здоровье, ребята. — Он выпил.

— Слишком глуп, чтобы использовать на любой работе, кроме физической, — сказал Три. — Если он вынослив, можно организовать рейд на планету. Все-таки три-четыре миллиарда жителей. Пусть поработают на рудниках.

— Уррра! — заявил Хэнли.

— По-моему, у него нарушена координация движений, — задумчиво произнес Три. — Но, может, он обладает большой физической силой? Существо, как вас зовут?

— Зовите меня Ал, ребята. — Хэнли осторожно поднялся на ноги.

— Это ваше имя или название обитателей планеты? И в любом случае, сокращенное или полное?

Хэнли прислонился к стене и надолго задумался.

— Обитатели, — повторил он. — Вроде как латынь. — Он умолк.

— Мы хотим проверить вас на выносливость. Бегайте от одной стены до другой, пока не устанете. Давайте я подержу вашу пищу.

Он попытался притянуть к себе колбу, но Хэнли уцепился за нее обеими руками.

— Еще один глоток, — взмолился он. — Один маленький глоточек. Потом я побегу, куда захотите. Хоть к президенту.

— Может быть, он не нался, — заметил Три. — Пусть выпьет, Девять.

Выпивка могла оказаться его последней, поэтому Хэнли тянул из горла, сколько мог. Потом он устался на четырех дариан, которые, казалось, окружили его со всех сторон.

— Встретимся на скачках, ребята, — сказал он всем четверым. — Ставьте только на меня. Я их всех обскачу. Сейчас глотну еще чуть-чуть...

На сей раз уровень жидкости в колбе действительно понизился ненамного.

— Достаточно, — проворчал Три. — А теперь — бегите.

Хэнли сделал два шага и упал, стукнувшись носом. Он перекатился на спину и затих с мечтательным выражением на лице.

— Невероятно! — воскликнул Три. — Возможно, он пытается обмануть нас. Проверь, Девять.

Девять проверил.

— Невероятно! — согласился он. — Просто невероятно. После столь незначительной нагрузки существо впало в бессознательное состояние. Настолько глубокое, что даже не испытывает болевых ощущений. И оно не притворяется. Этот вид абсолютно непригоден для Дара. Придется вернуться и подать соответствующий рапорт. И, согласно приказу, захватим его с собой, как образец для зоопарка. От посетителей отбою не будет. Мы исследовали несколько миллионов планет, но таких странных и слабых особей встречаем впервые.

Три свернулся на панели управления и принялся нажимать на кнопки обоими своими концами. Через сто шестьдесят три тысячи световых лет и 1630 веков они очутились на родине, как будто вообще никуда не улетали.

В столичном городе планеты Дар, который управляет тысячами полезных дарианам миров — и исследует миллионы бесполезных, типа Земли, — Алу Хэнли предоставили в полное его распоряжение просторную стеклянную клетку на видном месте, как яркому представителю самых удивительных созданий во Вселенной.

В центре клетки находится большой бассейн, из которого он часто пьет, и в котором, как известно, иногда купается. Бассейн непрерывно пополняется жидкостью с непревзойденным божественным ароматом, по сравнению с которым лучшее виски на Земле все равно что

сивуха по сравнению с виски. Кроме того, в ней растворены все минеральные вещества и витамины, необходимые для человеческого организма.

Эта жидкость не вызывает похмелья и прочих неприятных последствий. Хэнли наслаждается напитком не меньше, чем посетители зоопарка наслаждаются видом Хэнли, глядя, как он пьет, и читая табличку на клетке, которую Три и Девять, памятуя слова Хэнли, озаглавили по-латыни:

АЛКОГОЛИКУС АНОНИМУС:

Живет исключительно на диете C_2H_5OH , с небольшими добавками минеральных веществ и витаминов. Может высказать здоровое суждение, но мыслительные процессы полностью нелогичны. Физическая выносливость: в состоянии сделать всего несколько шагов, потом лишается сил. Не представляет коммерческой ценности, но является одной из самых необычных форм жизни, когда-либо открытых в галактике. Место обитания: Планета 3 Солнца ГХ6547—НГ908.

... Настолько необычных, что они решили провести курс лечения, в результате которого Хэнли стал практически бессмертен. И хорошо, что так, потому что в зоопарке нет отбоя от посетителей, и случись с ним что-нибудь, дарияне могут вернуться на Землю еще за одним экземпляром. И если они наткнутся на вас или на меня, а мы с вами окажемся трезвыми, всем нам придется плохо.

ЭКСПЕРИМЕНТ

— Первая машина времени, джентльмены, — гордо объявил профессор Джонсон двум своим коллегам. — Небольшая экспериментальная модель. Может перемещать любые предметы весом не более трех фунтов пяти унций и не далее двенадцати минут в прошлое или будущее. Она действует.

Модель действительно выглядела небольшой, правда, она имела два внушительных циферблата под невысокой платформой.

Профессор Джонсон взял в руки металлический кубик.

— Медный кубик, — объяснил он, — с которым мы работали, весит один фунт и две трети унции. Сначала я перемещу его на пять минут в будущее. — Он наклонился и передвинул стрелку одного из циферблатов. — Засекайте время.

Они посмотрели на часы. Профессор Джонсон осторожно положил кубик на платформу, и он тут же исчез.

А через пять минут, секунда в секунду, появился на старом месте.

Профессор Джонсон вновь взял кубик в руки.

— А сейчас — на пять минут в прошлое. — Он передвинул стрелку другого циферблата и посмотрел на часы. — Без шести минут три. Я настрою механизм — положив кубик на платформу — ровно на три часа. Следовательно, без пяти минут три кубик должен исчезнуть с моей руки и появиться на платформе за пять минут до того, как я его туда положу.

— Но в таком случае как вы его положите? — спросил один из коллег.

— Когда моя рука приблизится, кубик исчезнет с платформы и появится в моей руке, чтобы я смог положить его обратно. Смотрите внимательно.

Кубик исчез из его руки.

И появился на платформе машины времени.

— Вот видите? За пять минут до того, как я должен положить его на платформу, он уже там.

Второй коллега нахмурился, задумчиво глядя на кубик.

— Но, — сказал он, — что произойдет, если вы вдруг передумаете и не положите на место кубик, лежащий сейчас на платформе, за пять минут до того, как вы должны его туда положить? Ведь это парадокс.

— Интересная мысль, — сказал профессор Джонсон. — Я как-то не задумывался об этом, так что стоит попробовать. Очень хорошо, я не...

Парадокса не произошло. Кубик остался на месте.

Но вся Вселенная, вместе с профессором, исчезла.

ХОББИ

— Ходят слухи... — произнес Сэнгстрем и завсртел головой, желая убедиться, что кроме него и фармацевта в крохотной аптеке никого нет. Фармацевт походил на гнома со скрюченной фигурой, сморщенным лицом и весьма неопределенного возраста от пятидесяти до ста лет. Они были одни, но Сэнгстрем все равно понизил голос до шепота, — ... что у вас имеется яд, который невозможно обнаружить никакими средствами.

Фармацевт кивнул. Он вышел из-за прилавка, запер дверь на ключ, вернулся обратно и указал на еле заметный вход в служебное помещение.

— Я как раз собирался выпить чашечку кофе, — сказал он. — Пойдемте, я угощу вас.

Сэнгстрем шагнул за прилавок, и вслед за гномом очутился в небольшой комнате, от пола до потолка уставленной полками с пузырьками и бутылками всевозможных размеров. Фармацевт включил электрокофеварку, достал две чашки и пригласил Сэнгстрема к столу. Сам он уселся напротив.

— Я вас слушаю, — сказал он. — Кого вы хотите убить и почему?

— Какое это имеет значение? — буркнул Сэнгстрем. — Разве недостаточно, что я плачу деньги...

Фармацевт перебил его, подняв руку.

— Для меня это имеет значение. Я должен быть уверен, что вы заслуживаете того, что просите. В противном случае... — Он пожал плечами.

— Ну хорошо. — Сэнгстрем вздохнул. — Вы спросили, кого... мою жену. Что же касается «почему», — и он пустился в долгие рассуждения. Кофе вскипел, и фармацевт извинился и наполнил чашки, а Сэнгстрем все еще продолжал говорить. Наконец он умолк.

Фармацевт кивнул головой.

— Да. Изредка я даю людям яд, о котором никто не знает, если считаю, что они того заслуживают. И не беру денег. Я помог многим убийцам.

— Прекрасно, — заявил Сэнгстрем. — Прошу вас, дайте его мне поскорее.

Фармацевт улыбнулся.

— Уже. К тому времени, как вскипел кофе, я решил, что вы заслуживаете небольшой дозы. Как я уже говорил, вы получили ее бесплатно, но противоядие стоит денег.

Сэнгстрем побледнел. Но он заранее подготовился — если не к такому обороту дела, то к шантажу или обману, и, не колеблясь, вытащил из кармана пистолет.

Маленький фармацевт ухмыльнулся.

— Не посмеете. Разве удастся вам найти противоядие, — он махнул рукой на полки, — среди тысячи пузырьков и бутылок? Или, наоборот, быстродействующий яд? Конечно, вы можете решить, что я вас обманул, и никакого яда не существует. Что ж, в таком случае, стреляйте. Ответ вы узнаете часа через три, когда он начнет действовать.

— Сколько стоит противоядие? — хрипло спросил Сэнгстрем.

— Цена вполне разумная: тысяча долларов. В конце концов, каждый человек должен жить, и если мое хобби — предотвращать убийства, почему бы мне на нем не заработать? Как вы считаете?

Сэнгстрем проворчал что-то нечленораздельное, положил пистолет рядом с собой на стол, вытащил бумажник и отсчитал тысячу долларов сотенными купюрами. Прежде всего необходимо получить противоядие, а там можно посчитаться с проклятым гномом.

Фармацевт спокойно сидел на стуле, не делая попытки забрать деньги.

— И еще одна маленькая деталь, — сказал он. — Вы сейчас напишете письмо, где расскажете о своем намерении, надеюсь, бывшем. Затем вам придется подождать, пока я отправлю его моему знакомому из уголовной полиции. Это послужит гарантией безопасности как вашей жены, так и моей лично. Как только я опущу письмо в ящик, вы получите противоядие. Вот перо и бумага. Да, кстати, еще одна просьба, но я на ней не настаиваю. Пожалуйста, рассказывайте повсюду о моем замечательном яде. Кто знает, мистер Сэнгстрем? Если у вас есть враги, жизнь, которую вы спасете, может оказаться вашей собственной.

ЕСТЕСТВЕННО

Генри Блоджетт взглянул на часы и в отчаянии ухватился за голову. Два часа ночи. Он с яростью захлопнул учебник, понимая, что ни за что не успеет подготовиться к завтрашнему экзамену; чем больше он учил геометрию, тем меньше в ней разбирался. Ему вообще с трудом давалась математика, а этот ее раздел он не способен был даже зазубрить.

А если он провалится, его выгонят из колледжа. У него и так оставалось три несданных предмета за первые два курса, и после четвертой неудовлетворительной оценки его отчислят автоматически. Тогда конец мечтам, конец карьере, конец всему. Сейчас его могло спасти только чудо.

Внезапно он выпрямился и даже подскочил на стуле. Почему бы не прибегнуть к помощи тайных сил? Его всегда интересовали оккультные науки, и он собрал небольшую библиотечку книг, в которых доступным языком объяснялось, как вызывать демонов и подчинять их своей воле. До сих пор он боялся проводить подобные эксперименты, но сейчас терять было нечего и стоило рискнуть. Только с помощью волшебства мог он осилить дисциплину, которая никак ему не давалась.

Он быстро вскочил со стула, достал с полки лучшую свою книжку по черной магии, открыл ее в нужном месте и освежил в памяти простые инструкции.

Рьяно взявшись за дело, он сдвинул мебель к стенам, нарисовал мелом пентаграмму и ступил внутрь. Затем произнес заклинания.

Появившийся демон выглядел куда страшнее, чем он предполагал, но, призвав на помощь все свое мужество, Блоджетт начал рассказывать о своих трудностях.

— Я всегда был слаб в геометрии, — произнес он...

— Естественно! — ликующе вскричал демон.

Радостно улыбаясь языками пламени, он перешагнул через меловые линии шестиугольника, который Генри начертил вместо пентаграммы.

ЭТО НЕ МОЯ ВИНА

В некоей точке бесконечного пространства-времени, очнувшись от глубокой дремоты, которая, из-за преклонного возраста, стала посещать его все чаще, Бог огляделся вокруг. И, будучи всевидящим, Он увидел все. Он увидел вселенную; Он увидел супергалактики, и галактики, и солнечные системы; и одновременно Он увидел и каждую малую молекулу, и атом, и мельчайшую частицу вещества везде и всюду.

Среди бесконечного множества картин, увиденных им, была и такая: на маленькой обитаемой планетке, на которую Он, как ему помнилось, обращал внимание два или три раза в предыдущей вечности, в некоем полном людей шумном месте был огороженный клочок заросшей травой земли, на которой ничком лежал человек; и в тот самый момент, когда Он взглянул на него, человек этот умер в великом уничтожении.

Бога разгневало то, что где-то в этой прекрасной вселенной, которую он создал для своих собственных непостижимых целей, может существовать несчастье; ибо, хотя Он, несомненно, подсознательно ведал о существовании несчастья, как и обо всем вообще, Он никогда официально его не признавал. Бог призвал к себе Сандольфона, руководителя небесного департамента молитв, которого он считал самым разумным ангелом, оставшимся на Небе после восстания интеллектуалов во времена Люцифера. Указав Сандольфону на то, что Он увидел, Бог изрек:

— Отправься туда, где сей человек лежит мертв, и разузнай среди его собратьев причину его несчастья. Ибо наверное один из них виноват. И того, кто был причиной несчастья в Моей вселенной — его покараю Я, покараю страшно.

И при этих словах все ангелы, слышавшие их, затрепетали.

Склонный к методичности Сандольфон сделал заметку на своих табличках и перенесся мгновенно в место, указанное Господом. Повсюду вокруг покойного туда и сюда сновали тысячи подобных ему, но никто не обращал внимания на неподвижную фигуру на траве, ограничиваясь иногда презрительной улыбкой. Невидимо

стоя над ним, Сандольфон размышлял, как ему лучше начать расследование.

Он задумчиво смотрел на проходящих мимо людей и с некоторым любопытством изучал многочисленные запретительные таблички, установленные вокруг заросшего травой участка: «По траве не ходить!», «Собак не водить!», «Проход воспрещен!», но ответа на свой вопрос на табличках не находил. Наконец какой-то крупный человек в одежде синего цвета, несущий толстую дубинку и передвигавшийся с большой важностью, вошел в парк и легонько постучал дубинкой по дырявым подметкам башмаков покойного, говоря при этом:

— Эй, ты! По-моему, я уже говорил тебе, чтобы ты убирался отсюда!

Сандольфону показалось разумным появиться перед этим человеком, явно обладающим властью, в виде преуспевающего гражданина; свершив это, он произнес сурово:

— Прекратите! Этот человек мертв.

Потрясенный внезапным появлением Сандольфона и пораженный его необычными манерами, человек с дубинкой сказал:

— Неужели! — и наклонился над бездыханным телом. — Да, верно, — добавил он спустя мгновение. — Вот бедняга, черт возьми.

— Он умер в великом унижении, — сказал Сандольфон, с неодобрением восприняв применение термина «черт» к одному из творений Господа, но не желая создавать из этого проблему. И, надеясь быстро закончить свое расследование, он продолжил:

— Кто довел его до столь несчастного состояния?

— Откуда я знаю, черт возьми! — удивленно отвечал человек.

— Это были вы? — потребовал ответа Сандольфон.

Человек начал было отвечать раздраженным образом, но, посмотрев Сандольфону в глаза, был потрясен тем, что там увидел, и быстро сбавил тон.

— Ну, я спрашиваю вас, приятель, разве это разумно? Верно, я видел этого типа, но я только сказал ему, что здесь нельзя околачиваться. А он ответил, что его выгнали из его дыры, а пособия по безработице он еще не получил. Почему он не пошел в муниципальную ночлежку, как я ему сказал? Почему он должен был выбрать именно мой участок, чтобы подохнуть?

На эти вопросы Сандольфону нечего было ответить. Более того, его знание человеческой речи было основано главным образом на языке молитв, и он довольно смутно понимал смысл слов собеседника. А пока Сандольфон решал, что ему делать, тот рассматривал содержимое карманов покойника. Потом он изучил какие-то замусоленные бумаги и сказал:

— Его фамилия Смит, и вот здесь, видимо, его последний адрес.

Поразмыслив еще немного, Сандольфон спросил с сомнением:

— Значит, какой-то человек отказал ему в крове?

— Ну да, — ответил человек. — А чего еще ждать, если парень не может платить за квартиру?

Слышавший молитвы многих квартирохозяев, Сандольфон знал, что платой за квартиру называлось то, что одни люди платили другим, хотя обычай этот всегда казался ему несколько странным. Однако слова собеседника дали ему, как он чувствовал, первый намек на грешника, которого он разыскивал. Размышляя вслух, он сказал:

— Ах, так вот где кроется причина несчастья Смита.

— Что-то я не секу, приятель, — сказал человек. — И вообще, мне сейчас некогда. Мне еще нужно настроить протокол и звякнуть в морг, — и он громко зашвистел.

Немедленно прохожие скопились у решетки маленького парка, охотно проявляя к мертвому Смиту интерес, в котором они ему отказывали, когда считали его живым; тем временем Сандольфон удалился.

Через короткое время — по человеческим меркам — он пришел к грязному, полному дурных запахов дому, где раньше жил этот самый Смит. Здесь он обнаружил некоего типа, имевшего значительный вид; и Сандольфон сказал ему:

— Я ищу человека, который виноват в несчастьях Смита; того, кто отказывал ему в крове. Не вы ли этот человек?

Человек побледнел и сказал:

— Слушай, приятель, я не знаю, из какого ты общества, но нам здесь неприятности ни к чему.

— Готовься к наказанию, — неумолимо начал Сандольфон, — которое ожидает того, кто...

— Погодите, дайте мне хоть шанс, — поспешно сказал человек. — Если здесь произойдет неприятность, вла-

делец свалит все на меня. Вы не можете винить меня, если с этими типами что-нибудь происходит. Я должен выполнять свою работу. Владелец говорит мне: «Если они не платят, гони их в шею!» Этот парень, Смит, я помню его, беднягу, он был болен. Я разрешал ему оставаться, сколько мог, но он задолжал за три месяца. Больше я с ним не мог рисковать. Каждый раз, когда владелец видел его имя в списке, мне устраивали головоломку. Мне ничего не оставалось делать, как выселить его.

Сандольфон видел по глазам этого человека, что он говорил правду. Поэтому он сказал:

— Тогда это тот человек, которого вы называете владельцем; именно он, очевидно, является причиной несчастья Смита.

— Конечно, — с некоторым беспокойством подтвердил его собеседник. — Только это не он, а она. Вдова. Муж оставил ей эти лачуги, и она живет на квартирплату, вон там, на Парк Авеню. Только меня в это дело не впутывайте. У меня семья.

Сандольфону стало ясно, что этот человек — лишь орудие, а причиной была та женщина. Он разыскал вдову; несмотря на позднее время, она нежилась в роскошной постели, окруженная бесчисленными предметами роскоши, заполнявшими ее дом; и тогда он решил появиться перед ней во всем великолепии своего облика, чтобы посеять ужас в ее сердце и быстро вырвать признание из ее уст. Так он и сделал, и был удовлетворен, увидев ее ошеломленное лицо с широко раскрытыми глазами.

— Женщина, — сказал Сандольфон, — некий человек по имени Смит умер в великом унижении, и произошло это прежде всего потому, что ему было отказано в крове в принадлежавшем тебе доме. Это — твоя вина, ибо именно по твоему приказу те, кто не смог внести квартирплату, были выселены из дома.

Сандольфон уже начал понемногу разбираться в технических терминах, относящихся к сложным проблемам человеческой жизни и смерти.

— Так приятно знать, — мягко заметила женщина, дотрагиваясь до своих светлых волос и поправляя бретельки ночной рубашки, — что вы, ангелы, и в самом деле похожи на свои изображения. Теперь я вижу, что есть ради чего стараться попасть на Небеса.

— Женщина! — воскликнул шокированный и смущенный Сандольфон, быстро складывая перед собой распростертые крылья. — Я призываю тебя, во имя твоего Создателя, признать свою вину и молить его о прощении!

— Какая нелепость! — ответила женщина насупившись, хотя и несколько испуганная. — Я тут абсолютно ни при чем. Я никогда не знала того человека, о котором вы говорите. Я нисколько не виновата в его смерти.

— Разве не по твоему распоряжению, — настаивал Сандольфон, — его...

— Вполне возможно, — сказала женщина, пожав плечами и искоса взглянув на Сандольфона. — Я не могу разрешать людям оставаться, если они не платят за квартиру. Если бы я так делала, я разорилась бы через год. Вы ведь не хотите, чтобы я умерла от голода, не правда ли?

— Лучше умереть от голода, — сурово заявил Сандольфон, — чем быть причиной несчастья Смита.

— Чепуха, — возразила женщина. — Какую пользу принесла бы моя смерть? Если бы я не владела этим домом, он принадлежал бы кому-нибудь другому, и Смита все равно выселили бы. Это было его, Смита, дело — платить за квартиру. — И она с победным видом взглянула на Сандольфона. — Так что вы можете оставить свои попытки взвалить вину на меня.

Определенная, хоть и нехитрая логика в словах женщины произвела впечатление на Сандольфона, и, задумавшись, он спросил:

— А почему, собственно, этот человек, Смит, перестал вносить требуемую тобой плату?

— Откуда мне знать, — раздраженно сказала женщина. — Вероятно, он потерял место или что-нибудь в этом роде. Стоит ли об этом говорить...

— Что такое место? — спросил Сандольфон.

Она сделала нетерпеливый жест.

— Ну, работа, труд. Люди трудятся, знаете ли. У них есть работа. Они получают зарплату. Тогда они могут платить за квартиру. А затем они теряют работу. Они всегда теряют работу.

— Почему? — настаивал Сандольфон.

— Ну и ну! — воскликнула женщина. — Неужели все вы, ангелы, так наивны? Потому что своему хозяину они больше не нужны, конечно.

— Вы хотите сказать, — заинтересованно спросил Сандольфон, — что другой человек отказал Смиту в работе, за которую он получал деньги для уплаты за квартиру?

— Что за нелепый подход, — заметила женщина. — Я всегда вынуждена увольнять прислугу. Вы просто не представляете, как глупы люди. А теперь, со всеми этими пособиями по безработице, они так ужасно самонадеянны.

— Вот это, — пробормотал Сандольфон, погруженный в свои мысли, — вот это, кажется, приближает меня к сути дела.

— Прекрасно! — продолжала женщина. — Ну, а теперь, надеюсь, вы будете чуть обходительнее.

— Я обязан продолжить поиски, — сказал Сандольфон, по-прежнему не уделяя ей должного внимания. — Но будь осторожна, женщина, ибо ты едва избежала страшного наказания Господня.

— Не уходи! — закричала женщина, но он исчез, оставив ее явно недовольной.

Прошло некоторое время, пока Сандольфон, задав множество вопросов многим людям, узнал, что этот человек, Смит, работал на фабрике. Поразмыслив, ангел принял образ авторитетного лица, имеющего право задавать вопросы, и целеустремленно направился на фабрику. Он заметил, что там было очень мало людей, да и те, казалось, слонялись без дела. Он спросил о владельце и был направлен в комнату, где за столом, на котором было разложено множество бумаг, друг против друга сидели два человека. Один из них нервничал и был печален, другой, напротив, был весел и имел уверенный вид. Нервный человек и был владельцем фабрики, а когда он увидел Сандольфона, то стал нервничать еще больше.

Сандольфон начал:

— Я расследую причину несчастий и смерти некоего Смита, работавшего ранее у вас. Как мне представляется, на вас лежит ответственность за это, ибо вы лишили Смита работы и денег, необходимых человеку для жизни.

— Ну, это уж слишком, черт побери! — вскричал нервный человек, ударив кулаком по столу. — Будь я проклят, если какой-нибудь Богом проклятый, проклятый правительственный бездельник, сующий нос в чужие дела, станет взваливать на меня ответственность

за то, что какой-то тип, работавший у меня, откинул копыта.

— Почему же тогда, — спросил Сандольфон, закусив губу, чтобы не упрекнуть собеседника за богохульство, — почему вы лишили Смита...

— Лишил! — резко возразил тот. — А почему я разогнал девять десятых моих людей? Почему я продаю свой завод по семь центов за каждый доллар вот этому мистеру Тукеру? Потому что я вынужден, вот почему! Потому что я разорен! Потому что эти проклятые штаны для пацанов прикончили меня!

Увидев, что этот человек действительно страдает, Сандольфон проникся сочувствием к нему.

— И кто же виноват в этом? — спросил он.

Нервный человек горько рассмеялся:

— Спросите лучше Тукера, — предложил он.

— Ну, бросьте это, Билби, — сказал веселый человек. — Вы же не станете говорить, что это я виноват. Не впутывайте меня в правительственное расследование. Дело в том, — продолжал он, поворачиваясь к Сандольфону, — что после того, как я запатентовал новый процесс производства более прочной сидалищной части у штанов, мой друг Билби увидел, что он не может конкурировать с моими ценами. Естественно, для него настали тяжелые времена. Очень жаль, конечно, — сказал он, широко улыбаясь, — но таковы правила игры.

— Но было ли действительно необходимо, — спросил удивленный Сандольфон, — использовать этот новый процесс и разорять вашего друга, вызвав тем самым несчастья Смита?

Тукер взглянул на него с удивлением.

— Вы что, смеетесь надо мной? — изумился он. — А, понял. Вы — один из этих социальных работников. Ну, ладно, посмотрим на это с широкой идеалистической точки зрения. Ну, вот я открыл способ делать штаны практически вечными. Это ведь спасение для человечества, не так ли? Это же шанс для мальчишек. Должен я позаботиться, чтобы люди получили от всего этого пользу, как по-вашему?

— Но разве вы не могли поделиться этим процессом с вашим другом? — искренне спросил Сандольфон.

Тукер ответил взрывом хохота, к которому присоединился и Билби.

— Не могу понять, — произнес, наконец, Тукер, вытирая слезы на глазах, — почему они назначают вас,

невинных младенцев из детского садика, на государственные должности. Неужели вы вообще ничего не знаете? В моей компании мне приходится иметь дело с акционерами и с Советом директоров. Как долго, по-вашему, я продержусь, если начну раздавать секреты производства, а? Да они просто упрячут меня в сумасшедший дом. И будут правы.

— Но в таком случае, — сказал печальный и растерянный Сандольфон, — если вина за несчастья этого человека, Смита, не лежит ни на одном из вас, кто же тогда виноват? Я должен знать.

В разговор вступил Билби.

— Зачем только они тратят деньги налогоплательщиков, чтобы узнать, почему загнулся какой-то жалкий тип? Почему они не включили его в списки на получение пособия по безработице?

— Пособие по безработице? — переспросил Сандольфон, вспоминая, что эти таинственные слова уже употребляли человек с дубинкой и женщина.

— Ну, да, в государственную платежную ведомость вместе со всеми вами, паразитами, — нетерпеливо продолжал собеседник. — И ради Бога, перестаньте приставать ко мне. Ступайте в центр социального обеспечения и надоедайте им. Это их вина.

Оба снова вернулись к своим бумагам, и Сандольфон со вздохом покинул их.

Пока он нашел названное ими место, спустилась ночь. Там, за конторкой работал один-единственный человек, и лицо его в желтоватом свете электрической лампочки выглядело озабоченным и осунувшимся. Сандольфон, не мешкая, подошел к нему и спросил:

— Почему вы не дали денег человеку по имени Смит, который умер в великом унижении из-за их отсутствия?

Человек за конторкой вскочил и быстро заговорил:

— Прошу прощения, сэр, я не узнал вас. Понимаете, они все время меняют начальников департаментов, и так трудно всех запомнить — я очень извиняюсь... Смит, вы говорите? Минуточку, я посмотрю по общей картотеке. У меня на учете больше сотни Смитов. Его имя, будьте любезны.

— Я не знаю, — покачал головой Сандольфон.

— О, это очень затрудняет дело, — сказал человек за конторкой, наморщив лоб. — Возможно, это Люций Т. Смит. Его заявление лежит очень давно. Я случайно

запомнил его имя, потому что он недавно был здесь и устроил пренеприятную сцену. Как будто мы могли что-то сделать, когда фонды почти полностью израсходованы, да еще и инструкция у нас — в первую очередь давать пособие семейным. А Смит, видите ли, был холост. Естественно, сэр, его заявление дожидалось своей очереди. Так что это не наша вина.

— Но тогда чья же? — устало спросил Сандольфон. Человек испуганно взглянул на него.

— Должен ли я отвечать на этот вопрос, сэр?

— Да, — сказал Сандольфон.

— Конечно, сэр, вы понимаете, что я никого не собираюсь критиковать, но если бы они давали нам достаточно фондов, мы бы могли позаботиться...

— Они? — спросил Сандольфон.

Человек испугался еще больше.

— Эта... ну... администрация, — прошептал он. — Но это останется между нами, не так ли, сэр? Это ведь вы спросили меня.

Сандольфон коснулся лба человека пальцем, чтобы изгнать сотрясающий его отвратительный страх; ибо для ангела любой страх, кроме страха перед Господом, есть зло, и все зло проистекает из страха. После этого он исчез, оставив человека с открытым от изумления ртом.

Вслед за тем Сандольфон связался с соответствующим небесным департаментом, где дежурный ученый ангел, сверившись с большим справочником, сообщил ему, что термин «администрация» в приложении к человеческому правительству означает обширный и сложный конгломерат исполнительных органов. Это привело Сандольфона в смятение, но он тут же успокоился, услышав, что во главе всей администрации стоит один человек. И он узнал, вместе с другими существенными сведениями, собранными ангелами-регистраторами в их неустанном труде, где можно найти этого человека.

Теперь Сандольфон пришел к выводу, что этот человек — глава администрации — может справедливо быть наказан из-за несчастья Смита, ибо ему были вверены власть и деньги, которые могли спасти Смита. Поэтому Сандольфон явился этому человеку, которого он решил обвинить невидимо и хитро, в виде укоров совести, чтобы тот не мог уйти от ответственности, спрятавшись за слова.

Человек этот находился в своем кабинете и писал, как увидел Сандольфон, заявление для прессы. Заявление гласило:

«Положение страны при нынешней администрации все время улучшалось. Мы с уверенностью заявляем, что уровень жизни сейчас выше, чем два года назад, выше, чем в любой другой стране...»

Сандольфон, выступая как голос совести, сказал:

— А Смит мертв. Он умер в глубоком унижении, потому что фонды для его обеспечения были недостаточны, и его заявление было оставлено без внимания. Это твоя вина. У тебя были власть и деньги, чтобы помочь Смигу.

Человек с отвращением швырнул ручку и заговорил вслух.

— Ну почему, — сказал он, — меня преследует эта сентиментальность, достойная школьника? Какая разница, одной жизнью больше или меньше, когда речь идет о грандиозном плане?

— Каком еще плане? — спросил Сандольфон-совесть.

— Ну как же? — сказал человек, разговаривая сам с собой, — ты что, забыл? Мой план помочь Смигу и всем другим. Он состоит из двенадцати основных разделов, стоимость, в среднем, по миллиарду долларов каждый.

И он стал мысленно повторять этот план, в то время как часы в углу неусыпным ходом отмечали течение времени.

Наконец, Сандольфон-совесть, зевнув, заметил:

— Я ничегошеньки в этом не понимаю. И не верю, что понимаешь ты. Сознайся. Ты мог помочь Смигу. И все же он умер несчастным. Это твоя вина.

Вдруг человек закрыл лицо руками.

— Нет, нет, — простонал он тихо, — нет. Это не моя вина. Почему они не могут оставить меня в покое? Они упрекают меня за все. Они ждут, чтобы я был всем — экономистом, вождем нации и Бог знает кем еще. Но все это слишком необъятно, и оно вышло из-под контроля. Я стараюсь, но могу только что-то сделать здесь, что-то исправить там, в то время как все течет само по себе, по инерции. Все так страшно сложно. Если я помогу Смигу, то процентная ставка по ближайшему займу возрастет — или еще что-нибудь в этом роде. Кроме того, еще этот сдвиг вправо в общественном

мнении. Я не смею потратить больше денег на помощь Смиту до того, как пройдут следующие выборы. Это же совершенно ясно.

— Но Смит-то умер, — повторил Сандольфон-со-
весть.

— К черту Смита! — вскричал человек про себя. — Если бы эти радикальные интеллектуалы, которые приста-
ют со своим Смитом, сами взялись за эту работу, они быстро прекратили бы свое критиканство. В самом деле это их вина. Если они так добросердечны и так мудры, почему они не сотрудничают со мной, почему не помогают мне? Почему, например, человек вроде Пар-
тингера, которого все считают таким проницательным — почему он не занимается ничем, кроме критики? У меня широкие взгляды. Никто не может обвинить меня в огра-
ниченности мышления. Я наверняка выслушаю кон-
структивные практические предложения. В том, что ни-
кто так и не смог спасти Смита от его несчастий, вино-
ваты такие люди, как Партингер.

Он снова взялся за перо и начал быстро строчить
далее:

«Если бы злоязычные критики правительства хотя бы
раз взяли на себя труд ознакомиться с его внутренними
проблемами...»

Глубоко озадаченный Сандольфон удалился, и после
долгих поисков обнаружил окруженный деревьями кот-
тедж, где человек, именуемый Партингером, лежа в кро-
вати, размышлял при бледном, холодном свете луны,
струившемся через окна. Вся комната была заставлена
полками с рядами книг, среди которых были: Партин-
гер «Социальные аспекты теории коллективизации»;
Партингер «Заметки по философии плановой экономи-
ки»; Партингер «Деньги, кредит и счастье людей», и
с прочими подобными заглавиями, которые произвели
на Сандольфона глубокое впечатление.

Желая снискать уважение такого человека, Сандоль-
фон вошел в его мозг и обратился к нему под видом
его собственной мысли:

— Смит умер в нищете. И вина за это лежит не на
том человеке, который резко говорил с ним, и не на той
женщине, которая отказала ему в крове, и не на тех
людях, которые выгнали его с работы и не дали ему
денег.

— Правильно, — подумал в ответ Партингер. — По-
тому что они, как и Смит, рабы системы.

— Точно так же, — продолжал Сандольфон-мысль, — вина не лежит и на человеке, управляющем государством; он сбит с толку и устал от своих обязанностей, с которыми не может справиться.

— И это верно, — самодовольно размышлял Партингер. — Он просто ограниченный политический оппортунист. Он не философ и не социолог, как я.

Сандольфона ободрило такое понимание, которое, казалось, сулило окончание расследования.

— Но тогда, — заявил он, — в несчастьях Смита виноваты вы. Ибо, если бы вы, с вашим гражданским умом, согласились бы научить этого человека в администрации, как помочь Смит, предложили бы лучший план помощи Смит, Смит был бы избавлен от своих несчастий.

Партингер рассмеялся.

— Дурацкая мысль, — заметил он сам себе, — наивная мысль. Как будто любой план, даже мой план, мог бы помочь кому-нибудь. Если бы даже приняли его, что уж совершенно абсурдно, спасти Смита все равно было нельзя. Поскольку суть любого разумного плана помощи Смит заключается в том, чтобы Смит, в первую очередь, сам помог себе. Он должен, прежде всего, стать сильным, отказаться голодать, не допускать, чтобы его лишали крова и оскорбляли. Он должен бороться за свои права. Он и его товарищи должны прежде всего объединиться.

— Но то, что вы проповедуете — это же явная революция, — сказал, ужаснувшись, Сандольфон, ибо он узнал в этих словах эхо далеких, потрясших всю Вселенную призывов, которые он когда-то слышал от пламенного Люцифера перед тем, как гордый ангел был низвергнут с Небес.

— Не могу понять, что со мной творится сегодня, — размышлял между тем Партингер. — Все эти банальные мысли. Это все от второй порции рыбы. Как будто на слове «революция» сегодня стоит какое-то клеймо. Как будто коллективные действия для самозащиты могут как-то истолковываться любым современным мыслителем...

— Но Смит! — напомнил Сандольфон в последнем отчаянном усилии.

— Смит! Если Смит был несчастен — это его собственная вина, — насмешливо сказал Партингер. —

Смит и все ему подобные — дураки и трусы. Почему они не вступают в мою Лигу коллективных действий?..

Сандольфон не стал ждать продолжения. Он взлетел с Земли к тем гигантским просторам, где пребывают только что отошедшие души, ожидая классификации и дальнейшего направления к месту их вечного пребывания; и там он обнаружил нагую, скулящую душу Смита, пытавшуюся забиться в какой-то угол.

— Душа Смита! — вскричал Сандольфон. — О душа Смита, жалкого Смита, ты сама виновата во всех твоих несчастьях. Если бы ты была смелой, если бы ты сражалась, если бы ты не давала себя угнетать, то, по утверждению самой передовой современной мысли, ты бы счастливо жила среди своих собратьев. («А я, — прибавил про себя Сандольфон со вздохом, — был бы избавлен от этих ужасных беспорядочных поисков неизвестно где и неизвестно кого»).

И тут душа Смита выпрямилась и встала прямо перед ангелом.

— Вот это мне нравится! — воскликнула она. — Это уж чересчур! Меня еще и обвиняют в моих несчастьях! Я еще мог как-то сносить невзгоды, но если вы пытаетесь уверить меня, что это моя собственная вина, этого уж я терпеть не намерен, вот и все. Если Бог хотел, чтобы я был храбрым, почему он не сотворил меня таким, а не трусом? Как же, я виноват! Я вам скажу, кто виноват! Это Бог виноват!

Сандольфон отпрянул, содрогнувшись от такого кощунства; а во всем бесконечном пространстве-времени слова Смита передавались дрожащим шепотом из уст в уста душами слышавших все мертвых и их ангелам-хранителям; и все они тоже содрогнулись от ужаса. Но доведенная до отчаяния душа Смита вызывающе стояла перед всеми и, рыдая, повторяла:

— Это Бог виноват!

Хотя Сандольфон и был вполне лояльным ангелом, все же он не мог не признать, придя в себя после первого шока, что в точке зрения души Смита есть некоторый смысл. Он пытался отогнать от себя эту мысль, но не смог. Просто невозможно было отрицать ее логичность. Ответственность лежала на Боге. Потому что, в конце концов, это Он сотворил Смита таким, каким он был. К тому же, если только Сандольфон не заблуждался, Бог сотворил Смита по своему образу и подобию.

А выводы из этой кошмарной мысли просто потрясли Сандольфона.

Медленно долетел он до никем не занятой звезды в туманности Андромеды, и просидел там долго, в глубокой задумчивости. И чем больше он размышлял, тем больше становилась его уверенность, что благодаря Смиту поиски его завершились.

Без всякого энтузиазма он, наконец, отправился назад, на Небеса. У него не было совершенно никакого желания объявлять Богу, кто на самом деле виноват в несчастиях Смита. У него были сильные сомнения по поводу того, как его выводы будут приняты, сколь бы тактично он их ни подал. Божественный гнев, как хорошо было известно, воспламенялся весьма легко и в своих проявлениях доходил до крайностей...

Но Сандольфон чувствовал, что другого выхода нет. Его долг был ясен. Дело нужно было сделать.

Он достиг Небес, не получив ни тени обычного удовольствия от их чистого блеска и мягкой гармонии вечно юных радостей. Ощущая беспокойство, чувствуя себя почти таким же порочным, как навеки проклятый, обаятельный Люцифер, он поднялся по одиннадцати тысячам ступеней, ведущим к трону, игнорируя приветствия окружающих его ангелов. Но когда он достиг Трона и взглянул ввысь, когда его глаза вновь приспособились к Божественной лучезарности, он почувствовал сильное облегчение.

Бог снова спал.

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

1. АЗИМОВ, Айзек (Isaac Asimov). Род. в 1920 г. Один из известнейших американских фантастов. Автор около 400 книг (из них около 100 беллетристических, включая те, где он являлся составителем и редактором; большая их часть относится к научной фантастике). Широко известен как популяризатор науки. Профессор биохимии. Много произведений Азимова переведено на русский язык. Рассказ «Последняя проблема» («The Last Question») впервые опубликован в журнале «Science Fiction Quarterly» в ноябре 1956 г.

2. АНДЕРСОН, Пол (Poul Anderson). Род. в 1926 г. Известный американский фантаст. Работает также и в жанре исторического и бытового романа. Автор большого числа научно-фантастических романов и рассказов. Многократный лауреат премий «Хьюго» и «Небула» за лучшие научно-фантастические произведения разных лет. Очень известны его серии романов о межпланетном торговце Никласе ван Рийне и об агенте возглавляемой Землей империи Доминике Фландри, а также серия рассказов и романов о «Патруле времени», охраняющем историю человечества от вмешательства преступников и фанатиков. Широко известны также другие произведения Андерсона, например, «Крестоносцы космоса», «Тау нуль», новелла «Королева воздуха и тьмы», за которую он получил сразу два приза — «Хьюго» и «Небула». На русский язык переведен ряд рассказов Андерсона. Рассказ «Драгоценности марсианской короны» («Martian Crown Jewels») впервые опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в апреле 1959 года.

3. БРАУН, Фредерик (Brown Fredric). 1906—1972. Один из виднейших представителей юмористической и сатирической фантастики в США. Работал также в жанре детектива, причем был удостоен премий за детективные произведения. Объем его научно-фантастического творчества сравнительно невелик — около десятка романов и сборников рассказов, однако многие из них получили очень широкую известность (например, роман «Эта безумная Вселенная», рассказ «Арена», переведенный на русский язык). Многие рассказы Брауна по объему не превышают нескольких страниц (иногда это даже одна страница и менее), и представляют собой, с первого взгляда, шутки, но при внимательном рассмотрении часто обнаруживается, что они пародируют научно-фантастические штампы или даже имеют серьезный смысл. Рассказ «Выдающаяся личность» («Man of Distinction») опубликован впервые в журнале «Thrilling Wonder Stories» в феврале 1951 года; «Эксперимент» («Experiment») — в журнале «Galaxy» в феврале 1954 г.; «Естественно» («Naturally») — в «Beyond Fantasy Fiction» в сентябре 1954 г., «Вне игры» («The Dome») — в «Thrilling Wonder Stories» в августе 1951 года. Рассказ «Хобби» («The Hobbyist») взят из сборника «The Playboy Book of Crime and Suspence» (1966), составленного из рассказов, опубликованных в журнале «Плейбой» за несколько предыдущих лет.

4. БРЕДБЕРИ, Рей (Raymond Douglas Bradbury). Род. в 1920 г. Знаменитый автор, творчество которого охватывает много

областей (литература, театр, кино, телевидение) и жанров. Первоначальную известность получил своими фантастическими (в широком смысле) произведениями. Многие из них переведены на русский язык.

Рассказ «Подарок» («The Gift») впервые опубликован в журнале «Fantastic» в июле 1959 года.

5. БРЕККЕТ, Ли (Leigh Douglas Brackett). 1915—1978. Известная американская писательница, значительная часть творчества которой относится к области научной фантастики. В 1946 году вышла замуж за научного фантаста Э. Гамильтона, на творчество которого в течение более 30 лет их совместной жизни (до его кончины) оказывала большое влияние. Собственные произведения Ли Бреккет — это в основном «приключенческая» фантастика («космическая опера»).

Рассказ «Тени» («The Shadows») впервые опубликован в журнале «Startling Stories» в феврале 1952 года.

6. ГЭРРЕТ, Рендолл (Randall Phillips Garrett). 1927—1987. Американский писатель-фантаст, автор многочисленных рассказов и нескольких романов. Много произведений написано им в сотрудничестве с другими авторами (Силвербергом, Джанифером, Дэвидсоном, Картером) и под псевдонимами. Наибольшую известность Гэррету принесла серия произведений о «параллельной истории» Земли. Главным героем этой серии является лорд Дарси, детектив.

Рассказ «Джентльмены, обратите внимание» («Gentlemen please note») впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в октябре 1957 года.

7. ДИКСОН, Гордон (Gordon Rupert Dickson). Род. в 1923 г. Американский автор большого числа научно-фантастических романов и рассказов. Многие произведения написаны в сотрудничестве с другими (Андерсоном, Лоумером). В его творчестве силен рыцарско-приключенческий элемент с чертами колдовства («Мечи волшебство»). Наиболее известен цикл романов о наемных солдатах, участвующих в межзвездных войнах («Дарсай» или «Чилд»), первоначально состоявший из трех романов (за первый вариант одного из них он получил премию «Хьюго»), но затем дополненный.

Рассказ «Спасательная операция» («Rescue Mission») впервые опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в январе 1957 года.

8. ЖЕЛЯЗНЫ, Роджер (Roger Zelazny). Род. в 1937 г. Американский писатель. Считается одним из ведущих научных фантастов своего поколения. Его произведения часто включают значительный элемент «фэнтези», т. е. связаны с мифологией, парапсихологией и другими квазинауками. Наибольшую известность получила его «янтарная серия», состоящая к настоящему времени из десяти романов, посвященных некоей параллельной вселенной, связанной с нашей, и даже в некоторой степени управляющей ею.

Рассказ «Ауто-да-фе» («Auto-da-Fe») впервые опубликован в антологии «Dangerous Visions» в 1967 году.

9. КАРР А. (A. H. Z. Carr). Непрофессиональный литератор-американец. Работал в правительственной администрации. Опубликовал ряд книг по специальным вопросам и несколько рассказов в различных журналах.

Рассказ «Это не моя вина» («It is not my Fault») опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в июле 1960 года.

10. МУР, Уорд (Ward Moore). 1903—1978. Американский фантаст старшего поколения. Писал несистематически, и потому объем его творчества невелик. Однако его роман «Более зелено, чем вы полагаете» («Greener Than You Think») (1947) об экологической катастрофе, вызванной разрастанием сорняка под действием удобрений, получил большую известность, так же как и его роман «Наступает юбилей» («Bring the Jubilee») (1953) — об альтернативной истории, где Юг победил в гражданской войне с Севером.

Рассказ «Парень, который женился на дочке Мэксилла» («The Fellow Who Married the Maxill Girl») впервые опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в феврале 1960 г.

11. НАЙВЕН, Ларри (Larry Niven). Род. в 1938 г. Один из представителей сравнительно «молодых» американских авторов научной фантастики. В отличие от многих других писателей этого поколения — пишет в более «классическом» стиле, приближающемся к так называемой «космической опере». Наиболее известен его роман «Кольцеобразный мир», за который Найвен получил обе наиболее престижные научно-фантастические премии («Хьюго» и «Небула»). Найвену присужден также ряд премий за другие произведения. Многие его рассказы (и часть романов) укладываются в общую схему истории будущего, названную им «Известное пространство».

Рассказ «Здесь бывают приливы» («There is a Tide») впервые опубликованный в журнале «Galaxy» в 1968 году, тоже входит в этот цикл.

Л. Найвен сотрудничал с другими авторами. В романе «Инферно», написанном вместе с Дж. Пурнеллом, использованы мотивы Данте.

12. ОЛИН, Ричард (Richard Olin). Американский писатель-фантаст. Рассказ «И каждый день среда» («All Day Wednesday») впервые опубликован в журнале «Analog Science Fiction» в мае 1963 года.

13. ПЕЙДЖ, Джеральд (Gerald W. Page). Английский фантаст. Автор нескольких рассказов.

Рассказ «Счастливчик» («The Happy Man») впервые опубликован в журнале «Analog Science Fiction» в марте 1963 года.

14. РЕЙНОЛДС, Мак (Reynolds Mack). 1917—1983. Американский автор, журналист и политический деятель. Был много лет активным членом социалистической партии США (отец Рейнолдса был кандидатом в президенты). Многие его произведения объединены в серии, например, о галактической службе безопасности. Большая группа произведений посвящена истории будущего, однако на альтернативной основе (то есть построение моделей будущего основано на разных политико-экономических теориях). Довольно много у П. Рейнолдса и чисто приключенческих вещей. Он пользовался большой популярностью среди любителей фантастики.

Рассказ «Толкач» («Expedito») впервые опубликован в журнале «Analog Science Fiction» в мае 1963 года.

15. СПРЭГ-де-КАМП, Лайон (Lyon Sprague de Camp). Род. в 1907 г. Широко известный американский писатель, работающий в жанрах научной фантастики и научно-популярной литературы. Наряду с «чистой» научной фантастикой автор ряда произведений в жанре «фэнтези» (типа «рыцарско-волшебной»), где продолжал цикл популярного мастера Роберта Ховарда об искателе приключений Конане. Научно-фантастический роман де-Кампа «Чтобы не

наступила тьма» (1939) о попытке путешественника во времени предотвратить падение античной цивилизации считается одним из классических произведений в этом жанре. Многие циклы рассказов и романов де-Кампа (часто в соавторстве) также заслужили высокую оценку.

Рассказ «Аристотель и оружие» («Aristotle and the Gun») опубликован впервые в журнале «Astounding Science Fiction» в феврале 1958 г.

16. СИЛВЕРБЕРГ, Роберт (Silverberg Robert). Род. в 1936 г. Один из популярнейших научно-фантастических авторов так называемого «нового поколения». В 1956 году получил премию «Хьюго» как «наиболее многообещающий молодой автор». Чрезвычайно плодовитый и многосторонний автор. (Кроме научной фантастики — научно-популярные и другие книги.) Лауреат нескольких премий «Хьюго» и «Небула». Использовал также ряд псевдонимов (в том числе и в соавторстве). Многие произведения Силверберга относятся к «психологической» фантастике, где главное место отводится психологии героев в необычных (фантастических) обстоятельствах, однако он часто трактует и «обычные» научно-фантастические темы — космическое путешествие, путешествие во времени, вторжения пришельцев, будущее человечества и др.

Рассказ «Скрытый талант» («Hidden Talent») впервые опубликован в журнале «If» в апреле 1957 года.

17. ТАББ, Эдвин (Edwin Charles Tubb). Род. в 1919 г. Один из самых известных и плодовитых английских научных фантастов и издателей научно-фантастической литературы. Много произведений опубликовал под псевдонимами, которых у него около пятидесяти. Наряду с более серьезными произведениями писал и много чисто развлекательных книг. Очень популярны две его серии — о приключениях секретного галактического агента Кеннеди (17 книг) и космического авантюриста Ирла Дюмареста (25 книг, серия продолжается).

Рассказ «Колокольчики Ахерона» («The Bells of Acheron») впервые опубликован в журнале «Science Fantasy» в апреле 1957 года.

18. ШААРА, Майкл (Michael Shaara). Американский фантаст. Автор ряда научно-фантастических рассказов, напечатанных в пятидесятые годы. В дальнейшем отошел от научной фантастики. Получил в 1975 году премию Пулитцера за реалистический роман «Ангелы-убийцы».

Рассказ «Книга» («The Book») впервые опубликован в журнале «Galaxy» в ноябре 1953 года.

19. ШЕКЛИ, Роберт (Robert Sheckley). Род. в 1928 г. Один из ведущих авторов научной фантастики американского «среднего» поколения. Особенно известны его рассказы и повести, хотя и некоторые из его немногочисленных романов (например, «Путешествие в послезавтра», «Корпорация «Бессмертие» и другие) также получили высокую оценку. В творчестве Шекли очень сильны элементы юмора и сатиры («Билет на планету Тринай», «Травмированный» — переведены на русский язык).

Рассказ «Рыболовный сезон» («Fishing Season») впервые опубликован в журнале «Thrilling Wonder Stories» в августе 1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. КАН. Инакопишущие	3
--------------------------------	---

Иные миры

Л. БРЕККЕТ. Тени. <i>Перевод Г. Усовой</i>	8
М. ШААРА. Книга. <i>Перевод Г. Усовой</i>	26
Г. ДИКСОН. Спасательная операция. <i>Перевод М. Гилинского</i>	44
П. АНДЕРСОН. Драгоценности марсианской короны. <i>Перевод В. Кана</i>	65
Э. ТАББ. Колокольчики Ахерона. <i>Перевод А. Прокофьевой</i>	83
Л. НАЙВЕН. Здесь бывают приливы. <i>Перевод Г. Усовой</i>	93

Иные времена

Р. БРЕДБЕРИ. Подарок. <i>Перевод К. Васильева</i>	110
Р. ЖЕЛЯЗНЫ. Ауто-да-фе. <i>Перевод В. Кана</i>	113
Дж. ПЕЙДЖ. Счастливцев. <i>Перевод Н. Ермаковой</i>	120

Иные люди

У. МУР. Парень, который женился на дочке Мэксилла. <i>Перевод Г. Усовой</i>	148
Р. СИЛВЕРБЕРГ. Скрытый талант. <i>Перевод И. Кошкина</i>	171

Иная история

Г. ДИКСОН. Прислушайся. <i>Перевод В. Романова</i>	194
Р. ОЛИН. И каждый день среда. <i>Перевод А. Прокофьевой</i>	202
А. АЗИМОВ. Последняя проблема. <i>Перевод В. Кана</i>	214
Л. СПРЭГ де КАМП. Аристотель и оружие. <i>Перевод А. Прокофьевой</i>	228
Р. ШЕКЛИ. Рыболовный сезон. <i>Перевод К. Плешкова</i>	266
М. РЕЙНОЛЬДС. Толкач. <i>Перевод А. Прокофьевой</i>	279
Р. ГЭРРЕТ. «Джентльмены, обратите внимание». <i>Перевод А. Прокофьевой</i>	305
Ф. БРАУН. Вне игры. <i>Перевод М. Гилинского</i>	326

Шутки... но со смыслом

Ф. БРАУН. Выдающаяся личность. <i>Перевод М. Гилинского</i>	336
Ф. БРАУН. Эксперимент. <i>Перевод М. Гилинского</i>	345
Ф. БРАУН. Хобби. <i>Перевод М. Гилинского</i>	347
Ф. БРАУН. Естественно. <i>Перевод М. Гилинского</i>	349
А. КЭРР. Это не моя вина. <i>Перевод В. Кана</i>	350
Справки об авторах	364

